РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Полюдьё в X–XVI вв.

*Наследование княжеской власти
в Древней Руси*

В поисках Ипатьевской летописи

Новые документы об Афонском сражении

*Драгомировская дивизия
перед русско-турецкой войной*

*Русское офицерство
накануне Первой мировой войны*

Морские офицеры в 1917–1921 гг.

Бюрократия и высшее образование в 1870-е гг.

Крах столичного банка и его последствия

Власть и рынок в блокадном Ленинграде

75 лет советскому атомному проекту

Человек двух культур Н. А. Струве

Труды и школа В. И. Бовыкина

МОСКВА
НАУКА

6
ноябрь
декабрь
2017

Р.Г. ПИХОЯ

(и.о. главного редактора)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

История полюдь в средневековой Руси (X–XVI вв.)

Пётр Стефанович

The history of *poliud'e* in medieval Rus' from the 10th through the 16th centuries

*Petr Stefanovich (National Research University Higher School of Economics,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Полюдь известно главным образом как архаический способ эксплуатации подчинённого населения в Киевской Руси IX–X вв. В таком смысле о нём много писали в исторической литературе¹. Между тем полюдь существовало на землях Древней Руси до середины XVI в., но данные о «позднем» полюдь малоизвестны и комплексно никогда не исследовались. Если на эти данные и обращали внимание, то только как на отражение неких «пережитков». Почему, как и где эта «архаика» дожила до Раннего Нового времени – эти вопросы не исследовались. Настоящая работа ставит целью обобщить данные о древнерусском полюдь и показать, что этот институт претерпевал со временем заметные изменения, а его существование и исчезновение связаны с важными социально-экономическими процессами в истории средневековой Руси.

Знаменитое описание древнего полюдь оставил Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (около 950 г.). Византийский император явно излагал наблюдения своего современника, знакомого непосредственно с русью, которая обитала в Среднем Поднепровье, и даже с древнерусским языком. В девятой главе трактата он характеризовал «зимний и суровый образ жизни росов» следующим образом: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в *полюдия*, что именуется “кружением”, а именно – в славинии вервианов, другувитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лёд на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают их и отправляются в Романию»². Венценосный писатель приводит славянское слово (в греческой транскрипции – τὰ πολύδια), которым русь обозначала это явление, выглядевшее для греков странным и чуждым. Но перевод слова («кружение») предлагается не прямой, по этимологии, а отсылающий к сути самого института как объезда территории.

Обычно с этим свидетельством (многократно комментированным) сопоставляется летописное описание похода киевского князя Игоря к древлянам в середине 940-х гг.³ Само слово «полюдь» здесь не употреблено, но некоторые

© 2017 г. П.С. Стефанович

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00327.

¹ См. обзор литературы: *Темушев С.Н.* Налоги и дань в Древней Руси. Минск, 2015. С. 130–143.

² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51. Здесь же см. комментарии (С. 292, 329–331).

³ См. в двух несколько различающихся летописных версиях: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 109–112; ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2 / Изд. Е.Ф. Карский. Л., 1926. Стб. 54–57.

детали говорят о том, что фактически имелся в виду такой же зимний объезд подчинённого населения с целью «прокормления», о котором рассказывал Константин. Отражение практики полюдья, распространённой среди восточных славян, видят также в сообщениях арабских писателей ибн Русте и Гардизи, восходящих, видимо, к географическому трактату IX в. ибн Хордадбеха⁴.

Сущность явления, отразившегося в этих свидетельствах, вызывает разногласия — был ли это объезд только с целью прокормления (как представляет дело Константин) или ещё и с другими задачами, например, сбора дани, суда, управления и отправления культа. Предпринятый недавно подробный анализ летописных свидетельств в сравнении с данными Константина, арабских писателей, а также аналогиями в других регионах средневековой Европы заставляет согласиться с учёными, понимающими полюдье как «полифункциональный» институт. Вместе с тем выясняется, что полюдье ещё в Киевской Руси IX–X вв. претерпевало некоторую эволюцию⁵.

Древнейший (первоначальный) обычай «славиний» заключался в том, что правитель или глава «племени» (князь или кто бы то ни был) объезжал население и собирал подати в той или иной зависимости от размера или, точнее, увеличения семьи и рода (об этом говорит сообщение ибн Русте). Это и было полюдье. Такой порядок надо поставить в связь с архаическим представлением об ответственности главы (правителя) той или иной общности за плодородие и мир в ней. Правитель был обязан поддерживать благоденствие среди населения, признающего его власть, а оно «кормило» его⁶. К. Модзелевский находит корни этого представления в идеях родовой связи общности и личной ответственности главы этой общности как «великого родственника» за её процветание⁷. Собираемые подати были не слишком обременительными, но, главное, мыслились как добровольные дары. На этом этапе объезд имел, вероятно, культовый характер, что позволяет сопоставить его с норвежской вейцлой — пиршествами, совершавшимися в ходе аналогичного объезда территории вождём (правителем) и имевшими прежде всего религиозный смысл⁸.

В X в. цели и суть объезда переместились в прагматическую и экономическую сторону. Русь, подчинившая славянские и другие народности Восточной Европы, во время полюдий не только кормилась, но и собирала дань. О формах и размерах этой дани летопись даёт неоднократные и недвусмысленные указания⁹. Видимо, сбор дани приурочивался к уже существующему порядку объезда с угощением и сбором подарков, и, хотя сборы становились обязательными-принудительными, некоторый «антураж» добровольности оставался.

⁴ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 295, 305, 404.

⁵ Стефанович П.С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: Сборник статей. М., 2014. С. 19–74.

⁶ Ср.: Třešník D. Počátky přemyslovské státnosti mezi křesťanstvím a pohanstvím // Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně / Ed. M. Wihoda, D. Malat'ák. Brno, 2006. S. 25–46.

⁷ Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 401–425.

⁸ Hultgård A. Kultische Umfahrt // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 17. Berlin; N.Y., 2001. S. 437–442. Ср.: Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 89–149.

⁹ Свердлов М.Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей М., 1978; Капитанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 57–71.

О первоначальной связи полюдья с отношениями взаимности между правителем и населением свидетельствуют упоминания полюдья в источниках XII–XIII в., прежде всего, свидетельство жалованной грамоты князей Мстислава и Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйцы¹⁰. В грамоте сказано, что помимо «даней», вир и продаж с этой волости, а также других пожалований, монастырь получал «осеньнее полюдие даровное поль- третиядесяте гривнь» (т.е. 25 гривен). Полюдые здесь называется «даровным», т.е. мыслится как дар – добровольное приношение.

В то же время в грамоте полюдые имеет принципиально иной характер по сравнению с более древними известиями. Как доказывает А.А. Гиппиус, полюдые жалуются Всеволодом в дополнение к пожалованиям Мстислава как особая подать¹¹. Эта подать имеет определённый размер – 25 гривен. Полюдые здесь – не объезд как таковой, во время которого производятся разные действия, а налог, передаваемый князем другим лицам или институтам – в данном случае монастырю. Это, конечно, новое явление, но выросшее из древних корней. Это полюдые выступает в роли фиксированной платы в пользу князя (фактически откуп) вместо тех расходов, которые местное общество должно было бы нести во время княжеского объезда. Плату князь может перевести в пользу иных лиц.

В таком виде полюдые фигурирует и в уставной грамоте князя Ростислава Смоленской епископии 1136 г.¹² Смоленский князь передаёт епископу долю (десятую часть) от своих доходов в виде «истых кун», т.е. в денежных (или квази-денежных) средствах, главным образом, от дани в погостах и волостях. При этом специально оговаривалось, что доходы от полюдья (а также от судебных штрафов – продаж и вир) не учитываются. Но в двух пунктах – Копысе и Лучине, городках на Днепре, выполнявших торговые и военные функции, – дань не собиралась (видимо, в силу специфики этих поселений), и здесь князь в доходах, из которых выбиралась епископская десятина, учитывал и полюдые. Полюдые собиралось в виде подати точно определённой суммы – четыре гривны с Копыси и несколько гривен (точное число пропущено из-за дефекта в рукописи) с Лучина. Замечу, что размер полюдья как налога мог колебаться – 25 гривен с Буйцев и 4 гривны с Копыси. Столь сильные колебания можно объяснить только прямой зависимостью сбора от налогооблагаемой базы, т.е. как следствие того, что на разных территориях проживало разное количество людей, обязанных выплачивать подать (налогоплательщиков).

В домонгольское время полюдые сохранялось и в более древней форме – как объезд, совмещавший кормление с разными административно-фискальными делами. Так о нём говорится в нескольких летописных известиях, относящихся к середине XII – началу XIII в. и касающихся Ростово-Суздальской земли¹³. Эти известия кратки и однотипны: говорится, что князь в тот или иной момент находился не в столице, а «в полюдии» в тех или иных городах его княжества. По смыслу и контексту этих сообщений очевидно, что под полюдыем имелся в виду не налог, а поездка князя по подчинённой ему территории, имевшая

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. № 81. С. 140–141.

¹¹ Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 114–115.

¹² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 141–143.

¹³ См. анализ этих известий: Стефанович П.С. Полюдые по летописным данным 1154–1200 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 4. С. 97–103.

самые разные цели. Так, Юрий Долгорукий, будучи в 1154 г. в полюдь, заложил город Дмитров, названный в честь святого покровителя родившегося тогда его сына Всеволода-Дмитрия¹⁴. Очевидно, это полюдь Юрия представляло собой не кратковременную «деловую поездку», а сравнительно масштабное и длительное предприятие, в которое князь посчитал возможным взять с собой жену, находившуюся на сносях. Вероятно, оно проходило по населённым пунктам, где могли жить сравнительно долго и удобно не только князь со своим окружением, но его беременная жена, — погостам и станам, специально предназначенным для таких путешествий-проживаний.

В таком же древнем широком значении полюдь упоминается в одной берестяной грамоте конца XII в. (сохранившейся в обрывках). Её автор, находясь где-то на реке Паше, сообщает в Новгород: «[три раз]ы ти есм[ь] ходил в полюдие семо» («я ведь три раза ходил здесь в полюдь»)¹⁵. Выражение «ходил в полюдь» подразумевает объезд территории. Основное течение Паши (притока Свири, впадающей в Ладожское озеро) проходило по области расселения вепсов (древнерусской веси), и эти земли в Обонежской пятине выделялись (наряду с некоторыми другими) в Новгородской республике в «дар» князьям для их содержания, пока они занимают новгородский престол. По-видимому, автор грамоты ходил в полюдь к вепсам-веси либо с самим князем, либо с лицами, им на то уполномоченными.

Это — уже второе упоминание полюдья в Новгородской земле (после указания на полюдья в грамоте Юрьеву монастырю). Два свидетельства говорят против тезиса, выдвинутого В.Л. Яниным о «существенной разнице между организацией фиска в Киеве и Новгороде»¹⁶. Согласно Янину, в Новгороде не было полюдья как объезда князем подчинённой территории; если киевское полюдь позволяло князю произвольно определять налоги и распределять собранные ценности, то в Новгороде сбор налогов контролировался боярством, и долю княжеских доходов установили в некоей пропорции по отношению к доле боярства (тем самым ограничив её). В рассуждениях историка эта мысль должна поддержать теорию о «ряде» (договоре), о котором рассказывает «Сказание о призвании варягов» и который якобы заключили в Новгороде знать северной «конфедерации племён» и «призванные» варяги¹⁷. На самом деле, как видим, полюдь известно и в Новгороде, причём в XII в. в разных формах, представляющих два этапа его эволюции. На северо-западных окраинах Новгородской земли (Обонежье), где не было частного землевладения, и властям приходилось иметь дело напрямую с общинами, полюдь сохранялось в более древней форме объезда (видимо, княжеского), а в Буйцах, волости, расположенной в более развитом регионе (на Ловати на пути «из варяг в греки»), полюдь уже превратилось в налог.

Таким образом, в домонгольское время полюдь сохранялось ещё в виде княжеского объезда подвластной территории, но в ряде случаев получило более узкое (специализированное) значение одного сбора (подати). Этот сбор в виде

¹⁴ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 102.

¹⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 409.

¹⁶ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62.

¹⁷ Критику теории договора см.: Стефанович П.С. «Призвание варягов» — был ли договор населения с князем? // Русь в IX–X вв. Общество. Государство. Культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 80–81.

сумм, определённых с некоей территории (общины), князя либо получали сами, либо передавали другим лицам и институтам как особое пожалованье.

Значительный корпус данных о полюдье представляют документы (частные акты и земельные описания) XV – середины XVI в., происходящие из разных древнерусских областей, оказавшихся в составе Польского королевства и Великого княжества Литовского¹⁸. Во всех этих документах полюдье выступает уже только в виде налога, хотя в ряде случаев явно прослеживается его генетическая связь с древними княжескими объездами. Некоторые из этих данных, относящиеся к белорусским землям, собрал недавно А.И. Груша¹⁹. Более древние и интересные упоминания относятся к землям украинским, и на них обращали внимание М.В. Довнар-Запольский, М.С. Грушевский и П.Г. Клепатский, расценивая это «позднее» полюдье как «пережиток» эпохи Киевской Руси²⁰.

Древнейшее в этом корпусе упоминание полюдья содержится в грамоте Витовта 1411 г. Виленскому епископу на несколько сёл²¹. Грамота составлена на латыни по польским образцам. В числе доходов, которые должны поступать в пользу епископа с одного из сёл, расположенного в Свислочской волости (видимо, область на реке Свислочи, притоке Березины, к юго-востоку от Минска²²), упоминается «modo stacionis poludze appellato». Полюдье (переданное на латыни оригинальным славянским словом «poludze») здесь отождествляется со стацией (stan, stacio) – податью в средневековой Польше, известной с конца XIV в. и в Великом княжестве Литовском. Стация изначально подразумевала обязанность населения обеспечивать быт и пропитание правителя и/или его агентов во время их поездок по территории государства, но в позднее Средневековье она представляла собой уже налог – определённую сумму, выплачивавшуюся в пользу правителя или господина²³.

В инвентарях Киевского княжества 1470–1480-х гг. по Житомиру с округой, Ратенского староства (Холмская земля) 1500–1570 гг. и Пинского староства (округа Пинска) 1561–1566 гг. полюдье выступает одним из государственных налогов с сельского населения – в перечислениях, как правило, вторым после

¹⁸ За ценные указания по работе с этими документами приношу благодарность А.И. Груше и С.В. Полехову. Углублённый их анализ ещё предстоит.

¹⁹ *Груша А.И.* Палюддзе на Беларусі // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: Зборнік навуковых прац удзельнікаў Другой Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» / Укладальнік І.А. Пушкін. Магілёў, 2001. С. 26–30. В важной работе историка допущена, к сожалению, одна ошибка. Автор расценил как упоминание полюдья топографическое указание в одной грамоте 1388 г. с использованием латинского слова «paludes» (Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Zebrał i wydał J. Ochmański. Warszawa; Poznań, 1986. S. 15–16). На самом деле, это множественное число от латинского *palus* – «болото», и о полюдье здесь речи не идёт.

²⁰ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. С. 89–102; *Грушевский М.С.* История Украины-Руси. Т. V. Львів, 1905. С. 120–132; *Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1: Литовский период. Одесса, 1912. С. 481–482.

²¹ Vitoldiana... S. 31.

²² Так считает А.И. Груша: *Груша А.И.* Указ. соч. С. 28.

²³ *Modzelewski K.* Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław, 1987. S. 86–92.

собственно дани²⁴. Налог взимался мёдом, куницами (куньим мехом) или деньгами. Его ставка (относительно небольшая) более или менее фиксирована и привязана к старинным хозяйственно-податным единицам — «земле» на Киевщине и «дворищу» в Холмской и Пинской землях. В отличие от обложения данью (основным налогом), при указании полюдья реальная состоятельность этих единиц во внимание не принималась. Например, в Пинском старостве везде сумма полюдья одна и та же: с одного дворища 7 грошей 4 пенязей, сколько бы земли и людей в нём ни было, причем дворища могли составлять от одного до шести и больше уволок. Размеры ставок налога и манера его раскладки заставляют думать, что налог восходит к глубокой древности (т.е. назначался тогда, когда «земли» и «дворища» составляли стандартные налоговые единицы, сопоставимые по экономическому потенциалу) и в денежном виде заменил некие натуралии (т.е. был коммутирован)²⁵.

Коронные писцы, описывавшие Ратенское староство в 1560-х гг., сравнивали полюдье, с одной стороны, с данью, шедшей в пользу казны, а с другой — со стацией, «почтом» (почестью) или «поклоном», положенными представителям местной администрации. Колебания объяснялись, видимо, отчасти тем, в каком виде поступало «полюдье», — с каких-то «дворищ» в виде мёда (тогда он походил больше на дань медовую), а в каких-то случаях деньгами (тогда на стацию или поклон). Ни сути, ни происхождения сбора писцы (а может быть, и сами «данники») уже не понимали. Один из них дал такие забавные «этимологические» пояснения о полюдье: «Медовую дань платят тремя способами: одну называют данью, или осенним; другую называют полюдьем, так как из-за размножения людей множится и дань; третью называют бобровничим»²⁶. Попытка установить связь налога под названием *по-людье* с ростом количества *людей*, обязанных его платить, является типичным примером «народной этимологии» (хотя, конечно, верно осознано само родство слов).

Несколько частных пожалований представляют собой аналогию жалованной грамоте Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г. В 1427 г. некий князь Долгодат выделил киевскому Никольскому монастырю землю, с которой шли разные подати, в том числе полюдье²⁷. Правда, происхождение и датировка этого пожалования вызывают сомнения. Дело в том, что запись о пожаловании помещена в рукопись, описанную в XIX в., но затем пропавшую. В XX в. высказывалось мнение, что эта рукопись создана только в XVI в.²⁸, и запись, в таком случае, можно считать более поздней подделкой.

²⁴ Люстрация Киевской земли ок. 1471 г. // Архив Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Ч. VII. Т. II. Киев, 1890. С. 1–9; Описи Ратенского староства з 1500–1512 р. / Подав М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1898. Т. XXVI. С. 1–40; Жерела до історії України-Руси. Т. VII: Описи королівщин в руських землях XVI віку. Т. IV: Люстрація 1570 р. / Вид. під ред. М. Грушевського. Львів, 1903; Писловая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Воиною (с переводом на русский язык). Ч. I–II. Вильна, 1874.

²⁵ Грушевський М.С. Указ. соч. С. 127.

²⁶ «Myodowa dań troyakiem sposobem skladayą; jeden zową danni, albo yeszienni; drugi zową polyudziem, bo za przimnozaniem lyudzi mnozi się y dań; trzeci zową bobrowniczi» (АЮЗР. Ч. VII. Т. II. С. 282).

²⁷ Розов В. Українські грамоти. Т. I: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928. № 58. С. 108.

²⁸ Визирь А.П. Собрание книг XV столетия в отделе рукописей ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 69.

В 1447 г. литовский сановник Петр Гедигольдович основал церковь в Радошковичах (недалеко от Минска, позднее староство в Минском повете), предоставив ей земли с людьми, выплачивавшими полюдь в виде нескольких бочек мёда²⁹. В 1491 г. княгиня Кобринская подарила Спасскому монастырю в Кобрине (Волынь) село со всеми «дачками», включая полюдь³⁰. В 1499 г. некий дворянин Ивашко Пашкевич получил от великого князя семь дворищ в Луцком повете с людьми и всеми пошлинами, в том числе «и съ тою пошлиною, што на замок нашъ Лучоскъ старосте на полюде на годъ дають по копе грошей»³¹. В том же году пожалование получил «пан» Кмита Александрович на село в Житомирском повете, сообщив, что «данники» того села дают «дани толко полтретя ведра меду а осмь ведерь полюдя»³². В 1507 г. Семён Романович из рода Волчковичей пожаловал игумену и братии киевского Пустынно-Николаевского монастыря половину села Шепеличи на Припяти с правом «полюдовати» к жителям села или, если «которое осени не пойдут», получать вместо того «короман меду» и «дару куницу» и «на слуги десять грошей»³³.

В ряде документов полюдь выступает среди наместничьих кормов с волощан³⁴. Это вполне понятно: полюдь изначально полагалось правителю (князю), объезжающему территорию, но князья, перестав совершать эти объезды, передали этот сбор тем, кто ездит вместо них — своим наместникам. В таком виде полюдь собиралось в великокняжеских волостях: упомянутой уже Свислочской волости, Могилёвской (обе — области бывшего Полоцкого княжества, современная Белоруссия), Чечерской (древнерусское Черниговское княжество, современная Белоруссия), Пропойской, Кричевской (обе — древнерусское Смоленское княжество, современная Белоруссия) и Бчицкой (Мозырьский повет; древнерусская Киевская земля, современная Белоруссия).

Об этих сборах мы знаем, как правило, из документов, возникших вследствие тех или иных конфликтов между державцами (наместниками) и населением. Из этих споров выясняется, в частности, что в разных местах практика сбора полюдя «не была одинакова: в одних волостях удержался фактический въезд державцы или его наместников, в других волость сама собирала полюдь и представляла наместнику»³⁵. При первом варианте фактически практиковалась более древняя форма полюдя как объезда, когда населению следовало принимать приехавших «кормиться» и когда возможностей для злоупотреблений было больше. Второй вариант — сбор полюдя как налога в установленных формах и размерах без «приёма гостей» — был

²⁹ Kodeks dyplomatychny katedry i diecezji Wileńskiej. T.I. Zeszyt 1 (1387–1468) / Wydali J. Fijałek, W. Semkowicz. Kraków, 1932. № 187. S. 211–212. Благодарю А.И. Грушу за указание на это свидетельство.

³⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 2. СПб., 1863. № 32. С. 23–24.

³¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XVII. СПб., 1910. Стб. 781.

³² Акты Литовской метрики / Собр. Ф.И. Леонтович. Т. 1. Вып. II. Варшава, 1897. № 452. С. 12. Тот же документ в переиздании Литовской метрики: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 294. P. 193.

³³ АЮЗР. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883. № 5. С. 10.

³⁴ См.: Грушевский А.С. Господарския уставы о доходах наместников-державцев. Пг., 1916. С. 18–21. Документы указаны в упомянутой выше работе А.И. Груши.

³⁵ Грушевский А.С. Указ. соч. С. 20.

предпочтителен для волощан, и они сознательно боролись за него. Например, в 1522 г. король Сигизмунд I, отвечая на жалобу жителей Кричевской волости, запретил наместнику Василию Семёновичу Жилинскому творить «кривды великие и новины». Среди претензий жителей, пересказываемых в листе, отмечена и такая: «И на полюде деи до них у великомъ почте ездить, а передъ тымъ деи первые державцы наши до них на полюде не ездживали»³⁶. Получается, наместник пытался сам «ездить» в полюдые в Кричевской волости (вероятно, так, как он сам или другие державцы делали это в других местах), но, как выяснилось, в этой области население такого обычая уже не знало и соглашалось лишь привозить продукты или деньги в волостной центр по установленным нормам. Различное понимание полюды и борьба волощан и державцев из-за него были возможны в условиях сохранения «старины» фискального порядка. С началом аграрной реформы в 1560-х гг. (волочной померы) термин «полюдые» исчезает из источников.

География упоминаний полюдые в древнерусских областях, оказавшихся после монгольского нашествия вне системы Владимирского великого княжения, такова: они приходятся на южную часть Полоцкой земли, верхнее Поднепровье в полоцко-черниговско-смоленском пограничье, правобережное Полесье, Волынь и Киевщину. География получается довольно широкой, и, учитывая случайность в сохранности документации, мы имеем основания думать, что полюдые в Древней Руси было распространено тоже весьма широко и известно, скорее всего, во всех землях-княжествах, или, по крайней мере, в большинстве.

На этом фоне нельзя не обратить внимания на то, что из документов Новгорода и Северо-Восточной Руси того же времени о полюдые ничего не известно. Судя по домонгольским летописям, владими́ро-суздальские князья прекрасно знали, что такое полюдые. Между тем с начала XIII в. ни летописи, ни акты, ни земельные описания, никакие иные источники, происходящие из земель Руси, зависимых от монголов (затем Орды), о полюдые не упоминают. Есть, правда, упоминания неких пошлин под названиями «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных грамотах ростовских и пермских архиереев конца XV – XVI в. На эти упоминания обратил внимание В.Д. Назаров и попытался поставить их в связь с древним княжеским полюдыем³⁷. Подробный анализ соответствующих данных во всех жалованных грамотах показал, что такой связи на самом деле нет³⁸. Эти пошлыны были частью системы обложения налогами приходского духовенства в пользу архиереев, развивавшуюся в епархиях, подчинённых митрополиту Московскому, по своим принципам, и не зависящую напрямую от государственной системы фиска. Название их объясняется как следование той же языковой

³⁶ Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. I (1390–1529 г.). М., 1899. № 162. С. 184–185.

³⁷ Назаров В.Д. Полюдые и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм): Чтения, посвящённые памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Ч. I. М., 1988. С. 169.

³⁸ Стефанович П.С. Полюдые и пошлыны «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных архиерейских грамотах XV–XVI вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвёртые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 80–84.

модели, по которой возникло понятие полюдья — от того же корня *люди*, но с иным значением, соответствующим новым условиям. Имелось в виду, что приходским клирикам следовало собирать пошлины в пользу архиереев и их чиновников с учётом количества прихожан — *людей* в их приходах.

По-видимому, ни объезд, ни налог под названием *полюдье* в «монгольской» и «пост-монгольской» Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (Владими́ро-Суздальской, Рязанско-Муромской и Новгородской землях) уже не существовали. Логика подсказывает, что причины исчезновения полюдья из административно-финансовой практики князей Руси, попавшей под ордынское «иго», надо искать в неких изменениях, произошедших в этой практике. Изменения происходили из-за того, что эти земли Руси были включены в систему эксплуатации, установленную монгольскими ханами, а затем поддерживаемую из Орды. Как хорошо известно, ключевым элементом эксплуатации была обязанность платить налоги в Империю или Орду.

Благодаря специальным работам можно представить, как монголы взимали налоги с покорённой Руси. В Северо-Восточной Руси и Новгороде систематическое налогообложение установлено в 1250-х гг. после переписи населения, когда оно было положено в «число». Как правило, монголы возлагали на покорённое население один косвенный налог (*tamga*) и два прямых. Один прямой налог являлся денежной выплатой со взрослого мужчины или домохозяйства (*qubchir*), другой собирался с земли обычно в виде продуктов сельскохозяйственного производства (*qalan*)³⁹. По русским источникам хорошо известен косвенный налог, так и называвшийся «тамгой». О прямом налоге источники говорят только об одном, называя его всегда одним словом — «дань». Что именно представляла собой эта дань, остаётся не совсем ясным, но летописи, упоминая её, всегда имеют в виду денежные выплаты (серебром). Главное, она собиралась со всех слоёв населения за исключением духовенства. Это очень важная новация по сравнению с домонгольской эпохой, когда значительная часть населения (по крайней мере, элита, а вероятно, и некоторые другие категории) не платила прямых налогов.

На большей части территории Великого княжения Владимирского натуральный налог (*qalan*), по-видимому, не собирался. По крайней мере, никаких известий о нём нет. Зато есть данные, указывающие, что этот налог знали в южных областях Древней Руси. По документам конца XV–XVI вв., происходящим из Польши и Великого княжества Литовского, известно, что в Подолии, на Волыни и Киевщине существовала особая категория зависимых людей, звавшихся «каланные (коланные)», которые были обязаны определёнными службами в пользу короля (великого князя). Следует согласиться с И.А. Линниченко, что изначально это были люди, которых монголы, завоевав Русь, целенаправленно определили для сельскохозяйственных работ и несения натуральных повинностей⁴⁰. Понятно, что если одна категория людей получила имя по названию налога, который была обязана выплачивать, то остальное население тем и отличалось от неё, что этого налога не платило. На Северо-Востоке такого налога монголы, может быть, вовсе не собирали по причине скудости сельскохозяйственного производства в этом

³⁹ *Allsen T.T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 144 et seq.

⁴⁰ *Линниченко И.А.* Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1894. С. 87, 92–97.

регионе. Возможно, обязанность платить этот налог возложили на какие-то отдельные, относительно незначительные, области и группы населения, но данных об этом не сохранилось.

Зато денежный налог собирался на Руси, подчинённой Орде, в немалом размере. В исторической литературе Средневековья и Нового времени он стал известен под именем «выхода», которое получил уже тогда, когда Владимирские великие князья стали сами собирать дань, причитающуюся татарам, и отправлять её в Орду (примерно с начала XIV в.)⁴¹. Для контроля над сбором налогов, а также над населением и местными властями монголы назначили специальных чиновников — баскаков⁴². Для их содержания и обеспечения их административной деятельности выделили особую группу населения — «численных людей» (очевидно, по тому же принципу, по которому для выплаты калана были определены другие группы). Как проходили перепись и установление налогов и какое недовольство населения это вызвало, хорошо видно из известного рассказа Новгородской летописи об обложении данью новгородцев в 1257–1259 гг.⁴³

Введение новых налогов, сопровождавшееся и созданием новой администрации, должно было кардинальным образом изменить налоговую систему Руси. В частности, в условиях разорения и хозяйственного упадка, последовавших за монгольским нашествием 1237–1240 гг., князья наверняка должны были отказаться от части доходов, традиционно шедших в их пользу. Мы знаем, что от косвенных налогов — по крайней мере, их большинства — князья не отказались: наряду с тамгой продолжали собираться домонгольские осьмничье, мыт и т.д. Сохранялись и традиционные трудовые повинности, несмотря на то что монголы ввели новую повинность — содержание почтовой службы (ям). Логично предположить, что в пользу монголов «перевели» домонгольские прямые налоги, которые как бы преобразовались в дань, требуемую новыми властителями. Полюдьё, которое, как говорилось выше, успело в домонгольское время эволюционировать в особый налог, как раз и было такой выплатой. Князья просто перестали собирать его, и все прямые налоги «сосредоточились» в одной выплате — дани, шедшей монгольским (ордынским) ханам.

Полюдьё сохранилось, таким образом, в областях, которые раньше попали под власть литовских князей и в меньшей степени испытывавших давление монголов. В других же землях князья, вынужденные согласиться на выплату монгольской дани и принять монгольских чиновников, отказались от полюдьё. Молчание о полюдьё источников, происходящих с территорий под контролем Орды, оказывается и неслучайным, и красноречивым — оно

⁴¹ О «выходе» и его размерах см. в недавних работах: *Langer L.* Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus' // *Russian History/Histoire Russe*. 2007. Vol. 34. № 1–4 (*Festschrift for Richard Hellie*. Pt. 1). P. 101–129; *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник*. Т. 10(157). Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 58–79. О самом названии: *Golden P.* Vuxod: Aspects of medieval eastern Slavic-Altai culture-linguistic relations // *Golden P.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. by C. Hriban. Bucureşti; Brăila, 2011. P. 393–412.

⁴² *Маслова С.А.* Баскачская организация на Руси: время существования и функции // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 1(51). С. 27–40; *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // *Исторический вестник*. Т. 10(157). С. 80–109.

⁴³ НПЛ. С. 82–83, 309–311.

свидетельствует о принципиальных изменениях, пережитых государственным управлением Московской Руси.

Полюдьё в древнерусских землях Великого княжества Литовского XV – первой половины XVI в. – это лишь одна из деталей налоговой системы этого государства, но деталь характерная. Она свидетельствует об архаичности и мозаичности налоговой системы, отразившей и сложную историю, и сложный состав государства. Способы обложения налогами и их сбора в Великом княжестве Литовском, в сущности, средневековые – приверженность «старине», сохранение локальных традиций, преобладание косвенных налогов в ущерб прямым, освобождение целых групп населения от обязательств перед казной, нарушение общих правил частными решениями и пожалованиями и т.д.⁴⁴

Совсем иначе дело обстояло в землях Северо-Восточной Руси, переживших перестройку налоговой системы в условиях монгольского владычества. Дань, тамга и ямская повинность, установленные монголами, в конце концов перешли в руки Рюриковичей. Сначала ордынские ханы только передали князьям сбор налогов, а затем, с постепенным ослаблением контроля и зависимости от Орды, князья стали описывать население и распоряжаться собранными налогами по своему усмотрению, выплачивая «выход» в фиксированных суммах. Тем самым русские князья получили развитую централизованную налоговую систему, охватывавшую практически всё население. Московские Калитовичи только несколько развили и усовершенствовали эту систему⁴⁵.

Эта система, общая для всего населения на всех территориях, попадавших под власть московских князей, позволяла выкачивать из подданных гораздо больше ресурсов, чем та, какая была в Великом княжестве Литовском в XV – первой половине XVI в. Она больше соответствовала общим тенденциям развития европейских государств Раннего Нового времени. В ней можно видеть одну из причин чудесного появления ex nihilo огромного государства на карте Европы в конце XV в. Не случайно в противостоянии с Великим княжеством Литовским Ивану III и Василию III долгое время сопутствовал успех. За этим успехом стояли ресурсы, а их давали налоги. В этом смысле распространённый взгляд на Московское государство как отсталое и архаическое, вынужденное «догонять» более развитых и прогрессивных западных соседей, едва ли оправдан. «Догонять» Москву пришлось Великому княжеству Литовскому, где в середине XVI в. началась широко-масштабная аграрно-фискальная реформа, приведшая к установлению нового строя налогообложения, в котором уже не было места полюдьё в любых его формах.

⁴⁴ Довнар-Запольский М.В. Указ. соч. С. 698–765.

⁴⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 16–17. Среди современных историков преемственность московского «сошного письма» к монгольской налоговой системе подчёркивает Л. Лангер: *Langer L. Op. cit. P. 129.*

О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси

Кира Гвозденко, Антон Горский

On the order of inheritance of princely power in Ancient Rus

Kira Gvozdenko (Moscow Kremlin Museums, Russia),

Anton Gorskiy (Institute of Russian

History, Russian Academy of Sciences, Moscow;

Lomonosov Moscow State University, Russia)

В исторической науке высказывались разные точки зрения относительно порядка наследования княжеской власти на Руси в домонгольский период. Согласно одной из них (идушей от С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского), преобладал принцип наследования по генеалогическому старшинству (по определению Ключевского — «очередной порядок»), когда власть передавалась не от отца к сыну (как позже, в XV–XVI вв., в Московской Руси), а от старшего брата к младшему, а после младшего из братьев — к его старшему племяннику (старшему сыну старшего из братьев в предыдущем поколении)¹. По другой точке зрения, единого признанного порядка наследования не существовало, на замещение столов могли действовать разные факторы, ни один из которых не доминировал². Высказывалось также мнение, что более значительную роль, чем принцип старшинства, играл принцип «отчины» — наследование стола, принадлежавшего ранее отцу³; при этом провозглашалось и утверждение, что на Руси «определяющим стал принцип княжеского наследования по прямой нисходящей мужской линии»⁴.

Прояснить вопрос можно было бы путем обобщения данных о переходе власти от одного князя к другому, что позволило бы увидеть, преобладал ли какой-то принцип наследования. Однако до сих пор такого рода попыток не предпринималось, за одним исключением: А.Р. Гушин провёл подобную

© 2017 г. К.С. Гвозденко, А.А. Горский

¹ *Соловьёв С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847; *Ключевский В.О.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1987. С. 182–197; *Kollmann N.S.* Collateral succession in Kievan Rus' // *Harvard Ukrainian studies*. Vol. 14. 1990. Иногда этот порядок именуют принципом «лестничного восхождения» на основе слов, вложенных под 1196 г. в уста черниговского князя Ярослава Всеволодича составителем Никоновской летописи (начало XVI в.): «Не буди ми отлучитися великого стола, и главы и славы всеа Руси Киева, но якоже и от прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княжение киевское, сиче же и намъ, и вамъ, возлюбленная и драгая братиа, лѣстичнымъ восхождениемъ кому аще Господь Богъ дастъ зыти на великое княжение великаго Киева, сего братие не разарайте, ни пресекайте» (ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 27). Более ранние летописи в изложении переговоров Ярослава с князьями — потомками Владимира Мономаха пассажа о «лестнице» не содержат; соответственно, в домонгольскую эпоху такой терминологии не существовало.

² *Франклин С., Шенард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 355–360, 383–384, 397–398; *Ostrowski D.* Systems of succession in Rus' and steppe societies // *Ruthenica*. Т. 11. Київ, 2012.

³ *Пресняков А.Е.* Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 1993. С. 27–135.

⁴ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 659.

работу в отношении Черниговского княжения и пришёл к выводу, что оно замещалось преимущественно по «старшинству»⁵. В настоящей статье проблема рассматривается на более широком материале — данных о сменах князей в Киеве и на главных столах крупнейших земель, сформировавшихся на Руси к XII столетию — Черниговской, Смоленской, Суздальской, Волынской и Галицкой.

Выбор столов и хронологические рамки по каждому из них обусловлены имеющимися данными и особенностями политического развития разных регионов Руси. Для Полоцкой, Рязанской, Муромской, Турово-Пинской земель сведения о членах местных княжеских ветвей Рюриковичей и порядке занятия ими главного стола земли неполны. Переяславская земля не закрепилась за определённым княжеским семейством. В Новгороде со второй трети XII в. князья приглашались местным боярством, и о наследовании стола речь не шла. Для Киева — столицы всей Руси — имеют значение данные только до 1139 г. В этом году киевский стол захватил черниговский князь Всеволод Ольгович, и с тех пор киевское княжение стало объектом борьбы сильнейших русских князей, представлявших разные ветви и, соответственно, разные земли (в первую очередь Черниговскую, Смоленскую, Волынскую и Суздальскую). О наследовании власти здесь уже не может быть речи, занятие киевского стола стало результатом межкняжеской борьбы и межкняжеских договоренностей (хотя князья в ходе этой борьбы и могли ссылаться на свои наследственные права). С другой стороны, в отдельных землях, где закрепились определённые княжеские ветви, вопрос о правилах наследования главных столов может ставиться только со времени утверждения той или иной земли за такой ветвью. Для Черниговского стола нижней датой следует считать 1097 г., когда по решению Любечского съезда князей территория будущей Черниговской земли была закреплена за потомками Святослава Ярославича, и черниговским князем стал один из его сыновей — Давыд Святославич. Для Смоленского стола — вокняжение около 1125 г. Ростислава Мстиславича, от которого пошла династия смоленских князей. Для главного стола Суздальской земли (им был сначала Суздаль, а затем Владимир) — вокняжение здесь в начале XII в. Юрия Владимировича Долгорукого. Для главного стола Волынской земли — Владимира-Волынского — вокняжение в нем в 1156 г. Мстислава Изяславича, родоначальника местной княжеской ветви. Наконец, для Галицкого стола — вокняжение в Галиче Владимира Володаревича в 1141 г. За верхнюю границу для перечисленных земель берется начало Батыева нашествия на Русь — 1237 г. Исключение — Галицкая земля, где такой границей является 1199 г., когда прекратилась местная княжеская ветвь и началась длительная (закончилась только в 1240-х гг.) борьба за «галицкое наследство» между князьями разных ветвей с участием членов венгерского королевского семейства.

⁵ *Гущин А.Р.* Черниговские князья в XI — первой трети XIII вв.: последовательность замещения великокняжеского стола // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Тезисы историко-археологического семинара. Чернигов, 1990. Существование в Черниговской земле во второй половине XII — начале XIII в. «очередного порядка» отмечали ранее М.С. Грушевский и А.Е. Пресняков (*Грушевский М.* История Украины — Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 202; *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 104—113, 135), при этом последний расценивал это как исключение в масштабе всей Руси.

Киев

945–946 гг.: место убитого древлянами Игоря Рюриковича занял его сын Святослав⁶ (при отсутствии у Игоря братьев)⁷.

972–973 гг.: после гибели Святослава Игоревича киевским князем стал его старший сын Ярополк⁸ (при отсутствии у Святослава братьев).

980 г.: Киев захватил силой младший брат Ярополка Владимир Святославич⁹.

1015 г.: по смерти Владимира киевский стол занял его старший на тот момент сын Святополк¹⁰ (при отсутствии у Владимира братьев).

1016–1018 гг.: Святополка изгнал из Киева его младший брат Ярослав, затем Святополк с польской помощью вернулся в Киев, но вскоре вновь был изгнан Ярославом¹¹.

1054 г.: место умершего Ярослава занял его старший сын Изяслав¹² (при наличии у Ярослава брата Судислава).

1068 г.: в результате восстания киевлян Изяслав изгнан, киевским князем стал двоюродный племянник Изяслава Всеслав Брючиславич¹³ (внук старшего брата Ярослава – Изяслава Владимировича).

1069 г.: Изяслав с помощью поляков изгнал Всеслава из Киева¹⁴.

1073 г.: Изяслава изгнали из Киева братья – Святослав и Всеволод. Киевским князем стал Святослав Ярославич¹⁵.

1077 г.: по смерти Святослава киевский стол занял его младший брат Всеволод Ярославич¹⁶ (при наличии у Святослава сыновей – Ярополка и Святополка).

1077 г.: Всеволод уступил Киев вернувшемуся из изгнания старшему брату Изяславу¹⁷.

1078 г.: после гибели Изяслава киевский стол вновь занял его младший брат Всеволод¹⁸ (при наличии у Изяслава сыновей).

1093 г.: по смерти Всеволода киевским князем стал его племянник Святополк Изяславич, сын Изяслава Ярославича (при наличии у Всеволода сыновей)¹⁹.

1113 г.: по смерти Святополка киевским князем стал его двоюродный брат Владимир Всеволодич Мономах²⁰ (при наличии у Святополка сына Ярослава).

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 55–57.

⁷ В договоре князя Игоря с Византией 944 г. вслед за послами Игоря, его сына Святослава и жены Ольги упоминается посол племянника киевского князя, тоже Игоря (Там же. Стб. 46). Если бы у Игоря были братья или другие, кроме Святослава, сыновья, послы от них упоминались бы раньше посла от племянника.

⁸ Там же. Стб. 74.

⁹ Там же. Стб. 75–79.

¹⁰ Там же. Стб. 130–132.

¹¹ Там же. Стб. 141–144.

¹² Там же. Стб. 161–162.

¹³ Там же. Стб. 167–173.

¹⁴ Там же. Стб. 173–174.

¹⁵ Там же. Стб. 182–183.

¹⁶ Там же. Стб. 199.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Стб. 201–204.

¹⁹ Там же. Стб. 215–218. Летописец указывает, что Владимир Всеволодич Мономах уступил киевский стол двоюродному брату, так как этот стол «преже» (т.е. до княжения Всеволода) принадлежал отцу Святополка.

²⁰ Там же. Т. 2. М., 2001. Стб. 275–276.

1125 г.: умершего Владимира Мономаха сменил его старший сын Мстислав²¹ (при отсутствии у Владимира братьев).

1132 г.: по смерти Мстислава киевский стол перешёл к его младшему брату Ярополку²² (при наличии у Мстислава сыновей).

1139 г.: по смерти Ярополка в Киеве начал княжить его младший брат Вячеслав²³ (при наличии у Ярополка сына).

Чернигов

1123 г.: умершего Давыда Святославича сменил Ярослав Святославич – следующий по старшинству брат²⁴ (при наличии у Давыда сыновей).

1127 г.: Ярослава Святославича изгнал племянник (старший сын его старшего брата Олега) Всеволод Ольгович²⁵.

1139 г.: Всеволода Ольговича, перешедшего на киевский стол, сменил его двоюродный брат Владимир Давыдович²⁶ (при наличии у Всеволода сыновей, а также родных братьев – Игоря и Святослава).

1151 г.: место погибшего в бою Владимира Давыдовича занял его младший брат Изяслав²⁷ (при наличии у Владимира сына Святослава).

1157 г.: занявшего киевское княжение Изяслава Давыдовича сменил двоюродный брат Святослав Ольгович²⁸ (при наличии у Изяслава сыновей).

1164 г.: по смерти Святослава Ольговича черниговский стол пытался занять его старший сын Олег, но после переговоров уступил его племяннику Святослава (старшему сыну его старшего брата Всеволода) Святославу Всеволодичу²⁹.

1180 г.: Святослава Всеволодича, занимавшего одновременно с черниговским киевский стол, сменил его младший брат Ярослав³⁰ (при наличии у Святослава сыновей).

1198 г.: умершего Ярослава Всеволодича сменил двоюродный брат (сын Святослава Ольговича) Игорь Святославич³¹ (при наличии у Ярослава сыновей).

1202 г.: по смерти Игоря Святославича в Чернигове начал княжить его двоюродный племянник Олег Святославич, старший сын Святослава Всеволодича³² (при наличии у Игоря сыновей).

1204 г.: Олега Святославича после его смерти сменил младший брат Всеволод³³ (при наличии у Олега сына).

²¹ Там же. Стб. 289.

²² Там же. Стб. 294.

²³ Там же. Стб. 302.

²⁴ Там же. Стб. 286.

²⁵ Там же. Стб. 289–291.

²⁶ Там же. Стб. 303.

²⁷ Там же. Стб. 438–440.

²⁸ Там же. Стб. 490.

²⁹ Там же. Стб. 522–524.

³⁰ Там же. Стб. 613.

³¹ Там же. Стб. 707–708.

³² Там же. Т. 1. Стб. 417, 426; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 104.

³³ Там же. Т. 1. Стб. 426; Т. 25. С. 104.

1212 г.: умершего Всеволода Святославича сменил следующий по старшинству брат – Глеб³⁴ (при наличии у Всеволода сына).

Середина или конец 1210-х гг.: по смерти Глеба Святославича в Чернигове вокняжился следующий по старшинству брат – Мстислав³⁵ (при наличии у Глеба сына).

1223–1225 гг.: после гибели Мстислава Святославича в битве на Калке черниговский стол занял его племянник Михаил Всеволодич, сын Всеволода Святославича (при наличии у Мстислава сыновей)³⁶.

1235 г.: Михаила, ушедшего на княжение в Галич, сменил двоюродный брат – Мстислав Глебович, сын Глеба Святославича³⁷ (при наличии у Михаила сыновей).

Смоленск

1159 г.: занявшего киевский стол Ростислава Мстиславича сменил его старший сын Роман³⁸ (при наличии у Ростислава брата Владимира).

1171 г.: занявшего киевское княжение Романа Ростиславича сменил его сын Ярополк³⁹ (при наличии у Романа братьев).

1172 г.: Роман, вынужденный уйти из Киева, возвратился на смоленское княжение, сменив сына⁴⁰.

1174 г.: занявшего киевское княжение Романа Ростиславича вновь сменил его сын Ярополк⁴¹ (при наличии у Романа братьев).

1175 г.: изгнанного смольнянами Ярополка Романовича сменил дядя (младший брат отца) Мстислав Ростиславич⁴².

1176 г.: потерявший киевское княжение Роман Ростиславич сменил младшего брата Мстислава⁴³.

1180 г.: по смерти Романа смоленским князем стал его младший брат Давыд Ростиславич⁴⁴ (при наличии у Романа сыновей).

1197 г.: по смерти Давыда смоленский стол занял его племянник Мстислав Романович, сын старшего брата Давыда – Романа Ростиславича⁴⁵ (при наличии

³⁴ Там же. Т. 25. С. 109. Имеется известие о вокняжении в Чернигове в 1210 г. Рюрика Ростиславича, представителя другой (смоленской) княжеской ветви (Там же. Т. 1. Стб. 435). Относительно его достоверности высказывались сомнения (см.: *Fennell J. Last years of Rjurik Rostislavich // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986; Толочко О.П. Про місце смерті Рюрика Ростиславича // Український історичний журнал. 1997. № 5*). Если Рюрик и княжил недолгое время в Чернигове, то без права наследования, в обмен на уступку Всеволоду Святославичу киевского стола (см.: *Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 7–8*).

³⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 117.

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 64. Не совсем ясно, вокняжился ли Михаил в Чернигове сразу после гибели Мстислава, или же спустя некоторое время. Новгородский летописец говорит об его уходе из Новгорода (где Михаила приняли на княжение в 1224 г.) в Чернигов в 1225 г. Не исключено, что с 1223 по 1225 г. черниговским князем был Константин Ольгович, сын Олега Святославича (племянник Мстислава Святославича и старший двоюродный брат Михаила Всеволодича), упоминаемый в Любецком синодике (см.: *Горский А.А. Указ. соч. С. 8–9*). Не учитываем это княжение из-за его гипотетичности: в ранних источниках упоминаний о княжении в Чернигове Константина нет.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772, 782; НПЛ. С. 74.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504, 510.

³⁹ Там же. Стб. 568.

⁴⁰ Там же. Стб. 570.

⁴¹ Там же. Стб. 600; Т. 1. Стб. 374.

⁴² Там же. Т. 1. Стб. 374.

⁴³ Там же. Т. 2. Стб. 605, 609.

⁴⁴ Там же. Стб. 616.

⁴⁵ Там же. 702–705.

у Давыда сыновей, а также брата Рюрика, занимавшего более высокий, киевский стол).

1223 г.: после гибели Мстислава Романовича (последнее десятилетие своей жизни занимавшего наряду со смоленским и киевский стол) в битве с монголами на Калке смоленским князем стал его двоюродный брат Мстислав Давыдович, сын Давыда Ростиславича⁴⁶ (при наличии у Мстислава Романовича сыновей)⁴⁷.

1232 г.: Смоленск силой захватил Святослав Мстиславич, сын Мстислава Романовича, двоюродный племянник Мстислава Давыдовича⁴⁸. Кто княжил в этот момент в Смоленске, неизвестно (есть лишь известие о смерти Мстислава Давыдовича двумя годами ранее, в 1230 г.⁴⁹).

Суздаль (Владимир)

1157 г.: умершего Юрия Владимировича сменил старший сын Андрей⁵⁰ (при отсутствии у Юрия братьев), хотя Юрий предпочитал видеть в качестве своих наследников в Суздальской земле младших сыновей – Михалко и Всеволода⁵¹.

1174 г.: погибшего в результате заговора Андрея Юрьевича сменили после борьбы с его младшими братьями Михалко и Всеволодом племянники – Мстислав и Ярополк Ростиславичи, сыновья старшего брата Андрея – Ростислава⁵².

1175 г.: в результате междоусобной войны владимирский стол занял дядя Мстислава и Ярополка Михалко Юрьевич⁵³ (младший брат Ростислава и Андрея).

1176 г.: умершего Михалка сменил его младший брат Всеволод Юрьевич⁵⁴ (при отсутствии у Михалки сыновей).

1212 г.: по смерти Всеволода владимирским князем стал, согласно воле отца, его второй сын Юрий⁵⁵ (при отсутствии у Всеволода братьев).

1216 г.: в результате междоусобицы владимирский стол занял старший брат Юрия Константин Всеволодич⁵⁶.

1218 г.: по смерти Константина владимирское княжение возвращено его младшему брату Юрию Всеволодичу⁵⁷ (при наличии у Константина сыновей).

⁴⁶ Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 20.

⁴⁷ Предполагаемое в историографии (*Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 181; *Донской Д.В.* Рюриковичи: исторический словарь. М., 2008. С. 180) княжение в Смоленске между Мстиславом Романовичем и Мстиславом Давыдовичем их двоюродного брата Владимира Рюриковича прямыми данными ранних источников не подтверждается. В 1215 и 1219 гг. Владимир Рюрикович находился в Южной Руси (ПСРЛ. Т. 25. С. 110–111; НПЛ. С. 59). Единственным известием, где он имеет отношение к Смоленску, является сообщение о его командовании смоленским полком в Липицкой битве 1216 г. (НПЛ. С. 55; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 263, 274). Однако он мог в данном случае действовать по поручению Мстислава Романовича, который во время конфликта Ростиславичей с Юрием Всеволодовичем Суздальским и его братом Ярославом оставался в Киеве. Отметим в этой связи, что Владимир Рюрикович был следующим по старшинству среди смоленских Ростиславичей после Мстислава Романовича, но его отец в Смоленске не княжил: он занимал киевский стол, который и достался Владимиру после гибели Мстислава на Калке.

⁴⁸ НПЛ. С. 72.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 286.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

⁵¹ Там же. Стб. 371–372; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 86–87.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371–374.

⁵³ Там же. Стб. 374–379.

⁵⁴ Там же. Стб. 379–380.

⁵⁵ Там же. Стб. 436–437; Т. 25. С. 108–109.

⁵⁶ Там же. Т. 1. Стб. 440; Т. 25. С. 111–114.

⁵⁷ Там же. 442–444; Т. 25. С. 116.

Владимир-Волынский

1170 г.: по смерти Мстислава Изяславича владимирским князем стал его старший сын Роман⁵⁸ (при наличии у Мстислава брата Ярослава).

1205 г.: после гибели Романа Мстиславича владимирский стол занял его старший сын Даниил⁵⁹ (при отсутствии у Романа братьев).

1206 – начало 1210-х гг.: за владимирское княжение шла междоусобная война, недолгое время там княжил представитель черниговской ветви Святослав Игоревич, дважды – двоюродный брат Даниила (сын младшего брата его отца) Александр Всеволодич, двоюродный дядя Даниила и Александра Ингварь Ярославич (сын младшего брата Мстислава Изяславича). Затем владимирский стол вернул себе Даниил⁶⁰.

Галич

1153 г.: по смерти Владимира Володаревича галицкий стол занял его сын Ярослав⁶¹ (при отсутствии у Владимира братьев).

1187 г.: место умершего Ярослава Владимировича занял (вопреки воле отца, отдававшего предпочтение побочному сыну Олегу) его сын Владимир⁶² (при отсутствии у Ярослава братьев).

* * *

Выявляются следующие механизмы перехода княжеской власти (перечисляем согласно частоте встречаемости).

I. Захват силой – 17 случаев: Киев – 980, 1016, 1018 (2 раза), 1068, 1069, 1073 гг.; Чернигов 1127 г.; Суздаль 1174, 1175, 1216 гг.; Смоленск 1232 г.; Владимир-Волынский 1206–1212 гг. (5 раз)⁶³.

II. К младшему брату предыдущего князя при наличии у последнего сыновей – 12 случаев: Киев 1077, 1078, 1132, 1139 гг.; Чернигов 1123, 1151, 1180, 1204, 1212, середина или конец 1210-х гг.; Суздаль 1218 г.; Смоленск 1180 г.

III. К сыну предыдущего князя при отсутствии у последнего братьев – 9 случаев: Киев 945, 972, 1015, 1125 гг.; Суздаль 1157, 1212 гг.; Владимир-Волынский 1205 г.; Галич 1152, 1187 гг.

IV. К младшему двоюродному брату предыдущего князя при наличии у последнего сыновей – 6 случаев: Киев 1113 г.; Чернигов 1139, 1157, 1198, 1235 гг.; Смоленск 1223 г.

V. К сыну предыдущего князя при наличии у последнего братьев – 5 случаев: Киев 1054 г.; Смоленск 1159, 1171, 1174 гг.; Владимир-Волынский 1170 г.

⁵⁸ Там же. Т. 2. Стб. 561–562.

⁵⁹ Там же. Стб. 716–717.

⁶⁰ Там же. Т. 2. 718–731.

⁶¹ Там же. Стб. 463–465.

⁶² Там же. Стб. 656–657.

⁶³ При этом не просматривается определённых «предпочтений» в отношении того, кто является захватчиком стола и у кого стол отнимают. Четыре раза княжение отнимает младший брат у старшего, по два раза – старший у младшего, двоюродный племянник у дяди, двоюродный дядя у племянника, двоюродный брат у двоюродного брата, по одному – родной племянник у дяди и родной дядя у племянника.

VI. К старшему племяннику предыдущего князя при наличии у последнего сыновей – 5 случаев: Киев 1093 г.; Чернигов 1164, 1201 (к двоюродному племяннику), 1223–1225 гг.; Смоленск 1197 г.

VII. К старшему брату предыдущего князя – 2 случая: Киев 1077 г.; Смоленск 1176 г.

VIII. К отцу предыдущего князя – 1 случай: Смоленск 1172 г.

IX. К дяде предыдущего князя – 1 случай: Смоленск 1175 г.

X. К младшему брату предыдущего князя при отсутствии у последнего сыновей – 1 случай: Суздаль 1176 г.

* * *

Из общего числа учтённых случаев (59) перехода княжеской власти в 28, т.е. почти в половине, фиксируется переход её в соответствии с принципом генеалогического старшинства: следующий князь является не сыном предыдущего, а более старшим в семействе, за немногими исключениями – следующим по старшинству после предшественника (варианты II, IV, VI, X – всего 24 случая), или старшим по отношению к князю, уступающему стол (варианты VII, VIII, IX – 4 случая). Случаев, когда новый князь был старше сыновей предшественника, но не являлся «старейшим» в семействе, пять. Владимир Мономах в 1113 г. имел трёх двоюродных братьев – Святославичей, чей отец был старшим братом отца Владимира – Всеволода Ярославича; Владимир Давыдович в 1139 г. являлся младшим кузеном по отношению к Игорю и Святославу Ольговичам, а его брат Изяслав Давыдович в 1151 г. находился в аналогичном положении к тому же Святославу Ольговичу (если исходить из того, что отец Владимира и Изяслава Давыд Святославич был младше своего брата Олега, что наиболее вероятно); у Давыда Ростиславича в 1180 г. был старший брат Рюрик, занимавший в тот момент киевский стол; Рюрик княжил в Киеве и при смене на смоленском столе Давыда в 1197 г. их племянником Мстиславом Романовичем.

Если не учитывать случаи захвата стола силой, удельный вес перехода власти по «старейшинству» составит две трети (28 из 42). Причём его преобладание распределяется равномерно в течение всего рассматриваемого периода. Если разделить 42 эпизода мирного перехода власти на четыре хронологических отрезка (по 11 в двух первых и 10 в двух последних) картина окажется почти идентичной: в первом (эпизоды с 945 по 1125 г.) наследование по «старейшинству» фиксируется в шести случаях, во втором (с 1127 по 1171 г.) – также в шести, в третьем (с 1172 по 1198 г.) – в восьми, и в четвёртом (с 1202 по 1235 г.) – тоже в восьми. Из общего количества в 28 случаев в 23 (варианты II, IV, VI) наследование по «старейшинству» было предпочтено наследованию по «отчинному» принципу: у предыдущего князя имелись сыновья, но они его стола не получили.

Наследование по прямой нисходящей линии фиксируется в 14 случаях. Но из них лишь в пяти переход княжения к сыну предыдущего князя имел место при наличии у того братьев (вариант V). В остальных девяти случаях более «старших», чем сыновья, наследников не было (вариант III), т.е. старший сын прежнего князя оказывался одновременно и «старейшим» в семействе⁶⁴.

Таким образом, при наличии альтернативы – «сын или более старший родственник» (родной или двоюродный брат, старший племянник) в 23 случаях

⁶⁴ В одном случае – в Суздальской земле в 1212 г. – главный стол по воле отца достался не старшему, а второму сыну.

из 28 (82%) предпочтение отдавалось «старейшему», а не наследнику по прямой нисходящей линии. Если же из общего числа вычесть «безальтернативные» варианты, когда у прежнего князя оставались либо только сыновья (III), либо только братья (X), и случаи силового захвата власти, то из оставшихся 32 эпизодов в 27 (84%) власть переходила к «старшему» князю.

Теперь посмотрим, какая картина складывается по каждому из столов.

Киев (т.е. верховная власть над Русью в целом): всего 19 случаев, из них в семи наследование происходило по «старейшинству» (при этом в шести имелась альтернатива в виде сыновей предшествующего князя), в пяти – по прямой нисходящей линии (в том числе только однажды при наличии альтернативы в виде брата предшествующего князя), и в семи случаях имел место захват стола силой.

Чернигов: всего 14 случаев, из них в 13 наследование по «старейшинству» (все при наличии альтернативы в виде сыновей), и один захват силой.

Смоленск: всего 10 случаев, в том числе шесть наследований по «старейшинству» (три при наличии альтернативы в виде сыновей), три – по прямой нисходящей линии (все с альтернативой в виде братьев) и один захват силой.

Суздаль: всего семь случаев, из них два по «старейшинству» (один с альтернативой в виде сыновей), два по прямой нисходящей линии (без альтернативы в виде братьев) и три захвата силой.

Владимир-Волынский: всего семь случаев, в том числе два по прямой нисходящей линии (один с альтернативой в виде брата) и пять силовых захватов.

Галич: два случая, в обоих наследование по прямой нисходящей линии (без альтернативы в виде братьев).

Таким образом, Черниговская земля являет собой пример наиболее явного следования принципу «старейшинства» (более 90% случаев). Киев, Смоленск и Суздаль показывают также его преобладание, но умеренное. Только во Владимире-Волынском и Галиче наблюдается наследование по прямой нисходящей линии при отсутствии случаев наследования по «старейшинству», но малое количество эпизодов – всего четыре (исключая захваты силой), из которых в трёх отсутствовала альтернатива в виде братьев предыдущего князя, не представляется достаточным для вывода о специфике наследования власти на Юго-Западе Руси.

В целом можно заключить, что существовало и чаще всего реализовывалось представление о предпочтительности перехода княжеской власти в соответствии с генеалогическим старшинством. Представление о законности прямого перехода власти от отца к сыну при наличии старших родственников не прослеживается. Князь получал отцовский стол, как правило, когда оказывался «старейшим» в своей ветви⁶⁵. Пять случаев, когда столы наследовали сыновья при наличии у их отца младших братьев (вариант V), показательными признаны быть не могут. В 1054 г. брат Ярослава Владимировича Судислав уже 18 лет как томился в заключении в «порубе», соответственно не имел волости и не мог иметь сторонников. Брат Ростислава Мстиславича Владимир в 1159 г. имел владения не в Смоленской земле, а на Юге Руси; он мог рассчитывать занять место Ростислава на киевском столе, а не смоленском (что ему удалось, хотя и не сразу, после смерти Ростислава). Брат

⁶⁵ Из 59 учтённых случаев лишь в шести отмечается переход власти к князю, чей отец не занимал искомого стола. При этом во всех (Всеслав в Киеве в 1068 г., Мстислав и Ярополк Ростиславичи в Суздальской земле в 1174 г. и четыре случая вокняжения во Владимире-Волынском в начале XIII в.) имел место захват стола силой.

Мстислава Изяславича Ярослав, княживший в 1170 г. в Луцке, по-видимому, имел договор с братом о том, что за ним и его потомством закрепляется восточная часть Волыни (что и произошло впоследствии), а западной со столом во Владимире владеть будут потомки Мстислава. Ярополк Романович в Смоленске в 1171–1172 и 1174–1175 гг. выглядит скорее наместником отца, чем полноправным князем: Роман после потери Киева дважды возвращался на смоленское княжение, т.е. продолжал считать его своим. После же смерти Романа наследовал ему брат, а сын (Мстислав Романович) вынужден был дожидаться своей очереди. Принцип «отчинности», следовательно, подразумевал не возможность овладеть столом сразу после отца, а право занять его тогда, когда князь достигнет своей очереди в порядке старшинства. Встречающиеся в источниках прямые апелляции князей к праву «отчины» относятся к временам, когда их отцов давно не было в живых. Так, Юрий Долгорукий ссылаясь на своё «отчинное» право на Киев в 1155 г. (его отец Владимир Мономах умер в 1125 г.), а внуки Ростислава Мстиславича (умершего в 1167 г.) – в 1212 г.⁶⁶ Собственно, и формула Любечского съезда князей 1097 г. – «каждо да держит отчину свою», часто расцениваемая как провозглашающая отчинный принцип владения и наследования столов, отсылала к ситуации более чем сорокалетней давности: внуки Ярослава должны были владеть тем, что получили их отцы в 1054 г.⁶⁷ Неприятие современниками перехода стола от отца к сыну при наличии старших родственников хорошо просматривается на примере случаев, когда князья-родители пытались такой переход обеспечить. Мстислав Владимирович, желая, чтобы киевский стол достался его сыну Всеволоду, заключил по этому поводу договор со своим братом Ярополком, причем предполагалось, что Всеволод станет киевским князем не сразу по смерти Мстислава, а после княжения Ярополка. Тем не менее этот план встретил активное сопротивление со стороны самых младших братьев Мстислава – Юрия и Андрея, и реализован не был⁶⁸. После кончины в 1164 г. черниговского князя Святослава Ольговича его вдова попыталась возвести на княжение в Чернигове своего старшего сына Олега, но когда к городу подступил старший племянник умершего князя Святослав Всеволодич, стол пришлось уступить ему⁶⁹. Роман Ростиславич в 1170-х гг., князя в Киеве, по-видимому, рассчитывал закрепить Смоленскую землю за своими сыновьями, полагая, что его братья удовольствуются владениями в Киевской земле. Но смольняне в 1175 г. согнали со стола его сына Ярополка и посадили брата Романа Мстислава Ростиславича⁷⁰. Из этих эпизодов видно, как естественное стремление князей-родителей обеспечить максимальное благополучие своим сыновьям наталкивалось на сопротивление общества, исходившего из представления, что наследовать стол должен следующий по старшинству.

Оба принципа не противоречили (как традиционно считалось в историографии), а дополняли друг друга – при несомненном первенстве принципа старшинства.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 478; НПЛ. С. 53.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256–257.

⁶⁸ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 96–102.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–524.

⁷⁰ Там же. Стб. 374.

Правящая бюрократия и высшее образование в России в середине 1870-х гг.

Андрей Мамонов

The ruling bureaucracy and higher education in Russia in the mid-1870s

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Бурное развитие высшего образования в пореформенной России во многом являлось следствием и важным элементом преобразований, осуществлённых самодержавием в конце 1850-х — первой половине 1860-х гг., и вместе с тем — фактором, оказывавшим заметное влияние на правительственную политику — студенческие беспорядки, а иногда и профессорские теории и споры не раз вызывали резонанс не только в широких слоях общества, но и в правящих кругах¹. Не удивительно, что деятельность Министерства народного просвещения и проводившиеся в учебном ведомстве реформы и контрреформы неизменно привлекали внимание исследователей².

Вместе с тем, несмотря на огромное количество источников, выявленных и изученных историками, в работах и дореволюционных, и советских, и последующих лет довольно глухо и бегло говорилось о том, кем, зачем и как был инициирован пересмотр университетского устава 1863 г., начатый ещё в царствование Александра II, а завершившийся в 1884 г. первой «контрреформой» Александра III. С.В. Рождественский писал, что «как и в 50-х годах, при А.С. Норове и Е.П. Ковалевском, так теперь при графе [Д.А.] Толстом, поводом к пересмотру общеуниверситетского устава явилось обсуждение мер для водворения порядка и дисциплины среди учащихся». И если в 1866—1869 гг. речь шла только о разработке, ужесточении и единообразии дисциплинарных норм («Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств» 1867 г. и т.п.), то «в конце 1874 г.

© 2017 г. А.В. Мамонов

¹О том, как это происходило в конце XIX в., см.: *Иванов А.Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 годов // *Отечественная история.* 1995. № 6; *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1.

²*Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970; *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; *Щетинина Г.И.* Идеиная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX в. М., 1995; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993; *Эймонтова Р.Г.* Идеи Просвещения в обновляющейся России (50—60-е годы XIX века). М., 1998; *Стафёрова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007; *Иванов А.Е.* Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы — начало XX века) // *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы).* М., 2012.

для коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках было вновь образовано особое совещание министров под председательством статс-секретаря Валуева, которое указало главные причины студенческих волнений во внутренней организации университетов, признало общую их реформу предметом несомненной потребности и предложило следующие начала для этой реформы: 1) ограничение автономии профессорских коллегий, с изъятием из их ведения административно-полицейских обязанностей; 2) установление нового порядка назначения профессоров; 3) усиление правительственного контроля за преподаванием; 4) ограничение излишнего притока мало подготовленных и материально необеспеченных слушателей». При этом чуть дальше говорилось, что «когда в 1874 г. совещание министров под председательством П.А. Валуева высказало мнение о необходимости пересмотра действующего устава университетов, это дело уже было в ходу» – 12 августа 1872 г. министр народного просвещения гр. Д.А. Толстой даже известил о соответствующих планах попечителей и университетские советы, предложив им представить свои соображения о желательных изменениях³.

Тут, возможно, Рождественский находился под влиянием А.И. Георгиевского – одного из ближайших и хорошо осведомлённых сотрудников гр. Д.А. Толстого и И.Д. Делянова. В 1890 г., подробно изложив рекомендации Особого совещания, содержащиеся в докладе Валуева и утверждённые Александром II, Георгиевский решительно заявлял, что «практических последствий эти предначертания правительства не имели, дело же о пересмотре университетского устава шло своим порядком»⁴. Столь авторитетное свидетельство, конечно, следовало учитывать, даже несмотря на то, что Александр Иванович не пояснял, когда и кем это «дело» было приведено в движение. Позднее П.А. Зайончковский связывал начало разработки университетской контрреформы с Деляновской комиссией, образованной в апреле 1875 г.⁵ Г.И. Щетинина, несколько раз упомянув об Особом совещании 1874 г. и цитируя валуевский доклад, ограничилась заключением: «Правительство рассматривало устав 1863 г. как уступку, тем более нежелательную, что с его помощью прекратить студенческие “беспорядки” не удалось»⁶. Р.Г. Эймонтова полагала, что «участь университетов была решена» уже в 1866 г. при назначении гр. Толстого министром народного просвещения. Говоря же о её обсуждении в конце 1874 г., исследовательница опиралась исключительно на сведения, приведённые Рождественским⁷. По словам В.Л. Степанова, «Толстого не покидала мысль об отмене либерального устава 1863 г.», поскольку «он считал, что “слишком серьёзная автономия” вредна не только в административном, но и в научном отношении»⁸. Подобное отношение вполне могло объяснить создание Деляновской комиссии и её проекты. А споры, происходившие в 1874 г., в полном соответствии с указаниями Георгиевского, теряли в таком случае всякое значение.

Между тем в ходе совещаний в 1874 г. руководители практически всех ведомств так или иначе выразили свои представления о состоянии и задачах

³ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 499–503.

⁴ *Георгиевский А.И.* Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 7–11.

⁵ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 317–318.

⁶ *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 55, 63, 68.

⁷ *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы... С. 246–247.

⁸ *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. Сборник статей. М., 1997. С. 255.

высшего образования в России. И если этот обмен мнениями и не привёл к незамедлительному изменению политики, то отчётливо показал, к чему стремились, чем тяготились и чего опасались те, кто управлял тогда учебными заведениями и в известной мере определял их судьбу⁹. Однако чтобы лучше понять их позиции, следует учесть не только итоговый всеподданнейший доклад Валуева о декабрьском Особом совещании 1874 г., но и сохранившиеся протоколы заседаний, дневниковые записи и письма их участников, а также предысторию и контекст этой правительственной дискуссии.

Изначально она являлась лишь частью острого противоборства, развернувшегося в правящих кругах империи. В начале 1870-х гг. шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии гр. П.А. Шувалов, с 1866 г. считавшийся наиболее близким и влиятельным советником Александра II, оказался втянут в конфликт с царской любовницей княжной Е.М. Долгоруковой¹⁰. Видя, что его личные отношения с императором становятся всё сложнее и напряжённее, граф заметно активизировал политическую деятельность, стремясь поскорее избавиться от своих оппонентов в правительстве и инициировать такие преобразования, которые сделали бы его незаменимым для монарха. В апреле 1872 г. Шувалову удалось провести в министры государственных имуществ П.А. Валуева, сорвав уже практически подготовленное назначение на этот пост кн. Д.А. Оболенского, враждебно относившегося к главе жандармского ведомства¹¹.

Вступив в новую должность, Валуев явно решил при содействии гр. Шувалова взять реванш за все неудачи, огорчения и разочарования, испытанные в 1861–1868 гг., когда он возглавлял МВД. Учреждённая уже в мае 1872 г. под его председательством Комиссия «для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» (более известная как Валуевская комиссия) готовила почву для пересмотра излишне

⁹ В середине 1870-х гг. собственные высшие учебные заведения имелись почти во всех ведомствах. Так, под управлением Министерства народного просвещения помимо восьми университетов, пользовавшихся с 1863 г. широкой автономией, находились Цесаревича Николая (в Москве), Демидовский юридический (в Ярославле) и Нежинский кн. Безбородко лицеи, Лазаревский институт восточных языков, Императорский историко-филологический в Санкт-Петербурге, Сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (в Люблинском губ.), Дерптский, Казанский и Харьковский ветеринарные институты. Святейший Синод управлял четырьмя духовными академиями, Военное министерство – Николаевской академией Генерального штаба, а также Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской, Медико-хирургической и Военно-юридической академиями, Министерство государственных имуществ – Земледельческим и Горным (с 1873 г.) институтами в Петербурге и Петровской земледельческой и лесной академией в Москве, Министерство финансов – Санкт-Петербургским практическим технологическим институтом и Рижским политехническим училищем, Министерство путей сообщения (МПС) – Институтом инженеров путей сообщения, Министерство юстиции – Училищем правоведения и Константиновским межевым институтом, IV отделение Собственной е.и.в. канцелярии – императорским Александровским лицеем и Московским техническим училищем, Министерство императорского двора – Академией художеств, МВД – Петербургской и Московской консерваториями Императорского русского музыкального общества, а также Римско-католической духовной академией и Строительным училищем в Петербурге. Кроме того, имелось Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Подробнее см.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 3. СПб., 1876. С. 3; *Дальман С.В.* Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. СПб., 2007. О последующем развитии высшего образования см.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.

¹⁰ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 19, л. 77–80.

¹¹Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Под ред. В.Г. Чернухи. СПб., 2005. С. 300–304.

прокрестьянской, или «мужикофильской», как выражался Пётр Александрович, аграрной политики 1860-х гг.¹² Выдвинутое Шуваловым и Валуевым 27 ноября 1873 г. в Комитете министров предложение привлечь депутатов дворянства и земства к дальнейшему рассмотрению разработок Комиссии напоминало о безуспешной попытке министра внутренних дел в 1863 г. убедить царя создать Съезд государственных гласных, который выражал бы интересы «средних землевладельцев» и усиливал противников либеральной бюрократии в правительстве¹³.

Однако и в 1873 г. инициатива гр. Шувалова и Валуева фактически провалилась, натолкнувшись на сопротивление военного министра Д.А. Милютин, министра финансов М.Х. Рейтерна и председателя Комитета министров П.Н. Игнатьева. Более того, к концу года стало очевидным, что шеф жандармов и его союзники (включая фельдмаршалов кн. А.И. Барятинского и гр. Ф.Ф. Берга, великих князей Николая и Михаила Николаевичей и др.) потерпели крупное поражение в борьбе с Военным министерством, руководство которого сумело отстоять свою концепцию организации армии и введения всеобщей воинской повинности¹⁴. К тому же приближавшееся лишение дворянства последней (и едва ли не наиболее значимой) привилегии резко контрастировало с теми идеями, которые с 1866 г. декларировались Шуваловым. В этих условиях ему необходимо было убедительно и эффектно продемонстрировать всю силу своего влияния и приверженность императора «охранительному» курсу. Свидетельствовать об этом и должны были распоряжения по учебному ведомству.

21 декабря 1873 г. на заседании Совета министров Александр II, вопреки мнениям сына – наследника престола вел. кн. Александра Александровича, брата – председателя Государственного совета вел. кн. Константина Николаевича, а также канцлера кн. А.М. Горчакова, П.Н. Игнатьева, гр. С.Г. Строганова и др., решительно одобрил предложенный гр. Шуваловым проект рескрипта на имя министра народного просвещения. В этом документе, опубликованном 26 декабря – буквально за несколько дней до манифеста о военной реформе, царь высоко оценивал заслуги дворянства и поручал ему ближайшее заведение народными школами. При этом – в разрез с первоначальными предположениями гр. Толстого и до рассмотрения в Государственном совете уже внесённого им законопроекта – предводители дворянства делались по должности председателями губернских и уездных училищных советов. Практического смысла данная мера не имела, но она была принята в столь драматичной обстановке, что не могла не обратить на себя внимание общества и, естественно, вызвала пересуды, ради которых, видимо, и задумывалась¹⁵.

¹² Подробнее см.: *Серодонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1902. С. 92–108; *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972. С. 152–164; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 266–275.

¹³ *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Под ред. К.А. Соловьёва. М., 2016. С. 260–265; *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 58, 246–250; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 79–115.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 574–604; *Милютин Д.А.* Дневник... С. 21–76, 371–378; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 288–331.

¹⁵ *Милютин Д.А.* Дневник... С. 69–76, 259–260; Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. М., 1961. С. 284–288; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 345–346.

Гораздо более серьёзные последствия могло иметь, на первый взгляд, совершенно частное решение Александра II вывести Медико-хирургическую академию (МХА) из подчинения военному начальству и передать её в ведение Министерства народного просвещения, преобразовав в медицинский факультет Петербургского университета. К такому шагу императора подталкивали с начала осени 1873 г., с 14 декабря он то говорил о данном деле как о предпринятом, то заявлял, «что вовсе не настаивает на этой передаче, а желает только, чтобы поставленный им вопрос был обсуждён в подробности»¹⁶. Однако обсуждение могло привести лишь к констатации принципиального разногласия: ни сановники, ни профессора (включая близких ко Двору врачей и акушеров) не могли договориться о том, как следует поступить. Ситуация ещё более осложнялась (а отчасти и объяснялась) тем, что в случае переподчинения академии гр. Толстому военный министр собирался подать в отставку. Милютин, похоже, допускал, что успешное завершение работы над Уставом о воинской повинности, утверждённым 1 января 1874 г., окажется пирровой победой и применять новый закон на практике будут совсем другие люди (как это произошло прежде с крестьянской и судебной реформами)¹⁷.

В этой достаточно напряжённой обстановке осенью 1873 г. в Ливадии Валувев в разговоре с императором коснулся «общего вопроса о современном строе наших высших училищ»¹⁸. Вернувшись в Петербург, Александр II собрал 14 декабря «особое совещание из тех министров, в ведении которых состоят учебные заведения». Незадолго до этого, во время доклада военного министра, он прямо «выразил требование, чтобы все ведомства в своих распоряжениях по учебной части сообразовались с общей установленной учебной системой». Но на самом заседании (в котором, помимо гр. Толстого, Валувева, Милютина, Рейтерна, министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского и управляющего Морским министерством Н.К. Краббе, участвовали гр. Шувалов, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, наследник цесаревич, вел. кн. Константин Николаевич, принц П.Г. Ольденбургский, товарищ министра народного просвещения И.Д. Делянов, главный начальник военно-учебных заведений Н.В. Исаков и главный военно-медицинский инспектор Н.И. Козлов) речь шла исключительно о положении МХА. На следующий день император вновь говорил о «необходимости единства в направлении учебной части»¹⁹. При этом рассмотрение «общего вопроса» ещё до 14 декабря было возложено на более узкое Особое совещание, образованное под председательством Валувева из Рейтерна и графов Бобринского и Толстого²⁰. Отсутствие в его составе Милютина выразительно указывало на то, как виделась тогда перспектива борьбы за МХА²¹.

Однако, согласно официальному журналу заседаний, «за постоянным обременением другими делами министров народного просвещения, финансов и путей сообщения» сформированное по Высочайшему повелению в декабре 1873 г. Особое совещание Валувев, которому «надлежало быть старшим членом», смог собрать только в конце апреля 1874 г.²² За это время многое изменилось. Первая

¹⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 49, 61–68.

¹⁷ Там же. С. 71–72, 121, 270–271.

¹⁸ Дневник П.А. Валувева... Т. 2. С. 285.

¹⁹ Милютин Д.А. Дневник... С. 61, 65–67.

²⁰ Дневник П.А. Валувева... Т. 2. С. 285.

²¹ Сам Дмитрий Алексеевич 8 января 1874 г. отметил: «По всему видно, что дело уже проиграно» (Милютин Д.А. Дневник... С. 86).

²² РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 559, л. 22, л. 3.

же попытка гр. Толстого наладить сотрудничество с предводителями дворянства, призванными к руководству училищными советами, закончилась резкой размолвкой и взаимными претензиями²³. 19 февраля гр. Шувалов вновь попытался добиться согласия Комитета министров на созыв представителей земства и дворянства и опять потерпел поражение²⁴. Столкновение его ближайшего сторонника гр. Бобринского с Рейтерном из-за нового порядка образования железнодорожных обществ привело к тому, что император уже 17 апреля предлагал К.Н. Посьету возглавить МПС. Тот колебался, и его назначение было отложено до возвращения Александра II из поездки в Лондон и Эмс. По свидетельству барона А.И. Дельвига, «слух об этом разнёсся по всему Петербургу»²⁵. 14 мая в отсутствие царя и сопровождавшего его шефа жандармов Комитет министров при активном участии Валуева, Рейтерна и государственного контролёра С.А. Грейга, к явному раздражению Толстого и удовлетворению Милютина, отложил на неопределённое время обсуждение возможности изменения ведомственной принадлежности МХА²⁶. Всё это не могло не сказываться на совместной работе четырёх министров.

Тем не менее внешне деятельность Особого совещания выглядела довольно внушительно. Были собраны сведения за 1871–1873 гг. по Московскому и Киевскому университетам, Институту инженеров путей сообщения, Технологическому, Горному и Земледельческому институтам и Петровской академии о численности учащихся, окончивших курс, пользующихся стипендиями и пособиями (с указанием сословной принадлежности и предварительного образования), о затратах на одного выпускника в каждом учебном заведении, об условиях платы за обучение, объёме курсов, системе экзаменов, дисциплинарных правилах и проч.²⁷

Судя по вопросам, рассмотренным участниками совещания «в видах установления и дальнейшего соблюдения большего единства в тех общих административных началах, которые могут быть применены к означенным заведениям более или менее одинаково», Валуев пытался наметить круг мер, способных ограничить приток малообеспеченных студентов в университеты и институты. При этом, в отличие от гр. Шувалова, часто заботившегося скорее о публичном эффекте принимаемых распоряжений и персональных перестановках в правительстве, Валуев стремился к пересмотру основных принципов образовательной политики. Состав совещания, казалось, идеально подходил для решения данной задачи – Бобринский и Толстой бравировали аристократическими симпатиями едва ли не больше, чем сам Валуев, а Рейтерн, при всём либерализме своих взглядов, оставался всё же представителем остзейского рыцарства, с его предрассудками и элитарностью. Тем любопытнее, что сановники, видимо, так и не сумев преодолеть глубочайшее взаимное недоверие, ограничились весьма осторожными и расплывчатыми фразами, которые к тому же почти полностью теряли смысл из-за сделанных оговорок.

²³ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 293–294.

²⁴ Милютин Д.А. Дневник... С. 102–104, 280–281. Подробнее см.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 67–118.

²⁵ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М., 2014. С. 1098. См. также: Милютин Д.А. Дневник... С. 126–127, 278–280.

²⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 121–123; Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 310.

²⁷ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 559, д. 22, л. 3–12. К участию в заседаниях был привлечён Делянов, ставший 1 января 1874 г. членом Государственного совета. Впрочем, журнал совещания он не подписывал (Там же, л. 18–19).

Министры, разумеется, признали желательным уменьшение наплыва учащихся, не имеющих возможности успешно учиться и прежде всего тех, которые, «выйдя из среды, к высшему академическому образованию вообще не призванной, могут впоследствии не найти надлежащего обеспечения в сфере общественной или промышленной деятельности и поступают в высшие учебные заведения только потому, что они рассчитывают на правительственные пособия во время учения, и затем рассчитывают на разные права, приобретаемые прохождением курса». «В особенности» это касалось «таких молодых людей, которые, не имея нравственной опоры в семейном быту, наиболее склонны предаваться тому вредному направлению, которое в настоящее время так часто обнаруживается не только в учебной сфере, но и в сфере литературной и общественной деятельности». «Но, с другой стороны, — тут же оговаривалось в журнале совещания, — нельзя признавать за имущественным достатком исключительной привилегии на высшее образование. Нельзя отказывать в правительственных пособиях молодым людям, которые по способностям и нравственности могут впоследствии быть полезными, и нельзя в особенности отклонять их от таких специальных отраслей знания, которые могут их материально обеспечить и которые у нас вообще до сих пор не распространены в достаточном изобилии»²⁸.

Тем самым льготы и пособия признавались необходимыми, и оставалось только рекомендовать предоставлять их разборчиво. Оптимальным способом поддержки считалась стипендия, «достаточно значительная по своим размерам, чтобы обеспечить быт учащихся». Менее эффективны, но зачастую неизбежны были, по мнению министров, единовременные пособия и освобождение от платы за лекции. Наиболее же неудобным представлялось устройство казённых квартир (на содержание их в приличном виде просто не было средств, и они скорее компрометировали учебные заведения своим состоянием) и общественных столовых. Впрочем, и те и другие имелись только в ведомстве Министерства государственных имуществ, причём в находившейся за городом Петровской академии наличие студенческой столовой сановники сочли оправданным²⁹.

Проблема виделась и в отборе лиц, заслуживающих поощрения. Для этого рекомендовалось усилить контроль за переводными экзаменами и заблаговременно отчислять неуспевающих. Но сам порядок и характер экзаменов изменять не следовало. «Общими условиями всякой экзаменационной системы, — рассуждали в журнале министры, — должны быть, с одной стороны, строгая проверка знаний, с другой — надлежащее ограждение экзаменуемых от случайных неудач по тому или другому отдельному предмету. Общий и окончательный вывод не может зависеть от результатов одного дня, и способности и познания могут быть приблизительно оцениваемы во всё время прохождения курсов в тех учебных заведениях, где введены репетиции (промежуточные испытания, проводившиеся в середине учебного года. — *А.М.*)»³⁰.

Кроме того, участники Особого совещания высказались за ограничение числа вольных слушателей, «менее непосредственно подвергающихся непрерывному наблюдению начальников и преподавателей» и не связанных обязательным посещением занятий и экзаменов. Решая эту задачу,

²⁸ Там же, л. 13–14.

²⁹ Там же, л. 14–16.

³⁰ Там же, л. 14–17.

в Технологическом институте уже заставляли вольнослушателей сдавать экзамены, а в Петровской академии — резко повысили плату. В университетах положение вольнослушателей регулировалось уставом и не могло меняться в административном порядке³¹.

В заключительной части журнала указывалось на важность подбора благонадёжных профессоров, способных вдохновлять студентов на труд, и предписывалось неукоснительное соблюдение «правильных отношений между преподавателями и учащимися и между коллегами преподавателей и высшим начальством заведений». В частности, констатировалось: «Всякое заискивание популярности в среде учащейся молодёжи сопровождается неблагоприятными последствиями. Такие же последствия возникают и от неправильного взгляда преподавателей на меру самостоятельности, им предоставляемой в сфере общего управления заведениями». Поэтому «всякой систематической оппозиции с их стороны надлежит полагать предел», а «прямым представителем общих административных интересов и требований в специальных институтах может быть только то лицо, которое поставлено во главе их под наименованием директора». И соответственно «его значение и влияние должны быть обеспечены по всем делам, которые не имеют чисто педагогического свойства»³². Характерно, что и в данном случае о положении в университетах красноречиво умалчивалось.

25 мая 1874 г. Валуев направил журнал Особого совещания при кратком сопроводительном докладе императору в Эмс. 1 июня Александр II написал на нём сакраментальное «Исполнить»³³. Однако из общих пожеланий министров весьма затруднительно было бы выделить меры, подлежащие исполнению. Меньше всего подписанный ими документ напоминал согласованную программу единой правительственной политики в сфере образования, хотя именно её составления и добивался царь.

О том, насколько сложно было добиться взаимодействия руководителей ведомств, свидетельствует письмо, написанное Валуевым Милютину 26 мая. «Гр. Толстой мне отплатил за предложение по делу Мед[ико-]хир[ургической] академии, — “конфиденциально” сообщал он, — тем, что приказал утопить моего сына на выпускном гимназическом экзамене. Ему сбавили $\frac{1}{3}$ балла по математике и за эту треть не допустили к дальнейшим экзаменам, хотя по двум предшедшим предметам, русскому и латинскому языкам, он имел лишние баллы. Я вовсе не слепой отец и знаю, что мой сын, напрасно рассчитывая на свои способности, в прошлую зиму не работал. Но я знаю и другие стороны дела. Гр. Толстой сетовал на то, что я разрешил ему (Н.П. Валуеву. — *А.М.*) перейти из казённой гимназии в частную, что я заявил о моём намерении отправить его в Лейпцигский университет, а не в здешний и т.п. Мед[ико-]хирургическая академия отозвалась тем, что гр. Толстой даже оставил без ответа записку, с которою я к нему обратился четыре дня тому назад, и дал полную волю гг. Георгиевскому, Яновскому и пр.». Теперь Валуев просил прислать ему «программу экзаменов в военных гимназиях», чтобы понять, потребует ли она дополнительной подготовки от сына, которому «нужен был гимназический аттестат только для поступления с его правами в военную службу вольноопределяющимся,

³¹ Там же, л. 17–19.

³² Там же, л. 18–19.

³³ Там же, л. 3–4.

когда он вернётся из Лейпцига». «Признаюсь, — добавлял огорчённый отец, — на этот раз гр. Толстой превзошёл мои ожидания»³⁴.

Увольнение гр. Шувалова с поста шефа жандармов и его назначение послом в Лондон в июле 1874 г. ещё больше усилили разобщённость правительства. Между тем потребность в координации действий остро ощущалась, в том числе и при управлении высшими учебными заведениями. В октябре 1874 г. об этом напомнили волнения, охватившие МХА, Петербургский университет, Горный и Технологический институты. В начале ноября полицией ожидалась «большая уличная демонстрация» с участием студентов «всех учебных заведений разных ведомств». 3 ноября по инициативе Тимашева у Милютинина состоялось частное совещание, на которое явились гр. Толстой, Валуев, Рейтерн, товарищ шефа жандармов Н.В. Мезенцов, товарищ министра путей сообщения Н.Н. Селифонтов и петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов, сообщивший о встрече вел. кн. Константину Николаевичу. Председатель Государственного совета, судя по записи в дневнике, также «решился туда ехать и наблюдать за этим делом, так как теперь здесь нет ни Государя, ни наследника». Вместе с ним, по его приглашению, прибыл и вел. кн. Николай Николаевич, командовавший тогда войсками гвардии и столичным военным округом³⁵.

Разногласия между собравшимися быстро вылились в «горячие споры»: Валуев и гр. Толстой настаивали на строгости в отношении студентов (хотя, по словам министра народного просвещения, в университете всё было «благополучно и в полном порядке»), а Милютин и вел. кн. Константин Николаевич доказывали, «что правительству надобно прежде всего действовать хладнокровно, спокойно и, главное, справедливо, что к молодёжи следует оказывать некоторое снисхождение и что прибегать к закрытию курсов и целых заведений можно только в крайних случаях». Результат столь представительного двухчасового совещания каждый участник, по-видимому, понимал по-своему. Милютину показалось, что министры «разъехались, не сговорившись и ничего не решив положительно». Вел. кн. Константин Николаевич, напротив, был убеждён, что они «пришли к соглашению, как действовать в случае беспорядков, строгими, но не чрезвычайными мерами», под которыми подразумевались «временное закрытие курсов и рассылка участников беспорядков на родину». Валуев на следующий же день временно закрыл Горный институт и приступил к высылке его иногородних студентов. В Технологическом институте волнения

³⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 3–4. Программа была доставлена в тот же день, и уже 27 мая Валуев, выяснив, что «все предметы принадлежат к гимназическому курсу и пройдены, кроме начал геометрического черчения», интересовался тем, «можно ли и каким путём можно экзаменоваться теперь, а затем, через два года, поступить [на службу вольноопределяющимся] при том поверочном или повторительном экзамене, который Вами установлен» (там же, л. 5–6). «Правила о военной повинности, устанавливающие 6 месяцев [солдатской службы] для 2-го разряда (т.е. окончивших средние учебные заведения. — А.М.), меня побудили, — писал Валуев, — решиться на посылку моего сына в Лейпциг, по его собственному желанию, чтобы удалиться от петербургских знакомых и развлечений, тем более что при нынешнем быте университета здесь в нём мало приобретает пользы, а менее 6-ти месяцев я считаю состояние в рядах, до офицерства, нелогичным» (там же). Окончание российского университета позволяло сократить срок службы в нижних чинах до 3 месяцев. В Лейпциге Н.П. Валуев провёл около года и уже 29 ноября 1875 г. был зачислен в лейб-гвардии Конный полк, в апреле 1876 г. произведён в унтер-офицеры и только в конце января 1877 г. стал корнетом (Там же, л. 21; Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 323).

³⁵ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 107, л. 87; Милютин Д.А. Дневник... С. 140–141.

продолжались³⁶. В МХА же, как сообщал Милютин царю, уже с 25–28 октября «водворился полный порядок»³⁷.

К моменту возвращения императора из Ливадии волнения прекратились. Тем не менее 21 ноября – буквально на следующий день после прибытия в Петербург – Александр II через нового шефа жандармов А.Л. Потапова распорядился, «чтобы подлежащие министры собрались для обсуждения общего вопроса об образе действий в отношении к учащейся молодёжи»³⁸. Председателем совещания вновь был назначен Валуев, а в его состав включены Милютин, Тимашев, гр. Толстой, Рейтерн, Посьет (с июля управлявший МПС), Грейг, Потапов, а также министр юстиции гр. К.И. Пален и главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии кн. С.Н. Урусов³⁹. На этот раз сановники поспешили собраться: уже 24 ноября «между парадом и обедом» состоялось первое заседание, за ним с небольшими перерывами последовали ещё четыре (каждое длилось несколько часов), к 21 декабря были подготовлены подробные журналы заседаний и краткий всеподданнейший доклад, на следующий день подписанный всеми участниками совещания⁴⁰.

По-видимому, интерес монарха к происходившему в столице в его отсутствие несколько насторожил министров. Во всяком случае, на первом же заседании, прошедшем, по словам Милютина, «в самых приличных формах и в примирительном духе»⁴¹, они, выслушав всеподданнейшую записку Трепова об октябрьских событиях, прежде всего попытались убедить друг друга в том, что никаких беспорядков в сущности и не было. Так, в МХА волнения возникли исключительно вследствие «неудовольствия студентов на одного из профессоров» и «были вызваны преимущественно журнальною полемикою между профессорами» (подразумевались статьи «против академии» в «Русском мире» и «Московских ведомостях», а также в «Биржевых ведомостях», о чём Милютин сообщил императору ещё 10 ноября⁴²). Но хотя «тенденциозные неприличные статьи газет против некоторых профессоров и даже вообще против существующего в академии порядка несомненно содействовали к возбуждению пылкой увлекающейся молодёжи», собственно нарушение порядка свелось к шуму на одной лекции и коллективному ходатайству студентов перед начальником МХА за арестованных товарищей. При этом неповиновения не

³⁶ Там же.

³⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 50, д. 25, л. 42–43.

³⁸ Милютин Д.А. Дневник... С. 143–144. Поводом послужил, видимо, первый же доклад Милютина, коснувшегося положения в МХА.

³⁹ В официальном отношении Потапова указывалось, что, «ввиду происшедших в последнее время беспорядков в некоторых высших учебных заведениях в С.-Петербурге», Особое совещание создано «как для всестороннего обсуждения тех причин, кои вызвали упомянутые беспорядки, так и для принятия необходимых мер к пресечению возможности повторения их на будущее время» (ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 2). См. также: ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 2.

⁴⁰ Журнал составлялся по каждому заседанию двумя секретарями под непосредственным наблюдением Валуева, а затем рассылался участникам совещания, которые могли делать поправки в изложении своих выступлений или предложить собственный текст, включавшийся в этом случае в окончательный (печатный) вариант. Судя по сохранившимся вставкам Милютина (ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 4, 21–22) и кн. Урусова (ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 11), формулировки журнала вполне отражали позиции сановников. При этом «мнение статс-секретаря князя Урусова к общему журналу» было напечатано дословно, но разделено на три части, отнесённые к заседаниям 24 ноября, 1 и 12 декабря. Обсуждение записки Трепова, состоявшееся 24 ноября, отнесено в журнале к 12 декабря.

⁴¹ Милютин Д.А. Дневник... С. 144–145.

⁴² ОР РГБ, ф. 169, к. 50, д. 25, л. 42–43.

наблюдалось и занятия исправно посещались «именно в то время, когда возникли беспорядки в некоторых других высших учебных заведениях»⁴³.

Рейтерн объяснял беспорядки среди студентов Технологического института ужесточением экзаменационных требований, которое оказалось необходимым в условиях, когда «вследствие развития потребности в технических знаниях» число учащихся за два года выросло с 500 до 1 тыс. человек, «что затруднило деятельность профессоров и значительно ослабило практические занятия». В результате строгость экзаменаторов позволила отчислить из института почти треть слушателей (их осталось до 700), но «естественно породила неудовольствие между студентами низших курсов». Они и устроили беспорядки, в прекращении которых профессора «приняли деятельное и дружное участие»⁴⁴.

Граф Толстой прямо утверждал, что «беспорядков в Петербургском университете в строгом смысле не было, а замечено лишь некоторое брожение», связанное с разговорами о делах МХА на сходке, собравшей до 70 участников, которые «по требованию инспектора разошлись», но после начали обсуждать уже само право сходок. Кроме того, некоторые студенты, преимущественно с юридического факультета, потребовали удаления от преподавания профессора И.Ф. Циона, известного физиолога и критика дарвинизма, читавшего лекции на старших курсах естественного факультета, но к тому времени уже прекратившего их и собиравшегося в заграничную командировку (по поручению военного ведомства)⁴⁵. Так или иначе, «ректор университета мерами увещания успел унять молодёжь, не прибегая к содействию полиции»⁴⁶.

Селифонтов, замещавший Посыета 28 ноября, поведал коллегам о чуть ли не идиллическом состоянии Института инженеров путей сообщения, где с беспорядками не сталкивались уже 10 лет. Объяснялось это известной обеспеченностью и заманчивыми перспективами студентов, которые «ещё до окончания курса получают частные занятия, приглашаются, напр[имер], в летнее время на изыскания и др[угие] временные работы по железным дорогам и вообще строительной части, а по окончании курса большею частью занимали до сих пор места со значительным содержанием». К тому же МПС ежегодно тратило на пособия до 20 тыс. руб. («при небольшом числе слушателей, от 700—800 человек»), не считая частных стипендий. Здания института и центральных учреждений министерства находились поблизости, что облегчало связь «между высшим начальством и директором и профессорами», некоторые из них даже «часто являются к министру с докладами по разным делам»⁴⁷.

Столь благостной в целом картине несколько противоречил поставленный 28 ноября Тимашевым вопрос о том, что же следует делать со студентами, высланными в октябре по распоряжению Трепова на родину, в частности, нужен

⁴³ Там же, к. 40, д. 12, л. 4, 21—22. Поскольку комиссия, специально расследовавшая причины беспорядков в МХА, зачинщиков не нашла, 9 студентов, арестованных по указанию инспекции и полиции, но виновных не более других, Милютин ещё 16 ноября распорядился освободить, вменив им в наказание содержание под арестом на протяжении прошедшего месяца (Там же, к. 41, д. 4, л. 1—2).

⁴⁴ Там же, к. 40, д. 12, л. 4—5.

⁴⁵ Там же, л. 5. Именно Цион, преподававший также и в МХА, оказался в центре газетного скандала и студенческих демонстраций медиков. Подробнее о нём см.: *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Кагкова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1870-х годов. СПб., 2016. С. 260—271.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 5.

⁴⁷ Там же, л. 7.

ли за ними полицейский надзор. Как выяснилось, иногородних учащихся Горного института высылали только потому, что их курсы оказались закрыты, а поскольку уже через месяц их вновь удалось открыть, все желающие возобновить прерванные занятия (кроме 10 человек, признанных неблагонадёжными) могли вернуться назад. Из университета «два студента, высланные как главные подстрекатели, были уволены за невнесение установленной платы за учение и за схватку их с городовым». Им, а также исключённым технологам, решили воспретить на год въезд в столицы⁴⁸.

Однако, несмотря на весьма скромные масштабы «возмущения», записка, прочитанная на заседании 28 ноября Потаповым, отличалась сугубым пессимизмом. В ней излагались «характеристические черты последних беспорядков, а именно: 1) беспричинность их во всех заведениях, кроме Медико-хирургической академии; 2) преимущественное участие в них студентов младших курсов; 3) отсутствие в среде стипендиатов того более спокойного и благоразумного элемента, какой представляли прежде казённокоштные студенты; 4) почти общее участие в беспорядках студентов-евреев; 5) антагонизм между выборными и назначенными профессорами, и 6) пассивная роль коллегий во время беспорядков». Всё это, по мнению шефа жандармов, указывало на «искусственное привлечение массы молодых людей сословными, служебными и другими льготами», а также на неэффективность «ни к чему не обязывающих стипендий», непоследовательность в порядке назначения профессоров и «ненормальное распределение власти и ответственности между начальником заведения и коллегией»⁴⁹.

Рассуждения Потапова по сути соответствовали тому курсу, по которому пытался направлять деятельность Особого совещания Валувев. Ещё 24 ноября Пётр Александрович завёл речь об «органических недостатках высших учебных заведений», которые «преследуют исключительно цели обучения, опуская из виду... воспитание гражданское», и не обеспечивают ни «основательного отношения к науке», ни «нравственного влияния на учащихся», ни «необходимой дисциплины». Валувев не сомневался в том, что «коллегия профессоров» не в силах «давать направление и единство в управлении» и «не вполне сознаёт свои отношения к правительству», подавая молодёжи дурной пример. Вместе с тем «разными неосмотрительными приёмами администрации и даже частной благотворительности» студентов приучают к усвоению «неверного понятия о каком-то праве бедности и посредственности на пособия для выхода из данной сферы». Но, привлекая «массу мало подготовленных слушателей, лишённых всяких материальных средств и всяких семейных связей», университеты и институты вынуждены потом многих отчислять «без завершения курсов» и каких-либо гарантий «размещения их в общественной среде». Затрудняя обучение, «лихорадочное состояние нужды, неуверенности и стремления к исключениям» создаёт почву для «волнений и беспорядков». Между тем «публика, как и семья, вместо поддержания в учащихся сознания нравственных обязанностей к правительству, сама вдаётся в критику правительственных распоряжений и тем ещё более деморализует и волнует массу незрелой молодёжи»⁵⁰.

⁴⁸ Там же, л. 6–7.

⁴⁹ Там же, л. 7–8.

⁵⁰ Там же, л. 6.

1 декабря Валуев «возбудил вопрос: действительно ли так велика, как обыкновенно предполагается, потребность в подготовке людей для различных государственных целей, потребность, ведущая к широкому раскрытию дверей высших учебных заведений?». Сам он не скрывал своих сомнений: «Действительно, у нас большие потребности, но едва ли они так беспредельны, как обыкновенно говорят». Признавая «недостаток медиков», на который указывали Милютин и Тимашев, Валуев отмечал, что в его ведомстве дело обстоит иначе. Так, в Петровской академии за 10 лет числилось около тысячи слушателей, из которых только 10 окончили её кандидатами, из остальных, по собранным сведениям, агрономией занимались «всего 29». В то же время «в Горном институте, по отзыву одного из профессоров, нынешнее число студентов *вдвое* (выделено курсивом в журнале. — *А.М.*) более, чем того могли бы требовать нужды горного дела в России». На этом фоне особенно внушительно выглядела цифра в «611 студентов и учеников разных учебных заведений», арестованных в 1872—1874 гг. жандармами по разным политическим делам (после нечаевского). Тут резонно возникал вопрос о том, в чём же «могла бы заключаться хотя относительная гарантия, что молодые люди воспримут высшее образование правильно, с пользой для России и не обратят его в орудие вражды против существующего порядка?»⁵¹

Грейг решительно заявил, что такой гарантией «от слишком значительного числа учащихся, не соответствующего средствам каждого заведения» и «от низкого уровня нравственной подготовки поступающих» должен бы служить «своего рода имущественный ценз», а именно — повышение платы за обучение. Государственный контролёр утверждал, что «нигде государство не тратит так много на высшее образование; нигде образование не достигается так легко и дешево»: «У нас государство тратит на высшие учебные заведения более 4 000 000 р. в год, учащиеся же вносят всего около 300 000 р.». «Потребность в людях с высшим образованием» Самуил Алексеевич считал сильно преувеличенной. По его словам, было «всем известно, сколько лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях, не находят мест и ежедневно обращаются в разные министерства с просьбами о принятии их на службу», а «за ненахождением таких мест молодые люди эти подвергаются лишениям тем более тяжким, чем более они умственно развиты, и из них образуется тот умственный пролетариат, который всё более и более угрожает общественному спокойствию и безопасности». «Ничтожная плата», надежды на будущие преимущества и «разные льготы» привлекали «и тех молодых людей, которые не только не могут вносить установленной учебной платы, но не имеют никаких средств к пропитанию», а это «подготавливает почву для самых пагубных и ложных учений». Напротив, там, «где плата выше, нравственный уровень учащихся и здоровые дисциплинарные начала держатся на более высоком уровне»⁵².

Впрочем, и Грейг не предлагал «значительного возвышения платы», считая, что «можно ограничиться повышением умеренным, с тем, чтобы часть взимаемой платы поступала в пользу профессоров в виде сбора за лекции». Одновременно это должно было усилить связь учащихся со своими семьями, на которые неизбежно ложилась бы существенная часть расходов за обучение. «Мера эта свойства охранительного, но не аристократического; она не исключила бы из университетской среды никакого сословия», — уверял государственный

⁵¹ Там же, л. 10.

⁵² Там же, л. 11.

контролёр, ссылаясь на опыт Германии, где «плата за учение в университетах выше, чем у нас, и, несмотря на то, в рядах студентов встречаются молодые люди всех классов общества». Наконец, «что же касается до тех исключительных личностей, которым, несмотря на недостаточность их средств, не следовало бы преграждать доступа к высшему образованию, то огромное число стипендий, которое правительство рассыпает столь щедрою рукою по всем учебным заведениям, может, кажется, успокоить всякие опасения на этот счёт»⁵³.

Характерно, что эта позиция оказалась категорически неприемлема для других членов Особого совещания. Рейтерн и гр. Толстой соглашались на повышение платы «только в отношении вольнослушателей», видя в них «самый нежелательный элемент, удаление которого принесёт только пользу заведению». Толстой на всякий случай напомнил присутствующим, что «увеличение платы за слушание лекций не только не гарантирует спокойствия, но даже обещает вызвать беспорядки в столице и во всех других университетах империи». Какого-либо избытка студентов граф не наблюдал, поскольку «регулирование слушателей по факультетам производится само собою». Так, после судебной реформы «явилась потребность в образованных юристах», и соответствующие аудитории «были положительно переполнены». Когда же выяснилось, что нужда «более или менее удовлетворена», начался отток, и «большинство перешло на медицинские факультеты». Толстой, Милютин и Потапов единодушно «настаивали на невозвышении платы, говоря, что эта мера не изменит контингента учащихся»: «В высшие заведения пойдут те же лица, но только они будут ещё более бедствовать от нищеты. Эта мера вызовет неудовольствие не только в среде учащихся, но и в обществе, и неизбежно послужит поводом к новым беспорядкам»⁵⁴.

Валуев, по мнению которого, правительству не следовало «отказываться от меры только потому, что она может вызвать беспорядки», пытался довольно робко возражать. Если «при нынешнем положении... можно сказать, что правительство нанимает учащихся», рассуждал он, «следовательно, от него зависит и нанимать их меньше». Но председателю удалось добиться лишь декларативного признания желательности возвышения платы с оговоркой о том, что на практике увеличить её можно только для вольнослушателей⁵⁵. И даже это вызывало раздражение. «Одно только, — отмечал в дневнике Милютин, — выразилось довольно ясно: затаённое желание некоторых из министров воспользоваться случаем, чтобы поднять заветный вопрос об ограничении “массы” учащейся молодёжи, о предоставлении высшего образования только привилегированным сословиям. Мужик должен оставаться мужиком; зачем ему тянуться за господами? — Досадно и грустно слушать»⁵⁶. Со своей стороны, Дмитрий Алексеевич доказывал коллегам, что за исключением сравнительно небольшого горного ведомства «повсеместно ощущается недостаток в людях, вполне подготовленных к той или другой отрасли службы государственной или деятельности общественной», «в особенности же слышны часто сетования на недостаток специалистов по разным отраслям прикладных знаний»⁵⁷.

⁵³ Там же, л. 11–12.

⁵⁴ Там же, л. 10, 12–14.

⁵⁵ Там же, л. 13.

⁵⁶ Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

⁵⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 10.

Тщетно Валуев и Грейг пытались поставить под сомнение целесообразность существовавших льгот и стипендий. Спор возник лишь о том, что собой представляют стипендии — «вознаграждение за известное обязательство, принимаемое на себя учащимся», своего рода «аванс жалования за будущие услуги», как их понимали Милютин и Потапов (именно такая практика существовала в МХА и в Войске Донском, наказным, а затем войсковым атаманом которого в 1865—1868 гг. являлся будущий шеф жандармов), «премию за успехи», к чему склонялись гр. Толстой и Рейтерн, или «пособие бедности для прохождения курса», как они воспринимались Селифонтовым, Валуевым, а отчасти и тем же Рейтерном, уверенным: «Сила общественного мнения не допустит достаточного студента добиваться стипендии». Разногласия вызывал также порядок назначения стипендий — в самом учебном заведении и преимущественно на старших курсах, что казалось оптимальным Рейтерну, Милютину и Толстому, или же, как предлагали Селифонтов и гр. Пален — «на местах», в гимназиях и даже «при содействии земства». Но необходимость подобных пособий признавалась практически всеми⁵⁸. Даже Тимашев, известный своими консервативными убеждениями, заявлял, что «потребности его ведомства по медицинской и по строительной частям громадны и могут быть удовлетворены только обязательностью стипендий». Лишь Валуев скептически отзывался о пользе от стипендиатов в его министерстве⁵⁹.

Дистанцируясь от идеи того или иного «имущественного ценза», члены Особого совещания искали гарантии лояльности учащейся молодёжи в строгости вступительных экзаменов (Рейтерн), правильной организации гимназий и народных школ (Валуев), а также реальных училищ (Милютин). Но все эти поиски настраивали на пессимистический лад. Селифонтов и Посьет вообще рекомендовали «дать средства преимущественно низшим и средним учебным заведениям, предоставив высшее образование естественному течению». Руководители МПС исходили из того, что желательнее «иметь хотя и меньшее число учебных заведений и учащихся, но лучше организованных»⁶⁰. «В нашем обществе, — сетовал Тимашев, — можно сказать, во всех слоях его, недостаёт того нравственного начала, отсутствие которого составляет корень зла и в высших учебных заведениях. Поэтому исцелить этот недуг может не закон, а только общественное сознание. У нас не только в школе, но и в семье утратился дух дисциплины, без которого немислимо никакое общество»⁶¹.

Схожим образом рассуждал и Потапов, считавший, что «корень зла заключается в недостаточности не образования, а воспитания», и прежде всего — в слабости религиозного и семейного начала. В этом отношении, по мнению шефа жандармов, Царство Польское и «западные» губернии выгодно отличались от «внутренних и восточных». «Наше православное духовенство не имеет никакого влияния, — сетовал Александр Львович, — а пока духовенство не будет возвышено, пока оно не приобретёт значения в деле воспитания, до тех пор наши меры принесут не много пользы. Но эту задачу нельзя исполнить быстро; она потребует не десятки лет, а целые поколения, но пора уже приступить к делу»⁶². Любопытно, как тут же с явным одобрением и не без некоторой зависти

⁵⁸ Там же, л. 13–16.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 13.

⁶¹ Там же, л. 11.

⁶² Там же, л. 12.

про дисциплину, характерную для «иезуитского воспитания», заговорили лютеранин Рейтерн и известный своей глубокой религиозностью и преданностью православию кн. Урусов, не забывший упомянуть, что «католичество и иезуитизм — главные враги России»⁶³.

Валуев охотно соглашался с тем, что «правильное направление элементарного образования весьма желательно, но без участия духовенства достигнуть этого невозможно»⁶⁴. На последнем заседании Особого совещания, 12 декабря, к данной теме неожиданно вернулся Посьет, заявивший, что беспорядки, самоубийства, «значительное распространение в провинции нигилизма и его оттенков» и т.п. — «всё это суть ясные доказательства и прямые последствия крайне недостаточного религиозного образования нашего юношества». Высокопоставленному лютеранину казалось, что «причина сего заключается как в недостаточности веропреподавания — обыкновенно более догматического, чем религиозно-нравственного, — так преимущественно в состоянии семейного быта, который, говоря вообще, у нас весьма мало религиозен». И тому, и другому вице-адмирал находил объяснение «в недостаточном образовании — как духовном, так и нравственном — греко-российского духовенства». Безотлагательное устранение этого недостатка, а также «увеличение влияния учителей и профессоров на учащихся и слушателей» должно было способствовать борьбе против «неверия нашего молодого поколения»⁶⁵.

Между тем 1 декабря товарищ Посьета Селифонтов обращал внимание «на то, что главный контингент для скамьи подсудимых по политическим делам, в коих замешаны студенты, составляют священно- и церковнослужительские дети, т.е. приходящие из менее всего обеспеченного сословия людей». Гр. Толстой, будучи обер-прокурором Св. Синода, даже счёл своим долгом вступить за духовное ведомство, отметив, что «хотя семинаристы, по своей неотёсанности и грубости нравственной, составляют не совсем приятный элемент в высших учебных заведениях, но зато они, за немногими исключениями, весьма полезные труженики». Граф напоминал, что «в прежнее время скудость содержания (круглым счётом 33 р. на семинариста, считая расход и на учебную часть) устраняла всякую возможность улучшения», а «теперь на семинарии отпускается из государственного казначейства 1 500 000 р. и на одно содержание семинариста приходится 90 р.». Ему явно хотелось думать, что «эта мера в связи с другими нововведениями заметно изменяет нравственный быт семинариста к лучшему»⁶⁶.

Иронизируя над подобными суждениями, Милютин 1 декабря отмечал в дневнике: «Говорилось очень много, слишком много, но толку мало. Граф Толстой, по своему обыкновению, занимал нас очень долго многоречивыми рассказами, напоминающими сказки старой нянюшки; Валуев высокопарно сводил вопрос на отвлечённые принципы и общие, высшие взгляды [зачёркнуто: “некоторые из членов напрасно пытались вклеить и свои речи”]. Затронули предметы очень щекотливые: где корни современного настроения русской молодёжи? Отыскивая эти корни, коснулись и духовенства, и семейного

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 11.

⁶⁵ Там же, л. 19.

⁶⁶ Там же, л. 12–13.

быта, и школьной дисциплины, и проч., и проч. Но к положительному выводу всё-таки не пришли»⁶⁷.

Фактически отказавшись от каких-либо попыток изменить или ограничить контингент учащихся, участники Особого совещания вынуждены были либо смириться с неизбежностью периодически повторяющихся беспорядков, либо найти более эффективные способы управления высшей школой. Не случайно уже на первом заседании зашла речь об административной беспомощности и обширных полномочиях университетских советов, академических конференций и проч. И если Милютин и Толстой высказались об этом поначалу достаточно сдержанно, то Грейг сразу же «заявил, что главные недостатки, замечаемые в строе учебных заведений, коренятся в самых уставах». Валуев не менее категорично утверждал, что «влияние профессоров на общий ход дел и на студентов имело значение отрицательное»⁶⁸.

28 ноября Пётр Александрович предложил обсудить целесообразность сокращения власти коллегиальных органов, чётко оговорив, что «Совещанию подлежит установление только общих начал; применение же их к особым условиям каждого заведения должно быть предоставлено министрам, в ведении которых состоит заведение». «Весь вопрос, — пояснял он, — заключается в том: сохранить ли автономию профессорской коллегии в высших учебных заведениях, держаться ли вообще начал университетского устава 1863 года или избрать иной путь — установить иные начала, более соответствующие современным потребностям?»⁶⁹.

На этот раз наиболее решительным противником «автономии» выступил Милютин. В значительной мере это объяснялось тем, что в конце 1874 г. его больше всего беспокоила судьба МХА, где действовал «устав, одинаковый с университетским». С 21 по 26 ноября при поддержке Валуева и Грейга он получил согласие Александра II на закрытие конференции (совета) и учреждение временной комиссии, которой поручалось текущее руководство МХА (без права изменять устав). Формально это ещё не предreshало спора о передаче академии и её будущем устройстве, но значительно укрепляло позиции военного ведомства. В этих условиях Милютин как никогда был заинтересован в обеспечении собственного контроля за профессорами и студентами⁷⁰.

Поэтому на заседании 28 ноября военный министр, ссылаясь на недавние беспорядки и опыт прежних лет, требовал и в МХА, и в университетах «несколько ограничить круг действия коллегиальных собраний, составленных исключительно из преподавателей и сосредоточивающих в себе всё управление заведениями», а именно — «изъять из ведения конференции или совета часть хозяйственную и полицейскую», предоставив «начальству возможность действовать свободно в делах, касающихся администрации», и «изменить установленный ныне порядок замещения профессорских кафедр». При этом признавалось желательным и возможным «изыскать такой способ решения, чтобы, с одной стороны, оценка учёных достоинств кандидатов на профессорские кафедры основывалась на приговоре судей вполне компетентных, а с другой стороны — чтобы при назначении профессоров высшая власть административная не была совершенно связана обязанностью беспрекословно подчиняться

⁶⁷ Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

⁶⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 4–6.

⁶⁹ Там же, л. 8.

⁷⁰ Там же, л. 9; Милютин Д.А. Дневник... С. 143–146.

результату баллотировки». «Насколько был бы неудобен в таком деле единоличный произвол административной власти, — отмечал Дмитрий Алексеевич, — настолько же, если не более, бывают часто невыгодны последствия пристрастных голосований и интриг в среде коллегиального собрания, составленного из профессоров»⁷¹.

5 декабря военный министр вновь доказывал необходимость переработки уставов и настаивал на том, «что полная автономия коллегии в управлении учебными заведениями приносит более вреда, нежели пользы, даже в интересах учебной части». А поскольку «самая слабая сторона» уставов — «предоставление учебному персоналу права комплектовать себя по собственному выбору», то и мысль о «бессменности» профессоров «должна быть исключена» при новой реформе⁷².

На фоне таких заявлений своего либерального антагониста гр. Толстой держался скорее умеренно, осторожно и даже уклончиво. 24 ноября, признав, что «происшедшие в университете явления (которые министр упорно отказывался называть “беспорядками”. — *А.М.*) указывают на некоторые недостатки в устройстве администрации», он ограничился констатацией: «По уставу университет пользуется полным самоуправлением; не только учебные, но и все административно-полицейские должности замещаются по выбору и определению совета». На следующем заседании на прямой вопрос Валуева граф «отозвался, что он сознаёт вполне некоторые неудобства устава 1863 года» и убеждён: «Слишком широкая автономия вредна не только в административном отношении, но также и в научном, как это замечается при выборе для замещения кафедр. Факультеты и советы в этом отношении нередко руководствуются личными интересами и эгоистическими соображениями». В результате, в Киеве «историко-филологический факультет дошёл было до совершенного распада», а в Москве «из 13-ти кафедр юридического факультета замещены профессорами только три, а прочие заняты доцентами». Между тем «советы злоупотребляют предоставленным им по уставу правом давать учёные степени знаменитым учёным», а «выборные ректоры не решаются посещать лекции профессоров из боязни возбудить к себе неудовольствие и перед каждым выбором усиливают представления к наградам, в расчёте приобрести несколько лишних голосов»⁷³.

Однако вывод из этого делался несколько парадоксальный и неожиданный: «Все эти злоупотребления несомненно существуют и отрицать их невозможно; но вопрос в том, как приступить к их исправлению? Легко дать вольности, но трудно отнять их, особенно когда дело касается всех университетов империи. Всякая попытка ограничить автономию коллегии возбудит оппозицию профессоров, которая может перейти в оппозицию студентов, т.е. в беспорядки»⁷⁴. Впрочем, это не помешало Валуеву 1 декабря заявить, что министры пришли к соглашению «относительно назначения профессоров, организации части хозяйственной, части инспекторской по делам полицейского и административного свойства», и поставить перед Совещанием «вопрос об инспекторской

⁷¹ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 9.

⁷² Там же, л. 16.

⁷³ Там же, л. 5, 8.

⁷⁴ Там же, л. 8.

части по учебному курсу, именно, должна ли быть сохранена и в этом отношении полная автономия коллегии?»⁷⁵.

Тут граф Толстой «высказался в пользу полной свободы преподавания», вновь отметив, что «министерству было бы чрезвычайно трудно организовать и регулировать подобную инспекцию, не говоря уже о неизбежных последствиях такой меры, способной возбудить всеобщее неудовольствие в среде профессоров». Министр не скрывал, что «в настоящее время свобода преподавания обратилась в полную анархию»: «По уставу, деканы и ректоры обязаны иметь наблюдение за преподаванием, но в действительности такого наблюдения не существует, так как они сами поставлены в такое зависимое положение от коллегии, что не могут позволить себе не только критики, но даже какого-либо замечания. Профессоры обязаны представлять факультетам программы, но это требование устава не всегда исполняется. Профессоры читают, что хотят, как хотят и когда хотят. Экзамены они назначают сами, и сами же экзаменуют»⁷⁶.

Граф Толстой соглашался, что «такое положение университетского преподавания не может и не должно быть терпимо» и при сохранении «полной свободы преподавания» следует «обставить её некоторыми гарантиями». Соответственно, всё затруднение состояло в том, чтобы «отстранить злоупотребления, не стесняя свободы преподавания и не вводя невозможного на практике надзора со стороны министерства». Для этого граф предлагал «отделить окончательные выпускные экзамены от преподавания учреждением экзаменационных комиссий по назначению министерства, допустив исключение только в отношении порядка экзаменов на учёные степени»⁷⁷. Министру казалось, что «такая мера, легко осуществимая, благотворно подействовала бы на достоинство преподавания и, кроме того, избавила бы профессоров от столкновений со студентами, всего чаще порождаемых экзаменами». При этом он исходил из того, что «у нас все факультеты прежде всего готовят служащих по известной части; посвящающих же себя исключительно науке можно встретить как исключение», и «университеты призваны удовлетворять тем требованиям, минимум которых определяется потребностями службы в различных ведомствах». Именно поэтому появление чиновников-экзаменаторов представлялось вполне естественным. Более того, по мнению графа Дмитрия Андреевича, «учреждение экзаменационных комиссий было бы также отчасти заменой несуществующего и пока ещё невозможного у нас экзамена на право государственной службы (staatsexamen)»⁷⁸.

Ни одобрения, ни критики данная идея в Особом совещании не вызвала, однако сановники явно почувствовали в ней попытку учебного ведомства вмешаться в их дела. Во всяком случае, Валуев, «не предпрешая вопроса об экзаменах или о формах контроля», счёл достаточным «вообще признать его необходимым, а затем уже предоставить гг. министрам применять это начало во вверенных им заведениях в той форме, в какой оно будет признано, по особому их характеру и строю, возможным и удобным». Рейтерн ограничился замечанием

⁷⁵ Там же, л. 9.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Судя по отсутствию каких-либо оговорок, изначально это исключение распространялось и на степень кандидата (в 1884 г. заменённую званием «окончивший курс с дипломом 1-й степени»). Подробнее о характере и порядке экзаменов на учёные степени в XIX в. см.: *Иванов А.Е.* Учёное достоинство Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 341–392.

⁷⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 9.

о том, что в Технологическом институте «иные условия» и «там все программы предварительно утверждаются»⁷⁹.

Возможно, мысль о создании государственных экзаменационных комиссий импонировала гр. Толстому ещё и тем, что соответствовала его стремлению свести к минимуму прямое вмешательство в жизнь университетов и позволяла контролировать её с помощью сугубо внешней надстройки. При этом ближайшие сотрудники министра преследовали прямо противоположные цели. Тот же «отец русского классицизма» Георгиевский в середине 1870-х гг. рассчитывал на то, что государственный экзамен «дал бы возможность влиять на ценность, содержание и даже самостоятельность университетского преподавания»⁸⁰. Александр Иванович был настроен тогда по-боевому, но Толстого, ещё продолжавшего бои за реформированные гимназии, явно не прельщала перспектива нового затяжного и непредсказуемого по своим последствиям конфликта, которым легко могли бы воспользоваться его противники, в тот момент активно ратовавшие за преобразования.

Не случайно граф постоянно напоминал — и единомышленникам, и оппонентам — о рискованности каких-либо шагов, затрагивающих профессорские привилегии. В августе 1872 г. он через попечителей учебных округов предложил советам университетов указать, какие изменения желательно сделать в действующем законодательстве, обещая «при предстоящем пересмотре университетского устава» «руководствоваться единственно соображениями возможно большего развития науки во всех её отраслях и пользою многочисленных... слушателей, которые должны приобретать в университетах действительное научное образование». В ответ все они высказались за полное сохранение *status quo* (но при увеличении жалованья или хотя бы пенсий)⁸¹. Между тем среди профессоров упорно ходили слухи, будто «реформа университет[ского] устава собственно уже готова и лежит в портфеле министра и что запрос университетов сделан только для блезиру», как 22 октября 1872 г. сообщал В.И. Модестов А.Ф. Кистяковскому из Киева. Выступления отдельных профессоров с критикой устава вызывали у их товарищей приступы ярости и раздражения. «Десятки голосов кричали во всё горло, с употреблением некоторыми даже площадных слов, на несчастного коллегу, осмелившегося указать на слабые стороны жизни в своём университете», — вспоминал в середине 1880-х гг. Модестов о заседании совета Университета св. Владимира в ноябре 1872 г., когда рассматривалось особое мнение известного зоолога А.О. Ковалевского, указавшего «на несостоятельность действовавшей тогда системы избрания профессоров». Во время обсуждения учёные «забылись до последних пределов и не удержались ни от каких оскорблений по отношению к человеку, отличавшемуся перед всеми кротостью и безобидностью». Вскоре после этого Ковалевскому пришлось переехать из Киева в Одессу⁸².

Министру приходилось считаться с такой позицией, хотя, разумеется, никаких симпатий к «головнинскому» уставу он не испытывал. 4 февраля 1873 г., благодаря профессора Н.А. Любимова за присланную им статью, в которой

⁷⁹Там же, л. 9–10.

⁸⁰*Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 209–210.

⁸¹*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 503.

⁸²Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма / Под ред. А.Е. Иванова, А.И. Любжина, В.С. Шандра. М., 2014. С. 82–83, 291.

критиковался созданный в 1863 г. порядок, гр. Толстой писал: «Мнение это — акт гражданского мужества в настоящее время, когда, несмотря на явные, всем известные безобразия, проистекающие из этого устава, все университеты, как бы сговорившись между собою, признают этот устав совершенством, следуя, вероятно, французской поговорке “tout va pour le mieux dans ce meilleur des mondes”» (всё к лучшему в этом лучшем из миров, *фр.*)⁸³. Какие бы чувства его ни переполняли, граф Дмитрий Андреевич всё же трезво оценивал ситуацию, учитывал соотношение сил и не спешил идти напролом.

Впрочем, 5 декабря министр народного просвещения, чуть ли не под давлением, «вполне соглашаясь с необходимостью» предложенных Милютиным «изменений в уставах», заявил, что «признаёт вместе с тем возможным сохранить автономию коллегии, насколько она необходима для пользы науки, и оставить выборных ректоров, деканов и т.п., но с изменением устройства совета, с ограничением его административно-полицейской власти и с изъятием из его ведения командировок, пособий и т.п. распоряжений». Иными словами, он готов был лишить профессорские корпорации полномочий и денег, однако всячески избегал втягивания в их внутренние взаимоотношения. «Конечно, — предвидел граф, — подобная мера будет дурно принята профессорами, но правительство, в интересах высшего образования, не может оставить дело в настоящем его положении»⁸⁴.

Тем не менее, как ни странно, только гр. Толстой, не без оснований считавшийся «реакционером», пытался, пусть и из сугубо прагматических соображений, делать какие-то оговорки в пользу выборности и самоуправления в университетах. Либерал Милютин, напротив, без колебаний решал поставленную ещё 28 ноября Валуевым проблему: «Следует ли оставить в высших учебных заведениях нынешнюю систему полной автономии в руках учебного персонала или нужно придать более силы административной власти?». «Хотя по этому вопросу пошли бесконечные толки, — записал в дневнике военный министр, — но, в сущности, все были за утвердительное решение вопроса; все соглашались в том, что учёное сословие мало способно к администрации»⁸⁵.

В то же время Милютин считал упразднение автономии профессорских советов мерой необходимой, но недостаточной для качественного улучшения ситуации. Ещё 24 ноября военный министр выразил сожаление о том, что «с тех пор, как масса учащихся в высших учебных заведениях лишена всяких признаков корпоративного устройства и подчинена ведению общей городской полиции, уничтожилась всякая внутренняя, органическая связь между учащимися и учащими», тогда как «начальство заведения, не имея никакого нравственного влияния на студентов, вместе с тем не имеет и достаточных средств внутренней полиции для поддержания порядка среди громадной массы собирающейся в стенах заведения молодёжи», подверженной естественному, но далеко не всегда полезному влиянию окружающей среды⁸⁶.

5 декабря Дмитрий Алексеевич вновь заявил, что считает основной проблемой — «определение отношений учащихся к заведению». По его мнению,

⁸³ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 160, д. 1, л. 194–195. Подробнее о Н.А. Любимове и его позиции см.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 56–66; *Котов А.Э.* Указ. соч. С. 91–134.

⁸⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 17.

⁸⁵ *Милютин Д.А.* Дневник... С. 146.

⁸⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 4, 21–22.

именно в этом состоял «самый трудный вопрос»⁸⁷. «По этому предмету, — утверждал он, — существуют две системы диаметрально противоположные: одна основана на тесной нравственной связи учащихся с заведением, — учащие и учащиеся составляют как бы одну семью, одно органическое целое; другая, напротив того, основана на совершенном устранении всякой корпоративной связи между учащимися; заведение есть как бы открытая аудитория, учащиеся — отдельные личности, посетители аудиторий». Отдав «предпочтение второй из этих систем», по словам военного министра, «правительство само как бы признало несостоятельность учебного начальства пред массою вверенной его руководству учащейся молодёжи». Соответственно «постановлено было отнять у этой массы всё то, что сколько-нибудь может служить связью между отдельными личностями: не только отменена форменная одежда, но строго запрещены сходки, читальни, деputationи и проч.», а «учащиеся обратились просто в городских обывателей, подведомых общей полиции»⁸⁸.

В этих условиях «учебное начальство», которое «уже не могло удержать за собою какое-либо нравственное влияние» и контролировать действия студентов во внеурочное время, продолжало по уставу нести «ответственность за посетителей аудиторий» и попало «в ложное и затруднительное положение»: «Оно выпустило из рук все средства к тому, чтобы руководить молодыми людьми; а последние, в свою очередь, лишены всяких законных средств заявлять начальству свои общие нужды и желания. Учащаяся молодёжь обратилась... в разрозненное стадо без пастыря. Одна паршивая овца заражает всё стадо, и никто не может своевременно предохранить здоровых от заражённых». «Управлять массою людей, — рассуждал Милютин, — возможно только при известной организации; напротив того, трудно справиться с толпою, особенно когда она состоит исключительно из пылкой и восприимчивой молодёжи, легко поддающейся всяким увлечениям и подстрекательствам»⁸⁹.

В дневнике Дмитрий Алексеевич изложил своё выступление почти в тех же выражениях, но ещё более резко. «Я предложил на обсуждение, — писал он, — основной вопрос: как следует смотреть на студентов — единично ли, как на посетителей лекций в открытых для них аудиториях, или коллективно, как на совокупность юношей, которых не только образование умственное, но и воспитание нравственное возложены на попечение и ответственность заведения? От решения этого вопроса должно зависеть и разрешение другого, как последствия: следует ли преследовать всякий признак какой-либо корпоративной связи между посетителями лекций или, напротив того, следует сплотить массу учащихся такой организацией, какая необходима для поддержания авторитета и нравственного влияния начальства и преподавателей?»⁹⁰.

Ответ, видимо, казался военному министру столь очевидным, что он даже не стал его формулировать. Дневниковая запись завершается сухой фразой: «Суждения по этим вопросам за поздним временем отложены до следующего заседания»⁹¹. Однако объявленный Валуевым перерыв, скорее всего,

⁸⁷ Там же, л. 17; Милютин Д.А. Дневник... С. 146–147.

⁸⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 17.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Милютин Д.А. Дневник... С. 146–147.

⁹¹ Там же. Любопытно, что в официальном журнале данное выступление Милютина отнесено к заседанию 12 декабря и тем самым оторвано от его заявлений, касавшихся автономии и т.п. (ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 16–17).

объяснялся не только усталостью участников совещания (оно началось в предпраздничный день в 2 часа пополудни и едва ли продолжалось более двух-трёх часов). Возможно, председатель стремился таким образом смягчить остроту спора, поскольку, судя по журналу, позиция военного министра вызвала резкий протест со стороны Тимашева и гр. Толстого. Глава МВД отметил, что хотя «каждая из этих систем имеет свои выгоды и невыгоды», но «какими гарантиями не были бы обставлены права, предоставляемые студентам, следить за ними при их многочисленности всегда было бы затруднительно». «Корпоративное устройство» представлялось ему допустимым в «маленьких городах» Германии, но не в России, где «всё, случающееся в студенческой среде, неизбежно получает уже не школьный, а общественный характер»⁹².

Граф Толстой был ещё более категоричен. Намерение контролировать учащихся «вне стен заведения» казалось ему наивным, поскольку «такое наблюдение невозможно даже в гимназиях». Подчинение же полиции вовсе «не уничтожило связь между студентами и начальством», которое может подвергать провинившихся дополнительным наказаниям, вплоть до исключения. Утверждение, будто «влияние профессоров уничтожилось», по мнению министра народного просвещения, было «отчасти справедливо, особенно в столицах, где профессоры, при множестве других занятий, имеют мало времени». «Но общение со студентами всё-таки есть, — настаивал он. — На всех факультетах заведены частные занятия, которые служат точкою соприкосновения профессоров со студентами; но степень общения, а значит и влияния, конечно, зависит и от личности профессора. Правда, во время беспорядков инспекция бессильна, но то же самое обнаруживалось и прежде»⁹³.

Как и Милютин, гр. Толстой полагал, что «весь вопрос в том: полезны или вредны корпорации?». Однако ответ его был прямо противоположен: «В Германии корпорации явились результатом исторической жизни народа, плодом его прошедшего; у нас же они не имеют под собою почвы, кроме Дерптского университета, где они имеют преимущественно характер, так сказать, географический. У нас, при нынешнем направлении журналистики, при настоящем строе общественного мнения, они приняли бы самый вредный политический характер»⁹⁴.

Весьма показательно, что с этим не согласились руководители жандармского и судебного ведомств. Потапов осторожно заметил, что прежняя «солидарность имела и хорошую сторону», а по словам гр. Палена, «корпорации, хотя и искусственно созданные, имели однако же благотворное влияние на студентов»⁹⁵. Рейтерн явно искал компромиссное решение. Как ему казалось, «было бы согласно с достоинством правительства удовлетворить действительным нуждам студентов», которые «не имеют права легальным путём высказывать свои нужды перед начальством, если же их выслушивают, то это делается в обход закона, что во многих отношениях неудобно». «Не допуская образования корпораций», министр финансов предлагал «предоставить студентам каждого курса

⁹² ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 17.

⁹³ Там же, л. 17–18.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Возражая им, гр. Толстой напоминал, что «солидарность между студентами проявлялась преимущественно в столкновениях их с полицией, и потому не усматривал основания восстанавливать мундиры, служившие формулой этой солидарности».

выбирать в начале года двух или трёх депутатов, которые могли бы обращаться к начальству»⁹⁶.

На это сразу же возразил Валуев, поставивший в начале заседания «вопрос об учащих», но не участвовавший в его обсуждении. Пётр Александрович выразил опасение, что «подобные выборы дадут как бы социальную организацию каждому курсу». Более того, «если после всех беспорядков будет введена такая организация, которая имеет все невыгоды корпорации, не имея её выгод, то это могло послужить как бы признанием справедливости притязаний, выраженных при беспорядках, и к поддержанию в молодых людях мысли, что новыми требованиями, новыми беспорядками они могут добиться новых прав». Ссылаясь на опыт германских университетов, министр государственных имуществ утверждал, что «от коллегий профессоров и от начальства зависит» признание обоснованности тех или иных потребностей и прошений, но «без коллективных форм и без органического устройства среды, из которой эти ходатайства могут исходить». «Сущность вопроса, — безапелляционно заявлял председатель Особого совещания, — не в этом, но в обеспечении дисциплинарного строя высших учебных заведений»⁹⁷.

По сути Валуев солидаризировался с гр. Толстым, опровергавшим тех, кто говорил, «что студенты не имеют, при нынешних порядках, возможности высказывать начальству свои действительные нужды». «На практике, — уверял граф, — такой невозможности не существует; дозволить же выбор депутатов невозможно, так как это повело бы к сходкам, а затем и к беспорядкам. Вообще, студентам нужны не кассы, всегда слишком ничтожные, не библиотеки, в Петербурге излишние, а только предлог для сходок, которыми воспользуются политические агитаторы для своей пропаганды». В случае же создания каких-либо легальных корпоративных учреждений учащих «разные Нечаевы воспользуются этою организацией». К этому времени министр народного просвещения уже пришёл к заключению, что «ввиду предпоставленной цели имеют особое значение следующие меры: усиление административного влияния правительства, усиление инспекций, изменение способа назначения профессоров и установление контроля над преподаванием посредством экзаменационных комиссий»⁹⁸. В этой формулировке отчётливо чувствовалось влияние Георгиевского.

Впрочем, сами участники Особого совещания почти не скрывали своего скептического отношения к действенности намеченных «мер». Потапов, выслушав гр. Толстого, сразу же заговорил о том, что «никакие меры не приведут к желаемому результату без возвышения уровня воспитания» (под «воспитанием» в данном случае подразумевались, видимо, собственно дисциплинарные правила). Полагая, что «для достижения этой цели необходимо единство действий во всех воспитательных заведениях», и констатировав отсутствие «этого единства», шеф жандармов неожиданно предложил сосредоточить заведование «воспитательною частью» в одном ведомстве, чем, похоже, немало озадачил собравшихся. Видимо, желая несколько смягчить произведённое впечатление, Александр Львович оговорился, что «имел в виду не высшие специальные школы, но все средние учебные заведения, как мужские, так и женские». Валуев и Толстой, для приличия согласившись с Потаповым

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, л. 18–19.

⁹⁸ Там же.

«в принципе», немедленно дезавуировали его идею, заявив, что «признают... возбуждённый им вопрос едва ли подлежащим в настоящее время рассмотрению и разрешению»⁹⁹.

Князь Урусов ещё на первом заседании, 24 ноября (вероятно, жалея силы и время коллег), высказал предположение о том что «в студенческом движении несомненно было участие зачинщиков, но главную причину распространения волнений следует искать в отсутствии в нашем обществе и семье тех гражданских нравов и того направления, на которые справедливо указал министр государственных имуществ»¹⁰⁰. Согласившись с подобным заключением, Особое совещание сразу могло прекратить работу, ведь никакая реорганизация учебных заведений, очевидно, не устранила бы неведомых «зачинщиков» и не изменила бы состояние «нравов».

Одновременно кн. Урусов, явно предвидя неоднократное повторение беспорядков в дальнейшем, «находил, что было бы необходимо вовсе изъять из юрисдикции общих судов такие проступки, которые, хотя и совершены вне стен учебных заведений, но направлены против начальства их»¹⁰¹. Князя поддержали Милютин и гр. Пален, видимо, также не питавшие особых иллюзий, как и Трепов, желавший в будущем «в делах о беспорядках студентов вне стен заведения... обеспечить быстрое наложение на виновных взыскания путём немедленного разбирательства и сокращением судопроизводственных сроков на подачу апелляционных жалоб»¹⁰². Граф Толстой, со своей стороны, не сомневался, что «поводы к брожению, как бы они не были нелепы, всегда возможны и неуловимы»¹⁰³.

Члены Особого совещания прекрасно осознавали и то, что учащихся не удастся оградить от внешних влияний. Показательно, что если в октябре газетам запретили писать о начавшихся волнениях, то уже 28 ноября, по словам Милютина, было «решено дать печати свободу». Хотя полемика в прессе признавалась всеми одним из непосредственных поводов к беспорядкам, цензура, по словам Тимашева, не могла ничего сделать, поскольку «на основании закона о печати административные меры взыскания налагаются за направление статей», а не за их непредсказуемые последствия. Причём нежелательный резонанс никак не зависел от тематики публикаций, а искусственные ограничения вызывали только раздражение и ажиотаж. Но с их отменой всё возвращалось на круги своя. «Надбно ожидать, — обречённо отмечал военный министр, — что немедленно поднимется снова газетная война со всевозможными сплетнями и скандалами»¹⁰⁴.

Не удивительно, что многочасовые дискуссии, проходившие на протяжении нескольких недель, закончились соглашением о действиях «в случае возникновения новых волнений и беспорядков». «Совещание единогласно признало, — говорилось в журнале, — домогательствам студентов не оказывать ни малейшего послабления, не прибегать ни к каким уступкам, не входить ни в какие переговоры, обнаруживающие колебание со стороны начальства, но немедленно принимать соответствующие меры к прекращению возникшего движения, дабы предупредить и предотвратить его дальнейшее развитие

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, л. 6. См. также: ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 10–11.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1150, л. 11; ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 20.

¹⁰² ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 12, л. 20.

¹⁰³ Там же, л. 5.

¹⁰⁴ Там же; Милютин Д.А. Дневник... С. 146.

и распространение»¹⁰⁵. «Опять говорили много, и как всегда, благодаря искусству председателя, все споры и разногласия приведены к нулю, – констатировал Милютин 12 декабря. – Ровно никакого положительного результата, одни фразы и общие места»¹⁰⁶.

Валуеву оставалось доложить Александру II об итогах прошедших заседаний. К 21 декабря доклад был готов. Будучи более чем втрое короче окончательного печатного текста журнала, он, как правило, достаточно точно отражал предложения министров, но в ином порядке и как бы вплетая их в логику собственных рассуждений Петра Александровича¹⁰⁷. Доклад состоял из двух частей: в первой указывалось, что стало «источником беспорядочных движений», а во второй – перечислялись меры, «которые могли бы способствовать» их предотвращению. Причиной волнений признавались «общие недостатки внутреннего быта» высшей школы и «посторонние влияния, усиливающие значение таких недостатков». Тут отмечались и «отсутствие прямой органической связи между учащимися и учащими», и «преобладание коллегиального начала в формах управления», и неудовлетворительное состояние и поведение «профессорских коллегий», и «нерасчётливое и даже иногда неправильное применение разных льгот» (о чём говорилось особенно подробно), и «затруднения, проистекающие от весьма значительного увеличения числа» студентов, и их «утилитарные цели», и, наконец, «отсутствие семейных и гражданских нравов, которые могли бы содействовать начальству разных учебных заведений в деле охранения в них надлежащего порядка»¹⁰⁸.

В намеченной программе действий прежде всего констатировалось, что «пересмотр ныне действующих уставов составляет предмет несомненной потребности» и «давно» входит в планы министра народного просвещения. Предполагалось, «что автономия профессорских коллегий может быть ограничена изъятием из их ведения некоторых дел административно-полицейского свойства и установлением другого порядка назначения профессоров и лиц, занимающих в учебных заведениях административные или полицейские должности» (при особо оговоренном намерении гр. Толстого сохранить выборность профессоров и деканов). Усилить «правительственный контроль за направлением преподавания» следовало «в тех размерах и формах, в каких это будет признано удобным и возможным по особому свойству и строю каждого заведения»¹⁰⁹.

Во избежание «переполнения» аудиторий вновь рекомендовались «правильная строгость приёмных испытаний»¹¹⁰ и «систематическая разборчивость» при предоставлении льгот и пособий, размеры и условия которых оставались, впрочем, прежними, как и плата за обучение (повышавшаяся только для немногочисленных вольнослушателей). Всё же в докладе не отрицалось, что «есть виды службы, например, медицинский, по заявлению министров военного и внутренних дел, и педагогический, по заявлению министра народного просвещения, где недостаток людей очевиден». Начальству училищ предписывалось обращать «надлежащее внимание на действительные учебные нужды учащихся», дабы предотвращать

¹⁰⁵ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 12, л. 20.

¹⁰⁶ Милютин Д. А. Дневник... С. 148.

¹⁰⁷ ОР РНБ, ф. 874, оп. 2, д. 77. См. также: Георгиевский А. И. Указ. соч. С. 7–11.

¹⁰⁸ ОР РНБ, ф. 874, оп. 2, д. 77, л. 1–3.

¹⁰⁹ Там же, л. 4.

¹¹⁰ Говоря об экзаменах, Валуев напомнил об обязательности соблюдения, казалось, уже давно забытых «общих начал», утверждённых императором «по докладу четырёх министров 1(13) июня сего года». Это едва ли не последнее упоминание о данном документе.

«все домогательства о праве сходок и депутатий», а сами руководители ведомств готовились решительно пресекать «волнения и беспорядки» в случае их возникновения. После перечня уже одобренных «мер» излагались нуждавшиеся ещё в дальнейшей разработке и обсуждении соображения Потапова о необходимости обеспечить «единство действий во всех воспитательных заведениях» и осуществить «соединение в одном ведомстве всех гражданских учебных заведений, не имеющих специальных свойств», а также мысль кн. Урусова о целесообразности изменения юрисдикции общих судов¹¹¹.

Похоже, сложнее всего Валуву было осветить (а точнее — стушевать) споры, касавшиеся «корпоративного устройства учащихся». Не сочувствуя этой идее, но и не желая открыто выступать против военного министра, Пётр Александрович весьма своеобразно очертил его позицию. Так, Милютину приписывалось утверждение, будто, несмотря на «некоторые выгоды», в 1860-е гг. «упразднение корпоративного учебного строя было необходимо», а «возвращение к корпоративным условиям быта учащихся при наших нравах и при том настроении, которое обнаруживается в среде студентов и даже в среде преподавателей, не представляется возможным», и приходится, в полном соответствии с мнением гр. Толстого, «остаться при нынешних началах отдельности отношений каждого студента к тому учебному заведению, в котором он слушает курсы»¹¹².

Не только по милютинскому дневнику, но и по официальному журналу (составленному под руководством того же Валуева) хорошо видно, что Дмитрий Алексеевич упорно отстаивал нечто прямо противоположное. Прекрасно понимая это, 21 декабря Пётр Александрович отправил ему, прося возвратить по прочтении, «только что переписанный проектированный доклад». «До завтрашнего заседания никому его сообщить не могу, — “конфиденциально” уведомлял он, — но на Ваше одобрение всё-таки желалось его представить. Вам, более всех, мы обязаны довольно скорым завершением совещаний. Вы помогли, своим собственным спокойным участием, успокоить разные соседние самолюбия и опасения. Мне кажется, что несмотря на торопливость работы, очерк вышел довольно верный и ясный. На одной из первых страниц я позволил себе вложить в Ваши уста признание невозможности возврата к корпоративному быту. Вы этого так положительно не высказывали; но, по известным Вам предубеждениям, мне это показалось не лишним. В подробном общем журнале все Ваши соображения и объяснения выведены двумя секретарями, с большим старанием и подробно. Вероятно, к завтра успеют перебелить»¹¹³.

О чьих и каких именно «предубеждениях» шла речь, можно только гадать. Но, похоже, Милютин не стал спорить из-за формулировок документа, практическое значение которого считал ничтожным. Гораздо важнее для него была поддержка Валуева в деле о ведомственной принадлежности МХА (только в мае—июне 1875 г. оно было окончательно решено в пользу Военного министерства)¹¹⁴. 22 декабря члены Особого совещания подписали доклад, составленный Валуевым, но представлявшийся от имени их всех, и уже 23 декабря Александр II оставил на нём резолюцию: «Исполнить». Приближались Рождество, Святки, новогодние балы...

Тем не менее едва ли кто-либо из участников Особого совещания мог быть вполне доволен достигнутым результатом. Валуев, на пике кажущегося

¹¹¹ Там же, л. 2, 4–6.

¹¹² Там же, л. 1, 4.

¹¹³ ОР РГБ, ф. 169, к. 40, л. 30, л. 5–6.

¹¹⁴ Милютин Д.А. Дневник... С. 175–187.

шуваловского могущества в 1873 г. инициировавший обсуждение политики в сфере народного просвещения, не сумел добиться изменения её будто бы чрезмерно «демократического» характера. С сочувствием к этому отнёсся лишь Грейг, а против выступили не только либералы Милютин и Рейтерн, но и консервативно настроенные Потапов, Тимашев и гр. Толстой. Милютин, несмотря на частичную поддержку Потапова и гр. Палена, вынужден был временно отказаться от идеи введения в высших учебных заведениях корпоративных начал (он вернётся к ней в 1880–1881 гг. при содействии гр. М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова)¹¹⁵. Толстому пришлось всё же взяться за пересмотр университетского устава – министр оказался между своими злейшими противниками в правительстве и ближайшими сотрудниками в собственном ведомстве, требовавшими одного и того же¹¹⁶. Между тем, по свидетельству Е.М. Феоктистова, «перспектива новой, ещё более упорной борьбы приводила его в трепет». Не случайно в том же 1874 г. в майском докладе «четырёх министров» ни о каких преобразованиях в университетах не упоминалось. И неудивительно, что «граф Дмитрий Андреевич не спешил облечься в бранные доспехи»¹¹⁷: в апреле 1875 г. начала работу Деляновская комиссия, в 1879 г. последовала реорганизация инспекции, а проект нового устава поступил в Государственный совет только в феврале 1880 г., где и пролежал до увольнения Толстого от должности 18 апреля, после чего был возвращён его преемнику – Сабурову, который резко сменил курс и выступил за создание в университетах легальных студенческих организаций взаимопомощи и т.п.¹¹⁸

При этом характерно, что отмена университетской автономии не рассматривалась в середине 1870-х гг. как отступление от принципов Великих реформ, а либеральные бюрократы – Рейтерн и особенно Милютин – настаивали на ограничении полномочий профессорских советов едва ли не решительнее других министров. В целом же, реальная политика самодержавия в высшей школе вовсе не определялась борьбой «либеральных» и «консервативных» убеждений, хотя у сановников были, конечно, свои предпочтения (нередко весьма эклектичные). Гораздо сильнее на неё влияли политические амбиции, личные столкновения и особенно – ведомственные противоречия и сугубо прагматичные соображения, в частности, наличие или отсутствие потребности в специалистах соответствующего профиля. Но, так или иначе, отсутствие единства и согласованности действий фактически приводило к параличу власти в критически важной для государства отрасли управления, обеспечивавшей пополнение правительственного аппарата. Сановники середины 1870-х гг. не склонны были преувеличивать масштаб и опасность студенческих волнений (и скорее использовали их в своих конфликтах), но не могли не видеть проявлявшегося в них отсутствия сколько-нибудь надёжных форм и способов влияния на учащихся и учащихся.

¹¹⁵Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 237–238; 252–256; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 269–283.

¹¹⁶Именно поэтому Георгиевский позднее упорно отрицал «практические последствия» «предначертаний» Особого совещания и утверждал, что все решения принимались непосредственно в министерстве, т.е. им и его единомышленниками (*Георгиевский А.И.* Указ. соч. С. 11).

¹¹⁷*Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 187–190.

¹¹⁸*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 503–504.

Власть и рынок в блокадном Ленинграде

Владимир Пянкевич

Power and market in besieged Leningrad

Vladimir Piankevich

(Saint Petersburg State University, Russia)

Истории ленинградской блокады посвящено огромное количество исследований, отразивших различные аспекты военного противостояния врагу, деятельности партийной организации, работы промышленности, обеспечения жизнедеятельности осаждённого города, эвакуации и т.д. В значительно меньшей мере исследована роль рыночной торговли, тема самоснабжения блокадников. Суждения на эту тему разноречивы. Одни исследователи пишут, что в Ленинграде военных лет, в отличие от других городов, не было колхозных рынков с возможностью приобретения товаров в дополнение к пайку¹, единственным и исключительным источником получения продуктов являлась продовольственная карточка², а блокадникам часто приходилось выживать на одном пайке³. Другие, напротив, говорят о рынке как о неперемнной реальности блокадного города и о значимой роли товарообменных отношений в существовании ленинградцев⁴. Так, американский исследователь В. Москофф полагает, что способы решения проблем, порождаемых дефицитом продуктов питания, которые применялись в других городах, не подходили для находившегося в осаде Ленинграда, где сотни тысяч умерли от голода и холода. Указывая на рыночную торговлю как одно из средств выживания людей, историк полагает, что мирное население СССР получало продовольствие не благодаря господствовавшей политико-экономической системе, но вопреки ей⁵. Полемизируя с этим суждением, В. Голдман пишет, что история продовольственных поставок не была борьбой за существование отдельных индивидов, которые пытались раздобыть себе еду. Разобшённые люди никогда бы не выжили в условиях экстремальных лишений военного времени. Государство мобилизовало все имевшиеся у него ресурсы и обеспечило населению пропитание, в том числе не

© 2017 г. В.Л. Пянкевич

¹ Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967. С. 337.

² *Кислицын Н.Г.* Ленинград не сдаётся. М., 1995. С. 125; *Ежов М.В.* Роль Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в обороне города // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 37.

³ *Будницкий О., Новикова Л., Шапиро П.* Предисловие // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 20.

⁴ *Говоров И.В., Кокуев С.Б.* Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930–1940-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 24–35; *Пянкевич В.Л.* Рынок блокадного Ленинграда // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. С. 122–163; *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013.

⁵ *Moskoff W.* The Bread of Affliction: the Food Supply in the USSR during World War II. Cambridge, 1990. P. 185, 192, 238.

бросило рабочих на произвол рыночной стихии, в рамках которой спекулянты наживались на нужде обездоленных⁶.

Весьма важной в контексте этих суждений представляется проблема взаимоотношений власти и рынка в чрезвычайных условиях войны. В данной статье будет рассмотрена политика руководства Ленинграда по отношению к негосударственной торговле и обмену во время и по окончании блокады. На основании архивных документов органов государственной власти, правоохранительной системы и свидетельств личного происхождения будут проанализированы запретительные и репрессивные антирыночные меры. В центре внимания – проводившиеся на рынках города милицейские проверки и восприятие их блокадниками.

«Все рынки закрыты – и открылись»

Перед Великой Отечественной войной советское государство стремилось максимально подавить частное предпринимательство. С 1 августа 1940 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была запрещена «торговля с рук», поставлены вне закона барахолки и толкучки⁷. В рамках политики централизации экономики выдвигалась задача установления контроля над рынком. В проекте тезисов доклада Госплана при СНК СССР «О Генеральном плане развития народного хозяйства СССР на 15 лет» (апрель 1941 г.) отмечалось: «Государство... будет целиком и полностью управлять рынком и ценами. Это позволит осуществлять более полно государственный контроль за мерой труда и мерой потребления»⁸. Однако в военное время власти – как в центре, так и на местах – отказались от стремления полностью вытеснить частный товарообмен. Они понимали практическую невозможность, бессмысленность и рискованность такого запрета, угрожавшего ухудшить и без того трудное положение миллионов людей.

Более того, стремясь избежать полной деградации обеспечения городского населения продовольствием и роста социальной напряжённости, в годы войны государство допустило расширение рыночных элементов в экономике: сквозь пальцы смотрело на распространение спекуляции, возникновение разного рода «барахолок» и «блошинных рынков». Расширилась сеть комиссионных магазинов, торгующих по коммерческим ценам. Доля колхозной торговли в обеспечении населения продуктами питания поднялась с 14% в 1940 г. до 46 в 1944 г.⁹ Более того, правительство и местные органы власти даже поощряли её развитие. На рынках свободно продавались все виды продуктов, включая зерно и хлеб¹⁰. Следует согласиться с суждением Дж. Хесслер: в отличие от

⁶ *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне... С. 249.

⁷ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 232.

⁸ *Парамонов В.Н.* Тени военного времени. 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3 (URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/hist/199930901.html>).

⁹ *Соколов А.К.* Социально-трудовые отношения на советских предприятиях в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 96.

¹⁰ *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 160, 162; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 136.

предшествующих кризисов, когда репрессии были обычной реакцией режима на нежелательные формы товарообмена, война породила более мягкое отношение к его незаконному и полулегальному характеру. Сталин не хотел повторять ошибок прошлого, пресекая местную рыночную торговлю в период чрезвычайного положения в стране¹¹.

Впрочем, так было не везде и не всегда. В частности, ситуация в Ленинграде постоянно менялась. За неделю до окружения города, 1 сентября 1941 г., торговля продовольствием была запрещена. Однако её полного сворачивания не произошло, более того, рынки готовились работать в условиях войны. Так, на Клинском рынке в соответствии с приказом штаба противовоздушной обороны Фрунзенского района было оборудовано бомбоубежище для укрытия покупателей¹². Правда, торговля ограничивалась не только решениями власти, но и объективными условиями военного времени – в первые два года по всей стране привоз сельскохозяйственных продуктов на городские рынки резко сократился¹³. В Ленинграде он в короткие сроки стремительно уменьшился, а с октября и вовсе прекратился или стал носить случайный характер¹⁴. Как только появлялся продавец с картофелем, молоком или даже овощной ботвой, к нему сразу выстраивалась очередь.

Несмотря на запрет и противодействие администрации и милиции, на большинстве колхозных рынков, особенно на Клинском, Кузнечном, Октябрьском, Мальцевском и Сытном, стихийно возникли обменные толкучки¹⁵. «Сенная площадь... издавна славилась как самое бойкое торговое место. Но никогда она не была такой оживлённой, как в дни блокады. Огромный колхозный рынок, закрытый в начале войны, потом как будто сам собой открылся. Все рынки закрыты – и открылись»¹⁶. Впрочем, это были уже не привычные довоенные рынки, а примитивные базары, коммерция которых была в значительной степени нелегальна и полускрыта.

Для спасения от голодной смерти положенного по карточке обычно не хватало, необходимы были дополнительные источники продуктов питания. По свидетельству Е.Л. Шрейбера, служившего в комсомольском противопожарном полку, где «хоть плохо, но кормили», в «первую блокадную зиму... ни один ленинградец, имевший детскую или иждивенческую карточку, не мог выжить, если у него не было дополнительных возможностей получения пищи»¹⁷. Весьма эмоционально об этом высказался учёный-геолог Б.М. Михайлов: «Меня нельзя убедить, что кто-то в Ленинграде остался живым, питаюсь только продуктами, получаемыми по карточкам. Пусть блокадник, оставшись один на один с собой, попытается сказать себе такое... – не скажет!»¹⁸. «На то, что давалось

¹¹ *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade Policy, Retail Practices and Consumption, 1917–1953. Princeton, 2004. P. 252.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), ф. 9933, оп. 1, д. 68, л. 8.

¹³ *Любимов А.В.* Указ. соч. С. 159.

¹⁴ ЦГА СПб, ф. 9933, оп. 1, д. 69, л. 9, д. 71, л. 8.

¹⁵ Докладная записка и.о. директора городского управления рынками Кириллова в отдел торговли Ленгорисполкома (26 ноября 1941 г.) // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). СПб., 1995. С. 196.

¹⁶ *Даров А.А.* Блокада. Нью-Йорк, 1964. С. 186, 187.

¹⁷ Дети войны: сто очерков-воспоминаний. СПб., 2014. С. 306.

¹⁸ *Михайлов Б.М.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 42.

по карточкам, выжить не мог никто, — убеждён переживший ребёнком блокаду писатель Г.М. Калинин. — Наверное, если бы провести подсчёты, сколько человек могло бы прокормиться, получая выдававшиеся тогда жалкие пайки, то оказалось бы, что выжить мог лишь один из четырёх—пяти, а то и из шести—семи человек»¹⁹. «Те, кто выжил, имели какие-то дополнительные источники питания, — вспоминают Г.Н. и М.М. Семёновы. — К выжившим относится наша семья»²⁰.

«У большинства ленинградцев, — полагает мемуаристка, — была возможность выменивать вещи на хлеб»²¹. По наблюдению Дж. Хесслер, те немногие люди, у которых она брала интервью в 1993 г., на вопрос о том, кто занимался стихийной торговлей во время войны, отвечали: «Практически все!», «Если это преступление, то весь народ был виноват!», «Каждая семья без исключения». По словам одного информанта, «мы должны были выживать»²². Отвечая на вопрос, были ли у них дополнительные источники питания, 83,3% заполнивших анкеты блокадников в рамках опросов, проведённых в 1998—2000 гг., указали на использование довоенных запасов, обмена вещей на продукты и т.д. Самым распространённым способом получения хотя бы небольшой прибавки к пайку был обмен вещей на продукты: 61,4% респондентов сообщили, что их семьи меняли вещи на еду²³. Это означает, что почти две трети населения города искали спасения на рынке, «толкучке», стихийных уличных торжищах, а также у знакомых, которые добывали продукты подчас незаконным путём. Впрочем, часть горожан по разным причинам не могла или не хотела прилагать усилий для поиска дополнительных источников питания.

***«Развилась поразительная спекуляция...
За всё это следует расстрелять!»***

Стихийная рыночная торговля вызывала резкое неприятие у многих блокадников. По их представлениям, город был наводнён дельцами, «хищниками», спекулянтами, наживавшимися на нужде сограждан. Согласно дневниковым записям периода осады и позднейшим опросам, спекуляция продуктами питания была массовой и более масштабной, чем это зафиксировано в официальных документах того времени²⁴. Городская власть была настроена на решительную борьбу с хищениями и спекуляцией. В постановлении Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. о снижении до минимума норм хлеба в блокированном городе, руководителям правоохранительных органов предписывалось «усилить борьбу с расхитителями продовольственных товаров, какими бы формами это воровство ни прикрывалось»²⁵.

Однако блокадники часто не видели результатов противостояния такого рода преступлениям. Крайне враждебно относясь к расхитителям

¹⁹ Калинин Г.М. Блокада на всю жизнь // Калинин Г.М. День один: рассказы и повести. М., 2010. С. 246.

²⁰ Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 580.

²¹ Ильина Л.Л. Начало распада Советской империи 1941—1953 годы. СПб., 2006. С. 40.

²² Hessler J. Op. cit. P. 269.

²³ Фролов М.И. «Салют и реквием». Героизм и трагедия ленинградцев 1941—1944 гг. СПб., 2003. С. 69—70.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Ленинград в осаде... С. 195.

и спекулянтам, многие приветствовали репрессии против них. «Свирепствуют спекулянты, — записал 15 декабря 1941 г. ректор Ленинградского института советской торговли М.А. Иванов. — Сегодня на Кузнечном, на “толкучке”, какая-то дрянь маленькую вязку дров продавала за 50 рублей. Жаль, что не ликвидируют такую дрянь. Кстати, самый ходовой товар на “толкучке” — “буржуйки” и свечи»²⁶. «Сегодня наш базар стали разгонять, — отметила 25 декабря 1941 г. писательница Е.К. Васютина. — Давно пора»²⁷. 1 января 1942 г., наблюдая «толкучку у спекулятивного рынка на Васильевском острове», писатель В.В. Вишневский иронично и презрительно заметил: «Неумирающая “коммерция”». 4 января он же фиксировал контрастное соседство «великого» (голодание некоторых командиров, которые отдавали свой месячный сухой паёк семьям) и «низкого»: «Спекулятивный рынок. На холоде топчутся люди, что-то меняют»²⁸. «Хорошо, что начинают (правда, пока робко) браться за “толкучку” на Кузнечном, — записал 8 января М.А. Иванов. — Развилась поразительная спекуляция. Примеры. 750 граммов американского мяса — 500 рублей, коробок спичек — 10 рублей, плитка шоколада — 110 рублей. За всё это следует расстреливать!»²⁹.

Однако даже масштабные принудительные акции были не в состоянии справиться с рыночной стихией: «Поскольку... стимулом к товарообмену в основном является нужда населения в продуктах питания и предметах первой необходимости, мы вынуждены констатировать, что борьба репрессивными мерами не в состоянии прекратить это явление; равно не достигает цели и удаление толкучек с площади рынков, так как в таком случае они образуются в прилегающих переулках», — докладывал и.о. директора городского управления рынками Кириллов. Считая неорганизованный частный торг «явлением, имеющим существенное значение в жизни города», он предложил «на известный период времени легализовать толкучки» на пяти колхозных рынках для установления «более эффективного наблюдения за доброкачеством обмениваемых продуктов (мясо, рыба, молоко и т.п.) и облегчения борьбы со спекуляцией». Кроме того, по его мнению, узаконивание «толкучек» позволило бы взимать с их клиентов пожетонный сбор, общая сумма которого могла составить более 100 тыс. руб. в месяц³⁰. Две недели спустя, 12 декабря 1941 г., Кириллов снова отмечал, что, несмотря на все меры, как со стороны администрации рынков, так и со стороны милиции, «толкучки получили такое развитие, что распространились и на прилегающие улицы». Чиновник признал, что борьба не даёт должных результатов на фоне значительного роста потребности населения. С учётом возможности получения за счёт пожетонного сбора на всех рынках до полумиллиона рублей в квартал, он вторично предложил легализовать «толкучки», поскольку этот вопрос «заслуживает особого внимания и требует самого срочного разрешения»³¹. Отметим, что величина потенциального налогового дохода государства от контроля над частной торговлей возросла, по оценке чиновника, за две недели более чем на 60%.

²⁶ Иванов М.А. Блокадный дневник ректора. СПб., 2014. С. 57.

²⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 522, оп. 1, д. 39, л. 65 об.

²⁸ Вишневский В.В. Ленинград: Дневники военных лет. В 2 кн. Кн. 1. М., 2002. С. 54, 58.

²⁹ Иванов М.А. Указ. соч. С. 67.

³⁰ Ленинград в осаде... С. 196–197.

³¹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 17, д. 402, л. 252.

В декабре 1941 г. официально вели хозяйственную деятельность 18 колхозных рынков³². Помимо них в городе существовало, по самым скромным подсчётам, несколько десятков торжищ. По наблюдениям сотрудников управления рынков, на каждом из них находилось в среднем свыше 1 тыс. человек ежедневно³³. Художник И.А. Владимиров записал 21 декабря 1941 г.: «Меновая торговля... охватила буквально весь город. С раннего утра до полной темноты тысячи голодных людей всех возрастов и сословий толкуются на рынках во всех районах города»³⁴. «Рыночная толкучка начиналась с Шамшевой, или даже с Лахтинской улицы, и продолжалась вдоль по Малому вплоть до Рыбацкой», — вспоминал Б.М. Михайлов «толкучку» у Дерябкина рынка в феврале 1942 г.³⁵ Только она одна простиралась на расстояние 260–440 м вдоль Малого проспекта Петроградской стороны.

Тем временем предложение Кириллова об установлении контроля за частной коммерческой стихией было отвергнуто городской властью, которая решила сделать ставку на привычные меры репрессивного характера. «Несколько недель назад начальник милиции “приказал” воспретить всякую меновую торговлю», — отмечал 21 декабря 1941 г. И.А. Владимиров. Однако «очень скоро “виновников” в меновой торговле на рынках оказывалось так много, что мильтоны сбивались с ног и фактически не имели сил и возможности “арестовать” всех меняльщиков». Художник указал на излишнюю суровость и даже несправедливость насилия: «Голодных граждан, рискнувших обменять кусочек сахара на 1/2 кило “дуранды”, хватало на рынке, препровождали под конвоем в отделение милиции, где их допрашивали, штрафовали, а кто не мог уплатить штрафы, отправляли на принудительные работы: рыть окопы, рубить лес на лесозаготовках и подобное»³⁶. Позднее облавы на рынках также нацеливались не только на борьбу с несанкционированной торговлей и задержание спекулянтов, но и на обеспечение рабочей силой общественных работ. Решением Ленгорисполкома от 25 марта 1942 г. всё трудоспособное население города объявлялось мобилизованным в порядке трудовой повинности для проведения работ по очистке дворов, улиц, площадей и набережных на период с 27 марта по 8 апреля. Уклонявшихся от работ следовало привлекать к ответственности по законам военного времени³⁷.

Жёсткость и даже жестокость узаконений зачастую воплощалась в реальность весьма своеобразно. «Поведение на рынках некоторых агентов милиции было двусмысленным, — вспоминал профессор Д.И. Каргин. — Наряду с исключительно щепетильным отношением к спекуляции и спекулянтам мне приходилось наблюдать обратное, а именно то, что они сами занимались покупкой на рынке вещей и даже продовольствия»³⁸. Вообще, непримиримость власти к частной коммерции периодически сменялась отступлением от строгих запретов и жёстких мер. В начале 1942 г. руководители блокадного города разрешили деятельность колхозных рынков, допустив негосударственную

³² Там же, ф. 9933, оп. 1, д. 68, л. 8.

³³ Ленинград в осаде... С. 196.

³⁴ Владимиров И.А. «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг. СПб., 2009. С. 78.

³⁵ Михайлов Б.М. Указ. соч. С. 80.

³⁶ Владимиров И.А. Указ. соч. С. 78–79.

³⁷ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 16.

³⁸ Каргин Д.И. Великое и трагическое. Ленинград 1941–1942. СПб., 2000. С. 42.

торговлю и обмен на определённых условиях. «На рынке разрешено продавать вещи за любую цену, менять любые продукты на продукты, но запрещено продукты на деньги – арест», – записал 15 января старший научный сотрудник Музея города А.А. Черновский³⁹.

Спустя некоторое время власть вернулась к насилию. «На Сенной площади стихийный рынок был, – вспоминала К.Е. Говорова. – Этот рынок конная милиция разгоняла»⁴⁰. 8 февраля М.А. Иванов записал: «Сегодня пришел конец “толкучки” на Кузнечном. С утра спекулянтов (в основном там спекулянты) разгоняла милиция, в том числе конная (отыскивались откуда-то). Этому безобразию давно надо было положить конец. Дело доходило до того, что за штуку папиросы требовали 6–7 рублей»⁴¹. «Вчера и сегодня, – фиксировал на другой день учёный-востоковед А.Н. Болдырев, – барахолку разгоняет конная милиция. Очевидно, считается, что выдачи в магазинах приняли такой размер, что допущенный в трудный период элемент частного обмена (своеобразный нэп!) можно уже упразднить»⁴². «На толкучке, разросшейся в последний месяц до невероятных размеров, – отмечал 11 февраля 14-летний М. Тихомиров, – начали энергично орудовать пешие и конные милиционеры»⁴³. Особенно масштабно карательные меры стали применяться весной 1942 г. В марте В.Я. Энст писал сыну-фронтовику: «На рынке [в] связи с новым порядк[ом] совсем не видать никаких продаж и обменов»⁴⁴.

Одним из следствий борьбы с частной торговлей и спекуляцией становилось исчезновение из стихийного товарообмена, а следовательно, недоступность для обычных горожан, жизненно важных продуктов и необходимых вещей. «Перед милицией сейчас поставлена задача – борьба со спекуляцией, и вот теперь за деньги и спичек не купишь: стоит человек на базаре, держит коробку спичек и говорит: “за кусочек хлеба” – если нет хлеба, то и без спичек уйдешь домой», – записал 9 марта И.И. Жилинский⁴⁵. «Огромная спекуляция дровами. Вязанка стоит 60–70 рублей. Мешок дров – 100 рублей. Последнее время милиция ведёт борьбу, – отметил 22 марта инженер З.С. Лившиц, – попросту отбирая дрова»⁴⁶.

«У стен домов на солнышке сидят люди и держат в руках вещи»

С 1 апреля 1942 г. по решению исполкома Ленгорсовета были временно закрыты 13 колхозных рынков (Кировский, Клинский, Московский, Свердловский, Овсянниковский, Сытный, Халтуринский, Новодеревенский, Большеохтенский, Малоохтенский, Троицкий, Бумажный, Октябрьский)⁴⁷. Затем со 2

³⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 4000, оп. 11, д. 119, л. 62.

⁴⁰ Живая память: Сборник воспоминаний. СПб., 2010. С. 100.

⁴¹ Иванов М.А. Указ. соч. С. 81.

⁴² Болдырев А.Н. Осадная запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 54.

⁴³ Дневник Миши Тихомирова. Ленинград 1941–1942 гг. СПб., 2010. С. 37.

⁴⁴ «Я буду художником» (Из фронтовой переписки Б.В. Энста с родителями 1941–1945) // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 6. СПб., 2009. С. 157.

⁴⁵ Жилинский И.И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 11.

⁴⁶ Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. СПб., 2006. С. 159.

⁴⁷ ЦГА СПб, ф. 9933, оп. 1, д. 75, л. 1.

по 18 апреля сотрудники милиции проводили проверки на Кузнечном, Мальцевском, Андреевском, Клинском, Октябрьском и Сытном рынках. Отмечу, что рейды проводились не только на трёх официально закрытых, но и на трёх формально действовавших рынках. Согласно милицееским отчётам по итогам этой «специальной работы», количество проверенных оперативными группами граждан с каждым днём облав сокращалось. Если в первый день таковых насчитывалось 7 347, то в последний — лишь 788 человек⁴⁸.

В то же время, несмотря на угрозы, блокадники продолжали посещать даже и официально закрытые рынки, которые замирали на время облав и оживали, как только уходили милиционеры. В письме ленинградки Е.Г. Францкевич мужу-фронтовику от 2 апреля говорится: «Сегодня день рождения Нины (сестра мужа. — *В.П.*). Ты, конечно, забыл об этом обстоятельстве, а я — нет, и решила доставить ей небольшое удовольствие. Нине давно хочется молока. Я наэкономила хлеба и сегодня смашировала на рынок. Пришла и была разочарована — в кои веки собралась, а он закрыт, и милиционеров тьма. Говорят, облава. Т[ак] к[ак] у меня совесть чиста, я пошла прямо на милиционера, у ворот стоящего. Он меня пропустил. У меня был план достать молока, чего-нибудь сладенького, чтобы обед был с третьим; потом хотелось чего-нибудь из посуды... хотела вазу купить, затем для себя — хвои для сотворения настоя “витамин С”. Рынок был пустым. Выпускали на другую улицу, проверяя документы о трудовой повинности... С этой стороны у меня тоже всё в порядке. Я, как говорится, вошла и вышла. Но повезло: за рынком была небольшая толкучка, и я там выменяла баночку фруктового, красивого красного цвета, желе, купила пучок хвои. Пока побродила, рынок открыли, пошла домой через него. Поднесли колхозники молока. Официально продают в спецларах. Я купила четверть литра»⁴⁹. Таким образом, неистребимая толкучка функционировала прямо рядом с проверявшимся милицией рынком!

Даже многократно сократившись, численность проверенных на шести ленинградских рынках ежедневно составляла несколько сот человек. Более того, минимальное количество, 329 проверенных, в соответствии со справками Управления милиции, побывало на них 10 апреля — в середине периода проверок⁵⁰. Несмотря на постоянные облавы, угрозы задержания, составление административного протокола, штрафы, конфискацию вещей и продуктов, количество посетителей рынков, поначалу сократившись, снова возросло. Очевидно, упование на прекращение рейдов, а главное потребность в частной коммерции, были столь велики, что многие ленинградцы вновь и вновь приходили на торжища в надежде что-либо приобрести, продать или выменять. Иные, похоже, не представляли себе существования без обменных операций. Об этом свидетельствует запись в дневнике А.Н. Болдырева от 10 апреля: «Сегодня много ловили и штрафовали на барахолке. Что завтра? Может быть, к вечеру буду уже “в рядах”»⁵¹.

Среди 7 347 проверенных на рынках 2 апреля были выявлены 4 дезертира и 9 воров. Остальные — почти 88% — составляли ничего не продававшие и не покупавшие посетители. 51% проверенных были задержаны милицией как

⁴⁸ Там же, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 77, 86.

⁴⁹ «Наверное, я не умру...»: письма из блокадного Ленинграда. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. СПб.; Пушкин, 2013. С. 22.

⁵⁰ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 62.

⁵¹ *Болдырев А.Н.* Указ. соч. С. 88.

«уклоняющиеся от трудповинности» и направлены в распоряжение райсоветов города для общественных работ. Количество «уклонистов» от одной проверки к другой постоянно сокращалось, в последний день не задержали никого⁵². Судьба некоторых задержанных складывалась драматично. Так, видимо, произошло с блокадницей, о которой 12 апреля написала учитель К.В. Ползикова-Рубец: «Все рынки закрыты с некоторых пор. Толкучки у булочных милиционеры разгоняют. Арестовывают отдельных лиц. Так попала в тюрьму Феня, старая домработница Выготских, прожившая у них 23 года. Ушла и не вернулась. А затем они получили известие, что она умерла в тюрьме»⁵³.

Опасной могла стать и уличная обменная сделка. Попытка рабочего И.П. Фирсенкова в тот же день обменять хлеб, полученный в заводской столовой, на крупяные талоны окончилась «довольно неудачно»: «Встретился с одной женщиной, отошли на правую Тентелевую улицу и уже обменялись своим товаром... а в это время подошёл милиционер и обоих нас отправил в отделение... Милиционер-дежурный спросил милиционера, где он нас задержал... сделал ему замечание, что это не его участок, и нечего ему туда соваться... после ухода милиционера дежурный выдал нам документы и отпустил домой, по-видимому, последствий этого события не будет никаких, так как постовой у нас в руках не видел ни хлеба, ни талонов». Характерно, что сразу после этого инцидента, по свидетельству Фирсенкова, он «пошёл к Нарвским воротам, там целый базар, можно всё что угодно и купить, и продать, и выменять»⁵⁴. Преследование за попытку уличного обмена и разгул торгово-обменных сделок («целый базар») на расстоянии одного километра от места описанного инцидента свидетельствует о непоследовательности антирыночных репрессий, субъективности их применения, а также о невозможности искоренить востребованную населением стихийную торгово-обменную активность.

Вторую – меньшую по численности – группу среди задержанных во время апрельских проверок составляли горожане, которые упоминаются в справках милиции как «нарушители правил торговли». Количество их также сокращалось, однако, в отличие от большинства проверявшихся, в минимальной степени. В процентном же отношении эта группа постоянно и значительно возрастала. В первый день облав она составила 824 человека, или 11,2% от общего числа проверенных. В последний же день милицейских акций таковых насчитывался 551 человек (69,9%)⁵⁵. Большинство задержанных были оштрафованы на суммы от 11 до 64 руб.⁵⁶ Несмотря на это, многие «нарушители» стремились непременно присутствовать на рынках, и, видимо, не слишком опасались стражей порядка.

Ещё одна группа – «спекулянты и скупщики». В первый день проверок таковых было выявлено 74 человека, что составило 9% от количества задержанных как «нарушителей правил торговли» и 1% от общего количества проверенных⁵⁷. После пяти дней облав количество «спекулянтов и скупщиков» уменьшилось до 10 человек. Впоследствии численность этой категории, согласно милицейским документам, то снижалась до 2–3 человек, то снова возрастала.

⁵² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 77, 86.

⁵³ Ползикова-Рубец К.В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 61.

⁵⁴ Фирсенков И.П. Блокадный дневник. СПб., 2014. С. 71, 72.

⁵⁵ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 62, 77, 79, 83, 85, 86.

⁵⁶ Там же, л. 62–65, 69–70, 72, 74, 77, 81–87.

⁵⁷ Там же, л. 77.

В последний день их было задержано двое — 0.3% от количества задержанных как «нарушителей правил торговли» и 0.2% от общего количества⁵⁸. Эти данные формально свидетельствуют о резком снижении объёмов запрещённой купли-продажи. Представляется, однако, что сокращение коснулось прежде всего открытых форм полукриминальной и преступной коммерции и, в меньшей степени, общего объёма спекулятивных операций. Опасаясь уголовного преследования, эта категория действовала более осторожно и скрытно, перемещаясь с рынков на соседние улицы и площади, к магазинам, в жилища ленинградцев.

Немаловажной задачей оперативников было задержание ещё одной группы посетителей — воров. Согласно статистике, их насчитывалось относительно немного, но присутствовали они практически постоянно. 2 апреля ленинградские милиционеры задержали 9 воров. Затем их количество резко сократилось, а в отдельные дни не задерживали ни одного вора. В последний день проверок были задержаны трое⁵⁹. Специальное упоминание и регистрация этой категории посетителей рынков согласуется с часто встречающимися в дневниках и воспоминаниях блокадников свидетельствами об обмане и насилии, подстрекавших многих участников торгово-обменных операций.

Ограничения, запреты, проверки на рынках пугали тех, кто приходил сюда порой с последней надеждой купить или выменять еду или вещи. Однако потребность в торговле была слишком велика. «Рынки разгоняют, — записала 16 апреля библиотекарь М.В. Машкова, — и вся мена происходит около булочных»⁶⁰. «Со вчерашнего дня запрещена мена, толкучка; милиция усиленно разгоняет; если застают при заключении сделки (мены) — ведут в пикет или даже отнимают обмениваемое», — отметила 19 апреля экономист З.З. Шнитникова⁶¹. В тот же день искусствовед А.А. Барташевич свидетельствовал: «Возле булочных стоят люди, продают и меняют вещи. Это — результат того, что рынки разгоняются»⁶². Остро нуждавшиеся горожане были вынуждены скрывать свои намерения и действия. Архитектор Э.Г. Левина так описывала 24 апреля хитрости, к которым прибегали ленинградцы: «У стен домов на солнышке сидят люди и держат в руках вещи: бельё, безделушки, фарфор, кусочки мяса, бутылки соевого молока. Это замаскированный рынок, так как толкучка разогнана. Когда подходит милиция, люди делают гуляющий вид, когда милиции нет — совершают сделки». Однако снисходительное отношение Левиной к этим уловкам не означало терпимости к тем, кто, по её мнению, наживался на голоде: «Количество спекулянтов всё же уменьшилось, часть воров переловили, к сожалению, далеко не всех». Три недели спустя она же описала негодование уличных торговков: «Милиционер разгоняет баб на базаре — “когда вы нас перестанете мучить, проклятые”»⁶³.

⁵⁸ Там же, л. 62–65, 69–70, 72, 74, 77, 81–87.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Машкова М.В.* Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 46.

⁶¹ Блокадный дневник З.З. Шнитниковой: 2 сентября 1941–17 июля 1942 г. // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 66.

⁶² *Барташевич А.А.* Блокадный дневник // Звезда. 2011. № 6. С. 105.

⁶³ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 11, л. 57, л. 19–21.

«Лишь немногие смельчаки рискуют ходить по Невскому с пачкой папирос в руке»

Новый этап начался 21 мая 1942 г., когда Ленгорисполком «в соответствии с указанием Военных властей» принял решение «О борьбе со спекулятивным обменом продовольственных товаров». В решении указывалось на «вид спекуляции, принимающей форму прямого мародёрства, когда отдельные антиобщественные и преступные элементы, используя трудности, переживаемые населением Ленинграда, занимаются, в целях наживы на народной нужде, спекулятивным обменом продуктов питания, полученных ими по твёрдым государственным ценам в торговой сети, и используя преступные связи с лицами, расхищающими продовольственные товары»⁶⁴. Органы милиции должны были «задерживать и немедленно привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся спекулятивным обменом продовольственных товаров на рынках, площадях и других местах». В суде дела о лицах, изобличённых в спекуляции, должны были рассматриваться во внеочередном порядке, а виновные в соответствии со ст. 107 УК РСФСР подвергаться наказанию в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Это решение, опубликованное 22 мая в газете «Ленинградская правда», а также переданное по городскому радио, не осталось незамеченным. В записках горожан можно встретить описание его последствий. З.З. Шнитникова записала: «Приказ “прекратить спекулятивный обмен продуктов” понят населением и милицией так, что вообще продуктов и с рук не стало»⁶⁵. «Теперь уже нельзя свободно обменять кусок хлеба на стакан клюквы или пачку табаку, — заметил учитель А.И. Винокуров, — придётся это делать через знакомых»⁶⁶. И.П. Фирсенков высказался так: «Теперь мы не представляем себе, как будем дальше питаться в столовых завода. Я, конечно, до первого июня проживу без дополнительных талонов, но... перейдя в общую столовую, придётся питаться только на три талона, что крайне затруднительно, а обмен производить тоже опасно, так что пока даже мы не представляем себе, как мы будем вывёртываться из этого для нас затруднительного положения». 24 мая блокадник вновь возвратился к этой теме: «Постановление Ленсовета о воспрещении обмена продуктов уже сильно сказалось на моих рабочих. Ребята не могут достать крупяные талоны и поэтому эти дни живут почти впроголодь, все талоны по старой карточке съедены, а обменять нет никакой возможности, как дальше будут они жить, я не представляю себе, а до первого ещё далеко»⁶⁷. «Обмен запрещён, — писала 25 мая Е.П. Крайская. — Грозное распоряжение. Приказ, карающий тюрьмой всякие обмены товарами или на вещи и т.д.»⁶⁸. «Последнее время в городе процветали меновые рынки, — свидетельствовал научный сотрудник Государственного оптического института Д.Н. Лазарев. — С этим стали бороться, рынки закрыли. После этого мены стали совершаться сначала

⁶⁴ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1942. № 9–10. С. 10.

⁶⁵ Блокадный дневник З.З. Шнитниковой... С. 68.

⁶⁶ Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 262.

⁶⁷ Фирсенков И.П. Указ. соч. С. 82, 83.

⁶⁸ Дневник Е.П. Крайской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: блокадные дневники. СПб., 2015. С. 84.

у хлебных лавок, а затем распространились по улицам, на Петроградской стороне преимущественно по Большому проспекту. Это тоже стали преследовать, меняльщиков забирать в милицию»⁶⁹.

Если репрессивные меры против рыночных спекулянтов многие блокадники приветствовали, то насилие по отношению к себе — вынужденным участникам стихийных торгово-обменных операций — осуждалось как несправедливое и излишне суровое. «Сегодня для меня неудачный день, — записал 29 мая А. Лепкович. — Я стал невинной жертвой и уплатил в милиции 15 руб. штрафа якобы за торговлю хлебом, в то время когда я купил для себя к обеду 300 грамм»⁷⁰.

Исчезновение из частного товарооборота продовольствия, необходимых вещей, резкое ограничение возможностей их приобретения порой раздражали, вызывали недовольство. «Кстати, о хлебе: его почти невозможно купить, не слышно ни предложений, ни спроса, — записал 31 мая А.А. Барташевич. — У булочных никто не толкается, и лишь немногие смельчаки рискуют ходить по Невскому с пачкой папирос в руке, безмолвно предлагая прохожим в обмен на хлеб. Не думал, что постановление об обмене подействует так быстро и радикально»⁷¹. В письме Е.Г. Францкевич мужу от 1 июня говорилось: «Рынки у нас давно закрыты. Толкучки (у булочных) разгоняют. Я ничего не продала и, признаться, не придумаю, что продать. У нас нечего продавать. И обменять сейчас ничего невозможно»⁷². «Достать что-либо совершенно невозможно — покупать и менять запрещено», — сообщал 27 июня в письме из Ленинграда художник П.М. Кондратьев⁷³.

Однако полностью ликвидировать стихийную торговлю и обмен не удалось. По разным причинам в них нуждалось слишком много людей. Власть снова и снова разрешала такую коммерцию, а затем, словно спохватываясь, возобновляла запреты. «Вновь открыли городские рынки и разрешили продажу... разных домашних вещей: это оказалось необходимым — масса, уезжающая из города, нуждается в деньгах, поэтому на рынок вещи выбрасываются за бесценок», — записала 8 июля сотрудница Эрмитажа М.С. Коноплёва⁷⁴. В связи с возможной эвакуацией коммерческая активность ленинградцев приняла неожиданные формы: предназначенные к продаже вещи выставлялись прямо на асфальте рядом с домом, торговля шла на квартире или в комнате. «На подоконниках, в окнах первых этажей уезжающие раскладывают свои вещи и продают прохожим, — записал 12 июля А.И. Винокуров. — На Знаменской улице целый ряд таких своеобразных магазинов. Большинство же уезжающих продаёт свой скарб прямо на улице, чаще всего — у ворот дома. Вещи отдают буквально за бесценок, особенно поражают цены на мебель, её уступают чуть ли не даром, но, несмотря на это, многие не успевают продать свои вещи и уезжают, бросив накопленное в течение долгих лет»⁷⁵.

⁶⁹ Лазарев Д.Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. V. Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 210.

⁷⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 11, д. 58, л. 18.

⁷¹ Барташевич А.А. Указ. соч. С. 121.

⁷² «Наверное, я не умру...»... С. 29.

⁷³ Сурис Б.Д. «...больше, чем воспоминанья». Письма ленинградских художников, 1941—1945. Кн. 2. СПб., 1993. С. 378.

⁷⁴ ОР РНБ, ф. 368, д. 3, л. 3.

⁷⁵ Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. С. 271, 272.

Однако уже 14 августа А.Н. Болдырев отмечал: «Пресекается какая-либо не санкционированная властью коммерческая активность, в том числе порой нищенская уличная торговля»⁷⁶. И.В. Фирсенков с сожалением писал 8 августа о закрытии торжища у Нарвских ворот, где он регулярно продавал выращенные им овощи: «Приехал к рынку, рынок закрыт, людей разгоняют... Пришлось овощи продавать с рук прямо на улице. Корнеплоды берут очень охотно, особенно хорошо берут репу, спрашивают брюкву, но неплохо берут и турнепс. За какие-нибудь 40 мин. я все свои овощи продал... За всё я выручил 421 руб.»⁷⁷.

Запреты и ограничения вводились и позднее, но порой фактически не применялись ввиду их неэффективности. 18 января 1944 г. писатель А.И. Пантелеев упомянул: «Мальцевский рынок закрыт, торгуют – законам и милиции вопреки – у булочной, на углу Греческого и Бассейной. Даже водку здесь можно купить»⁷⁸.

«Население испытывает острую нужду во всём»

Будучи ярким свидетельством неблагополучия в социальной сфере, частная торговля не могла не быть неудобной властям, поэтому боролись с ней, используя любые предлоги. Например, выяснилось, что её размах столь велик, что даже мешает проезду немногочисленных тогда автомобилей. В связи с остротой проблемы Ленгорисполком принял 12 августа 1944 г. решение «О воспрещении торговли с рук на панелях и мостовых, у магазинов, булочных, кинотеатров и в других местах». Правила уличного движения были дополнены запретом «производить торговлю с рук, а также устраивать так называемые “толкучки”», а «граждане, виновные в нарушении... Правил», должны были подвергаться «штрафу в размере до 25 рублей»⁷⁹.

Однако наибольшее опасение вызывал рост спекуляции. В справке, подготовленной 16 сентября 1944 г. к проекту постановления исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б) «О продаже на рынках г. Ленинграда частными лицами нормированных продовольственных товаров и собственных вещей домашнего обихода», отмечалось: «На всех действующих в настоящее время... тринадцати рынках частные лица производят продажу... в явно спекулятивных целях». Обстановка на рынках носила полукриминальный, а то и откровенно преступный характер: «Имеет место и грубое нарушение правил общественного порядка, вплоть до мордобития. Здесь же ютятся перекупщики и всякого рода проходимцы». Проектом постановления предусматривались меры не только контролирующего и репрессивного, но и фискального характера, а также сосредоточение торговли вещами домашнего обихода на одном рынке, создание скупочных пунктов как альтернативы частной коммерции⁸⁰. Три месяца спустя, 15 декабря 1944 г., Ленгорисполком принял решение «О состоянии торговли на колхозных рынках города Ленинграда», в котором отмечалось

⁷⁶ Болдырев А.Н. Указ. соч. С. 139.

⁷⁷ Фирсенков И.П. Указ. соч. С. 261.

⁷⁸ Пантелеев А.И. Январь 1944. Из старого дневника // Пантелеев А.И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 164.

⁷⁹ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1944. № 16. С. 10.

⁸⁰ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 17, д. 1211, л. 2, 4, 6–8.

«продолжение нарушений общественного порядка», отсутствие «решительной борьбы со спекулянтами, перекупщиками и другими преступными элементами». Этим решением «категорически запрещалась продажа частными лицами на рынках нормированных продовольственных товаров», городской милиции вновь поручалось «усилить меры»⁸¹.

После окончания блокады и особенно войны в Ленинград начали возвращаться его жители, приезжали и выходцы из других регионов. Численность горожан росла очень быстро, и государство не справлялось с удовлетворением их потребностей. Так, при росте населения за 1944 г. на 79% реализация товаров через торговую сеть возросла всего на 24,2%⁸². Горожане жили в крайней нужде. Так, согласно докладной записке заведующего Ленгорздравотделом Ф.И. Машанского, у жителей Пушкина (пригород Ленинграда), возвратившихся в мае 1944 г. из немецкого плена, не было посуды для приготовления пищи, нательного и постельного белья. Значительная часть не имела мыла⁸³. По прозвучавшему в июле 1945 г. на пленуме горкома ВКП(б) признанию, «население испытывает острую нужду во всём, начиная от обуви, одежды и кончая расчёской, иглой, шпилькой»⁸⁴. Выступая на заседании бюро Ленгорисполкома в октябре того же года, секретарь горкома Я.Ф. Капустин сообщил, что в один день к нему на приём записались 100 человек, перед которыми «в качестве неразрешимой стояла проблема одежды и обуви»⁸⁵. В этих условиях ленинградцы естественно рассматривали рынок в качестве одного из важнейших источников всего необходимого⁸⁶.

Подозрительность власти по отношению к рынку диктовалась в значительной степени представлением о том, что государственных каналов снабжения должно быть достаточно для удовлетворения нужд населения. Тяготы войны и блокады, однако, заставили пойти на определённые уступки. В то же время структуры управления стремились всячески контролировать рыночную стихию. Одним из главных предлогов было противостояние криминальной деятельности — хищениям, спекуляции. Эти действия находили поддержку части городского сообщества, поскольку соответствовали представлениям о справедливости многих ленинградцев, не желавших терпеть частную коммерцию, «торгашей» на улицах своего города. Задержания сбытчиков похищенного, в частности в ходе проведения милицейских проверок на рынках, безусловно помогали бороться с воровством продовольствия в заблокированном городе. Открытость рыночной торговли в определённой мере облегчала работу правоохранителей по обнаружению мест и фигурантов хищений, выявлению преступных сообществ.

Однако, в конечном счёте, проверки, запреты и иные впечатляющие, решительные меры имели ограниченный эффект. Они лишь временно ослабляли стихийную частную торговлю, вынуждали её акторов быть более изворотливыми. Но страдала, как правило, «мелкая сошка», а многие профессиональные

⁸¹ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1944. № 23–24. С. 6.

⁸² Твердюкова Е.Д. Торговля в Ленинграде после снятия блокады (1944–1945 гг.) // Россия. Век двадцатый. Сборник статей к 95-летию доктора исторических наук В.М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 101.

⁸³ От войны к миру: Ленинград, 1944–1945. Сборник документов. СПб., 2013. С. 74, 75.

⁸⁴ Там же. С. 190.

⁸⁵ Там же. С. 238.

⁸⁶ Говоров И.В., Кокуев С.Б. Указ. соч. С. 25.

преступники находили способы оказаться в тени и избежать наказания. Кроме того, искоренить хозяйственную инициативу, помогавшую людям выжить в тяжелейших условиях голода и нужды и естественным образом приобретающую массовый, но в каждом отдельном случае незначительный характер, объективно было практически невозможно. Многие блокадники воспринимали борьбу со стихийной коммерцией как известную условность, когда, придерживаясь неких негласных договоренностей, можно было действовать исходя из своих нужд. В антирыночной политике можно усмотреть печальную иронию – действуя в интересах социальной защиты горожан, власть подавляла одно из важнейших средств их выживания, мешая многим из ленинградцев избежать гибели.

Крах петербургского Российского торгового и комиссионного банка: причины и последствия

Павел Лизунов

Crash of Saint Petersburg Russian trade and commission bank: reasons and consequences

Pavel Lizunov (Northern (Arctic)

Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia)

Из всех акционерных коммерческих банков дореволюционной России менее всего известен находившийся в Санкт-Петербурге Российский торговый и комиссионный банк (Комиссионный банк). Он практически не упоминается в сочинениях по истории отечественных частных кредитно-финансовых учреждений. И тому есть причины. Во-первых, банк просуществовал менее шести лет, с 1887 по 1893 г. Во-вторых, он не обладал ни особым влиянием, ни солидным положением среди столичных банков. Тем не менее изучение деятельности Комиссионного банка, причин и последствий его банкротства имеет важное значение для понимания особенностей функционирования кредитных институтов, а также процессов, происходивших в российской экономике в конце XIX в.

Комиссионный банк был учреждён в 1887 г. группой петербургских и московских купцов и фирм с целью «содействия русской хлебной торговле»¹. Среди его учредителей – немало крупных хлеботорговцев (Н.Е. Башкиров, И.Ф. Духинов, И.Г. Конецкий, С.Т. Овсянников, И.С. Плотицын, Н.А. Селецкий). Самым активным участником его организации стал торговый дом «Братья Духиновы». 22 августа 1887 г. устав Комиссионного банка утвердил управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский (в 1888–1892 гг. – министр финансов) на основании правил, изложенных в законе «Об учреждении частных кредитных установлений» от 31 мая 1872 г. (дополненном 5 апреля 1883 г.). По этому закону управляющий министерством имел право утверждать уставы частных коммерческих банков со складочным капиталом, не превышавшим 5 млн руб., по образцу уставов учреждённых в 1871 г. банков – Варшавского учётного, Тифлисского, Азовско-Донского, Кишинёвского и Ростовского-на-Дону². Им «дозволялись» – но только внутри страны – производство обычных банковских операций (учёт векселей, приём вкладов на хранение и на текущие счета и т.п.) и комиссионная торговля по поручениям и за счёт

© 2017 г. П.В. Лизунов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00076.

¹Проект Устава Российского торгово-комиссионного банка. СПб., 1887. С. 3–38; Устав Российского торгового и комиссионного банка. СПб., 1888. С. 3–38; Биржевые ведомости. 1888. 2(14) февраля.

²ПСЗ-II. Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50913. С. 757–759; ПСЗ-III. Т. 3. СПб., 1886. № 1484. С. 105–106.

частных лиц и торговых домов принадлежавшими им товарами. Продажа товаров за счёт самих банков запрещалась. В числе разрешённых Комиссионному банку операций (записанных в уставе) значилась комиссионная продажа хлебных товаров в России.

2 февраля 1888 г. состоялось первое общее собрание акционеров. Его председателем единогласно избрали одного из учредителей банка, крупного лесопромышленника А.Н. Русанова. Повестку дня приняли без каких-либо дебатов, а в результате состоявшегося голосования директором-распорядителем (и членом правления) банка стал Н.С. Петлин (подписавший контракт на четыре года), членами совета — П.М. Пожарский, Духинов, Русанов и Селецкий, а правления — И.И. Вейнер, А.Ф. Калугин, И.Г. Конецкий, И.С. Плотицын³.

Складочный капитал, с которым Комиссионный банк приступил к работе, составлял 1 млн руб., разделённый на 4 тыс. акций, по цене 250 руб. каждая. Однако к моменту открытия учреждения было внесено только 500 тыс. руб. Значительной данную сумму назвать нельзя, но два других российских банка — Петербургско-Московский коммерческий и Петербургско-Азовский — начинали действовать с таким же капиталом.

С 11 февраля 1888 г. Комиссионный банк официально начал совершать операционные действия. Сначала он располагался в здании страхового общества «Россия» (Невский проспект, 44), напротив Гостиного двора⁴. По мере расширения дел кредитному учреждению потребовалось более просторное и удобное помещение⁵, и оно «перебралось» в другой дом на том же проспекте — № 27. Также отделение банка (главное комиссионерство) открылось в Москве, на Большой Лубянке, в доме, принадлежавшем Ивановскому монастырю. Позже появились его саратовское и новгородское отделения, Гродненское комиссионерство и Козловское агентство. Корреспонденты и агенты банка действовали во многих городах.

Избранный директором-распорядителем банка статский советник Петлин был хорошо известен в финансовом мире по своей прежней должности — директора отделения процентных бумаг Государственного банка (1877–1882)⁶. Имея обширные связи, Петлин сумел убедить многих клиентов Государственного банка стать клиентами и Комиссионного. Ещё в 1886 г. к нему обратился биржевой маклер В.А. Красильников с интересным предложением — стать одним из учредителей нового акционерного банка. К тому времени Петлин из-за болезни (по другой версии, не поладил с управляющим Госбанка А.В. Цимсеном) уже оставил государственную службу, поэтому сразу принял это приглашение. Впрочем, некоторые полагали, что, выйдя в отставку и оказавшись не у дел, он и стал главным инициатором учреждения Комиссионного банка⁷.

Петлин, по оценке его сослуживцев и подчинённых, «умел “войти в душу” и в карман всякого человека независимо от возраста и пола». При наблюдательности, вынесенной из многолетней банковской деятельности, во время которой приходилось иметь дело с массой лиц разного класса и состояния, он «умел... “обворозить” каждого, умел найти подходящий разговор для всякого,

³ Петербургский листок. 1888. 10(23) февраля. № 40.

⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы), ф. 260, оп. 1, д. 6, л. 47.

⁵ Там же, л. 57–57 об.

⁶ Биржевые ведомости. 1888. 2(14) февраля.

⁷ Розенцвейг Г.О. Из залы суда: Судебные очерки и картинки. СПб., 1900. С. 318.

а в особенности с теми, в которых он видел... “дойных коров” для кассы банка». Этот человек обладал редкой способностью «заговаривать зубы» в тех случаях, когда клиент вследствие потерь на банковских операциях был расстроен или недоволен. Находчивость Петлина, его красноречие, умение «разводить бобы на воде», успокаивать недовольных, дипломатично изворачиваться в самые рискованные моменты отношений с нервными клиентами и акционерами банка «были поразительны»⁸.

Между тем во время двухлетнего директорства Петлина из-за рискованных операций с хлебными товарами и акциями Грязе-Царицынской железной дороги Коммерческому банку был нанесён значительный ущерб — около 350 тыс. руб. Из корыстных побуждений директор банка вместе с председателем его совета (Духинов), председателем (Конецкий) и членами правления (Калугин и Свищов) играли на бирже как за свой счёт, так и за счёт учреждения. Получаемую прибыль они присваивали себе, а от убыточных операций отказывались под тем предлогом, что не давали письменных поручений об их производстве. Потери оставляли на счёте банка или для их сокрытия разносили невыгодные сделки по счетам клиентов, без их ведома и согласия. Для спекулятивной биржевой игры «игроки» имели в банке специальные текущие счета *oncall*⁹: Конецкий и Калугин — собственные, Свищов — на имя своей жены, Духинов — собственного торгового дома «Братья Духиновы»¹⁰. Петлин проводил свои онкольные операции через счёт бывшего сослуживца по Государственному банку и приятеля Н.И. Богатырёва¹¹.

Злоупотребления по товарным операциям должностных лиц Комиссионного банка заключались в совершении в 1888—1889 гг. неразрешённой торговли хлебными товарами в больших размерах за счёт и риск банка. В отчёте за 1889 г. убытки от тех операций составили 117 029 руб., из них 76 125 руб. являлись «утратой» за 1888 г. — «по удостоверению» правления. Для сокрытия незаконности действий в его «распубликованном» отчёте за 1889 г. был ложно показан остаток принадлежавшего банку хлебного товара — как «остаток сумм за корреспондентами банка». Все подобные сделки были названы несоответствующим заглавием: «Комиссионные операции с товарами»¹².

Разумеется, директор-распорядитель, члены правления и совета банка не могли не знать, что совершаемые хлебные операции не имеют ничего общего с комиссионной продажей товаров. На состоявшемся 23 октября 1888 г. чрезвычайном общем собрании акционеров было решено ходатайствовать об изменении пункта 7 § 14 устава банка — о праве покупать и продавать за его счёт хлебные товары.

⁸ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 33 об.—34.

⁹ Онкольный кредит, или онколь (от англ. «on call») — специальный текущий счёт до востребования. Кредитные учреждения ссужали деньги в форме онколя под обеспечение ценных бумаг. При этом они имели право в случае падения биржевой цены заложенных бумаг требовать от клиентов возврата ссуды или увеличения обеспечения. В противном случае, заложенные бумаги банк продавал на бирже за счёт клиента, или «по их биржевой стоимости» они оставались за банком. В России с конца XIX в. почти вся биржевая торговля ценными бумагами совершалась при помощи онкольных операций. Ссуда могла оплачиваться по частям, а обеспечение — увеличено или уменьшено сообразно величине взятой ссуды.

¹⁰ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 61, л. 4—4 об.

¹¹ Там же, д. 57, л. 37—38.

¹² Там же, д. 61, л. 1—3.

Однако министр финансов Вышнеградский не признал возможным удовлетворить эту просьбу правления банка. 8 января 1890 г. решением последнего Петлин был снят с должности директора-распорядителя. Нанесённый им банку убыток — 250 тыс. руб. — восполнили акционеры, которые дополнительно внесли за каждую акцию по 62.5 руб.¹³ Недостающие 100 тыс. руб. были частично возмещены за счёт взыскания денег с разных лиц или списаны как «безнадёжная к поступлению» сумма¹⁴. Впрочем, сам Петлин заверял, что в Комиссионном банке он потерял «собственных» 40 тыс. руб. и «через это окончательно разорил себя»¹⁵.

В августе 1890 г. был избран новый директор-распорядитель — отставной надворный советник И.А. Слепушкин¹⁶. С 1862 по 1877 г. он занимал должности главного бухгалтера и директора одного из отделений Государственного банка. Затем Слепушкина пригласили в Волжско-Камский коммерческий банк. Здесь он прослужил более 13 лет, входил в состав совета банка и был членом его правления.

В Петербурге Слепушкин считался крупным спекулянтom на бирже и нашёл приличное состояние. После очередного тиража он скупал большими партиями выигрышные билеты, когда их цена незначительно падала. Затем он продавал эти билеты накануне нового тиража, когда они немного дорожали, и на них повышался спрос. Риск был ничтожным, а из-за большого количества билетов барыш оказывался солидным. Кроме того, до прихода в Комиссионный банк Слепушкин за свой счёт спекулировал на русских кредитных рублях и ценных бумагах на Берлинской бирже при посредничестве Уна, петербургского представителя банкирского дома «Братья Гутентаг»¹⁷.

При отставном надворном советнике в Комиссионном банке несколько поменялся состав администрации. В совет учреждения вошли М.П. Кропачёв, И.М. Максимов и М.В. Сабуров, в правление — В.А. Ламтев, В.А. Свишов. Благодаря удачной игре на бирже и выгодным операциям по товарному отделению дела банка сначала улучшились. По распоряжению Слепушкина учреждение производило спекулятивные операции на ассигновках на золото и металлические бумаги, но очень осторожно и в малых объёмах.

Пытаясь улучшить положение дел банка, Слепушкин заключил с Рязанско-Уральской железной дорогой весьма выгодный договор, по которому выдавались банковские ссуды под товары на всём протяжении дороги. Во многих городах были организованы агентуры, выдававшие ссуды под хлебные товары, которые потом принимались на комиссию в банк. По предложению директора-распорядителя банка его правление обратилось в Министерство финансов с просьбой о разрешении увеличить складочный капитал на 500 тыс. руб. Однако в этом было отказано, как и в закупке хлеба на счёт банка.

В июне 1891 г. товарищем Слепушкину был приглашён М.Ф. Цион (брат известного учёного-физиолога профессора И.Ф. Циона). В 1873–1874 гг. он служил корреспондентом в Петербургском отделении Варшавского коммерческого

¹³ Некоторые акционеры, не согласные с решением общего собрания о пополнении складочного капитала дополнительным взносом, затеяли процесс, оспаривая его законность. Сенат решил дело в их пользу.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 59, л. 2 об.—3.

¹⁵ Там же, д. 57, л. 37 об.

¹⁶ Там же, ф. 260, оп. 1, д. 8, л. 17.

¹⁷ Там же, ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 23—23 об.

банка, около 10 лет управлял банкирской конторой Л.С. Полякова в Москве, затем состоял директором двух французских банков в Париже, был биржевым «зайцем» (мелкий неофициальный маклер (посредник), в отличие от присяжного, официального маклера. — *П.Л.*) на Петербургской бирже. Он слыл искушённым специалистом в биржевых вопросах. Полагали, что его и пригласили ради проведения спекуляций с ценными бумагами и кредитным рублём. В Комиссионном банке Циону поручили заведовать курсовым, фондовым, онкольным и корреспондентским отделениями¹⁸.

При нём покупка и продажа ценных бумаг и иностранных векселей действительно оживились, и в течение нескольких месяцев была получена значительная прибыль по фондам и операциям с иностранной валютой. Только одно курсовое отделение после уплаты куртажа (комиссия или вознаграждение при сделке. — *П.Л.*), комиссий и прочих расходов дало около 86 тыс. руб. чистой прибыли. В 1891 г. почти все биржевые ценности «подвергались постепенному падению». Следовательно, Комиссионный банк играл на понижение ценных бумаг. Тогда все служащие банка буквально преклонялись перед Ционом, считая его «сверхъестественно умным и опытным в банковом деле человеком». Слепушкин также хвалил его, говоря, что «Цион обезьяну выдумал»¹⁹.

Как говорил секретарь (делопроизводитель) Комиссионного банка Н.А. Россовский²⁰, с приходом Циона началось «нашествие» на учреждение «всевозможных светлых и тёмных личностей разного возраста, веры и состояния»: биржевых маклеров, «зайцев», гешефтмахеров. Среди них были евреи, греки, поляки, турецкие и румынские подданные. Россовский утверждал: «Банк стал обращаться в какую-то синагогу, так много евреев набиралось по утрам и после биржи в помещение банка... Евреи, не стесняясь, забирались в комнату директора и правления, рассаживались там, курили отвратительный табак, галдели о своих гешефтах, совсем упуская из виду, где они находятся. С приходом директора и членов правления евреев нужно было “честью просить” о выходе; тогда они рассаживались в проходах, на всех стульях, имеющих для публики, садились на барьеры, с которых сходили только по настоятельной просьбе служащих. Евреи гуськом... толпились перед кабинетом Циона, заражая служащих своими операциями, сообщая воздуху в банке особый специфический элемент»²¹.

Из окружавших Циона биржевых маклеров и «зайцев» особенно выделялись А.М. Минковский, Г.А. Гиршфельд, Л.Ф. Томазини, Л.М. Блох и И.Г. Канн. «Как рой пчёл, так свита Циона окружала его постоянно целою толпой», — уверял служащий банка Н.Д. Матвеев²².

Правление банка хорошо знало, что Цион занимался биржевыми спекуляциями в нарушение устава, поскольку директор-распорядитель, члены правления и совета банка, а также некоторые его служащие сами спекулировали

¹⁸ Там же, ф. 260, оп. 1, д. 8, л. 90, 92 об.; ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 30.

¹⁹ Там же, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 63—63 об.

²⁰ С февраля 1889 по 1893 гг. Н.А. Россовский заведовал в банке отделом «Секретариат» (наблюдал за персоналом, вёл переговоры по не входившим в рамки операционных отделов делам, переписку с правительственными учреждениями и провинциальными филиалами, корреспонденцию конфиденциального характера и протоколы правления и совета банка, следил за его судебными делами). См.: *Дмитриев-Мамонов В.А., Евзлин З.П.* Организация и техника коммерческого банка. СПб., 1916. С. 4—5; ЦГА Москвы, ф. 260, оп. 1, д. 6, л. 47.

²¹ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 50—50 об.

²² Там же, д. 60, л. 30.

на бирже за свой счёт через курсовое отделение²³. Сначала никто из членов администрации учреждения не выражал неудовольствия по поводу действий Циона. Затем счастье изменило ему. Его спекуляции на бирже на понижение курса иностранной валюты, а также курса рубля и фондов в Берлине и Париже оказались неудачными.

В 1892 г. все биржевые ценности, за некоторым исключением, почти постоянно шли на повышение, тогда как Комиссионный банк продолжал «понижательную игру» относительно ценных бумаг, курса рубля и операций с хлебом. В 1892 г. по иностранному отделению банка убыток составил более 577 тыс. руб., в 1893 г. — около 145 тыс. руб., по отделению фондов — соответственно 188 и 244 тыс. руб.²⁴ Кроме того, «на долгах», не выплаченных учреждению разными спекулянтами, оно потеряло около 300 тыс. руб.²⁵, в результате лишившись значительной части основного капитала.

Товарное отделение Комиссионного банка также занималось недозволенными операциями: покупкой и продажей товаров за свой счёт и риск в России и за границей; спекуляцией или биржевой игрой, состоявшей в покупке и продаже на срок на Берлинской бирже хлебных товаров на разницу в цене. Бывали случаи, когда при понижении цен, чтобы не платить разницы, банк поручал принимать в срок товар, держать его на складах в ожидании повышения цен или откладывая сделки. Товарное отделение в 1891 г. активно спекулировало «на рубли» в Берлине и «на фунты» в Петербурге. Срочные берлинские сделки на хлеб дали в тот год 9 970 руб. убытка, который не был представлен в годовом отчёте. Потери покрыли прибылью, полученной от экспорта хлеба — свыше 80 тыс. руб.²⁶ В 1892 г. Комиссионный банк в результате крайне неудачных операций на хлебе получил уже около 250 тыс. руб. убытка²⁷.

Из-за биржевой игры с иностранной валютой, фондами и товарными операциями у банка возникли финансовые проблемы²⁸. По инициативе Слепушкина и Циона учреждение приняло в залог акции (на 400 тыс. руб.) ещё не утверждённого министром финансов страхового и транспортного общества «Россиянин». Одновременно на ту же сумму «для усиления обеспечения» были взяты векселя членов правления этого общества. Надлежащую по этому залоговую сумму банк «Россиянину» не выдал, а определил на его текущий счёт. От его правления взяли подписку о том, что оно не будет требовать этих денег. Заручившись такой гарантией, Комиссионный банк представил в Министерство финансов документ (удостоверение), подтверждающий, что общество внесло в банк 400 тыс. руб. акционерного капитала. На основании этого удостоверения финансовое ведомство признало «Россиянина» состоявшимся, а Комиссионный банк начал продавать находившиеся у него в залоге акции этого общества вырученными деньгами и пополнять выданную ссуду. На замечания некоторых сотрудников банка о невыгодности операции и её несоответствии уставу кредитного учреждения Слепушкин отвечал, что она имеет тройное

²³ Там же, д. 57, л. 65, 66 об.

²⁴ Там же, л. 63–63 об., 78.

²⁵ Отчёт Российского торгового и комиссионного банка за 1891 год. СПб., 1892; Петербургский листок. 1893. 24 июня. № 170.

²⁶ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 68–68 об.

²⁷ Там же, д. 57, л. 51 об.

²⁸ Там же, д. 59, л. 3–3 об.

обеспечение (акции, векселя и, главное, подписки правления общества «Россиянин») и исключает возможность какой-либо потери²⁹.

Такие же не допустимые уставом операции были произведены и с бумагами обществ: «Цехоцинское товарищество», по выделке Бабаевского огнеупорного состава и «Отечество». С ними дела обстояли ещё хуже, так как никаких взносов от них банк не получил. Кроме того, паи и акции этих обществ не котировались на бирже и принесли Комиссионному банку лишь значительные потери³⁰.

В ноябре 1892 г. Слепушкин и Цион ввиду сложившегося критического положения дел (убытки уже достигли 600–700 тыс. руб.) решили объединить Российский торговый и комиссионный банк с Русским торгово-промышленным (Промышленным). Идея их слияния была очень смелой, даже гениальной. Слепушкин полагал, что при таком объединении банков со складочным капиталом в 6 млн руб. «потонут все минусы и потери Комиссионного банка»³¹.

Возникший вскоре синдикат, организаторами которого стали Духинов, Ламтев, Свишов, Слепушкин, Кропачёв и Цион, купил у французской группы акционеров Промышленного банка 13 тыс. акций – по 270 руб. за каждую (но их биржевая цена в то время колебалась от 226 до 246 руб.). Для этой покупки вышеперечисленные лица не предоставили наличных денег Комиссионному банку, несмотря на его финансовую несостоятельность. Однако он приобрёл акции для синдиката и заложил их в других кредитных учреждениях, в том числе в Промышленном банке.

11 апреля 1893 г. на общем собрании акционеров Промышленного банка было объявлено о том, что синдикат завладел более чем половиной всех его акций. В тот день лишь Э.Э. Познанский представлял правление банка, а остальные его члены – барон П.Л. Корф, П.П. Берг, Вертгель, Р.Ж. де Лобштейн – в разное время выбыли из него. Накануне собрания акционеры получили от Слепушкина предварительный список будущих членов правления и совета Промышленного банка. В результате голосования в правление были избраны «намеченные лица»: Б.М. Кричевский, Духинов, Кропачёв, Ламтев, Свишов и Цион (в качестве управляющего банком). Участники синдиката не сдержали данного Слепушкину обещания – избрать его директором-распорядителем Промышленного банка. Оказалось, что по разным причинам бывшие коллеги Слепушкина по Комиссионному банку не захотели его видеть среди членов правления Промышленного³².

Однако слияние этих банков, предлагавшееся при образовании синдиката, оказалось невозможным. По действовавшему российскому законодательству подобное объединение двух акционерных компаний – на основании обычных решений их общих собраний – не допускалось. Поэтому участники синдиката выбрали другой способ: ликвидировать одно кредитно-финансовое учреждение, одновременно увеличив капитал другого посредством выпуска новых акций на сумму, равную основному капиталу устранённого. Казалось естественным, что крупный Промышленный банк (с 5 млн основного капитала)

²⁹ Там же, д. 57, л. 9 об.–10.

³⁰ Там же, д. 59, л. 5.

³¹ Там же, д. 63, л. 7.

³² Там же, д. 60, л. 10 об.

с хорошей репутацией поглотит маленький – Коммерческий (1 млн) посредством выпуска акций только на 1 млн руб.³³

Устроившись в Промышленный банк, бывшие заправилы Комиссионного забыли свои обязательства по отношению к нему. Отказываясь помогать этому банку, они даже стали враждебно к нему относиться. Для укрепления своего «нового положения» им надо было заполучить из Комиссионного банка 13 тыс. акций Промышленного, чтобы на следующем общем собрании его акционеров имевший особое влияние Слепушкин не уволил их «от занятых должностей».

Тем временем все попытки директора-распорядителя Комиссионного банка Слепушкина договориться с организаторами синдиката оказались безуспешными. Его успокаивали, обнадеживали обещаниями, но никто не собирався спасать ни его, ни банк. Затем на бирже стали распространять слухи о его серьёзных проблемах и возможно скором банкротстве. Акции банка стали резко падать в цене, а вкладчики начали снимать деньги с его счетов.

22 июня 1893 г. Комиссионный банк закрылся в обычное время. 23 июня все его служащие к 10 ч были на своих местах. Однако операции в тот день не производились, не открылась и касса. Стало известно, что накануне вечером Слепушкин в своём доме (Мытницкая набережная, 2) пытался покончить с собой двумя выстрелами из револьвера. Поводом для этого стали крупные потери банка и убеждение в невозможности исправить дело. Выяснилось, что с 12 до 15 ч он занимался делами в банке и казался спокойным и нормальным, около 16 ч вернулся в свой роскошный дом, сказал жене, чтобы подавали обед, а сам направился на выходящую в сад крытую террасу. Вдруг оттуда последовательно один за другим раздались два выстрела. Супруга бросилась на террасу и увидела мужа, истекающего кровью, на полу. Немедленно пригласили трёх врачей, которые уложили раненого на диван в кабинете и перевязали раны. В 23 ч состоялся консилиум врачей, признавших, что состояние Слепушкина критическое, хотя нельзя терять надежды ввиду его крепкого организма и цветущего здоровья. И действительно, под утро раненый пришёл в себя и почувствовал значительное облегчение. Хирурги Зосс и Бус выяснили, что одна из пуль прошла навылет, не задев сердца, другая – застряла в плече³⁴.

Директор Комиссионного банка написал два предсмертных письма, одно из которых предназначалось сыну Александру, офицеру, служившему в Финляндии. Слепушкин убеждал сына трудиться и своими «блестящими успехами хотя бы отчасти очистить и затемнить (так в источнике. – П.Л.) печальную кончину отца». В другом письме (на шести листах), адресованном жене Марии Петровне, он просил простить его, что не оставил ей «ничего на чёрный день». «Если бы ты знала, – писал он, – какими подлецами я был окружён в Комиссионном банке, ты ужаснулась бы. Один подлец, выдававший фальшивые векселя от имени своего торгового (несуществующего) дома, оскорблял меня более всех, постоянно требовал от меня денег и денег, все убытки от спекуляций в банке относил на несуществующий свой торговый дом, все прибыли брал себе, говоря, что дело он делал от себя лично. Другой подлец не стеснялся при каждом случае требовать вознаграждений и всяких комиссий в крупных тысячных суммах, угрожая погубить банк. Третий погубил банк своими спекуляциями, а я несу за него ответственность. Все старались только брать из банка деньги, не доверяя банку и ничего в него не внося. Я всё своё

³³ Там же, л. 14 об.

³⁴ Петербургский листок. 1893. 23 июня. № 169.

денежное состояние, какое у меня осталось после Волжско-Камского банка, около 100 т[ыс.] руб. оставил в Комиссионном банке, поддерживая цену его акций»³⁵.

23 июня 1893 г. Комиссионный банк ещё до своего открытия получил из Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов извещение о назначенной по распоряжению министра финансового ведомства проверке дел банка. Министерство было в курсе того, что вследствие понесённых по своим операциям убытков банк потерял почти весь складочный капитал. Поэтому данному кредитному учреждению было предложено прекратить дальнейший приём вкладов³⁶.

Выяснилось, что в день покушения Слепушкина на самоубийство векселя Комиссионного банка были протестованы, и он даже без «распоряжения правительства» закрыл бы свои двери. 23 июня, около 13 ч, в его помещение явились лица прокурорского надзора Санкт-Петербургского окружного суда, начальник сыскной полиции П.С. Вошинин, его помощник Л.А. Шереметевский и агент. В присутствии понятых, опечатав все столы, шкафы, конторки, кассу и всё помещение³⁷, они приступили к описи всего наличного имущества банка, его торговых книг и прочих документов³⁸. У входа в помещение был поставлен дежурный городской.

Между тем на Невском проспекте перед банком собралась толпа, в основном его клиенты, кредиторы, вкладчики и должники. Все интересовались как положением дел банка, так и состоянием здоровья Слепушкина. Чтобы избежать скопления народа, на запертых дверях банка вывесили объявление: «Ввиду внезапной болезни г[осподина] директора и по распоряжению правительства банк закрыт до 26 июня».

Общее собрание акционеров несчастного банка, которое должно было решить его судьбу, назначили на пятницу, 25 июня. Впрочем, это уже сделала Петербургская биржа. Ещё недавно номинальная цена акции Комиссионного банка достигала 250 руб., а в середине июня — всего 75 руб. Падение его акций постепенно усиливалось, и 23 июня они вовсе перестали котироваться.

После банкротства Комиссионного банка его несостоятельность стала предметом оживлённого обсуждения среди обывателей, в прессе, банках и на бирже. Одни полагали, что главной причиной краха стал отказ Циона от завывания хлебными операциями экспорта, другие — что всему виной общество «Россиянин», на акции которого банк «ухлопал» 400 тыс. руб., т.е. 40% своего складочного капитала. Третьи уверяли, что банк погубили его бесчисленные агенты и коммиссионерства, выдававшие огромные ссуды под хлебные товары. Высказывались также различные варианты и предположения относительно «нового банковского краха»³⁹.

О положении дел лопнувшего банка судили на основании опубликованных сведений о его апрельском балансе (состоянии актива и пассива к 1 мая 1893 г.). В петербургской кассе банка, например, имелось около 143.5 тыс. руб., в саратовской, а также у коммиссионеров банка — до 151.5 тыс. руб. Однако эти цифры, вероятнее всего, не соответствовали истинному положению дел, так как

³⁵ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 3 об.—4.

³⁶ Там же, д. 59, л. 6.

³⁷ Там же; д. 57, л. 76 об.

³⁸ Петербургский листок. 1893. 25 июня. № 171.

³⁹ Там же. 24 июня. № 170.

июньское месячное жалованье петербургским служащим выдали не из кассовых средств, а из личных денег Слепушкина. Саратовское же отделение прекратило платежи по текущим счетам, потому что его касса имела очень мало наличных средств или их не было совсем. Следовательно, эта статья баланса Комиссионного банка оказалась близка к нулю.

Кроме того, хотя вексельный портфель Комиссионного банка составлял внушительную сумму — около 1.5 млн руб., он был уже переучтён в других частных кредитных учреждениях. Раздел срочных ссуд под залог процентных бумаг, согласно балансу к 1 мая, превышал 800 тыс. руб. Однако некоторые из них были значительно ниже биржевой курсовой цены, а потому их реализация могла дать значительно меньшую сумму. То же относилось и к «онкольным ссудам», которых у банка на 1 мая было более чем на 1.5 млн руб. Но в их состав входили крайне «трудно реализуемые» ценности, вроде бумаг «Россиянина», «Отечества» и «Цехоцинского товарищества». К этой статье, представлявшей известную ценность, при реализации можно было отнести и ссуды под залог товаров, железнодорожных квитанций и коносаментов (расписки, выдаваемые перевозчиком груза грузовладельцу, удостоверяющим право собственности на отгруженный товар. — *П.Л.*). В мае их общая ценность составляла 399 468 руб., но она успела «раствориться» к началу июня. Что же касается портфеля гарантированных и не гарантированных правительством ценных бумаг, то к 1 мая он «стоил» 255 420 руб. По слухам, запасные капиталы банка — 68 264 руб. — тоже едва ли были целы.

Весьма «не надёжным и запутанным» оказался отдел корреспондентских счетов, употреблявшихся в большинстве случаев для сокрытия различного рода «банковских грешков». То же относилось к принадлежавшим банку тратам (переводным векселям. — *П.Л.*), золоту и таможенным купонам, которых к 1 мая было 379 846 руб. наличными. Вероятно, и эти ценности, особенно легко реализуемые (золото и таможенные купоны), также уже использовали в банковских операциях.

К маю 1893 г. по одним только вкладам на текущие счета Комиссионный банк «задолжал» 2 219 599 руб. Кроме того, сумма переучтённых им в других банкирских учреждениях векселей составила 1 473 544 руб. К этому надо добавить долги от проданных в рассрочку выигрышных билетов, которых банк имел около 4 тыс.⁴⁰

Газета «Биржевые ведомости» писала, что причина постигшего этот банк несчастья заключалась в несоответствии имевшихся у него средств и грандиозной деятельности, проводившейся его новым правлением (приступило к работе за три года до этого). Имея в своём распоряжении лишь 1 млн руб. складочного капитала (значительно сократившегося от понесённых учреждением убытков ещё в первые годы его существования), правление решило превратить банк в главную артерию русской экспортной и импортной торговли, для чего были открыты отделение в Саратове и целая сеть агентств и комиссионерств чуть ли не во всех более или менее крупных городах России. Более того, правление задумало занять видное место среди учредителей новых акционерных обществ, на поддержку которых банк затратил более половины собственного уставного капитала⁴¹.

⁴⁰ Там же. 26 июня. № 172.

⁴¹ Новое время. 1893. 24 июня (3 июля). № 6220.

24 июня в Санкт-Петербургский коммерческий суд от общества Рязанско-Уральской железной дороги и фирмы «Братья Кропачёвы» поступили ходатайства «об открытии несостоятельности» Комиссионного банка. Размер предъявленного иска составил 1.6 млн руб. Помощник секретаря суда доставил в банк три повестки в суд. Первую, на 26 июня, направили по требованию Рязанско-Уральской дороги и Промышленного банка, вторую и третью (на 28 июня) — на основе исков (50 тыс. руб. каждый) со стороны Международного коммерческого банка⁴².

25 июня перед общим собранием акционеров, около 18 ч, подъезд разорившегося банка стали осаждать владельцы его акций. К 20 ч съехались около 100 человек. Оказалось, что многие из них явились на общее собрание, не предоставив заблаговременно (за 2 недели) в кассу банка принадлежавшие им акции, как того требовал устав. Все эти лица, несмотря на долгие препирательства с единственным представителем администрации банка, членом правления Э.М. Готским-Даниловичем и находившимся в наряде полицейским офицером, в конце концов, были вынуждены покинуть помещение. Собрание началось почти в 22 ч. Всего было представлено 1 800 акций с правом на 54 голоса. Председателем собрания избрали генерал-майора армейской кавалерии Готского-Даниловича.

Находившиеся сначала в сильно возбуждённом состоянии акционеры затем успокоились и стали обсуждать безрадостное положение своего банка. Собрание отказалось от рассмотрения его отчёта за 1892 г., так как он не был подписан ни одним из членов администрации этого кредитного учреждения. Большинство его членов правления и служащих незадолго до «краха» уже получили места в Промышленном банке (в том числе Г.Г. Штейнер, заведовавший товарным отделением Комиссионного банка, и Л.Р. Сениус — иностранным).

На основании устава Комиссионного банка его правление должно было состоять из четырёх человек, между тем в нём остался только один. Поэтому избрали новый состав правления: А.И. Орловский, Н.Н. Платонов, Россовский и Горский-Данилович (был утверждён, так как состоял в нём с 20 мая 1893 г.). Этим людям поручили «истребовать» отчёт от «старого» правления и всесторонне проверить как его работу, так и всё делопроизводство банка вместе с вновь избранной ревизионной комиссией. Результаты ревизии необходимо было через месяц представить новому общему собранию акционеров. Те надели правление правом представлять банк в качестве юридического лица во всех судебных делах и прочих гражданских правоотношениях⁴³.

26 июня состоялось заседание Коммерческого суда по рассмотрению исков к Комиссионному банку. Со стороны истцов выступили присяжный стряпчий Кричевский и присяжный поверенный В.М. Рубинштейн, заявив, что банк не оплатил своих долговых обязательств. Неплатёж подтверждался нотариальными протестами по неоплаченным векселям со стороны Рязанско-Уральской железной дороги, Промышленного и Международного коммерческого банков.

В качестве представителя интересов Комиссионного банка выступил Платонов. Он заявил, что новое правление ещё не имеет полных данных о платёжной способности банка, его активе и пассиве, однако, несомненно, его материальное положение не так безотраднo. Неоплаченные платежи (основа ходатайств истцов), отметил выступавший, оказались таковыми лишь вследствие

⁴² Петербургский листок 1893. 26 июня. № 172.

⁴³ Там же.

их предъявления в момент, когда у банка как юридического лица не было официального представителя: одни члены правления «вышли из состава администрации», а директор-распорядитель «внезапно заболел».

После почти полуторачасового выслушивания сторон Коммерческий суд принял резолюцию, в которой признал Комиссионный банк несостоятельным должником. Присяжными попечителями были назначены петербургские купцы 2-й гильдии А.-И. Кениг и В.Г. Басков, а «общее наблюдение» за их действиями возложили на члена суда Н.А. Лоссовского⁴⁴.

3 июля, во втором часу дня, в помещении того же суда состоялось общее собрание кредиторов Комиссионного банка под председательством присяжного попечителя купца Баскова. Сюда явились кредиторы, имевшие претензии к банку на 400 тыс. руб., но вне собрания осталось немало тех, кто не успели заявить о своих притязаниях.

В установленном судом порядке была учреждена Ликвидационная комиссия по делам банка. По её расчётам, представленным на судебном заседании Санкт-Петербургской судебной палаты, сумма заявленных к несостоятельному кредитному учреждению претензий составила 1 735 тыс. руб., при этом ожидалось поступление дополнительных претензий в размере 335 тыс. руб. (независимо от потери всего основного капитала в 1 млн руб.). В итоге общие убытки банка равнялись 3 070 тыс. руб., но на их покрытие в комиссию поступило всего лишь 964 тыс. руб.

10 июля в помещении Комиссионного банка закончилась сдача кассовых ценностей. Оказалось, что в момент «краха» в кассу банка (6 669 руб. 5 коп.), кроме разменного фонда, входили прочие ценности в виде гербовых марок. Далее шли ничего не стоившие процентные бумаги в виде 290 паёв (по 1 тыс. руб.) несостоявшегося «Цехоцинского товарищества» и 2 500 акций (по 250 руб.) общества «Россиянин». Имелось также некоторое количество собственных акций банка. Что же касается векселей, то большинство их можно было отнести к «сомнительным». Некоторые из них (на значительные суммы) оказались просроченными и не опротестованными банком⁴⁵.

Следствие о злоупотреблениях в этом банке вёл энергичный и талантливый судебный следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда А.В. Бурцов⁴⁶. В ходе расследования допросили немало обвиняемых и свидетелей. Самые подробные показания дал Россковский. До того, как стать делопроизводителем Комиссионного банка, он служил в Государственном банке, кроме того, был известен как театральный критик и журналист (в 1890–1900-х гг. сотрудничал в газете «Петербургский листок» и других столичных изданиях). Поэтому показания Россковского – настоящие художественные эссе, содержащие весьма яркие и образные картины жизни банка и портреты банковских заправил, – существенно повлияли, видимо, и на Бурцова, и на ход расследования, и даже на формулировку заключительного обвинения. Поверенный Г.О. Розенцвейг отмечал по этому поводу: «По всему обвинительному акту рассеяны блёстки его (Россковского. – *П.Л.*) красноречия, что везде видна его индивидуальность, его профессия... странно поражает чередование важно-торжественного тона, соответствующего вполне... сухой и скучной материи, о которой трактует этот документ, с игриво-легкомысленным фельетонным

⁴⁴ Там же. 27 июня. № 173.

⁴⁵ Там же. 11(23) июля. № 187.

⁴⁶ Русское слово. 1910. 4(17) февраля. № 27.

жанром, оживляющим фон мрачной картины и несколько напоминающим такое же чередование опереточной темы со звуками строгого хора»⁴⁷.

Во время следствия Россовский достаточно подробно рассказал об атмосфере, царившей в Комиссионном банке: «Содом и Гоморра стояли в это время в ционском кабинете; французская, немецкая с известным еврейским акцентом речь преобладали над испорченною русскою. Тут удачно схватив известие, слух, мнение, одни наживали себе состояние, другие, неудачно утилизовав то же самое, проигрывали всё, что имели своё и... чужое. Тут, плотно позавтракавшие и умеренно подвыпившие биржевые дельцы и паразиты нарушали все заповеди, обходили все §§ банковых и кредитного уставов; происходила маклерская вакханалия, совершался разнузданный танец убийственных слов прелюбодеев мысли и цифр. “Зайцы”, ходившие в обтрёпанных костюмах и чуть ли не в опорках, имевшие для задатка несколько сот рублей, тоже, вероятно, признанных, выигрывали на антипатичном деле спекуляции на понижение русского рубля – целые состояния, переоблачались в смокинги, в дорогие шубы, заводили собственные экипажи и лошадей. И обратно, люди, имевшие некоторое состояние, разъезжавшие в ландо на резиновых шинах, поневоле перешли на резиновые галоши. Фотографируя этих людей в разные фазисы из биржевого счастья, можно было бы составить интересную и поучительную коллекцию жизненных и характерных портретов банковых игроков»⁴⁸.

В качестве экспертов по фондовым и курсовым операциям следователь Бурцов пригласил товарища управляющего Санкт-Петербургско-Азовского коммерческого банка Л.Л. Габриловича, главного бухгалтера Государственного банка С.М. Александрова, старшего контролёра того же банка А.В. Калашникова и чиновника по особым поручениям Министерства финансов И.И. Палтова. Согласно их общему заключению, Комиссионный банк вёл «большую игру» с иностранной валютой не только за собственный счёт, но и за счёт своих клиентов. Ввиду того что биржевой курс постоянно сильно колебался, банк делал спекулянтам разные поблажки в виде отсрочек приёма валюты или её сдачи с одного месяца на другой. Это привело к возникновению «крупных разниц» в пользу банка (деньги, сразу не выплаченные спекулянтами, записывались за ними в качестве долга и со временем достигли весьма крупных сумм). При этом, как свидетельствуют записи в книгах разорившегося банка, он регулировал эти сделки за свой счёт и, следовательно, платил возникавшие «разницы» другим российским и заграничным банкирским учреждениям⁴⁹.

Экспертизы фондовых сделок подтвердили, что Комиссионный банк вёл масштабную игру с разными ценными бумагами, продавая их в большом количестве со сдачей в течение трёх дней и покупая таковые у разных лиц, в основном биржевых спекулянтов, на срок от одного до двух и более месяцев. Неоднократно для сдачи проданных акций это кредитное учреждение брало их из заложенных у него бумаг по счетам *oncall* или заимообразно у других банкирских учреждений и частных лиц. Когда наступал срок приёма банком ценных бумаг от продавцов, последние их часто (из-за «крупных разниц» от повышения цен на акции) просто не сдавали. Приём этих акций банк откладывал на следующие месяцы. При этом разница в цене в его пользу не уплачивалась, а записывалась за спекулянтами в качестве долга. Ввиду того, что сделки на срок тогда

⁴⁷ Розенцвейг Г.О. Указ. соч. С. 279.

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. 274, оп. 1, д. 57, л. 51.

⁴⁹ Там же, д. 62, л. 10.

ещё не были официально разрешены, то «разницы» по ним взыскать с должников законным порядком не представлялось возможным. Потому такие сделки попадали в «раздел убытков банка»⁵⁰. Эксперты также подтвердили, что хлебные операции Комиссионного банка производились за его счёт, но были записаны как комиссионные операции, что не соответствовало действительности.

Предварительное следствие по делу о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке продолжалось почти три года, до 1896 г. В результате главными виновниками его краха признали: обоих директоров-распорядителей — Петлина и Слепушкина, товарища директора-распорядителя Циона, председателя совета банка Духинова, членов правления банка Конецкого, Калугина, Ламтева, Плотицына и Свищова.

В ходе 5-недельного (20 марта — 25 апреля 1897 г.) судебного разбирательства Санкт-Петербургской судебной палатой (в особом присутствии с участием сословных представителей) дела о злоупотреблениях в Комиссионном банке трое из обвиняемых — Калугин, Конецкий и Плотицын — были признаны невиновными и оправданы. Духинова, Циона, Петлина, Слепушкина и Свищова приговорили к лишению всех прав и преимуществ, ссылке на жительство в Иркутскую, Томскую и Архангельскую губернии. После 12-летнего пребывания там они получали право свободного избрания места жительства в пределах Европейской и Азиатской России, за исключением столиц и столичных губерний. Осуждённые должны были возместить убытки, причинённые их преступными действиями, а также судебные издержки. Слепушкина не отправили в ссылку. Вскоре после суда он скончался, вероятно, сказавшись ранение и пережитое им нервное потрясение.

Это чрезвычайно сложное дело окончательно завершилось 12 декабря 1897 г., когда в Правительствующем Сенате оно «слушалось по кассационным жалобам подсудимых». Решением IV отделения Уголовного кассационного департамента Сената все жалобы были оставлены без последствий⁵¹.

Ещё до оглашения решения Кассационного департамента Сената Цион тайно сбежал в Финляндию. Слепушкин через год умер. Из всех осуждённых лишь Свищов не только не согласился с решением суда, но и опубликовал две работы, посвящённые делу о злоупотреблениях в Комиссионном банке⁵², пытаясь «реабилитировать себя, если не в глазах правосудного ока... то в глазах общества»⁵³.

Так закончилось существование Российского торгового и комиссионного банка, но Ликвидационная комиссия по делам о его несостоятельности работала до 1913 г. Однако если кредиторы ещё в 1898 г. получили по 30 коп. за каждый рубль, вложенный в банк, то пострадавшим от его «краха» не возместили даже половины их потерь.

⁵⁰ Там же, л. 11.

⁵¹ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 243, оп. 1, д. 228; ф. 254, оп. 1, д. 15436, 15460; ф. 356, оп. 2, д. 68, 69; ф. 965, оп. 1, д. 456; Дело о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 4. С. 232–266; Определение Правительствующего Сената по делу о злоупотреблениях в Российском торговом и комиссионном банке // Там же. 1898. № 6. С. 195–226.

⁵² Записка В.А. Свищова по делу о злоупотреблениях в Комиссионном банке. Выписка из отчёта Комиссионного банка за 1891 год. СПб., 1897; Исповедь осуждённого по делу Российского торгового комиссионного банка В.А. Свищова. СПб., 1900.

⁵³ Исповедь осуждённого... С. 3.

Банки, как и все коммерческие предприятия, в силу объективных и субъективных причин переживали спады, кризисы и банкротства. В истории до-революционных российских банков известно несколько крупных банкротств: Московского коммерческого ссудного банка (1875), Одесского коммерческого банка (1878), Кронштадтского коммерческого банка (1879), Скопинского городского общественного банка (1882) и др. Несостоятельность даже одного банка, связанного многочисленными деловыми отношениями с другими кредитными учреждениями, Государственным банком, фондовой биржей, негативно отражалась на всей банковской системе страны. Произошедшие во второй половине 1870 – начале 1880-х гг. «расстройства» акционерных, городских общественных банков и банкирских заведений поставили на очередь вопрос «о порядке производства ликвидации кредитных учреждений». Возникла необходимость издания особых правил для конкурсного производства по делам кредитных учреждений, «впавших в несостоятельность», а также определения точных оснований для их ликвидации. Кроме того, в Министерство финансов поступали многочисленные жалобы на злоупотребления лиц, стоявших во главе частных банков.

В конце 1883 г. в министерстве подготовили проект «Правил о порядке ликвидации дел частных и общественных установлений краткосрочного кредита», который был рассмотрен в Государственном совете. 22 мая 1884 г. «Правила...» были высочайше утверждены⁵⁴. С изданием этого закона упростилась процедура ликвидации банков, пришедших в расстройство или несостоятельность. В соответствии с этим законом были назначены правительственные комиссии по делам разорившихся Владикавказского городского общественного банка, Орловского и Козловского обществ взаимного кредита, а также Российского торгового и комиссионного банка.

Пытаясь устранить широкомасштабную спекулятивную игру на курсе русского кредитного рубля с участием многих российских банков (в том числе Комиссионного) и банкирских домов, министр финансов Вышнеградский в конце 1880 – начале 1890-х гг. осуществил ряд мер, направленных на упорядочение вексельного курса и денежного обращения. В 1893 г. финансовое ведомство решило окончательно прекратить любую спекуляцию банков на курсе рубля и оградить от «судорожных колебаний» цену на международном рынке. Для этой цели 16 января 1893 г. был опубликован циркуляр Особенной канцелярии по кредитной части, обращённый ко всем частным банкам, банкирским домам, конторам и другим учреждениям коммерческого кредита. Их ставили в известность, что не только непосредственное, но даже косвенное участие в биржевой игре на курсе рубля не останется без соответствующих последствий. Министр финансов С.Ю. Витте предостерегал, что будет вынужден «закрыть для таких учреждений всякие счета в Государственном банке, а в крайних случаях прибегнуть и к более решительным мерам, исходя из убеждения, что подобные случаи могут иметь место только при явной и упорной злонамеренности... кредитных учреждений»⁵⁵.

Важной мерой, направленной на борьбу со спекуляцией на курсе кредитного рубля, стал закон от 29 марта 1893 г. «Об обложении кредитных билетов таможенною пошлиною». Таким образом, Министерство финансов пыталось воздействовать на кредитные учреждения с целью удержания их от

⁵⁴ ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2249. С. 307–312.

⁵⁵ РГИА, ф. 1287, оп. 9, л. 3450, л. 2–2 об.

спекулятивной высылки русских рублей за границу. По новому закону, который вводился в виде временной меры до 1 января 1894 г., государственные кредитные билеты облагались таможенной пошлиной в размере 1 коп. за каждые 100 руб.⁵⁶

Очередным шагом, направленным против биржевой спекуляции, стал принятый 8 июня 1893 г. закон «О воспрещении некоторых сделок по покупке и продаже золотой валюты, тратт и тому подобных ценностей, писанных на золотую валюту»⁵⁷. Теперь все кредитные учреждения и банкирские заведения подчинялись особому надзору со стороны финансового ведомства. Если в сделках с валютой подозревались кредитные учреждения, то Министерству финансов предоставлялось право требовать от них сведений и объяснений, производить осмотр и проверку их книг и делопроизводства, принимать административные меры для прекращения недозволенных операций. Кроме того, министр финансов мог требовать удаления в трёхмесячный срок директора-распорядителя и членов правления банка от занимаемых ими должностей, запретить производство некоторых активных операций, назначить срок и порядок их ликвидации. К числу таких банковских операций причислялись: продажа выигрышных билетов в рассрочку, перезалог процентных бумаг, приём вкладов на хранение на текущий счёт и на обращение из процентов, а равно открытие специальных текущих счетов⁵⁸. Этим законом Министерство финансов стремилось лишить банки какой-либо возможности спекулировать на курсе рубля. Эти нововведения, необходимые для стабилизации российской валюты, оказались весьма кстати накануне введения золотого обращения в России в 1896–1897 гг.

Наконец, не без влияния банковских крахов 1890-х гг. финансовое ведомство приступило к подготовке закона об упрочении деятельности частных кредитных учреждений, высочайше утверждённого 29 апреля 1902 г.⁵⁹ В отношении акционерных коммерческих банков были существенно изменены прежние узаконения. Во-первых, членам правлений акционерных коммерческих банков, управляющим их делами и служащим в них лицам (кроме членов совета) запрещалось пользоваться в своих банках кредитами (в каком бы то ни было виде). Во-вторых, меньшинство акционеров кредитного учреждения могли возбуждать ходатайства о производстве в отношении него правительственной ревизии. В-третьих, министр финансов мог требовать объяснений от правлений частных банков и назначать их ревизии при ходатайстве не менее $\frac{1}{10}$ части всех их владельцев акций. И хотя министру финансов самому не предоставлялось право назначать правительственные ревизии акционерных коммерческих банков, тем не менее намечалась тенденция к усилению вмешательства правительства в их дела.

⁵⁶ПСЗ-III. Т. 13. СПб., 1897. № 9461. С. 170–171.

⁵⁷Там же. № 9741. С. 411–412; № 9742. С. 412–413.

⁵⁸Там же. № 9741. С. 411–412.

⁵⁹Там же. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21366. С. 246–248; *Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 247–249.

Афонское сражение в свете новых архивных документов

Галина Гребенщикова

The battle of Afon according to new archival documents

Galina Grebenshchikova

(Saint Petersburg State Naval Technical University, Russia)

19 июня 2017 г. исполнилось 210 лет сражению российской эскадры (командующий вице-адмирал Д.Н. Сенявин) с турецким флотом (капудан-паша Сеид-Али), которое произошло в Эгейском море между островом Лемнос и полуостровом Афон и вошло в историю как Афонское. Тогда в жестокой схватке с превосходившим в силах противником, «на самых близких дистанциях», русские моряки проявили истинный героизм, взаимовыручку и отвагу.

Об этом важном событии много и обстоятельно писали морские историки XIX в., изучившие шканечные (вахтенные) журналы кораблей эскадры Сенявина¹. В следующем столетии в свет выходили аналитические работы специалистов по военно-морскому искусству и тактике эпохи парусного флота², касавшиеся рассматриваемой темы. Однако, несмотря на «положительную ситуацию» в историографии проблемы, именно сегодня необходимо ещё раз к ней обратиться.

В начале 2017 г. в Российском государственном историческом архиве (фонд «Капитул российских императорских и царских орденов») были обнаружены «всеми забытые» наградные списки участвовавших в сражении офицеров, морских артиллеристов (и других чинов) с описанием совершённых ими подвигов. Эти уникальные документы существенно дополняют сведения, содержащиеся в справочных изданиях, посвящённых награждениям офицеров орденами и Золотым оружием с надписью «За храбрость»³.

Кроме того, в 2016 г. в журнале «Родина» была опубликована статья доктора исторических наук Д.М. Володихина, где представлен его ответ тем исследователям, которые обвиняли командиров русских кораблей в том, что те намеренно не выполняли приказов вице-адмирала Сенявина, не вступали в сражение и вообще

© 2017 г. Г.А. Гребенщикова

¹ См., например: *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией в 1806–1812 годах. СПб., 1810; *Михайловский-Данилевский А.И.* Полное собрание сочинений. Т. 1–3. СПб., 1849; *Петров А.Н.* Война России с Турцией в 1806–1812 гг. Т. 1–3. СПб., 1885; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958; *Давыдов Ю.* Сенявин. М., 1972.

² См., например: *История военно-морского искусства*. Т. 2. М., 1954; *Павлович Н.Б.* Основные факторы развития военно-морского искусства // *Военно-исторический журнал*. 1974. № 12; *Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. М., 1979; *Танстолл Б.* Морская война в век паруса: 1650–1815. Сражения великих адмиралов / Пер. с англ. М., 2005; *Овчинников В.Д.* Адмирал Фёдор Ушаков: Святой праведный воин. Ярославль, 2014.

³ *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость»: Списки кавалеров. 1788–1913. М., 2007; *Общий морской список. От основания флота до 1917 года* / Под ред. Ф.Ф. Веселаго. Ч. 3–5. СПб., 2013.

находились далеко от его эпицентра⁴. Историк раскритиковал такие взгляды (умалявшие и даже отрицавшие выдающуюся роль в этом сражении наших моряков и морских солдат), а также дилетантские подходы к изучению проблем военно-морского искусства. Володихин верно изложил некоторые обстоятельства боя (например, когда в дыму, окутавшем противоборствующие флоты, оказалось невозможным чётко распознавать дистанцию). Но, к сожалению, не будучи специалистом по военно-морской истории, он не представил более веских доказательств правильности своего подхода при рассмотрении столь важной проблемы. Кроме того, он не учёл публикаций автора настоящей статьи о Дарданелльском и Афонском сражениях (основанных на нескольких документах, обнаруженных в двух федеральных архивах⁵ и введённых в научный оборот).

Цель данной статьи: солидаризируясь с позицией Володихина и привлекая новые архивные материалы, проанализировать ход Афонского сражения и представить веские доказательства активного действия в нём экипажей российских кораблей.

Но сначала – краткая предыстория этого события. При вступлении на престол императора Александра I военно-политический союз между Россией и Турцией (1798) сохранялся, и на основании его статей российские военные корабли имели право прохода через Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Тогда в Европе полным ходом шли революционные войны, а честолюбие французского генерала Бонапарта (провозгласившего себя в 1804 г. императором Наполеоном) и его завоевательные планы тревожили умы политиков и монархов. Перед возросшей опасностью они принимали срочные меры: проводили переговоры, объединялись в коалиции, обговаривали условия совместных морских и сухопутных операций.

Стержневой осью антифранцузских коалиций являлась Россия, и большей частью на её материальные и людские ресурсы делали ставку ведущие державы. Однако дальнейшая судьба Европы всерьёз обеспокоила русского государя только после крупного поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем (1805). До этого же он поддерживал Республику Семи Соединённых Островов в Ионическом море, где после ухода эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова продолжалось военное присутствие морских сил России с базированием на острове Корфу.

В 1804 г. для их усиления и обеспечения в целом интересов страны в том важном регионе Александр I решил направить к Корфу отряд судов Балтийского флота под командованием контр-адмирала А.С. Грейга. 17 августа Интендантская экспедиция Балтийского флота подала в Государственную Адмиралтейств-коллегию ведомость о техническом состоянии судов. В ней указывалось, что большая часть кораблей и фрегатов к службе оказалась пригодна («в здешнем море служить могут»). Таковых было зафиксировано 10 единиц и ещё столько же – «с исправлением в дальний вояж благонадёжны»⁶. Иными словами, ситуация на флоте сложилась вполне благополучная. Рескрипт императора предписывал Грейгу: «Предмет пребывания в Корфу сей дивизии состоит в том, чтобы по всей

⁴ Володихин Д.М. А кто же разбил турецкую флотилию? // Родина. 2016. № 9. С. 100–101.

⁵ Это документы из Российского государственного архива Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ) и Архива внешней политики Российской империи Историко-документального Департамента МИД РФ (далее – АВПРИ). См.: Гребенщикова Г.А. Боевой путь эскадры Д.Н. Сенявина: вершина славы и горечь финала // Клио. Журнал для учёных. 2012. № 6; Гребенщикова Г.А. Фрегат «Венус» в Русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб., 2015.

⁶ РГА ВМФ, ф. 135, оп. 2, д. 349, л. 1–2, 3–10, 16 об.–18; д. 303.

возможности содействовать к безопасности и благу жителей Республики Семи Соединённых островов»⁷.

В октябре того же года отряд судов (66-пушечный корабль «Ретвизан» (флаг Грейга), 74-пушечный — «Св. Елена» и два фрегата — 44-пушечный «Венус» и 24-пушечный «Автроил») вышел из Кронштадта. На месте назначения Грейгу поручалось координировать свои действия с командующим сухопутными войсками генерал-майором Р. фон Анрепом и полномочным представителем России гр. Г.Д. Моцениго. 11 января 1805 г. русские суда благополучно пришли к Корфу.

К тому времени военные успехи французских войск достигли апогея, что побудило Александра I выделить в помощь союзным австрийцам многотысячную армию для действий на сухопутном театре, а на усиление отряда Грейга подготовить дополнительную эскадру. Главкомандующим морскими и сухопутными силами в Ионическом и Средиземном морях император назначил вице-адмирала Сенявина.

В 20-х числах августа 1805 г. 74-пушечные корабли «Ярослав» («Ярославль», флаг Сенявина), «Св. Пётр», «Москва», «Селафайл», 80-пушечный «Уриил» и 23-пушечный транспорт «Кильдюин» в полной готовности стояли на рейде Кронштадта. На их борту находились два батальона 2-го Морского полка под командованием подполковника Ф.И. Боасселя, всего 3350 человек.

Эскадра Сенявина вышла по назначению 10 сентября 1805 г., а 20 августа 1806 г. из Кронштадта в Ионическое море — ещё одна, под начальством капитан-командора И.А. Игнатьева с тремя Морскими полками. В её состав входили новые, недавно сошедшие на воду корабли: «Сильный» (флаг Игнатьева), «Рафайл», «Твёрдый», «Мощный» и «Скорый». Эскадре предстояло следовать в сложных условиях, так как почти всё побережье Италии оккупировали французские войска.

15 октября 1806 г. в результате активного дипломатического воздействия со стороны Франции Высокая Порта объявила российского посланника и полномочного министра в Стамбуле А.Я. Италинского персоной *non grata*, а 18 декабря последовало объявление султаном Селимом III войны России. Таким образом, вице-адмиралу Сенявину предстояло действовать в условиях военного времени, и он понимал, что для скорейшего достижения мира надо было разбить турецкий флот.

Выполняя высочайшие инструкции, Сенявин оставил для защиты Ионических островов, а также Бока ди Катаро и Далмации (в Адриатике) четыре корабля, пять фрегатов, два корвета и пять бригов. С остальными силами 10 февраля 1807 г. он отошёл от Корфу к острову Тенедосу, ближе к Дарданеллам. На эскадре находились два батальона (950 человек) Козловского мушкетёрского полка под начальством полковника Ф.Ф. Падейского, 36 гарнизонных артиллеристов и 250 лёгких албанских стрелков.

10 июня 1807 г. в 6 ч утра русские сторожевые суда, несшие дозорную службу у выхода из Дарданелл, «телеграфом дали знать», что стоявшая там турецкая эскадра снялась с якоря. Моряки насчитали восемь её кораблей — один трёхдечный (имел три закрытых орудийных батареи), а также пять фрегатов, по два шлюпа и брига. В последующие двое суток из пролива вышли ещё два корабля противника (фрегат и шлюп) и присоединились к главным силам.

12 июня командирам русских кораблей зачитали приказ вице-адмирала Сенявина: «Вам известны настоящие обстоятельства, которые обязывают нас дать

⁷ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 545, л. 61.

сражение решительное. Но откуда флагманы неприятельские не будут разбиты, ожидать должно сражения весьма упорного. И так по сим обстоятельствам предполагаю я сделать атаку следующим порядком. По числу неприятельских флагманов, чтобы каждого атаковать двум нашим», Сенявин назначил корабли: «Рафаил» — «Сильный», «Мощный» — «Ярослав», «Селафаил» — «Уриил», приказав им на умеренной дистанции держаться близ его флагманского «Твёрдого» и корабля «Ретвизан». Далее следовало: «А по сделанному сигналу № 3 при французском гюйсе немедленно спускаться прописанным кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их по назначению двум одного со всевозможною решительностию. Чем ближе к неприятелю, тем от него менее вреда». Заканчивался приказ разрешением свалиться с противником на абордаж, действовать по обстановке и честно исполнять свой воинский долг⁸. Сенявин намеревался применить в бою тактический приём своего наставника — адмирала Ушакова: главный удар сосредоточить по флагманским кораблям противника.

Накануне решающего сражения корабль «Ярослав» по приказу Сенявина находился у юго-восточной стороны острова Тенедос и вместе с фрегатом «Венус» поддерживал российские части, защищавшие крепость от турок. В вахтенном журнале «Ярослава» отметили: в 11 ч утра 18 июня на флагманском «Твёрдом» дали сигнал: «Приблизиться к флоту», вследствие чего «пошли прямо на W, пеленговали острова Самандраки О-ю оконечность, W-ю оконечность Имбры на одной линии на Ru NW острова Тенедоса» и начали сближаться с кораблём адмирала. Поскольку ветер в тот день дул самый тихий (брамсельный), то всем кораблям приходилось совершать необходимые манёвры, чтобы держаться по возможности вместе.

Парусные суда, зависевшие от силы и направления ветра, при сближении с противником наблюдали за сигналами начальника эскадры (или флота), и такие сигналы адмиралы давали не единожды, что являлось нормой. Это объяснялось необходимостью выбора наиболее благоприятного положения для начала атаки и для общего контроля ситуации в целом. В неоднократной подаче сигналов со стороны флагмана, как это происходило перед Афонским сражением, когда русская эскадра маневрировала и совершала необходимые повороты, нет ничего необычного. Например, в журнале «Ярослава» есть такая запись: «В начале 12-го часа поворотили оверштаг на левый галс для приближения к флагманскому кораблю. Вскоре сделалось маловетрие. В $1\frac{1}{4}$ 12-го часа на вице-адмиральском корабле učinён сигнал Держаться соединённо, тогда легли мы правым галсом. В 12 часов ветер сделался брамсельный от N, тогда легли мы левым галсом». Через два часа «Твёрдый» вновь дал сигнал: «Всей дивизии держаться соединённо»⁹.

Такие подробности из записей вахтенного журнала «Ярослава» важны, потому что впоследствии его командира Ф.К. Митькова не наградили знаком отличия якобы в результате его неудовлетворительного действия в бою и невыполнения приказов вице-адмирала. На самом деле, причина была иной — субъективное отношение последнего к Митькову.

О начале Афонского сражения Сенявин докладывал императору: «На расвете 19-го увидели 9 кораблей, три больших фрегата, 3 шлюпа и два брига»¹⁰.

⁸ Там же, ф. 193, оп. 1, д. 31, л. 469–469 об.

⁹ Там же, ф. 870, оп. 1, д. 2867, л. 109–111. «Повернуть оверштаг» означало, что корабль переходил линию ветра носом, а «перейти через фордевинд» — перейти линию ветра кормой. Если «корабль шёл правым галсом», значит ветер дул в правый борт, если «левым галсом», то в левый.

¹⁰ АВПРИ, ф. АД, оп. II-6, д. 23, л. 384–386.

Состав турецкой эскадры

Количество орудий	Название корабля	Командир
120	«Миссудие» (флаг капудана-паши Сеида-Али)	Мустафа
90	«Сед-Эль-Бахр» (флаг Бекир-бея)	Ибрагим
86	«Анкай-Бахри» (флаг Шеремет-бея)	Шерри-Факи
84	«Таусу-Бахри» (брейд-вымпел Хусейн-бея)	Зейнель
84	«Тефик-Нюма»	Кара-Али
84	«Бешарет-Нюма»	Галил
74	«Сайади-Бахри»	Эмир Хусейн
74	«Хибет-Ендас»	Делил Исмаил
74	«Мембани Нюсарет»	Мемам-бей

Четыре 50-пушечных фрегата, один фрегат с 44 орудиями, один с 32; два шлюпа с 24 и 28 пушками, два 18-пушечных брига

Всего орудий в турецком флоте – 1198*

Составлено по: РГА ВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 546, л. 65–66.

* Так в источнике. Точная сумма номинального числа пушек на кораблях – 1134, но реальное число орудий могло отличаться от номинального.

В вахтенном журнале корабля «Скорый» было указано то же количество стоявших в линии кораблей противника¹¹, что очень важно. Дело в том, что в советской историографии назывались разные цифры состава турецкого флота под началом капудана-паши Сеида-Али: 8, 10 и даже 11 линейных кораблей¹².

Большие турецкие фрегаты с 50-ю пушками находились в интервалах между линейными кораблями – как подкрепляющими в бою. Российские фрегаты в сражении не участвовали – Сенявин оставил их у Тенедоса для защиты Козловского мушкетёрского полка, державшего оборону острова. В центре турецкой линии находился трёхдечный корабль «Миссудие» (нёс 120 орудий) и 80-пушечный адмирала Бекир-бея «Сед-Эль-Бахр» («Sed-el-Bahr») – «Оплот моря», позже захваченный русскими моряками.

Таким образом, у турок оказалось явное преимущество в бортовом залпе – общей бортовой массе выбрасываемого металла в снарядах, кроме того, их корабли, построенные французскими мастерами с применением новых технологий, обшитые медью, были быстроходнее русских. Поэтому Сенявину предстояло продумать тактические действия вверенной ему эскадры в условиях сражения с превосходившим её противником.

Д.Н. Сенявин отдал приказ: «Атаковать неприятельских флагманов попарно», что означало разделение эскадры на малые тактические группы. К атаке турецких флагманских кораблей были назначены «Рафаил» – «Сильный», «Мошный» – «Ярослав», «Селафаил» – «Уриил», а оставшихся вражеских судов – «Ретвизан» – «Св. Елена», «Твёрдый» – «Скорый». Таким боевым порядком, построившись в две колонны и находясь на ветре, они спускались на турецкую линию. Для достижения

¹¹ РГА ВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 2804, л. 183.

¹² Подробнее см.: *Шатило А.Л.* Указ. соч.; *Давыдов Ю.* Указ. соч.; *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море. М., 1954. С. 100.

Состав русской эскадры

Количество орудий	Наименование корабля	Командир
90	«Твёрдый» (флаг вице-адмирала Сенявина)	Капитан 1 ранга Д. В. Малеев
74	«Скорый»	Капитан 1 ранга Р. П. Шельтинг
74	«Ретвизан» (флаг контр-адмирала Грейга)	Капитан 2 ранга М. М. Ртищев
74	«Святая Елена»	Капитан 1 ранга И. Т. Быченский
74	«Рафаил»	Капитан 1 ранга Д. А. Лукин
74	«Сильный»	Капитан 2 ранга А. П. Малыгин
74	«Селафаил»	Капитан 2 ранга П. М. Рожнов
74	«Уриил»	Капитан 2 ранга М. Т. Быченский
74	«Мощный»	Капитан 1 ранга У. Крове
74	«Ярослав»	Капитан 2 ранга Ф. К. Митьков

Всего орудий – 728*

Составлено по: РГА ВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 546, л. 65–66.

* Так в источнике. Точная сумма номинального числа пушек на кораблях – 756 (см. прим. к табл. 1).

максимальной плотности огня Сенявин решил действовать так, чтобы на каждого турецкого флагмана пришлось два российских. Он назначил тактические группы, чтобы, заняв выгодное наветренное положение, атаковать неприятеля. Такое построение признано новым эффективным тактическим приёмом вице-адмирала. Рассчитывал Сенявин и на психологию противника: по предыдущему опыту он знал, что турки сражались до тех пор, пока в строю находились их флагманы.

Утром 19 июня дул брамсельный ветер, и для прибавления хода, совершения необходимых манёвров и построения в боевую линию на русской эскадре поставили самые верхние паруса – бом-брамсели. Около 7 ч по сигналу вице-адмирала «спуститься на неприятеля» левая колонна «повернула по отделениям вдруг, так что образовала три колонны, по два корабля в каждой, идущих параллельным курсом». Следуя сигналу «нести все возможные паруса», русские корабли «не столько заботились о равнении, сколько о том, чтобы скорее сблизиться с противником. Правая колонна тоже изменила курс, направляясь на неприятельский авангард». В 7 ч 45 мин на «Твёрдом» подняли очередной сигнал: «Назначенным кораблям атаковать неприятельских флагманов вплотную»¹³.

Турки, находясь под ветром и имея большой угол возвышения орудий, с дальней дистанции открыли огонь. Русские суда не отвечали, выполняя приказ командующего не стрелять, пока враг не подойдёт на расстояние картечного выстрела. Массированный огонь противник сосредоточил на «Рафаиле», который вместе с «Сильным» шёл впереди других. «Рафаил», сблизившись вплотную со 120-пушечным кораблём капудана-паши Сеида-Али, стал ложиться на параллельный противнику курс и, прорезав турецкую линию между кораблями «Миссудие» и «Сед-Эль-Бахр», сражаясь на оба борта, скрылся в дыму. Остальные русские корабли, подойдя на пистолетный выстрел, «привели на параллельный неприятелю курс, выстроили линию на правом галсе так тесно, что бушприты задних лежали на корме передних, и в таком порядке атаковали неприятельских флагманов. Головным был Селафаил, потом Уриил, Сильный, Мощный и Ярослав».

¹³ РГА ВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 546, л. 67–68.

Вот как ход сражения зафиксирован в вахтенном журнале «Скорого»: «Через переговоры с вице адмиральского корабля приказано нам спуститься и атаковать передовые неприятельские корабли и палить по оному чем заблагорассудится. Вскоре вице адмиральский корабль спустился к неприятелю. Вскоре Елена и вице адмиральский корабль в дыму закрылись, а мы, приблизясь на самую ближнюю дистанцию, производя пальбу по адмиральскому турецкому кораблю, пришли на пистолетный выстрел, легли параллельно с оным и вступили с оным в бой. Потом подошёл с правой стороны другой неприятельский корабль, поставя нас в 2 огня, почему отражались на оба борта ядрами, картечью, на левой стороне из ружей, мушкетонов и пистолетов, то ж и с адмиральского корабля. В таком положении находились больше ½ часа в ожидании вступить на abordаж. В ½ 11-го часа находящейся в праве неприятельский корабль удалился вперёд и пальба между нами прекратилась. Вскоре пришёл с левой стороны турецкий фрегат и, приблизясь на пистолетный выстрел, вступил с нами в бой, почему мы вторично сражались на оба борта. В продолжение сей битвы сражающийся с нами неприятельский корабль, получа великий вред в такелаже, имея все расстрелянные парусы, перебитый на бушприте утлегарь, удалился от нас. Сражающийся с нами фрегат получа великий вред в рангоуте, в густом дыму удалился, спускаясь под ветер. Означенные корабли производили пальбу жестокою, а мы, употребляя все возможные действия, палили ядрами, бранскугелями, и находясь уже под ветром задних неприятельских кораблей. Рангоут нашего корабля, стоячий и пробегающий такелаж весь тогда уже был перебит, и паруса уже все расстреляны, крьюйс стеньги немного выше топами сбиты»¹⁴.

«Скорый», поставленный в два огня, стрелял на оба борта, что свидетельствовало о высоком искусстве моряков и морских артиллеристов, поскольку стрелять одновременно с двух орудийных батарей всегда считалось делом сложным и трудоёмким. Сенявин позволял подчинённым палить по турецким кораблям, «чем заблагорассудится» (фактически предоставил командирам полный карт-бланш), в том числе зажигательными снарядами — брандскугелями. Вице-адмирал докладывал императору: «Я с кораблём Скорым, спускаясь на передовые турецкие корабли и фрегаты, приказал контр адмиралу Грейгу атаковать авангард неприятельский, один корабль и два больших фрегата. Вскоре потом передовой фрегат [был] сбит, а корабль держался ещё несколько, потом лёг на дрейф и тем движением остановил всех за ним последующих. Тогда Рафаил показался мне хотя с обитыми парусами, но проходил турецкую линию изрядно, и действовал артиллериею весьма исправно»¹⁵. На «Рафаиле» был убит его командир капитан 1 ранга Д.А. Лукин.

Сенявин постоянно отдавал приказы, типичные для управления эскадрой в бою — сначала сблизиться с противником, а затем на ближних дистанциях атаковать его. Но в тот день из-за брамсельного ветра управление парусным кораблём осложнялось, а густой дым препятствовал распознаванию противника. Тем не менее командир «Ярослава» (единственный из всех командиров) вызвал неудовольствие вице-адмирала по причине «неподхода» на ближнюю дистанцию. В донесении императору Сенявин подчеркнул: «Скорый находился почти в середине турецкой эскадры, равно и Мощный, прочие наши корабли были в фигуре полу циркуля, и казалось на неблизком расстоянии. Претерпели много, а паче всех Твёрдый, Скорый, Рафаил и Мощный»¹⁶.

¹⁴ Там же, ф. 870, оп. 1, д. 2804.

¹⁵ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 571, л. 55.

¹⁶ Там же, л. 57–60.

Но в густом дыму распознавать корабли было трудно; многие имели сильные повреждения в снастях, перебитые паруса и теряли рулевое управление. В вахтенном журнале «Ярослава» зафиксировано: «Поравнявшись мы против 100 пушечного пашинского корабля, сражались с оным и ближними к оному двумя кораблями. В ½ 11-го часа имели перебитый грот марсель и перебитый такелаж». Корабль плохо слушался руля. Расстреляв весь боезапас одного борта, команда совершила поворот и начала стрелять другим бортом (правым), а корабли противника — уклоняться от боя. Исправив перебитый такелаж, на «Ярославе» «прибавили, сколько можно парусов, проследовали в линию на своё место. Сражаясь, спускались от ветра за неприятелями», продолжая биться с турецким кораблём и фрегатом. На «Ярославе» видели и распознавали все сигналы с флагманского «Твёрдого» и чётко следовали им, пока Сенявин не приказал прекратить атаку. А «фигуру полу циркуля», упомянутую им, служивший на фрегате «Венус» мичман Владимир Броневский объяснил тем, что в такой позиции русские корабли оказались в тот момент, когда теснили турецкие, сбившиеся в кучу. Броневский конкретизировал кульминацию боя: «Некоторые наши корабли, будучи обиты в парусах, переменяли их. Капитан П.М. Рожнов в самом пылу сражения под картечными выстрелами переменял перебитый рей. Многие капитаны исправляя повреждения, не переставая драться»¹⁷.

К часу пополудни турецкие корабли, оказавшись под ветром, начали активно покидать место сражения и уходить к полуострову Афон. В 1 ч 30 мин наступил штиль; русская эскадра осталась на месте и прекратила огонь. Сенявин намеревался дожидаться ветра, чтобы продолжить сражение. Ближе к вечеру россияне заметили, как два турецких корабля и два фрегата сильно отстали от своих. Вице-адмирал приказал догнать их и отрезать от главных сил. Ночью «Селафаил» догнал 80-пушечный турецкий корабль Бекир-бея «Сед-Эль-Бахр» и захватил его. Россиянам достались хорошие трофеи: на этом корабле стояла превосходная медная артиллерия 42-х, 22-х и 12-фунтового калибров, но, самое главное, находились 11 пленных русских моряков с корвета «Флора», разбившегося у побережья Албании.

В действиях между Лемносом и Афоном россияне потеряли 80 человек убитыми и 160 ранеными, но сохранили все корабли. Согласно документу, «сего дня 3-го июля дошло до Главнокомандующего достоверное уведомление из Дарданелл, что к понесённому турецким флотом урону в сражении 19-го июня присовокупить надлежит ещё один линейный корабль и большой фрегат, сожжённые самим неприятелем 22-го того ж июня. Известие сие объясняет, почему из 17-ти больших военных судов, составлявших Турецкий флот при выходе оногo из Дарданелл 10-го июня, вошло обратно в пролив токмо 11-ть судов. На одном Капитан Пашинском корабле (на 120-пушечном «Миссудие». — *Г.Г.*) раненых и убитых в сражении было около 500 человек, и что сам Капитан Паша ранен тяжело в руку. Находящийся ныне в Дарданеллах Турецкий флот состоит из 7 линейных кораблей, трёх фрегатов и одной корветы»¹⁸. Таким образом, общие потери турок составили три линейных корабля, четыре фрегата (от 32 до 50 пушек) и свыше 1 тыс. человек убитыми. Турецкий главнокомандующий Сеид-Али лично казнил обвинённых в трусости вице-адмирала Шеремет-бея и четырёх командиров кораблей.

¹⁷ Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 года. Ч. 3. СПб., 1818. С. 108; РГА ВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 546, л. 65–66, 109.

¹⁸ АВПРИ, ф. АД, оп. II-6, д. 23, л. 384–387.

Состав пленных на турецком корабле «Сед-Эль-Бахр»

Чины	Количество	Чины	Количество
Адмирал (Бекир-Бей)	1	Итальянцы	9
Капитан корабля (Гюлит Ибрагим)	1	Бокезцы	1
Советники	4	Армяне	3
Офицеры	6	Пленные российские (с корвета «Флора»)	11
Чауши	35	мичманы	1
		Англичане	
		матросы	5
Нижние чины турок	598		
Греки	42	Итого	717

Составлено по: РГА ВМФ, ф. 194, оп. 1, д. 66, л. 328 об.

Русские моряки победили. В тех условиях – при значительном неравенстве сил и слабом ветре, чередовавшемся со штилем – Сенявин сделал всё, что мог. Задувшие в течение следующих суток сильные встречные ветры не позволили ему преследовать турок, к тому же он беспокоился за судьбу Козловского мушкетёрского полка, который, сражаясь, удерживал Тенедос. Поэтому адмирал приказал следовать к острову.

После одержанной морской победы Александр I приказал во всех портах отслужить благодарственные молебны, затем последовали высочайшие награды. «За отличие, показанное в сражении бывшем с турецкою эскадрою 19-го числа прошедшего июня и в защите крепостей на острове Тенедос, его императорское величество всемилостивейше пожаловать соизволил 8-ми флота капитан лейтенантам золотые шпаги с надписью “За храбрость”, 13-ти легиона лёгких стрелков чиновникам сабли, и священнику сего легиона золотой крест». Золотые сабли получили и два албанских офицера. Сенявину император пожаловал орден Св. Александра Невского, Грейгу – орден Св. Анны 1-й степени. Шеф Козловского мушкетёрского полка полковник Падейский удостоился ордена Св. Георгия 3-го класса¹⁹.

Александр I Сенявин отправил подписанный им «Список особо отличившимся при сражении с турецкою эскадрою июня 19 числа 1807 года»²⁰. Этот список «дополняют» наградные документы из «Капитула российских императорских и царских орденов»²¹. На основании представлений Сенявина император пожаловал ордена чинам, факт награждения большей части которых не отражён в «Общем морском списке», а обозначенные в этом представлении подвиги морских артиллеристов свидетельствуют об их искусстве и, самое главное, о том, что сражение происходило на близких дистанциях.

Военным орденом Св. Георгия 4-й степени были награждены: морской артиллерии капитан-лейтенанты П.И. Антипин (корабль «Св. Елена»), Д.Г. Дмитриев

¹⁹ РГА ВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 571, л. 107.

²⁰ Там же, л. 70–73 об., 75–91, 124–132, 174, 177–179.

²¹ РГИА, ф. 496, оп. 1, д. 16, л. 217–226, 236–237 об., 319–323 об., 324–327; д. 17, л. 70, 112; д. 678, л. 55–59.

(«Ярослав»), П.И. Игнатьев («Сильный»), А.И. Касиков («Мощный»), И.И. Манфре-ди («Твёрдый») (выполняли «свою должность с отличною деятельностью и рас-торопностью, успевая везде быть, где только более видна была опасность, и при-сутствием своим подавая пример мужества и благоразумия побуждали служи-телей к исправному действию артиллерией по неприятельским кораблям»); граф, полковник Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части Г.Н. Галате²², барон, майор Свиты е.и.в. по квартирмейстерской части С.А. Мей-ран («находясь оба на корабле Сильном, во всё время сражения были на шкан-цах и на юте. Замечали действие неприятельской эскадры и примером храбрости и присутствия духа поощряли людей к неустойчивости»); майор 1-го Морского полка А.П. Козмин («Ярославль»), майор 3-го Морского полка Ф.В. Повалишин («Рафаил»), майор 2-го Морского полка С.Т. Фёдоров («Уриил») («не упустили быть всегда, где только более оказывалось опасности, и примером собственной храбрости и неустрашимости поощряли к тому солдат и флотских служителей»).

Золотое оружие с надписью «За храбрость» («в воздаяние подвигов, оказан-ных в сражении с турецкою эскадрою 19 июня при острове Лемносе... поселяя присутствием и примером своим мужество и неустойчивость в служителях») полу-чили капитан-лейтенанты К.И. Андрианов («Мощный»), Р.И. Бортвик («Уриил»), Ф.А. Дзивович («Ярослав»), Ф.В. Кандлер («Св. Елена»), Ф.П. Селиванов («Ретви-зан»), Д.С. Шишмарев («Сильный») и Ф.Л. Языков («Селафаил»).

Орденом Св. Владимира 3-й степени были награждены: полковник Свиты е.и.в. по квартирмейстерской части Жубери²³ («Во всё время сражения был на шканцах, произвольно занимался действием артиллерии и подавал собою другим пример храбрости и неустрашимости... на корабле Ярослав»), «особо отличившие-ся командиры кораблей» Д.В. Малеев («Твёрдый») и капитаны 1 ранга У Кровве («Мощный») и Р.П. Шельтинг («Скорый») и полковник Свиты е.и.в. по квартир-мейстерской части Поццо Ди Борго, который «произвольно управляя шканечной батареей на флагманском корабле Твёрдом, невзирая на сильную пальбу, произ-водимую с неприятельских кораблей, не только хранил порядок в действии ар-тиллерией, но и лично собою оказывал пример неустрашимости».

Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом был пожалован: унтер-лейтенан-там морской артиллерии А.С. Ершеву («Селафаил»), А.С. Каликуцкому («Твёр-дый»), И.В. Киленину («Ярослав»), П.В. Попову («Рафаил»), лейтенанту морской артиллерии того же корабля И.А. Лукьянову, капитан-лейтенанту морской артил-лерии А.Н. Попову («Ретвизан») («успевая везде быть, где токмо была видна опас-ность, и присутствием своим давая пример мужества и благоразумия, побуждали служителей к исправному действию артиллерией по неприятельским кораблям»); лейтенантам П.Н. Макарову («Сильный»), который «примерною храбростью и неустрашимостью своею возбуждал к мужеству и неустрашимости в действии против неприятельских кораблей чинов и служителей») и С.И. Мофету («Ретви-зан») («будучи флаг-офицером при контр-адмирале Грейге... примером хабро-сти и неустрашимости своей поощрял людей к безслабному мужеству»); капи-тан-лейтенанту Д.Я. Нестерову («Св. Елена») («оказал себя примерно храбрым, возбуждая и в других мужество и твёрдость духа»); лейтенанту В.В. Розенбергу («Твёрдый») («будучи флаг-офицером при вице-адмирале Сенявине... примером храбрости и неустрашимости своей поощрял людей к безслабному мужеству»)

²² В документах «Капитула российских императорских и царских орденов» указан как Гала-тери де Жепола, подполковник Сардинской службы.

²³ В документах «Капитула...» указан как полковник французской службы.

и находившемся на том же корабле переводчику Коллегии иностранных дел Свиныну, который «во всё время продолжения сражения был... весьма полезен ревностным наблюдением движений неприятельских, подвергая неоднократно жизнь свою очередной опасности»; капитан-лейтенантам И.А. Стурму, («Ярослав») и Е.Н. Титову («Селафаил»), которые показали «себя примерно храбрыми и возбуждали в других мужество и твёрдость духа»; волонтеру поручику Тимуце («Твёрдый») («имея в своём командовании отделение пушек в деке флагманского корабля, действовал оными с желаемой исправностью, ободряя примером храбрости своей и служителей к тому»); мичманам Ф.Г. Харламову («Ярослав») и А.П. Хрушову («Рафаил»), которые проявили храбрость и мужество в сражениях с турецкой эскадрой, происходивших соответственно 10 мая (у Дарданельского пролива) и 19 июня («при острове Лемносе»).

«За усердную службу и отменные подвиги, оказанные в сражении с турецкою эскадрою 19 июня при острове Лемносе» орденом Св. Анны 2-й степени были награждены: полковники 2-го и 3-го Морских полков Ф.И. Буасель (Боассель) («Твёрдый») и П.В. Шевандин («Сильный»), командиры кораблей капитан 1 ранга И.Т. Быченский («Св. Елена») и капитаны 2 ранга М.Т. Быченский («Уриил»), А.П. Малыгин («Сильный»), П.М. Рожнов («Селафаил»), М.М. Ртищев («Ретвизан»), капитан-лейтенант А.Т. Быченский («Рафаил»), капитан-лейтенант морской артиллерии Карягин («Селафаил»).

Не обделил император наградами и нижних чинов эскадры — «триста пятьдесят знаков отличия военного ордена». «30 знаков отличия военного ордена» получили «600 нижних военнослужащих Козловского мушкетёрского полка»²⁴.

Всего ордена Св. Анны 2-й и 3-й степеней вручили 36 офицерам разных кораблей (кроме командира «Ярослава» капитана 2 ранга Митькова).

Действия русских моряков привели к важным военно-политическим последствиям. По справедливому высказыванию Н.Д. Каллистова, «стратегическая обстановка сложилась для россиян самым благоприятным образом. Расстроив линию турецкого флота между островом Лемнос и Афоном, он имел полную возможность не допустить возвращения турок к Дарданеллам». И действительно, турецкий флот «больше не отважился выйти из пролива»²⁵. Как выразился мичман В. Броневский, «после столь совершенной победы Сенявину предстоял выбор самый затруднительный: гнаться ли за остатками или возвращаться в Тенедос спасти гарнизон от плена неминуемого и жестокого. В сём случае Сенявин не усомнился пожертвовать славою» и сделал нелёгкий выбор²⁶.

Афонское сражение золотыми буквами вписано в боевую летопись российского флота, став примером патриотизма и честного исполнения моряками воинского долга. Броневский и другие морские историки сравнивали это сражение по степени важности с Трафальгарским (когда в октябре 1805 г. англичане малыми силами разбили объединённый испано-французский флот), поставив адмирала Д.Н. Сенявина на один уровень с выдающимся английским адмиралом лордом Г. Нельсоном²⁷.

²⁴ РГА ВМФ, ф. 160, оп. 1, д. 571, л. 156–157.

²⁵ Каллистов Н.Д. Указ. соч. С. 41.

²⁶ Броневский В. Указ. соч. С. 111.

²⁷ Там же. С. 114; см.: Огородников С. Действия русского флота в войне с Турцией в 1807 году // Морской сборник. 1908. № 10, 11; Каллистов Н.Д. Указ. соч. С. 40–41.

Г.В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг.

Полина Шевченко

Henri Jomini and reorganization of military education in Russia in the late 1820s

Polina Shevchenko

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Резкий скачок численности армий всех великих держав Европы в эпоху наполеоновских войн не только потребовал подготовки большего числа офицеров, но и заставил качественно изменить уровень их обучения. Всё сильнее ощущалась необходимость специализации по родам и отраслям военного дела. В середине 1820-х гг. в России насчитывалось 16 военно-учебных заведений. Более половины из них располагались в столицах (Пажеский корпус, Главное инженерное и Артиллерийское училища, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, 1-й и 2-й Петербургские, 1-й Московский кадетские корпуса, Дворянский полк, Императорский военно-сиротский дом и Морской корпус). Кроме того действовали Финляндский (в Фридрихсгаме) и Калишский кадетские корпуса, а также военные училища в Туле, Тамбове, Омске и Оренбурге. К 1825 г. все вместе они выпускали ежегодно всего 415 офицеров¹. Основанные в разное время и с различными целями, формально все они подчинялись главному директору Пажеского и кадетских корпусов, имевшему довольно ограниченные полномочия, а через него – вел. кн. Константину Павловичу, который носил звание главного начальника военно-учебных заведений, но практически не вмешивался в их жизнь (находясь в Варшаве, он занимался преимущественно польскими делами)². Фактически порядок функционирования каждого отдельного корпуса определялся непосредственно его директором.

Создание полноценной единой системы военного образования началось, по сути, только в конце 1820-х гг. Проведённая тогда Николаем I реформа освещена в историографии довольно скупо, как и влияние на неё рекомендаций известного военного теоретика и историка барона Анри Антуана (на русской службе – Генриха Вениаминовича) Жомини (1779–1869). Исследователи не раз кратко характеризовали его предложе-

© 2017 г. П.В. Шевченко

¹ Краткий отчёт о положении и ходе военно-учебных заведений в 25-летие царствования государя императора. СПб., 1850. С. 18. Между тем только в гимназиях количество учащихся в 1808–1837 гг. возросло с 2 838 до 16 506 человек (*Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 189, 221).

² *Петров П.В.* Главное управление военно-учебных заведений // Столетие военного министерства. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1902. С. 120.

ния³, однако внутренняя логика и эволюция выдвинутых им идей, подержанных затем императором, до сих пор не рассматривались сколько-нибудь подробно⁴. Между тем их необходимо учитывать при анализе последующего развития военного образования в России.

В мае 1826 г. Николай I учредил под председательством К.И. Оппермана Комитет о военно-учебных заведениях, поручив ему пересмотреть порядок их деятельности в России. Карл Иванович Опперман (1766–1831) был хорошо известен императору. Родившись в Гессен-Дармштадте и окончив математический факультет Гессенского университета, он в 1783 г. поступил в русский Инженерный корпус, в 1805–1814 гг. участвовал в военных действиях против французов. С 1809 г. Опперман являлся инспектором Инженерного корпуса, а в 1814 г. по предложению вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны принял на себя общее руководство военным образованием вел. кн. Николая Павловича. Когда в 1818 г. великий князь вступил в должность генерал-инспектора по инженерной части, Карл Иванович стал одним из ближайших его сотрудников, в том числе активно участвовал в реорганизации Главного Инженерного училища и создании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую впоследствии и возглавил. В 1823 г. Опперман был произведён в инженер-генералы. Впрочем, его влияние на будущего императора едва ли можно назвать безусловным. Вел. кн. Николай Павлович «ставил на вид» ему, «яко директору Инженерного департамента», разные непорядки, а однажды даже оштрафовал своего наставника на 958 руб. за подготовленный тем проект оборонительной казармы, которая обрушилась в Бобруйске при постройке (сам великий князь, утвердивший «неосновательный» план, уплатил при этом 584 руб.)⁵.

Помимо Оппермана в Комитет о военно-учебных заведениях вошли директор петербургских военно-учебных заведений и генерал-адъютант Жомини, имевший богатый опыт службы на адъютантских, штабных и административных должностях сначала во французской, а с 1813 г. и в русской армиях. К этому времени он уже считался признанным в Европе знатоком войн Фридриха II, Конвента, Директории и Наполеона и с разрешения начальства жил в Париже, где занимался в основном научной работой. В мае 1826 г. его официально вызвали в Петербург для участия в заседаниях Комитета⁶. Напрасно пытались уклониться от данного назначения, Жомини ссылался на незнание русского языка и писал, что едва ли сможет принести пользу в этом деле. Потом Жомини втянулся в работу, составляя свои предложения на французском языке и сопровождая их русским переводом, заверенным своей подписью⁷.

Официально комитету поручалось рассмотреть преподававшиеся в военно-учебных заведениях курсы, систематизировать изучаемые предметы,

³ См., например: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 2; *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб., 1894. С. 15; *Петров П.В.* Указ соч. Т. 10. Ч. 2. СПб., 1902. С. 3; *Аурова Н.Н.* Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003. С. 34.

⁴ Полнее всего они отражены в письмах Г.В. Жомини к К.И. Опперману и сопутствующих документах (РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 87–96 об.).

⁵ Военная энциклопедия. Т. 17. Пг., 1914. С. 137.

⁶ Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. Т. 3. СПб., 1888. С. 195.

⁷ РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 90 об.; *Петров П.В.* Указ. соч. Т. 10. Ч. 2. С. 3.

исправить программы и составить учебный план⁸. К началу июля 1826 г. его члены проработали около месяца — не торопясь, они просматривали поступавшие материалы, налаживали делопроизводство, обменивались опытом. Большинство их, начиная с председателя, были обременены не только этими занятиями, но и другими многочисленными служебными обязанностями. Жомини, напротив, сразу же сосредоточился на разработке общей концепции устройства военного образования в России, не стесняя себя узкими рамками поставленных перед Комитетом задач. Даже не имея возможности из-за болезни глаз участвовать в очередном заседании, 4 июля он сообщал Опперману: «Я готовлюсь представить Вам мои мысли о программе, которая годилась бы для разных корпусов, и сделал его (так в тексте. — П.Ш.) письменно для того, чтобы о ней можно было судить и Вам, и комитету». При этом генерал не скрывал, что «сей способ кажется мне более приличным, нежели споры»⁹. Желая разобраться, «какое дать направление моему труду для того, чтоб он отвечал ожиданиям», Жомини просил председателя разъяснить, «должен ли комитет заняться работой совершенно новой, при которой в основание образованию юношества полагаются начала отличные от принятых донныне; или... должно просто распространить или сократить ныне существующие сего рода заведения»¹⁰.

Опперман, явно задетый ироничным тоном письма, отвечал незамедлительно, но нарочито официально и сухо. «Почитаю себя в обязанности сказать Вам, милостивый государь, что, имевши честь изъяснить Вам суждения комитета... я должен был предполагать, что Вам известен одобренный комитетом порядок в ходе занятий его, равно как и то, что комитет хочет и должен предварительно узнать с точностью нынешнее устройство каждого учебного заведения. По сим причинам я не мог ожидать, чтоб суждения комитета, необходимо нужные для составления обдуманного, основательного заключения, были названы от Вашего превосходительства спорами». Неудивительно, что какие-либо дополнительные разъяснения председатель счёл излишними: «Касательно двух сделанных мне Вашим превосходительством в том же письме вопросов, имею честь снова изъяснить, что комитет будет руководствоваться Высочайшею государя императора волею, объявленною мне в отношении господина начальника Главного штаба его величества, сообщённом и Вашему превосходительству»¹¹.

Получив такой ответ, Жомини, очевидно, решил не обострять отношения и сформулировать свои идеи в примирительных выражениях. В тот же день он направил Опперману ещё два письма. В первом из них предполагаемая организация военного образования в России очерчивалась в общих чертах (в нём Жомини «не почёл за нужное входить в подробности распределения занятий», полагая, что «начальники заведений имеют более меня опытности относительно практического преподавания, а посему это исключительно к ним и относится»¹²), а во втором — конкретизировались высказанные ранее соображения¹³. «Я зримо рассуждал о действиях, кои мы до сих пор производили; — писал

⁸ РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 1—1 об.

⁹ Там же, л. 36. «Мне очень прискорбно, — с сожалением отмечал он в тот же день, — что сильная глазная боль препятствует моим занятиям, когда они всего нужнее» (Там же, л. 97).

¹⁰ Там же, л. 36—36 об.

¹¹ Там же, л. 37.

¹² Там же, л. 90—90 об.

¹³ Там же, л. 87—90 об., 94—97 об.

теперь Жомини, — без сомнения начальный наш труд был полезен, необходим даже для приведения в известность того, что существовало. Но мне кажется, что вместо того, чтобы основывать наш будущий труд на недостаточном порядке вещей, короче и проще определить сперва те науки, кои будут преподаваемы в различных заведениях, и те, кои исключаются из прежних программ. Можно потом распределить сии науки по разным классам и, наконец, составить краткую программу предметов, кои войдут в каждый курс»¹⁴. «Известно, — утверждал Генрих Вениаминович, — что хорошая система преподавания должна состоять из 4-х различных степеней: преподавание начальное; преподавание высшее; преподавание высших наук точных; применение сих наук к различным родам службы. Я полагаю, что сии различные степени преподавания не должны заключаться в одном заведении, и что гораздо лучше иметь: а) для первых двух степеней: кадетские, Военно-сиротский и Пажеский корпуса, лицеи, приготовительные училища инженеров и артиллеристов; б) для преподавания высших наук точных: центральное училище наподобие политехнического во Франции»¹⁵.

Видимо, именно создание «центрального училища» более всего занимало Жомини. По его словам, *«труднейшая часть воспитания суть высшие науки точные. Это часть, для коей найдётся менее всего хороших профессоров и хороших учеников. Основываюсь на сем неопровергаемо... что трудно образовывать по сей части во всех заведениях с равным тщанием и что центральное политехническое училище было бы полезнее и нужнее в России, чем где-нибудь* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в тексте Жомини. — П.Ш.). В нём бы образовывались воспитанники в то же время и для разных родов службы государственной и национальные профессора для заведений, находящихся внутри империи. Это было бы в то же самое время и нормальным, и политехническим училищем»¹⁶. Тем самым по сути предлагалось воспользоваться опытом Франции, где Политехническая школа давала высшее инженерно-техническое образование во всех областях науки и техники, а Высшая нормальная школа готовила педагогические кадры для начальных и средних учебных заведений.

В «центральном политехническом училище» преподавались бы «высшая математика; прикладная математика: механика, статика, гидравлика, динамика; физика и химия; минералогия; астрономия; архитектура и археология; искусство снимать местоположение и составлять географические карты»¹⁷. Понимая, насколько непросто будет найти достаточно подготовленных учеников, Жомини рекомендовал: «Дабы собрать 500 воспитанников, кои предполагаются необходимыми для курса высших наук математических, заставить спешествовать сему все институты или лицеи империи и даже частные заведения, воспитанники коих могли бы выдержать требуемый экзамен»¹⁸. Однако основной контингент учащихся должны были всё же обеспечить военно-учебные заведения низших степеней. При этом Жомини оставлял открытым вопрос: «Должны ли теперешние училища Инженерное, Артиллерийское и Морское образовывать школы применения, в кои бы поступали воспитанники уже совершенно образованные, или продолжать спешествовать начальному обучению,

¹⁴ Там же, л. 87.

¹⁵ Там же, л. 87 об.—88.

¹⁶ Там же, л. 88.

¹⁷ Там же, л. 94.

¹⁸ Там же, л. 94 об.

разделяя воспитанников на два различные отделения, одно для приготовления их в политехническую школу, другое дабы при выпуске из оной принимать их офицерами и обучать для специального применения их рода службы? Между тем стоявший несколько особняком «Пажеский корпус, долженствующий доставлять камер-пажей и офицеров гвардии и армии, будет более рассматриваем как отдельное, нежели начальное училище. По сему и ученики, показывающие способность к математике, не будут посылаемы в политехническую школу или в корпуса Инженерный, Артиллерийский, с тем, однако, чтобы они имели способ переходить в оные по требованию их родителей и по предварительному экзамену»¹⁹. Указывая на способности к математике как на условие для перевода на высшую степень обучения, Жомини, видимо, учитывал не только объективные нужды военной службы, но и склонности императора, которому были более близки технические дисциплины.

Предвидя возражения членов Комитета против создания «центрального училища», Жомини заявлял, что будет «настаивать об испрошении Высочайшего соизволения на учреждение сего заведения» и докажет «выгоды оно-го в особенной записке, если сие почтут необходимым»²⁰. Но даже «в случае, когда бы его императорское величество не соизволил найти сообразным учреждение политехнической школы, то от сего бы не изменилось предположение, чтобы кадетские и Военно-сиротский корпуса были первоначальными училищами, равно как чтобы оказавшие успехи в математике были переводимы в училища Инженерное, Артиллерийское и Морское, для усовершенствования в оной»²¹.

Внутренняя организация всех военно-учебных заведений, по мнению Генриха Вениаминовича, должна была соответствовать той, которая существовала в Главном инженерном и Артиллерийском училищах, созданных в 1819–1820 гг. по плану вел. кн. Николая Павловича. Жомини, разумеется, об этом знал, хотя едва ли имел возможность близко познакомиться с их порядками. Тем не менее он утверждал, что «так как внутреннее устройство училищ... не оставляет более ничего желать, то его должно принять и в прочих корпусах»²².

При наличии «центрального» учебного заведения, по мысли Жомини, «преподавание в кадетских, Военно-сиротском и Пажеском корпусах ограничивалось бы двумя первыми степенями и заключало в сём именно: 1) Закон Божий; 2) языки; 3) арифметику и алгебру; 4) начальную геометрию; 5) чистописание; 6) географию и статистику; 7) историю; 8) рисование; 9) риторику; 10) тактику различных родов войск; 11) полевую фортификацию и основания долговременной фортификации. Воспитанники, отличившиеся в начальной математике, были бы переводимы в политехническую школу»²³.

Конкретизируя эту программу, Жомини разделял занятия в начальных училищах на шесть классов, по возрастам воспитанников. «В шестом классе или классе начинающих, — писал он, — будет преподаваться: первоначальное

¹⁹ Там же, л. 94 об.—95.

²⁰ Там же, л. 88.

²¹ Там же, л. 89. Во втором письме Жомини вновь вернулся к этой мысли: «В случае, когда политехническая школа будет отвергнута, определить, чтобы третья степень преподавания, то есть высшие науки точные, были преподаваемы единственно в частных училищах Артиллерийском, Инженерном и Морском. Но чтобы для сего воспитанники кадетских и сиротских корпусов обеих столиц, кои покажут наклонность к сим наукам, были переводимы в сии частные училища» (Там же, л. 94 об.).

²² Там же, л. 95 об.

²³ Там же, л. 88 об.

познание языков, Закона Божия, арифметики до состояния количеств, чистописания. В пятом классе будут обучаться: языкам, синтаксису, чистописанию, арифметике до кубичных и квадратных чисел и корней, географии, рисованию. В четвёртом будут преподаваться: языки, начальные правила сочинений, начальные основания алгебры и геометрии, география физическая, древняя история, рисование, чистописание. В третьем будут продолжать: языки и сочинения, алгебру и геометрию, географию статистическую, историю среднюю, тактику (малую), манёвры по уставу, рисование. Во втором продолжать языки, риторику, математику конического сечения, географию статистическую и политическую, новейшую историю, тактику войны, полевую службу целой дивизии, рисование, верховую езду, фехтование. В первом классе продолжать: логику до философии, основания тригонометрии, топографии и черчения планов, продолжение географии, политическую экономию, тактику и военную историю, полевую фортификацию, основания долговременной фортификации, рисование, верховую езду и фехтование. В Пажеском корпусе можно прибавить основания физики и химии, ибо пажи не будут переходить в политехническую школу». При этом предусматривалось, что «воспитанники трёх первых классов могут переходить по экзамену в частные (т.е. отдельные. — *II. III.*) училища или политехническую школу, когда окажутся в них способности к точным наукам»²⁴.

Наряду с точными науками не менее важными для военно-учебных заведений предметами Жомини считал военное искусство и историю, полагая, что именно для их правильной постановки император и «соизволил назначить» его в комитет²⁵. «Мне кажется, — отмечал барон, — что военное искусство, то есть часть преподавания, долженствующая служить для образования генералов и состоящая в доказательстве основных начал и применении оных к военной истории новейших времён, пренебрежена во многих корпусах. Программа Инженерного училища приличнее всего для тактики, а Артиллерийского для стратегии, в прочих остаётся желать многого». Углублённое преподавание военного искусства Жомини рекомендовал сосредоточить в «центральном училище», однако допускал, что императору будет «угодно, чтобы начальные основания сих наук были преподаваемы и в корпусах»²⁶.

Одной из главных проблем Жомини считал подбор преподавательского состава. «Если бы для составления курса требовалась только программа, то ничего не было совершеннее воспитания кадетских корпусов; — писал он, стараясь не задевать самолюбия коллег. — Я не знаю, в каком оно состоянии, но если верить общему гласу, то есть разнице между тем, что оно обещает, и тем, что оно есть». Чтобы хоть как-то улучшить ситуацию, предлагалось «распределить профессоров на три класса и давать постепенное жалование». Так, следовало «для каждого класса назначить две цены жалованья, например: профессеры 1 класса в 5 и 6 тысяч рублей; 2 класса — в 4 и 5 тысяч; 3 класса — в 2 и 3 тысячи»²⁷. При этом тактично говорилось, «что комитет мог бы сделать насчёт сего предложения»²⁸.

²⁴ Там же, л. 95—95 об.

²⁵ Там же, л. 89.

²⁶ Там же, л. 89—89 об.

²⁷ Там же, л. 96.

²⁸ Там же, л. 89 об.—90.

Кроме того, Жомини признавал целесообразным после составления новых учебных планов «учредить комитет из 5 членов, на коих возложено бы было: 1) смотреть за преподаванием по начертанным правилам; 2) заставлять переводить целые или по частям классические иностранные сочинения, полезные для России, соглашая их с обстоятельствами страны. К сему комитету должно бы было прикомандировать двух офицеров для переводов с немецкого и двух для переводов с французского языков». Этот комитет, по мысли Жомини, стал бы «блюстителем и непосредственным руководителем военного воспитания». Соответственно «сей комитет будет назначать в то же время и новые книги, принятие коих почтено будет необходимым для преподавания: ибо наука делает успехи, и надо быть в состоянии следовать за нею в её усовершенствованиях». Он сможет «требовать от профессоров, дабы они сообщили свои тетради в том виде, в каком они имеют читаться в будущих курсах, дабы подвергнуть их рассмотрению вышеименованного комитета», а также «установить, чтобы рассмотрение производилось начальниками, заведывающими тою частью наук, то есть чтобы тетради полевой фортификации были одобряемы инженерным генералом; тетради же тактики — начальником училища стратегии»²⁹.

Излагая и уточняя свой проект, Жомини не исключал, что его идеи не встретят сочувствия в комитете: «Может быть, не все мнения будут на стороне моей мысли об основании центрального училища для высших наук точных; она покажется даже новостью, которой его императорское величество от нас не требовал. Я внутренне уверен, что это лучший способ развернуть самую главную часть преподавания; я думал, что нарушу доверенность, коей его императорское величество меня удостоил, колебаясь сообщить Вам о том, что мне казалось преподаванием самым приличным... В случае, когда предмет приложенной записи не будет принят в комитете, я прошу, дабы, сообразно с Высочайшим приказом от 19-го мая, моё мнение было присовокуплено к письменному донесению»³⁰.

Письма, отправленные Жомини Опперману 4 июля 1826 г., обсуждались в комитете 13 и 20 июля. Предложение взять за образец французскую Политехническую школу собравшиеся восприняли без энтузиазма. Директоров Главного инженерного и Артиллерийского училищ и Морского корпуса к тому же отнюдь не радовала перспектива их превращения в учебные заведения среднего уровня и уравнивания с кадетскими корпусами.

Начальник Главного инженерного училища генерал-лейтенант Е.К. Сиверс указывал на «явную и опытом нескольких лет доказанную пользу, высшими военно-учебными заведениями доставляемую»³¹. По его мнению, оба специальные училища следовало по-прежнему рассматривать как высшие, прибавив к ним, если император сочтёт нужным, и «центральное училище»³². Более того, он считал целесообразным уничтожить их малолетние классы и дополнительно принять на четыре года обучения юношей 14–16 лет. Доступ в военно-учебные заведения третьей ступени следовало предоставить только прошедшим курс низших степеней. Обеспечить нужное число воспитанников должно было учреждение новых кадетских корпусов в столицах и губернских городах³³.

²⁹ Там же, л. 90, 96–96 об.

³⁰ Там же, л. 97–97 об.

³¹ Там же, л. 98 об.—99.

³² Там же, д. 7, л. 15 об.

³³ Там же, д. 1, л. 100–102.

Таким образом, Сиверс предлагал полностью отделить высшее военное образование от среднего и отказаться от характерного для прежнего времени отсутствия чёткой грани между разными уровнями обучения. Директор Морского корпуса контр-адмирал И.Ф. Крузенштерн вообще настаивал на особенностях вверенного ему заведения от сухопутных училищ³⁴. В итоге комитет, констатировав сложность вопроса, так и не смог его решить и постановил отправить журналы заседаний и обсуждавшиеся на них письма на рассмотрение императора³⁵.

В августе и сентябре 1826 г. комитет регулярно заседал, однако о проекте Жомини его члены уже не говорили, ожидая Высочайшего разрешения возникших разногласий. Тем временем Генрих Вениаминович, оправившись от болезни, уехал в Москву для присутствия на коронации. Там он, по-видимому, и читал копии журналов, присланные по его просьбе Опперманом³⁶.

28 августа, через несколько дней после коронации, он вновь поделился с Опперманом своими размышлениями: «Решения, принятые в собрании комитета 20 июля... доказали мне, что различные системы, предложенные мною комитету, не были оценены надлежащим образом. Я не буду более говорить о центральной политехнической школе для преподавания высших точных наук; я боюсь, чтобы меня не обвинили в том, что я хочу вводить новости, и в рабском подражании всему тому, что я видел во Франции. Хотя я вполне уверен, что сие учреждение есть наилучшее, которое можно бы сделать, *но я разделяю и то мнение, что можно продолжать преподавание сих частей в училищах: Инженерном, Артиллерийском, Морском и Главного штаба...* И чтобы не делать разом слишком много перемен, я остановлюсь на сей последней системе». Соглашаясь тем самым с Сиверсом, Жомини только по-прежнему продолжал «доказывать, что должно непременно разделить заведение военного воспитания на два совершенно различных рода, то есть на *приготовительные* и *те, где будут делать применение*», поскольку «без того снова впадут во все погрешности, которые до сих пор существовали»³⁷. Впрочем, это и не вызывало ни у кого серьёзных возражений.

Особое внимание Генрих Вениаминович уделил теперь положению тех учебных заведений, которые предназначались для «преподавания высших точных наук». «Если частное (т.е. отдельное. — П.Ш.) Артиллерийское училище не может доставлять 120 офицеров в год, — отмечал он, — то это происходит от его учреждения. Программы наук там весьма хороши, профессора удовлетворительны, а потому преподавание в порядке». Однако ему представлялась совершенно неприемлемой ситуация, при которой «*в частном Артиллерийском училище* будут образовывать сирот, готовить унтер-офицеров, преподавать арифметику, одним словом делать всё то, что до него касается, между тем как офицеры, которых оно образовывать должно, будут воспитываться в другом месте»³⁸. «Во Франции, — указывал Жомини, — Артиллерийская школа принимает из приготовительных заведений воспитанников, совершенно знающих точные науки. Она их подвергает только прохождению 12 курсов, которые продолжаются 1 или 2 года». Перечислив эти предметы, барон заключал:

³⁴ Там же, л. 115 об.

³⁵ Там же, л. 116 об.

³⁶ Там же, л. 135.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 135 об.

«По крайней мере видно, что Артиллерийская школа достигает цели своего учреждения. У нас же, напротив того, образуют солдатских детей в частной школе; там находятся воспитанники нижних классов, которых надлежало бы отослать в первоначальную школу, дабы учить их арифметике». «Моё мнение то, — писал он, — чтобы отделить училище сирот и перевести его в другое жилище, назначив ей (так в тексте. — *II. III.*) особенного начальника, чтобы высшее Артиллерийское училище имело 250 или 300 воспитанников, из коих одна половина была бы офицерами, а другая — юнкерами (т.е. унтер-офицерами из дворян, ожидающими производства в офицеры. — *II. III.*). Чтобы воспитанники кадетских и Военно-сиротского корпусов были бы приготавливаемы, чтобы переходить во второй класс, а отличнейшие даже и в первый»³⁹.

В других военно-учебных заведениях намечались не менее существенные перемены. «Если Артиллерийское училище требует преобразований, — утверждал Жомини, — я полагаю, что для системы Пажеского корпуса она ещё более нужна». В частности, он обращал внимание на то, что «обязанность офицеров, командующих ротами, есть одна из важнейших для надзора за нравственностью воспитанников, она должна быть таковою и для наук», и «посему офицеры должны сами выдерживать экзамен», а «дабы иметь офицеров, могущих достойно служить в месте столь важном для воспитания молодого дворянства, надобно обеспечить их производство определённым числом мест, если в промежутках оных они окажут ревность и прилежание». «В теперешнем же их положении, — полагал барон, — невозможно, чтобы они хорошо служили»⁴⁰. В дальнейшем стимулировать усердие офицеров-преподавателей должны были не только служебные перспективы, но и достойное материальное вознаграждение.

«Сии офицеры, — писал Жомини, — будучи обыкновенно без состояния, но долженствующие быть с дарованиями и воспитанием, необходимо определить их жалование, которое дозволило бы им жить. Без того должно страшиться, чтобы они под тысячью предложениями не брали денег с родителей, или чтобы несчастное их положение не заставило не радеть о своей службе. Удобно бы было определить особенный штат от 1 000 до 1 500 рублей для 8 офицеров под-надзирателей (губернёров). 6 из оных командовали бы ротами, остальные два были бы инспектор и адъютант». Кроме того, «надлежит доставить профессорам сего корпуса... большее жалование, дабы иметь хороших», «сделать 6 классов, следуя программе, которую я доставил комитету, и прибавить к 2 высшим классам преподавание тактики»⁴¹.

Не говоря более о «Политехнической школе», Жомини всё же продолжал думать о некоем высшем центральном училище. «Я бы советовал, — делился он своими соображениями с Опперманом, — также учредить частную военную школу для образования офицеров Главного штаба и инженер-географов. Она бы состояла из 100 воспитанников, доставляющих 33-х выпускников ежегодно». По словам Жомини, «если Училище колонновожатых худо исполнило цель своего учреждения, то это не может служить причиной, чтобы привести в упадок часть, необходимую при совершенном недостатке достойных офицеров»⁴². Фактически барон писал о том, что станет впоследствии службой офицеров Генерального штаба. «Я напечатал 10 лет тому назад, — напоминал

³⁹ Там же, л. 135 об.—136 об.

⁴⁰ Там же, л. 137—137 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 136—136 об.

он, — во введении к “Истории Революционных войн” проект Главного штаба, который, кажется, более всех удобен. Дабы применить сей проект к России, то, предполагая, что потребно 500 свитских офицеров во время войны, я бы учредил в мирное время комплект из 300 офицеров и пополнял бы их в военное время 200, взятыми из артиллерии, инженеров и отличных фронтовых офицеров. Что же касается до положительного комплекта, то 100 младших офицеров, то есть прапорщики, были бы употребляемы в канцеляриях и на съёмках; их бы посылали как свитских поручиков в армию на два года для командования ротами и снова возвращали бы в Главный штаб в чине штабс-капитанов... Если бояться поручить роты сим неопытным офицерам, то можно приучить их к тому же, заставляя служить прапорщиками в гвардейских полках во время зимних 4-х месяцев... Сии 300 офицеров будут избираемы из частной Военной школы, частью же из пажей. Если же Инженерное училище имело больше воспитанников, нежели как этого требует сей род службы, то оно бы также могло доставлять офицеров в Главный штаб в случае, если бы не доставало в Военной школе. Мысль, чтобы производить кадет в свитские офицеры, не может поддержать спора, приняв в уважение положение, в котором находится преподавание в корпусах. Из программ их видно было, что там не преподают даже тактики. Я потому тронул струну о Главном штабе, ибо предполагал, что об нём шла речь в совещаниях комитета 20 июля»⁴³. Таким образом, Жомини последовательно настаивал на необходимости высшего военного образования для службы «по квартирмейстерской части».

На одобрение своих взглядов Жомини не слишком рассчитывал, однако, видимо, всё же не терял надежды и упорно повторял то, что представлялось ему наиболее важным. «Собрание 20 июля хочет, кажется, решить отрицательно главные пункты, которые я представил комитету, без всяких даже совещаний насчёт моих предложений, — отмечал он. — Если не хотят принять за необходимость прочную систему, основанную на *приготовительных и частных школах*, то, признаюсь, я почту моё поручение почти оконченным, ибо я ничего не могу прибавить к тому, что я сказал: 1) о необходимости сего распределения преподавания; 2) об улучшении судьбы профессоров, дабы иметь право требовать от них ревностной и тщательной работы; 3) о нормальной школе; 4) о постоянном комитете из 5 членов для надсматривания за воспитанием во всех заведениях, дабы пересматривать курсы и не отставать от успехов, которые могут делать военные науки; 5) о принятии программы тактики, которую я предложил; 6) об издании курса истории, применённого в особенности к военным заведениям. Всякая последующая от меня работа будет основана на тех же правилах, и, как бы я не выдумывал, я не могу предложить иного»⁴⁴.

В конце сентября Жомини получил в Москве ответ Оппермана, сообщавшего: «Почтенное отношение ко мне Вашего превосходительства от 28 августа я долгом поставляю внести в наш комитет, когда последует разрешение на известные Вам последние журналы комитета». При этом Опперман уверял, что Жомини неверно понял итоги заседания 20 июля: предложенное бароном разделение военного образования на степени в целом было одобрено и обсуждалось только, как лучше обеспечить их преемственность. «Комитет не полагал докончать в кадетских корпусах обучение офицеров артиллерийских и квартирмейстерских, — заявлял председатель, — но предполагалось было, что

⁴³ Там же, л. 136 об.

⁴⁴ Там же, л. 136 об.—137.

кадетские корпуса, готовя кадет вообще для военной службы, будут включать в себя и приуготовительные училища для оных двух частей, ибо те и из кадет, которые окажут более других способностей к отличному обучению их для тех частей, и которые притом отличного поведения, могут получить совершенно достаточное предварительное приготовление в кадетских корпусах, когда они получат такую организацию, которой сие можно выполнить, а окончательное обучение, по мнению комитета, произведено быть может при частных школах, артиллерийской и вновь составляемой по квартирмейстерской части (т.е. будущей Военной академии Генерального штаба. — *II. III.*)»⁴⁵.

Сложно сказать, действительно ли Жомини, не знавший хорошо русского языка, неправильно истолковал журнал комитета, или его председатель пытался смягчить противоречие между членами. Возражения членов комитета были зафиксированы в журнале, однако в целом система Жомини, разумеется, не вызвала полного неприятия и с оговорками признавалась полезной, конечно же, в случае её одобрения императором.

Примерно в то же время, когда Жомини в Москве получил письмо Оппермана, в Комитет, заседавший в Петербурге, поступило отношение начальника Главного штаба генерал-адъютанта барона И.И. Дибича. «Соглашаясь с мнением генерала Жомини насчёт разделения учебных заведений, — указывалось в нём, — его императорскому величеству угодно, чтобы они состояли из перво-классных, второклассных и третьеклассных или высших, назначив в первое из сих трёх отделений имеющие быть сформированными губернские кадетские корпуса и военные училища Тамбовское и Тульское, во второе оба санкт-петербургские кадетские корпуса, Военно-сиротский, Пажеский и Московский, и наконец, в последнее Артиллерийское и Инженерное училища, Морской корпус и Политехническую школу или военную Академию, которую предполагается устроить впоследствии времени»⁴⁶.

Одновременно разрешался и частный вопрос об объёме преподавания артиллерийских и инженерных дисциплин. «Государь император изволил сделать замечание, — сообщал Дибич, — что есть существенная разность между теми знаниями артиллерии и фортификации, которые должны иметь все, готовящиеся к военной службе, и тем, что нужно для артиллерийского и инженерного офицеров, а потому и не должно сего смешивать при начертании курсов для каждого заведения. Мнение генерала Жомини о необходимых познаниях для первоначальных школ и о неудобности обучения офицеров в приуготовительных школах его величество совершенно одобряет и по сему полагает, если отличнейшие воспитанники корпусов по производстве в офицеры изъявят желание выйти в инженеры и артиллерию и продолжать курс высших наук, то перевести таких на общих правилах в Инженерное и Артиллерийское училища». Вместе с тем император выражал благодарность всем членам комитета, никого из них не выделял и предписывал продолжать работу⁴⁷.

И хотя Жомини мог быть удовлетворён достигнутым результатом, дальнейшее развитие его проекта фактически продолжалось уже без его участия. По возвращении из Москвы он до конца 1826 г. редко появлялся на заседаниях комитета, ссылаясь на плохое здоровье, а в 1827 г. вовсе перестал их посещать,

⁴⁵ Там же, л. 138.

⁴⁶ Там же, д. 8, л. 4 об.

⁴⁷ Там же, л. 4–5, 18.

надолго уехав во Францию⁴⁸. Император, занятый международными делами, не торопил занятия Комитета о военно-учебных заведениях, которые проходили теперь хотя и регулярно, но реже. По окончании русско-турецкой войны, в октябре 1829 г. Жомини был назначен председателем комиссии, созданной для разработки проекта устройства Военной академии и составления её Устава, утверждённого императором 1 октября 1830 г.⁴⁹ Между тем ещё в апреле того же года Николай I одобрил Устав и Общие положения для военно-учебных заведений второго класса, составленные комитетом Оппермана на основе проекта Жомини⁵⁰.

Проект Г.В. Жомини, вышедший за рамки решения задачи, первоначально поставленной перед комитетом К.И. Оппермана, подразумевал создание в России структурированной системы военно-учебных заведений. В нём последовательно воплощался принцип унификации – вообще характерный для политики Николая I в сфере образования, – и намечалась чёткая дифференциация военного обучения по степеням и специальностям. Согласно его замыслу, оно должно было представлять собой своего рода лестницу, исключавшую пропуск какой-либо промежуточной ступени. В значительной своей части, несмотря на неизбежные трения при адаптации военной науки на практике, этот проект лёг в основу реорганизации военного образования, начатой в конце 1820-х гг.

⁴⁸ *Барметтлер Р.* Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.: фрагмент биографии // Русский сборник. Т. 7. М., 2009. С. 39.

⁴⁹ ПСЗ-П. Т. 5. Отд. 2. СПб., 1831. № 3975. Помимо Жомини в состав комиссии входили генерал-лейтенанты А.И. Нейдгардт, П.П. Сухтелен и И.И. Хатов и генерал-майор Ф.Ф. Шуберт. Подробнее о её деятельности см.: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. С. 4–22.

⁵⁰ ПСЗ-П. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1831. № 3598, 3615, 3672.

Драгомировская дивизия перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Станислав Юдин

Dragomirov's division before the Russo-Turkish war of 1877–1878

Stanislav Yudin

(*Lomonosov Moscow State University; Moscow Technological University, Russia*)

В современной историографии оценка военных преобразований 1860–1870-х гг. всё чаще связывается с их влиянием на боеспособность русской армии, проверкой которой стала война 1877–1878 гг.¹ При этом особый интерес представляет влияние идей и институтов эпохи реформ на состояние и действия конкретных частей и соединений. И тут нельзя не обратить внимание на деятельность М.И. Драгомирова (1830–1905) – одного из наиболее известных и авторитетных военных теоретиков 1860–1870-х гг., имевшего возможность осуществить свои замыслы и при подготовке и обучении войск в мирное время, и непосредственно в боевой обстановке. В 1873 г. генерал-майор Драгомиров принял начальство над 14-й пехотной дивизией, прославившейся затем на Балканах: 15 июня 1877 г. под командованием Драгомирова она успешно форсировала Дунай, а в августе–декабре вынесла основную тяжесть боёв на Шипкинском перевале.

Неудивительно, что опыт Драгомировской дивизии рассматривался и современниками², и позднейшими исследователями³. Между тем в советской историографии он практически не учитывался, историки предпочитали обобщённо говорить о подготовке всей русской армии к войне с Османской империей, одновременно возлагая на Драгомирова значительную долю ответственности за её неэффективность⁴. Схожие оценки нашли отражение и в зарубежной историографии⁵. Однако выяснить степень их обоснованности невозможно без детального анализа условий, логики и результатов деятельности Драгомирова в середине 1870-х гг.

© 2017 г. С.С. Юдин

¹ *Айранетов О.Р.* Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-е гг. // *Российская история*. 2016. № 6. С. 15–27. См. также: *Bushnell J.S.* Miliutin and the Balkan War: Military Reform vs. Military Performance // *Russia's Great Reforms, 1855–1881* / Ed. by Eklof V., Bushnell J., Zakharova L. Bloomington, 1994. P. 139–158 (русский перевод: *Бушнелл Дж. Д.* Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // *Великие реформы в России. 1856–1874* / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 239–259).

² *Г.Б.* Лагерный сбор под Бендерами // *Военный сборник*. 1875. № 1. С. 33–51; *Г.Б.* О занятиях войск в общем сборе под Бендерами в 1875 году // Там же. № 12. С. 125–155.

³ *Макишеев Ф.* Хозяйственный быт 14-й пехотной дивизии в войну 1877–1878 гг. // *Военный сборник*. 1901. № 1–3; *Моторный И.Г.* Виноват ли М.И. Драгомиров в наших поражениях // *Разведчик*. 1907. № 873. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.; Жуковский, 2002. С. 608–612.

⁴ *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 49.

⁵ *Menning W.W.* Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington; Indianapolis, 1992 (русский перевод: *Меннинг Б.У.* Пуля и штык: Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2016. С. 61–79).

Драгомиров вступил в командование 14-й пехотной дивизией 9 мая 1873 г. Летом она менялась местами дислокации с 15-й дивизией и оказалась в Бессарабии. В её состав входили четыре пехотных полка трёхбатальонного состава (53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский и 56-й Житомирский). В каждом батальоне было по пять рот. В зависимости от времени года и насущных потребностей расквартирование частей менялось, но не существенно. Так, в 1876 г. десять рот Волынского полка находились в Кишинёве, пять рот – в Миренах (18 вёрст от Кишинёва). В Кишинёве же стояли шесть рот Минского полка, а девять рот располагались по деревням в 10–20 верстах от города. Штаб и четыре роты Подольского полка размещались в Тирасполе (остальные роты квартировали по деревням в 9–20 верстах), штаб и восемь рот Житомирского полка – в Бендерах (ещё две роты занимали казармы в Бендерской крепости, остальные были распределены по деревням и предместьям в 3–8 верстах)⁶. Половина дивизии (30 рот) не имела собственных казарм, что значительно затрудняло процесс обучения.

Летние сборы проходили под Бендерами. При этом место для лагеря было приобретено в низине, что в дождливую погоду приводило к его частичному подтоплению и в 1873–1875 гг. заставляло иногда даже приостанавливать занятия. В 1874–1875 гг. солдаты работали над оборудованием лагеря и приведением его в порядок, хотя, конечно, проблему подтопления поля решить не удалось⁷.

Новый начальник сразу же столкнулся с тем, что тактическая подготовка офицеров оставляла желать лучшего. Как вспоминал бывший подпоручик Минского полка И.Г. Моторный, Драгомиров, впервые приехав в часть, обнаружил, что ротные командиры не смогли решить даже простую тактическую задачу. «После этого генерал собрал всех офицеров, – писал Моторный, – и сказал: “В незнании я вас не виню, вас не учили; теперь будем учиться тому, что от нас потребуется на войне”»⁸. Затем он провёл собеседования, спрашивая каждого, до ротных командиров включительно: «Имеется ли жалоба или претензия?», «Читаете план?» (далее следовало несколько вопросов по полуверстовому плану и предлагалась тактическая задача), «Сколько долгов частных и сколько в офицерский капитал?», в конце проверялось знание караульного устава⁹.

Работе с офицерами Драгомиров неизменно уделял большое внимание. По свидетельству Моторного, в первые два года командования Михаил Иванович «при инспекторских смотрах положительно каждому офицеру предлагал в своём присутствии решить тактическую задачу на плане и несколько в поле, во время лагеря... Подобные же задачи он задавал решать и в поле и всегда спрашивал, почему задача решена так, а не иначе, и когда получал объяснения, то всегда оставался доволен, хотя зачастую с решением не соглашался, добавляя, “а я бы решил так-то, потому-то”. Если же решающий не отвечал, почему он решил задачу так, а не иначе, то Михаил Иванович приходил в раздражение, крича: “Вы и не подумали, решая её, а так себе

⁶ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 5. СПб., 1898. С. 42–43.

⁷ Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 34–35; Г.Б. О занятиях войск... С. 125, 127, 135, 142.

⁸ Моторный И.Г. Указ. соч. С. 410.

⁹ Там же.

наугад”, и сейчас же решающего высылал из комнаты, а если задание происходило в поле, то он недовольный отъезжал к другой роте»¹⁰.

Подобное обучение полностью соответствовало предписаниям Военного министерства. Обязательные тактические занятия офицеров во всех частях войск начались после приказа министра в 1865 г., хотя сперва речь шла в основном о черчении планов. В 1875 г. новый приказ требовал уже «систематических упражнений офицеров в решении письменных и устных тактических задач на планах» и «практических упражнений офицеров в поле». В некоторых частях к этому приступили ещё раньше. Так, например, в Одесском военном округе, к которому принадлежала 14-я пехотная дивизия, данное требование стало обязательным ещё в 1871 г.¹¹, хотя и в 1873 г. офицеры не могли его выполнить.

Решение тактических задач должно было выработать у офицеров глазомер и готовность к инициативным действиям. И то и другое отрабатывалось на манёврах. По распоряжению Драгомирова, любой начальник «обязан был на манёврах, если видел, что в своём отряде произошла ошибка, или противник сделал промах, без всякого указания высшего начальства, немедленно принять меры к исправлению ошибки, или принять такое решение, чтобы ещё больше затруднить положение неприятеля, и в то же время о принятом решении донести ближайшему своему начальнику»¹². Развитию инициативности способствовало и отношение Драгомирова к ошибкам своих подчинённых: «Им постоянно твердилось, что ошибка ничего не значит, если для её исправления офицер, нисколько не теряясь, выйдет и спокойно скамандует, что следует»¹³.

Вместе с тем Драгомиров не ограничивался развитием тактической грамотности. Ещё накануне введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. Михаил Иванович напоминал в своих «Армейских заметках»: «Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников, обучение усложнилось до того, что делавшееся прежде годами теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями»¹⁴. А «в таком положении успех возможен только при соблюдении двух условий: *строгой иерархизации занятий*, соображённого с нею *распределения времени* и *рационального метода занятий* (выделено Драгомировым. — С.Ю.)»¹⁵. В деле подготовки своей дивизии генерал не был особенно скован, поскольку до 1880-х гг. в русской армии отсутствовали обязательные программы обучения, проведения лагерных сборов и т.п., с 1871 г. существовал лишь «Проект инструкции для полевых занятий войск», который был дан «в форме общих указаний-пожеланий» и постоянно дополнялся¹⁶.

¹⁰ Там же. С. 410–411.

¹¹ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. СПб., 1901. С. 147–150.

¹² Моторный И. Г. Указ. соч. С. 410–411.

¹³ Г. Б. О занятиях войск... С. 127.

¹⁴ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т. 2. СПб., 1881. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Гарева М. А. Общевоинские учения. М., 1983. С. 54. Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. ... Т. 1. С. 157–158.

В 14-й пехотной дивизии ротный командир обязан был составлять программы обучения, выстраивая планомерный процесс подготовки, и предъявлять их Драгомирову при его инспекторских поездках¹⁷. Но помимо формального контроля существовал и неформальный: начальник дивизии постоянно приглашал командующих ротами и субалтерн-офицеров на обед для более близкого знакомства. Те, кто соответствовал предъявляемым требованиям, выдвигались, в том числе и в обход более старших товарищей. Тот же Моторный, будучи подпоручиком, получил в командование роту, тогда как другие штабс-капитаны и поручики оказались обойдены, «страшно обиделись и хотели принести жалобу на Драгомирова, но так и не жаловались»¹⁸.

Одной из ключевых идей Драгомирова было максимальное приближение учений к реальным боевым условиям. Например, постоянно составлялись сводные роты и батальоны военного состава (до 58 рядов во взводе). «Тут выяснилось, насколько труднее командовать ротой военного состава, — отмечалось в отчёте о лагерном сборе, — и в какое затруднительное положение становится тот, кто привык, как говорится, сидеть на роте»¹⁹. Дабы научить проявлять инициативу в бою, требовалось, «чтобы начальник указывал своим подчинённым цель действия, предоставляя им свободу относительно применения формы»²⁰. Отдание приказаний чётко контролировалось, вплоть до того, что намеренно посылались фальшивые ординарцы с несуразными распоряжениями от неизвестных начальников²¹. Кроме того, «обращено было внимание на то, чтобы за выбытием из строя ротного командира тотчас же принимал команду старший, не ожидая на то особого приказания»²². Всё это было направлено на то, чтобы бой под воздействием неизбежных случайностей не вышел из-под контроля начальствующих лиц.

Пример с фальшивыми ординарцами показывает, насколько неистощим был Драгомиров на разные выдумки и уловки, тренируя внимание и постоянно настаивая на бдительности всех участников учений от командующих до рядовых. Применялось также переименование команд²³, посылка офицеров, провоцировавших на нарушение устава караульной службы, постовым и разъездам следовало записывать информацию о проезжающих, вплоть до масти лошадей в экипаже, искать специально оставленные предметы и т.п.²⁴

В историографии часто указывалось, что перед войной 1877–1878 гг. под пагубным влиянием Драгомирова в русской армии уповали преимущественно на силу штыкового удара и недооценивали возможности ведения огня²⁵. Но как сочетались огневая и ударная тактики в ходе обучения 14-й пехотной дивизии и почему именно таким образом?

В 14-й дивизии было заведено, что в конце каждого манёвра маневрировавшие врываются в строй противника и проходят его насквозь, изображая тем самым удар в штыки²⁶. Это правило приучало солдат к пониманию того,

¹⁷ Г.Б. О занятиях войск... С. 145.

¹⁸ Моторный И.Г. Указ. соч. С. 410–411.

¹⁹ Г.Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 35.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 45–46.

²² Там же. С. 37.

²³ Там же. С. 36–37; Г.Б. О занятиях войск... С. 127–128.

²⁴ Г.Б. О занятиях войск... С. 138.

²⁵ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 49; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 68.

²⁶ Г.Б. О занятиях войск... С. 149.

что бой завершается именно штыковой атакой. Другие положения драгомировской теории должны были дестимулировать бессмысленную пальбу. В «Опыте подготовки частей к бою» Михаил Иванович писал, что «стрельба по одиночным людям на расстоянии от 1200–300 шагов более причинит пустой траты патронов нам, чем вреда неприятелю»²⁷, и рекомендовал открывать огонь с этих расстояний, только если неприятель представляет сомкнутую массу или группу людей. Солдатам следовало постоянно напоминать о необходимости сбережения патронов²⁸, вплоть до того, что во время мобилизации 1876 г. фельдфебели дивизии обязаны были ежедневно при переключке повторять: «Береги пулю; выпустишь издалека, вблизи стрелять нечем будет, а тут-то и стрельба. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко»²⁹. В хрестоматийном приказе перед Систовской переправой 15 июня 1877 г. Драгомиров предписывал: «Патроны беречь, хорошему солдату 30 патронов достанет на самое горячее дело»³⁰.

Вместе с тем Михаил Иванович неустанно повторял, что «пуля и штык не исключают, но дополняют друг друга; первая прокладывает дорогу второму, и упускать из вида ту либо другой одинаково нерационально, и рано или поздно, но неминуемо ведёт к катастрофам»³¹. В 1866 г. в записке по тактике, в значительной степени, если не полностью, составленной Драгомировым, говорилось: «Хотя значение огня в настоящее время увеличилось, но это не могло уменьшить значения штыка, а потому комиссия пришла к единогласному заключению, что распространению в войсках мысли об уменьшении значения штыка, как крайне вредной, должно противодействовать всеми силами»³². Драгомиров, как и многие его современники, опасался, что наметившаяся тенденция представлять штыковые атаки чем-то совсем невозможным при стремительно совершенствовавшемся в 1860–1870-х гг. стрелковом оружии, может лишить войска порыва и энергии и сделает их неспособными к наступлению, и тогда бой выродится, в лучшем случае, в бесцельные изнурительные перестрелки.

Об этой опасности предупреждало ещё поколение ветеранов Наполеоновских войн³³. Один из них – маршал Франции Т.-Р. Бюжо, весьма почитавшийся Драгомировым, призывал не допускать бесцельной стрельбы и экономить патроны: «Во многих случаях после получасовой стрельбы и ещё до того, как достигнут какой-либо успех, вы отовсюду слышите громкие жалобы на то, что патроны кончаются; чтобы пополнить их, солдаты покидают боевой порядок, а это часто приводит к поражению. Для самого крупного сражения должно хватить шестидесяти патронов на солдата»³⁴. Как видно, Драгомиров почти дословно заимствовал эту фразу, сбавив «норму» в два

²⁷ М. Драгомиров]. Опыт руководства для подготовки частей к бою. Ч. 1. Подготовка роты. Киев, 1871. С. 10–11.

²⁸ Г. Б. Лагерный сбор под Бендерами. С. 43–44.

²⁹ Сборник материалов по Русско-турецкой войне... Вып. 5. С. 53.

³⁰ Там же. Вып. 23. СПб., 1899. С. 47–48.

³¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т. 1. СПб., 1881. С. 295.

³² РГВИА, ф. 868, оп. 1, д. 817, л. 12.

³³ *Rogniat J.* Considérations sur l'art de la guerre. Paris, 1816. P. 402; *Bugeaud T.-R.* Aperçus sur quelques details de la guerre avec des planches explicatives. Paris, 1861. P. 176; *Bugeaud T.-R.* Œuvres militaires de maréchal Bugeaud duc d'Isly. Paris, 1883. P. 45.

³⁴ *Bugeaud T.-R.* Œuvres militaires... P. 45. Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 15. М., 2014. С. 275.

раза — до 30 патронов. Это было вызвано, прежде всего, страхом перед полным расходом боекомплекта, составлявшего в 1877 г. в русской армии 60 патронов на пехотинца, и желанием сохранить контроль над его огнём. И то и другое подкреплялось опытом Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Тогда французские солдаты стреляли «вовсе не прицеливаясь», расходовали весь свой боекомплект в 100 патронов и то, что было взято у убитых и раненых³⁵. Настаивая на значении штыка, Драгомиров старался обеспечить себе и своим офицерам контроль над войсками, владеющими дисциплиной огня и способными в нужный момент броситься в атаку.

В целом, принципы, на которых строилось образование и воспитание 14-й пехотной дивизии, требовали от командующих (и прежде всего командиров рот) инициативы и готовности к неожиданностям боя, а от нижних чинов — дисциплины и самоотверженности. К сожалению, внутренние взаимоотношения в 14-й дивизии слабо отражены в источниках, и судить о них затруднительно. Так, Моторный видел в Драгомирове «незабвенного учителя» и выступил в 1907 г. со статьёй в защиту его памяти. Р.П. Липранди вспоминал о реакции офицеров дивизии на ранение Михаила Ивановича на Шипке в 1877 г.: «Печаль наша была невыразима; всем хотелось взглянуть на горячо любимого человека, но благоразумие, чтобы не тревожить страдальца, удержало»³⁶.

Однако есть основания полагать, что не все были довольны методами нового начальника. В 1898 г. был опубликован сатирический рассказ «Генерал Онагрэнко», о котором генерал М.И. Батянов писал гр. И.И. Воронцову-Дашкову: «Там описывают Драгомирова, когда он был начальником дивизии»³⁷. Действительно, прототип «Потапа Ивановича Онагрэнки» угадывался безошибочно: «Говорили, что инспектирующий “свирепствует”, задаёт какие-то “задачки” (задачек этих почему-то офицерство в особенности боялось, и больше всех люди старые, с сединой). Болтали, что будто бы тех, кто не поймёт или не тотчас решит задачку, Онагрэнко “уничтожает”». При этом «бригадный командир» Онагрэнко изображался склонным к пьянству и обжорству, грубым, двуличным, заискивающим перед солдатами и местными помещиками, но придирчивым к офицерам и применяющим «иезуитские» приёмы, добиваясь внимательности и дотошности в исполнении караульной службы. Поощряя анонимные доносы, он даже держал для них специальный портфель и завёл особую книжку, где записывал промахи офицеров»³⁸.

Тем не менее есть основания полагать, что подготовка «драгомировской» дивизии была успешной. Это отмечалось ещё на предвоенных смотрах, проводившихся командующими Одесским военным округом генералом от инфантерии гр. П.Е. Коцебу и генерал-адъютантом В.С. Семёкой. До Драгомирова начальником 14-й дивизии не менее 13 лет являлся генерал-лейтенант В.С. Козловский. Судя по отчётам гр. Коцебу, она не выделялась тогда на фоне других соединений округа, а «занятия грамотностью в 14-й

³⁵ Зедделер Л.Л. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в Германско-французской войне 1870—1871 годов // Военный сборник. 1872. № 7. С. 38—39. Зедделер после войны высказывал мысль, что 60 патронов — недостаточная норма: Зедделер Л.Л. Несколько практических выводов из нашей последней войны // Военный сборник. 1878. № 5. С. 68.

³⁶ Липранди Р. От Сисова до Габрова // Военный сборник. 1902. № 4. С. 54.

³⁷ ОР РГБ, ф. 58, ч. 1, к. 8, д. 30, л. 5.

³⁸ Длуцкий К. Генерал Онагрэнко // Наблюдатель. 1898. № 3. С. 182—214; № 4. С. 154—185.

дивизии были слабее прочих, и общие результаты были бы ещё ниже, если бы не Минский полк, в котором занятия эти получили должное развитие»³⁹. В сентябре 1873 г., когда Драгомиров командовал ею всего четыре месяца, состоялся очередной смотр, после которого временно командовавший округом Семека констатировал, что «в общем значении исполнение [тактических задач на местности] было осмысленно и распоряжения в большинстве правильные; но в частностях ошибки замечались при каждом решении»⁴⁰. В 1875 г. прогресс стал уже очевиден. «В прошлом году, — отмечал Семека, — на смотре цельной стрельбы результаты её в 14-й пехотной дивизии были неудовлетворительные: в общей сложности они не достигали хорошей оценки; в течение же года занятия стрельбой, видимо, производились так старательно и так отчётливо, что успехи за год оказались весьма значительные». Бросалась в глаза находчивость и самостоятельность чинов дивизии. «С истинным удовольствием я видел, как каждый батальонный и ротный командир, без всякой суеты, самостоятельно и толково распоряжается частью, — писал Владимир Саввич. — Могли быть ошибки и недосмотры (их было однако немного), но где же их и не бывает. Особенно важно то, что каждый начальник проникся обязанностью — самостоятельно командовать частью, скоро обдумывать, что ему надо делать, и в большинстве случаев — обдумывать правильно. С такими задатками обучения боевое развитие войска обеспечено. На этих же батальонных учениях я любовался находчивостью и сметливостью офицеров и солдат при всякой неожиданности»⁴¹. Видимо, к 1875 г. Драгомиров сумел «подтянуть» довольно средние части. Смотр августа 1876 г. упрочил заслуженную репутацию⁴².

После объявления мобилизации 2 ноября 1876 г. многие наблюдатели указывали на хорошее состояние 14-й дивизии. Упомянулось о нём и в приказах вел. кн. Николая Николаевича, назначенного главнокомандующим Действующей армии⁴³. Прибыв в Кишинёв в ноябре 1876 г., он расспрашивал Драгомирова о методах подготовки вверенных ему войск, а начальник штаба армии А.А. Непокойчицкий даже предложил составить на основе этого опыта нечто вроде наставления для других командиров⁴⁴. 3 декабря 1876 г. великий князь смотрел Волынский и Минский полки и, как вспоминал Д.А. Скалон, «остался весьма доволен порядком и строем этих частей»⁴⁵. По словам Скалона, «у Михаила Ивановича в дивизии три четверти офицеров умели читать карту и были тактически подготовлены»⁴⁶. Граф Воронцов-Дашков, оставивший неоконченный, но обещавший быть весьма резким дневник, описывая объявление войны в Кишинёве 12 апреля 1877 г., признался: «Должен сказать, хороша Драгомировская дивизия»⁴⁷.

Неудивительно, особенно учитывая доверие к Драгомирову вел. кн. Николая Николаевича, что именно 14-я дивизия была избрана для

³⁹ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 21. Ч. 2. СПб., 1903. С. 210.

⁴⁰ Там же. С. 186.

⁴¹ Там же. С. 252–253.

⁴² Там же. С. 259–264.

⁴³ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 97. СПб., 1911. С. 10–11.

⁴⁴ *Андреевский Е.К.* М.И. Драгомиров и время перед войной 1877–8 гг. // Русская старина. Т. 137. 1909. № 4. С. 94.

⁴⁵ *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 1. СПб., 1913. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 18.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 58, ч. 1, п. 129, д. 7, л. 1.

осуществления переправы через Дунай — первой крупной боевой операции русской армии на Балканском театре военных действий. Именно она стала подлинной проверкой «драгомировских» методов подготовки войск.

Сам ход переправы у Зимницы—Систова хорошо известен и подробно описан⁴⁸, однако нельзя не обратить внимание на наиболее характерные моменты боя. Переправа производилась в ночь с 14 на 15 июня, а основные события разворачивались в лесистом овраге ручья Текир-Дере, недалеко от Систова. Ночной бой на пересечённой местности с обильной листвой чрезвычайно затруднял управление бойцами со стороны старших начальников. Импровизация в этих условиях была неизбежна и многое зависело от инициативности и готовности к неожиданностям младших офицеров, т.е. как раз от тех качеств, которые им прививались Драгомировым. Как сказано в отчёте дивизии, «характеристическою чертою боя было то, что первые вступившие в бой части не составляли не только цельных батальонов или рот, но даже взводов; каждая вновь прибывшая часть пристраивалась к первым попавшимся кучкам, и такими-то импровизированными частями-товариществами наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, без малейшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко следило за тем, что делается у соседей, и как только последние подавались вперёд или им угрожал неприятель, немедленно следовала помощь или производилось передвижение в связи с движением соседей»⁴⁹. Михаил Иванович вместе со штабом прибыл на правый берег Дуная только с третьим рейсом. К тому моменту бой уже шёл не менее трёх часов и, в целом, миновал свою критическую стадию. В том, что части 14-й дивизии сумели самоорганизоваться и обеспечить переправу, сказывалась подготовка, систематически проводившаяся с 1873 г. Как утверждалось в дневнике 54-го Минского полка, «тактические приёмы и ученья в лагере под Бендерами, ведённые ген[ералом] Драгомировым, оправдались блестящим образом»⁵⁰.

Драгомиров, начиная с 1873 г., выстраивал подготовку 14-й пехотной дивизии на основе нескольких ключевых принципов: инициативности младших командиров, готовности к неожиданностям боя, дисциплине огня и решающем значении штыковой атаки. Его работа позволила превратить заурядные части в образцовые и входящие в число самых эффективных боевых единиц Императорской армии. Предвоенная подготовка 14-й дивизии стала важным фактором успеха первой операции русских войск на Балканском театре военных действий, а последующие бои, особенно оборона Шипкинского перевала, подтвердили её репутацию.

⁴⁸ См.: Описание Русско-турецкой войны 1877—78 гг. ... Т. 2. СПб., 1901. С. 129—164; *Беляев Н.И.* Указ. соч. С. 116—127; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. С. 17—23.

⁴⁹ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне... Вып. 23. С. 85.

⁵⁰ Там же. Вып. 10. СПб., 1902. С. 118.

Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны

Валерий Суряев

Structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War

Valery Suryaev (*The Research Institute of the Belarusian Armed Forces, Minsk;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

Системное изучение общества и армии как его части вряд ли возможно без анализа проблем, связанных с «человеческим фактором». Одной из них являются межличностные и межгрупповые отношения в армейской среде, влияние которых на морально-психологическое состояние войск и их способность выполнять боевые задачи чрезвычайно велико. Изучение рассматриваемой темы весьма актуально сегодня, так как без воссоздания наиболее полной истории русской армии вряд ли будет успешным современное военное строительство Вооружённых сил России.

Проблематика данной статьи (социальные группы, входившие в русский офицерский корпус в начале XX столетия; факторы, влиявшие на межгрупповые отношения; разногласия, возникавшие в связи с неодинаковыми условиями прохождения службы; их воздействие на сплочённость корпуса офицеров) остаётся малоисследованной. И это несмотря на то что ещё в начале XX в. отдельные аспекты данной проблемы активно обсуждались в военной прессе, а также затрагивались в публицистической литературе¹. Однако какие-либо научные исследования в этом направлении не проводились.

Военная психология в начале XX в. находилась в зачаточном состоянии, социологические исследования в армии не проводились, соответственно, статистические данные и другая информация, касавшаяся взаимоотношений в офицерской среде, отсутствовала. В официальных документах, регулировавших жизнь и деятельность войск (военное законодательство, уставы, наставления, приказы командиров и начальников различного ранга и т.д.), столь тонкая материя, как человеческие взаимоотношения, не рассматривалась. В советское время проблемы истории русского офицерства не исследовались и практически не освещались даже в издававшихся в СССР мемуарах и воспоминаниях бывших военнослужащих русской армии².

© 2017 г. В.Н. Суряев

¹ *Мартынов Е.И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906; *Галкин М.* Новый путь современного офицера. СПб., 1907; *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 100–125; *Грулёв М.* В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908; *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное её состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908; и др.

² *Свечин А.* Искусство вождения полка: по опыту войны 1914–18 гг. В 2 т. М.; Л., 1930; *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). В 4 т. М., 1948–1949; *Кривицкий А.* Традиции русского офицерства. М., 1945; и др.

К сожалению, и в современных работах, посвящённых истории русского офицерства, вопросы взаимоотношений в офицерской среде практически не анализируются³. Возможно, в определённой мере это связано с тем, что круг источников по данной проблематике достаточно ограничен. В том или ином виде необходимые сведения содержатся лишь в материалах военной прессы, а также в источниках личного характера: книгах и брошюрах, написанных военными публицистами того времени, мемуарах, дневниках, письмах, воспоминаниях современников и т.д. Безусловно, подобные источники носят субъективный характер, но именно в них и сосредоточена уникальная информация по теме. Аналогичными являются труды, написанные представителями русской военной эмиграции⁴.

Косвенную помощь в изучении заявленных проблем могут оказать некоторые официальные документы, определявшие тогда порядок прохождения военной службы, например, книги V и VII «Свода военных постановлений 1869 г.», отчёты органов военного управления перед различными инстанциями, отдельные приказы по военному ведомству и т.д.

Дореволюционный корпус офицеров представлял собой социально-профессиональную общность, члены которой обладали неодинаковыми социальными статусами. В этой связи военный публицист начала XX в. В.В. Новицкий указывал, что офицерский корпус — это «весьма неоднородная, разношёрстная масса офицеров, расчленённая разнообразием служебных прав на целый ряд групп, сильно отличающихся друг от друга»⁵.

В основе отличий трёх основных групп офицеров (армейских, делившихся на подгруппы по родам оружия; гвардии; Генерального штаба) были престижность службы, перспективы карьеры, отношение «высшего света» к той или иной категории офицерства, нередко образование.

Численность офицерского состава русской армии в начале XX в. (за исключением периода Первой мировой войны) менялась незначительно и в среднем составляла чуть более 40 тыс. человек. Так, к 1 января 1907 г. в регулярных войсках служили 43 948 генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров, к 1 января 1908 г. — 42 906 (в том числе около 2,3 тыс. генералов и офицеров пограничной стражи, в состав армии не входивших, но включавшихся Военным министерством в статистические данные)⁶. С учётом того, что, например, в 1911 г. насчитывалось несколько более 1 млн 175 тыс. нижних чинов⁷, это соответствовало потребностям армии.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993; Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии... М., 2000. С. 285–299; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010; Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2011; Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне: историко-антропологический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010; Загоруйко М.В. Российское офицерство в 1917 году (февраль–октябрь). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁴ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 283–319; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Париж, 1969–1970; Воронович Н. Всевидящее око: Из быта Русской армии. Нью-Йорк, 1951; Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии. 1905–1917: Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951; и др.

⁵ Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. С. 119.

⁶ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. СПб., 1909. С. 1.

⁷ Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. СПб., 1913. С. 55.

Подавляющее большинство офицерского корпуса составляли армейские офицеры, служившие в пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерных и железнодорожных войсках. Их служебная деятельность была сопряжена со значительными психологическими и физическими нагрузками, а возможность карьерного роста — весьма ограниченной. Армейские части дислоцировались по всей стране, в том числе в отдалённых местностях Дальнего Востока и Сибири («медвежьих углах») и малоосвоенных районах Средней Азии и Кавказа. Данная группа офицеров не имела никаких привилегий и служебных преимуществ.

Иной была служба гвардейцев — небольшой части общего числа офицеров всех родов сухопутных войск. Например, численность офицеров гвардейских пехотных и стрелковых полков накануне Первой мировой войны составляла менее 5% от числа офицеров негвардейских пехотных, стрелковых и гренадерских полков⁸.

Гвардейские части дислоцировались в столицах, имели особую форму, были приближены к императорскому двору. «В петербургском обществе, — писал один из бывавших в России германских военачальников, — встречаешься только с офицерами гвардейских полков... армейский офицер не играет в обществе никакой роли... Выражение “армейский” имеет почти презрительный оттенок»⁹. Офицеры гвардии обладали официально установленными служебными привилегиями. Так, гвардейские обер-офицеры имели преимущество в один чин перед офицерами «всех прочих войск», т.е. подпоручик гвардии соответствовал армейскому поручику, поручик — штабс-капитану, штабс-капитан — капитану; в случае перевода гвардейского обер-офицера в любую армейскую часть ему присваивался следующий чин¹⁰.

В отличие от армии, где существовало два штаб-офицерских чина («подполковник» и «полковник»), в гвардии был только чин «полковник». В силу данного обстоятельства гвардейские капитаны, если они не выбыли из гвардейских частей до наступления срока производства в полковники, при переводе в армейские части сразу получали полковничье звание¹¹. Один из офицеров-гвардейцев вспоминал, что «действительной привилегией гвардии являлась военная карьера, обеспеченная каждому гвардейскому офицеру», и военнослужащие, одновременно окончившие одно и то же военное училище, «оказывались одни — в 34–36 лет полковниками, другие в 40–45 лет подполковниками». Далее он указывал, что каждый гвардейский полковник, хорошо зарекомендовавший себя на службе, становился командиром армейского полка, «тогда как только немногие армейские подполковники могли мечтать о таком высоком назначении»¹².

Этот мемуарист показал карьеру армейцев более оптимистично, чем в большинстве случаев происходило в действительности. Чаще всего, как свидетельствовала статистика, к 44–45 годам большинство армейских офицеров производились только в чин капитана при назначении на должность командира роты или эскадрона¹³. Чин подполковника и соответствующую должность

⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 152.

⁹ *Базедов Г., фон.* Путевые впечатления о военной России / Пер. с нем. СПб., 1911. С. 10.

¹⁰ Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 2. Кн. 7: Прохождение службы по военному ведомству (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 11, 99.

¹¹ *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 112.

¹² *Воронович Н.* Указ. соч. С. 59, 60.

¹³ *Бутков Ф.* Капитанский вопрос // Разведчик. 1903. № 670. С. 734.

получали меньшинство армейцев. Иными словами, в основном армейские офицеры заканчивали службу командирами рот или эскадронов (категория «капитан»), меньшая часть — командирами батальонов, батарей или кавалерийских дивизионов (категория «подполковник»). Вышестоящие должности и чины получали незначительное число армейских офицеров.

В 1913 г. выходцы из гвардии командовали 17% пехотных полков (57 частей), в то время как армейские офицеры (свыше 90% численности всех офицеров в пехоте) командовали лишь 34% пехотных полков (96 полков). Офицеры Генерального штаба (часть их — тоже выходцы из гвардии) составляли 30% полковых командиров (в 96 полках). Остальными пехотными полками (62 части) командовали лица, ранее служившие на административных должностях¹⁴.

По данным на 1901 г., в кавалерии офицеры гвардии составляли 48% полковых командиров, армейские — 27%. Должности командиров соединений (бригад, дивизий и корпусов) также занимали главным образом гвардейцы. К 1906 г. картина почти не изменилась¹⁵. Офицеры-гвардейцы продвигались по службе гораздо быстрее, чем армейцы. Статистические данные той поры показывают, что гвардейцы становились полковниками в среднем на 19-м году службы, армейцы — на 29-м¹⁶. В некоторых полках гвардейской кавалерии полковниками становились уже через 14–16 лет службы¹⁷.

Подобная ситуация во многом обуславливалась квотами, действовавшими в области назначения на старшие командные должности. Так, в 1901 г. были введены новые правила о назначении командиров отдельных частей в пехоте, кавалерии и инженерных войсках. Кандидаты вносились в соответствующий список высочайшим повелением, при этом при назначении на должности командиров полков должны были соблюдаться определённые пропорции. Например, в пехоте на одного гвардейского кандидата на должность полкового командира назначалось по два кандидата из Генерального штаба и по три — армейских. В кавалерии на одного кандидата из гвардейской кавалерии приходился один кандидат от Генерального штаба и два — от армейской кавалерии (Приказ по военному ведомству от 8 октября 1901 г. № 331)¹⁸.

Подобные пропорции, с учётом того, что количество армейских офицеров многократно превышало число офицеров гвардии и Генерального штаба вместе взятых, были явно несправедливыми. Получалось, что на 53 гвардейских пехотных батальона выделялась одна вакансия командира части (отдельного батальона или полка), а на 1 190 армейских батальонов — три, т.е. на одну вакансию в армейской очереди приходилось 397 человек, а в гвардейской — лишь 53¹⁹.

Впоследствии пропорции претерпевали некоторые изменения, но они не носили принципиального характера. Например, в 1914 г. установили следующую очерёдность назначения на должности командиров кавалерийских полков: одна кандидатура — от гвардии и по две — от Генерального штаба и армейской кавалерии²⁰.

¹⁴ М. Некоторые цифры административного засилья в строевой армии // Разведчик. 1914. № 1215. С. 107.

¹⁵ Залесский. Немного статистики // Там же. 1906. № 794–795. С. 31.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Новицкий В.Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁸ Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб., 1901. С. 862.

¹⁹ «Дельта». Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 20.

²⁰ Приказ по военному ведомству от 11 января 1914 года № 27 // Там же. 1914. № 1215. С. 97.

Лишь в армейской артиллерии преимущества гвардейцев проявлялись не столь заметно, особенно при назначении на должности командиров батарей: продвижение по службе в этом роде войск происходило быстрее, чем в пехоте и кавалерии. В то же время и в полевой артиллерии, как указывал современник, «очередь эта постоянно перебивается гвардейцами»²¹. Однако в гвардейской артиллерии привилегии проявлялись явственнее: в таких частях генерал в среднем был «моложе годами службы: на 18 лет старейших полковников полевой артиллерии, на 16 лет старших подполковников и на 1–2 года старейших капитанов»²².

В случаях, когда офицер гвардии назначался командовать частью в самой гвардии, это давало дополнительные преимущества: если в армии должность командира батальона соответствовала чину «подполковник», то в гвардии — «полковник», а в отдельных гвардейских стрелковых батальонах — «генерал-майор», хотя батальоны во всех случаях состояли из четырёх рот. Армейскими полками командовали полковники, гвардейскими — генерал-майоры, хотя, например, армейский кавалерийский полк был многочисленнее и сложнее по составу²³.

В течение долгого времени гвардейское офицерство традиционно состояло из потомственных дворян; в некоторых частях, как, например, в лейб-гвардии Преображенском и Кавалергардском полках, служили представители самых знатных дворянских родов России. Кроме того, в гвардии служили все великие князья, включая цесаревичей, а шефами гвардейских полков являлись члены императорской фамилии²⁴.

Все «лейб-гвардейские» части в своё время проявили выдающееся мужество и стойкость в боях с противником; в этой связи их и удостоили столь почётных наименований и привилегий. История гвардейских полков насчитывала по 150–200 лет, они были известны всей армии, служить в них было большой честью. Однако в армии считали, что несправедливо распространять отличия, «дарованные части за её боевые заслуги, тому личному составу, какой был в части в момент оказания ею боевых подвигов, и на последующие поколения личного состава офицеров»²⁵.

Гвардейцы имели преимущество даже перед генштабистами, тоже являвшимися особой категорией офицеров. Армейский капитан, закончивший академию Генерального штаба и причисленный к последнему, имел право только на ускоренное производство из капитанов в подполковники. Между тем получивший такое же образование гвардейский офицер продолжал пользоваться преимуществами, предоставлявшимися гвардии. Например, армейский офицер, окончивший академию в чине поручика, по выпуску производился в чин штабс-капитана, с которым и причислялся к Генеральному штабу. Гвардейский поручик, закончивший академию, по выпуску также производился в штабс-капитаны, но в случае перевода в армейские структуры — уже в капитаны. Так происходило потому что в случае такого перевода обер-офицеры гвардии сразу же получали следующий чин. «Из этого случая видно, — писал

²¹ *Блюмер*. Гвардия и интересы государственной обороны // Там же. 1912. № 1023. С. 339.

²² *Егоров Е.* Омоложение гвардии // Там же. 1909. № 960. С. 174.

²³ *Залесский*. Пора обратить внимание // Там же. 1905. № 787. С. 877.

²⁴ Императорская гвардия: Справочная книжка Императорской главной квартиры (по 1 мая 1910 года). Изд. 2. СПб., 1910. С. 5–210.

²⁵ «Дельта». Указ. соч. С. 21.

современник, — что гвардия считается выше Генерального штаба, офицеры Генерального штаба переводятся в армию тем же чином, а гвардейцы в Генеральный штаб с повышением на один чин»²⁶.

Вплоть до начала XX в. о переводе в гвардию того или иного армейского офицера могли ходатайствовать лишь командиры гвардейских полков (в случае наличия вакансии). В 1901 г. решение этого вопроса по формальным признакам было упрощено, так как и в гвардию, и в армейские части попадали выпускники одних и тех же училищ. В соответствии со специальным приказом армейские офицеры в чине от подпоручика (корнета) до капитана могли быть удостоены перевода в гвардейскую пехоту и гвардейскую кавалерию: для замещения вакансий, за отличия в мирное время и за боевые отличия. «Переводиться» в гвардейскую пехоту и кавалерию имели право армейские офицеры любого рода войск, в то же время в гвардейскую артиллерию и лейб-гвардии сапёрный батальон — только соответственно армейские артиллеристы и офицеры инженерных войск. Условия перевода в мирное время были достаточно сложными: в частности, большое значение придавалось военно-образовательному цензу, выдвигался ряд условий, касавшихся службы в армейских частях и т.д. Тем не менее официально существовала возможность перевода армейцев в гвардию (Приказ от 27 апреля 1901 г. № 166)²⁷.

Однако в реальной жизни нередко возникали трудности. Например, среди гвардейских офицеров сложилась традиция: поступить на службу в любой гвардейский полк можно было только «на основании голосования офицеров полка, извне на которое никто не мог повлиять»²⁸. Так, чтобы быть принятым в лейб-гвардии Егерский полк, «необходимо было получить не менее двух третей голосов “за” из числа офицеров», присутствовавших на общем собрании²⁹.

Именно согласие (или несогласие) офицеров полка на приём в их круг нового сослуживца являлось главным условием, определявшим его судьбу в гвардейской части. Так, в 1901 г. в один из гвардейских полков были направлены выпускники военных училищ, оказавшиеся выходцами не из дворянской среды. В полку, который дислоцировался в Варшаве, полковой адъютант вручил им заранее заготовленное письмо. В нём указывалось, что командир полка и общество офицеров не считают возможным принять их в свою среду. Выпускники пожаловались военному министру А.Н. Куропаткину, который в то время был в Варшаве. Однако тот ничего не смог сделать: на сторону гвардейцев встал главнокомандующий войсками гвардии, вел. кн. Владимир Александрович. В конце концов, выпускников направили в армейские части³⁰.

О царившем в гвардейской среде консерватизме свидетельствует и такой факт. В 1906 г. начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии был назначен человек незнатного происхождения, не имевший академического образования, — генерал-майор П.А. Лечицкий. Это назначение, писал современник, вызвало недовольство среди части гвардейских офицеров, считавших, что хотя

²⁶ Там же.

²⁷ Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 379–397.

²⁸ Врангель А.П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели. Воспоминания / Под общ. ред. В.А. Благово и С.А. Саложникова. М., 2006. С. 311.

²⁹ Скорино Н. Лейб-гвардии Егерский полк: Очерки мирной жизни // Военная быль. 1966. № 81. С. 2.

³⁰ «Дельта». Указ. соч. С. 22.

он и герой Русско-японской войны 1904–1905 гг., но «гвардии по своим данным совершенно чуждый»³¹.

К чести гвардии, следует отметить: подобный подход касался не только происхождения и образования офицеров. Кн. В.С. Трубецкой, сам бывший лейб-гвардеец, характеризуя Преображенский и Кавалергардский полки, писал: «Это были действительно исключительные аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было ещё далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки... Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»³².

В то же время, в самой гвардии происходили непростые процессы. Социально-политические и социально-экономические изменения, происходившие в стране, не могли не затронуть привилегированные воинские части. Например, служба в гвардии требовала больших расходов, которые не могли быть покрыты небольшим офицерским жалованьем. К началу XX в. значительная часть российского дворянства обеднела. Многие родители уже не могли обеспечивать «гвардейские» расходы своих сыновей.

В результате в некоторые гвардейские части, в нарушение традиций, стали попадать офицеры недворянского происхождения, имевшие, однако, обеспеченных родителей: «Так, в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку (так называемые “жёлтые” кирасиры) в 1905 г. не было ни одного дворянина; очень много не дворян (по происхождению) было в лейб-гусарском полку. Это вторжение недворянского элемента в гвардию вызвало в определённой части гвардейского “родового” офицерства оппозиционное... настроение. В гвардии шло своеобразное “классовое” расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях... “Синие” кирасиры, сохранившие дворянский состав, искренне презирали “жёлтых”»³³.

Командир немецкого пехотного полка Г. фон Базедов, посетивший Россию в 1910 г., писал, что полки 2-й гвардейской дивизии «играют в общественном смысле... меньшую роль», чем полки 1-й гвардейской дивизии. Но даже полки 1-й гвардейской дивизии – Преображенский, Семёновский, Измайловский и Егерский – неодинаково оценивались в высшем обществе³⁴, т.е. в рядах самой гвардии неформально существовали категории офицеров, имевшие разный «вес» в глазах высшего общества и офицерской среды.

В официальных документах, регламентировавших вопросы прохождения офицерской службы, в том числе в гвардейских частях, проблема сословного происхождения не затрагивалась. Лучших выпускников военных училищ могли производить в подпоручики гвардейской пехоты, выпускников кавалерийского училища – в корнеты гвардейской кавалерии³⁵. Данное решение всё же отчасти было дискриминационным, так как имелись в виду только

³¹ В. Б-к. Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 2.

³² Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 15.

³³ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2(39). С. 18.

³⁴ Базедов Г., фон. Указ. соч. С. 11.

³⁵ Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. Заведения военно-учебные (по 1 января 1907 г.). СПб., 1907. С. 159.

Соотношение между ранеными, убитыми и попавшими в плен в различных категориях войск в годы Первой мировой войны (%)

Род войск	Кровавые потери	Пленные
Гвардия	91	9
Гренадерские части	78	22
Пехота (армейская)	65	35
Стрелковые части	82	18
Кавалерия	79	21
Пограничная стража	86	14
Артиллерия	56	44
Инженерные войска	77	23
Ополчение	42	58

Составлено по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 163.

выпускники военных училищ, но не юнкерских. После преобразования последних в военные право перевода в гвардию получили «отличнейшие из первоурядных юнкеров», окончившие любое военное училище³⁶.

Справедливости ради отмечу, что близость к императорскому двору и высшему свету, а также шефство над полками особ императорской фамилии отнюдь не смягчали требования, предъявлявшиеся к гвардии как воинским частям. Напротив, от гвардейцев требовалось особо чёткое, по сравнению с другими полками, несение службы и первенство в боевой подготовке. Как правило, в этом гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия показывали прекрасные результаты: «Гвардейская пехота выбивала по стрельбе всегда “сверх отличного”, не отставала и находящаяся под бдительным оком генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича гвардейская артиллерия, как лёгкая, так и конная. За подготовкой же гвардейской кавалерии ещё со времён своего генерал-инспекторства зорко следил главнокомандующий – вел. кн. Николай Николаевич»³⁷.

Кроме того, из состава регулярной армии никто не сражался так доблестно, как гвардейцы. В числе прочего об этом свидетельствуют данные, приведённые участником Первой мировой войны генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным (см. табл.).

Ещё одной социальной группой офицеров, чья служба считалась престижной, а карьерный рост происходил достаточно быстро, являлись генштабисты. Г. фон Базедов писал, что Генеральный штаб «представляет замкнутое в себе сословие. Кто одел его мундир – чёрный бархатный воротник с серебряным шитьём и серебряными аксельбантами... тот сохраняет его на всё время службы»³⁸.

Количество генштабистов было невелико: к 1 января 1908 г. – 708 (73 генерала, 434 штаб-офицера и 201 обер-офицер)³⁹, к 1 января 1911 г. – 659 (в центральных учреждениях – 113, в окружных управлениях и строевых штабах:

³⁶ ПСЗ-III. Т. 32. Отд. 1. Пг., 1915. № 36932. С. 323; Приказ по военному ведомству № 322 // Разведчик. 1911. № 1085. С. 506.

³⁷ Марьяняк А. Погибнуть или победить: Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 110.

³⁸ Базедов, Г., фон. Указ. соч. С. 9.

³⁹ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. С. 26.

генералов — 63, штаб-офицеров — 304 и обер-офицеров — 179 человек)⁴⁰. К осени 1917 г. насчитывалось около 1 350 офицеров Генерального штаба (из них около 500 генералов, 500 полковников и подполковников, 270 капитанов)⁴¹.

По свидетельству генерала А.И. Деникина, «для непривилегированного офицерства карьере можно было сделать» именно через Генштаб⁴². Для этого требовалось окончить Николаевскую академию Генерального штаба. До 1909 г. поступать в это учебное заведение могли обер-офицеры всех родов войск, до чина штабс-капитана армии и поручика гвардии включительно⁴³. Затем к приёму в уже Императорскую Николаевскую военную академию стали допускаться офицеры в чине до капитана гвардии и армии включительно, прослужившие не менее трёх лет в строевых частях⁴⁴.

Отбор в академию был чрезвычайно строгим. Для допуска к сдаче вступительных экзаменов требовалось сдать предварительные экзамены в штабах округов, цель которых заключалась в определении, способен ли тот или иной военный служащий учиться в этом высшем учебном заведении. Так, в 1911 г. предварительный экзамен в штабах округов сдавал 641 офицер, но к конкурсным экзаменам в академии были допущены только 295 человек. Выдержали вступительный экзамен в академию 147 человек, но приняли лишь 92 из них⁴⁵.

В академии был младший и старший классы, а также дополнительный курс. Окончившие два класса делились, в зависимости от успеваемости, на два разряда — первый и второй. Офицеры, окончившие два класса по первому разряду, переводились на дополнительный курс для подготовки по службе Генерального штаба, остальных отправляли в войска⁴⁶. Например, в 1903 г. два класса академии закончили 103 офицера, из которых 77 человек остались для продолжения учёбы, а 26, получивших второй разряд, были отправлены на прежние должности⁴⁷.

Служебная карьера офицеров, не переведённых на дополнительный курс, оставалась неопределённой, так как они, получив высшее военное образование, в списки офицеров Генерального штаба не вносились, т.е. оставались обычными армейскими офицерами (правда, некоторые преимущества при продвижении в штаб-офицерский чин они всё же имели).

Карьера тех, кто продолжал учёбу, была иной. По окончании дополнительного курса эти офицеры получали право на причисление к Генеральному штабу, а через некоторое время — на зачисление в него. Иными словами, они попадали в особую группу офицеров, которые, имея высшее военное образование, получали преимущественное право продвижения по службе. Генерального штаба генерал-майор Б.В. Геруа в этой связи писал: «Офицер... зачисленный в Генеральный штаб, попадал в верную служебную колею с ускоренным

⁴⁰ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 год. СПб., 1912. С. 13.

⁴¹ *Спирин Л. В.И.* Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 12.

⁴² *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 67.

⁴³ Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 3. Кн. 15. С. 18.

⁴⁴ Приказ по Военному ведомству 1909 года № 311 // Разведчик. 1909. № 982. С. 479.

⁴⁵ Хроника // Там же. 1911. № 1095. С. 663; *М.И.* О предварительных испытаниях при поступлении в Николаевскую военную академию // Там же. 1910. № 1036. С. 540.

⁴⁶ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 67.

⁴⁷ Заметки // Разведчик. 1903. № 681. С. 982.

и регулярным производством и на лестницу назначений, приводивших его к заветному генеральству в кратчайший срок»⁴⁸.

По выпуску из академии офицеры на два года командировались в войска (для выполнения строевого ценза, т.е. командования ротами или эскадронами)⁴⁹, после чего зачислялись в корпус офицеров Генерального штаба. В этом качестве они служили в штабах дивизий, корпусов, округов, а также управлениях Военного министерства. Прослужив 12–13 лет в этих структурах, генштабисты возвращались в строевые части, где назначались командирами полков. Предварительно на четыре месяца они прикомандировывались в строевые части для отбытия нового ценза — командования батальоном в пехоте или дивизионом — в кавалерии. Армейские офицеры в прессе неоднократно высказывали мнение о неправильности такого подхода, считая, что двух лет командования ротой (эскадронами) и четырёх месяцев — батальоном (кавалерийским дивизионом) было совершенно недостаточно для назначения на должность командира полка. Тем более что через относительно небольшой срок такой офицер Генштаба мог получить должность командира бригады и чин генерала⁵⁰.

В обиходе строевые армейские офицеры называли таких назначенцев из штабов «пришлым элементом», причём число подобных назначений в мирное время было весьма заметным: «Если среди подполковников армейской пехоты пришлый элемент в 1912 г. составлял 9%, то уже среди полковников — старших штаб-офицеров таковых было 23%. Среди командиров полков... пришлый элемент составлял 38%, а среди бригадных командиров... 59%»⁵¹.

Однако считаю, что служебный рост этой категории офицерского состава нередко был оправданным. В академию Генерального штаба попадали наиболее способные офицеры, получавшие за годы учёбы глубокие и разносторонние знания. Также следует отметить, что окончившие Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую инженерную академии офицеры в своих родах войск при прохождении службы пользовались теми же правами и преимуществами, что и выпускники Николаевской военной академии (бывшей академии Генерального штаба)⁵². Однако к корпусу офицеров Генштаба они не принадлежали.

Неравные условия прохождения службы оказывали негативное влияние на взаимоотношения между офицерами, принадлежавшими к различным группам. «С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе — привилегий, тормозивших сильно и без того нелёгкое служебное движение армейского офицерства. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была большим местом армейской жизни»⁵³, — писал Деникин.

У большинства армейцев на фоне их служебной бесперспективности привилегии гвардейских офицеров вызвали раздражение и неприязнь. Каких-либо социологических опросов в то время не проводилось, но негативные настроения по этому поводу среди армейцев были распространены достаточно широко.

⁴⁸ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 1. С. 149.

⁴⁹ Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. С. 35.

⁵⁰ О.Г.Ш. Генеральный штаб и строй // Разведчик. 1913. № 1206. С. 764–766.

⁵¹ Морозов Н. Необходимая мера для улучшения штаб-офицерского состава армии // Там же. № 1199. С. 651.

⁵² Свод военных постановлений 1869 г. Изд. 3. Кн. 15. С. 31.

⁵³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 14–15.

Об этом свидетельствует масса вышедших тогда в военной прессе статей, посвящённых проблеме привилегий. Понимая пагубное влияние этого явления на морально-психологический климат в офицерской среде, против привилегированного положения гвардии высказывались как рядовые офицеры, так и представители армейского генералитета. Иногда в печати делались довольно резкие заявления: «Армия безмолвствует, но в душе она глубоко оскорблена существованием гвардейских привилегий»⁵⁴. Однако положение не менялось.

Аналогичная ситуация сложилась в отношениях между армейцами и генштабистами (несмотря на то что служебные преимущества последних во многом обуславливались их образованием и личными качествами). Один из принадлежавших к этой группе генералов отмечал: «В строю не любили офицеров Генерального штаба. Помимо ревности, вызываемой быстротой и блеском их карьеры, в толще армии сравнивали этих “счастливых” с учёными офицерами в других специальностях, например в артиллерии и в инженерных войсках. Преимущества у этих академиков тоже были, но умереннее, и учёные артиллеристы и военные инженеры не бросались в глаза как каста»⁵⁵.

Представляется, что данное явление вызывалось обычными человеческими слабостями. Когда имевший высшее военное образование, но сравнительно молодой генштабист становился командиром части, это казалось несправедливым ротному или батальонному командиру, много лет «тянувшему армейскую лямку».

Устранить служебные преимущества гвардейцев и генштабистов не представлялось возможным. Особенно в отношении последних, так как «все должности, с высот которых должна была исходить инициатива» таких изменений, «были заняты неизменно представителями этой касты-недотроги»⁵⁶. Что же касается гвардии, то в её рядах числились представители императорской фамилии, поэтому вопрос о лишении гвардейцев привилегий мог только дебатироваться.

В кругах собственно армейского офицерства, писал современник, тоже существовала «некоторая рознь между родами оружия — явление старое и свойственное всем армиям... Полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойдённой вниманием и власти, и общества»⁵⁷. Один офицер, характеризуя отношения между профессиональными группами офицеров-армейцев, называл их «профессиональной рознью», соперничеством за звание лучшего рода войск⁵⁸.

В рядах армейцев выделялись две подгруппы — пехотные офицеры и офицеры других родов войск, между которыми и наблюдалось недопонимание. По мнению некоторых военных публицистов начала XX в., первая причина этого заключалась в «гордости или... самомнении, с одной стороны, и... зависти... с другой»⁵⁹, т.е. имелись в виду обычные недостатки человеческой природы, присущие большинству людей.

⁵⁴ «Дельта». Указ. соч. С. 24.

⁵⁵ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 1. С. 150.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 61.

⁵⁸ Фисенков. Из быта кадетских корпусов // Разведчик. 1906. № 836. С. 793.

⁵⁹ С-ов С.И. К вопросу об антагонизме // Там же. 1912. № 1115. С. 178.

Офицеры технических родов войск обладали более высоким уровнем образования, нежели пехотинцы. Так, в инженерное и артиллерийские училища принимались лица, имевшие только законченное среднее образование. Собственно военная специальность в этих учебных заведениях изучалась три года, а не два, как в пехотных училищах. Кроме того, многие офицеры-артиллеристы и офицеры инженерных войск получили высшее образование в соответствующих академиях. Между тем даже после преобразования двухгодичных юнкерских пехотных училищ в трёхклассные военные училища часть поступавших абитуриентов имела пониженный уровень общего среднего образования, и для его завершения использовался «лишний» учебный год. Разница в образовании служила иной раз поводом к тому, что часть офицеров технических родов войск считали себя «выше» пехотных офицеров.

В 1911 г. общее среднее образование среди обер-офицеров имели: в пехоте — 50.87%, кавалерии — 81.57, артиллерии — 98.41, инженерных войсках — 97.94%. Военное образование обер-офицеров характеризовалось следующим образом. В инженерных войсках и артиллерии почти все офицеры окончили военные училища, лишь 2.82% (в артиллерии) и 2.27% (в инженерных войсках) имели за плечами юнкерские училища. В пехоте же последние окончили 64.82% обер-офицеров, в кавалерии — 36.48%⁶⁰. Таким образом, наименее образованной частью обер-офицеров являлись пехотные офицеры.

Большинство штаб-офицеров в пехоте (59.22%) и кавалерии (50.28%) также окончили юнкерские училища. В артиллерии и инженерных войсках это число было гораздо меньше: соответственно 2.52 и 4.2%. В то же время, количество штаб-офицеров, имевших академическое образование, в пехоте было даже больше (11.95%), чем в артиллерии (8.68%). В кавалерии их насчитывалось 12.72%, в инженерных войсках — 15.53%⁶¹.

Второй и главной причиной, вызывавшей в мирное время некоторые трения между армейскими офицерами, называлась «разница в самой службе офицера того или иного рода оружия»⁶². Военная пресса отмечала, что пехотные офицеры несли на себе исключительный по тяжести труд, незнакомый офицерам других родов оружия. Если в кавалерии и артиллерии ставились задачи, где принимались «во внимание лошадь, сбережение её сил и здоровья», то в пехоте — «свободные от каких бы то ни было соображений, кроме тактических». Служба в пехоте по внешним признакам описывалась так: пехотный офицер шёл десятки вёрст «в пропотевшем насквозь кителе и фуражке, с лицом, покрытым пылью.., пехотный офицер... не может своей внешностью импонировать, кому бы то ни было, и в этом первое, резко бросающееся, отличие его от офицеров остальных родов оружия»⁶³.

Находившийся в войну 1904–1905 гг. в русских войсках австрийский военный корреспондент отмечал, что пехотные офицеры выражают недовольство своей службой, жалуются на судьбу и критикуют начальство. В свою очередь, русский публицист подчеркнул наблюдательность австрийца и указал, что «черты, схваченные им, хотя и поверхностны, но характерны»⁶⁴.

⁶⁰ Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 176.

⁶¹ Там же.

⁶² *С-ов С.П.* Указ. соч. С. 178.

⁶³ Там же. С. 179.

⁶⁴ Там же.

Несмотря на происходившее в начале XX в. во всех европейских армиях активное развитие специальных (технических) родов войск, основным из них оставалась пехота. В русской армии она также являлась главным по значению и наибольшим по численности родом войск, обладавшим решающей мощью за счёт пулемётов и магазинного индивидуального оружия. В уставных документах отмечалось: «Главная роль в бою принадлежит пехоте; прочие роды войск должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей»⁶⁵.

Согласно всеподданнейшему отчёту Военного министерства за 1907 г., в «пехоте, главной силе войск», служило 72.07% личного состава всех родов оружия⁶⁶. Именно она, решая основные боевые задачи, несла самые тяжёлые потери в ходе военных действий. Так было и в Русско-японскую, и в Первую мировую войны, когда убыль офицеров в пехоте многократно превышала этот показатель в артиллерии, кавалерии и инженерных войсках. Тем не менее как в обществе, так и среди офицеров других родов оружия служба в пехоте престижной не считалась. Как писал один из русских генералов, «в армии и обществе по традиции принято считать службу и среду артиллерии и инженерных войск выше и чище, нежели в пехоте»⁶⁷.

Иностранные военнослужащие тоже отмечали, что кавалеристы, офицеры артиллерийских и инженерных частей пользовались большим уважением, чем пехотинцы⁶⁸. В особом почёте были военные лётчики (в ноябре 1910 г. была открыта офицерская школа авиации в Севастополе, в ноябре 1911 г. состоялся её первый выпуск)⁶⁹.

Таким образом, признавался современник, «разница в службе, в степени затраты сил при неодинаковом положении в глазах общества, даёт одной стороне право на некоторую гордость, а другой — на чувство, близкое к досаде, зависти и недовольству; отсюда — то, что мы называем антагонизмом»⁷⁰.

Определённое отчуждение существовало также между кавалеристами и представителями технических родов войск. В этой связи генерал М.И. Драгомиров писал: «К несчастью, оно существует в равной мере и между офицерами разных родов оружия: едва ли... например, много кавалерийских офицеров, которые водили бы компанию с... артиллерийскими и сапёрными, — и наоборот»⁷¹. По его мнению, это было вызвано тем, что кавалеристы свысока относились ко всем остальным родам оружия.

В целом считалось, что для офицерской среды был характерен недостаток корпоративного духа. Генерал русской армии Я.В. Червинка (чех по национальности, перешедший на службу в Россию из австро-венгерской армии), проанализировав отношения офицеров в германской и русской армиях, пришёл к выводу, что вопрос «общего корпоративного сближения» являлся «самым характерным различием заграничного и нашего корпусов офицеров». Он указывал, что в среде русского офицерства существовала «сравнительная разрозненность», когда даже офицеров одного полка связывали «только служебные

⁶⁵ Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 года. Киев, 1916. С. 3.

⁶⁶ Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1907 год. С. 3.

⁶⁷ Парский Д. Указ. соч. С. 46.

⁶⁸ Базедов Г., фон. Указ. соч. С. 10.

⁶⁹ Заметки // Разведчик. 1912. № 1121. С. 269.

⁷⁰ С-ов С.П. Указ. соч. С. 179.

⁷¹ Драгомиров М. Одиннадцать лет. 1895—1905 гг. В 2 т. Т. 2. СПб., 1909. С. 405.

обязанности и уставные требования», и оказывались «нередко обособлены духом даже полки одних и тех же бригад, дивизий»⁷².

Аналогичным образом рассуждал генерал-майор А. В. Туркул: «Были офицеры, доблестные и жертвенные, но корпуса офицеров в России не было, был лишь офицерский состав». Ему вторил полковник Д. Хитров, говоривший об «отсутствии корпоративного единства» в этой среде. После Гражданской войны в России представители военной эмиграции констатировали, что «в прежней русской армии, в сущности говоря, не было офицерской корпорации, и каждый офицер жил лишь узкими интересами своей части»⁷³.

Военный писатель полковник А. М. Дмитриевский, рассуждая об отсутствии солидарности среди российского офицерства, отмечал: «Всё более и более говорят вместо “я – русский офицер”: “я – гвардеец”, “я – кавалерист”, “я – артиллерист”, “я – гусар, улан, кирасир”». Получалось, что «офицеры – не строители одной армии... а как будто просто представители разных специальностей, разных даже служб, полков, обязанные солидарностью только со своими однополчанами»⁷⁴.

Однако, анализируя взаимоотношения между различными группами офицеров, нельзя оставить без внимания следующее обстоятельство: негативный оттенок, им присущий, был характерен для мирного времени. В экстремальной обстановке, каковой являлась война, ситуация менялась. Анализ военной прессы тех лет показывает, что если в довоенный период письма и статьи армейских офицеров, обращавших внимание на ненормальность существовавшего положения, публиковались постоянно, то с началом боевых действий как в 1904–1905, так и в 1914–1917 гг. данная проблема не поднималась. Деникин, например, неоднократно выступавший против служебных привилегий гвардии, указывал: «Рознь эта... существовала лишь в мирное время. С началом войны – так было и в японскую, и в Первую мировую – она исчезала совершенно»⁷⁵.

Сами гвардейские офицеры также отмечали данное обстоятельство. «Я не хочу скрывать антагонизма, существовавшего до Первой мировой войны между гвардией и армией... до войны армейцы завидовали гвардейцам и недолюбливали их»⁷⁶, – вспоминал в эмиграции бывший гвардеец, указав, однако, что во время войны положение вещей изменилось. Подобный феномен вполне объясним: общность целей, которых можно было достичь только совместными усилиями, необходимость взаимодействия в бою всех родов войск, от чего в решающей мере зависели как выполнение боевой задачи, так и жизнь самих военнослужащих, отодвигали все второстепенные проблемы. Кроме того, в боевой обстановке продвижение по службе во многом уравнивалось ввиду ускоренного чинопроизводства военного времени, а также возможности продвигаться по служебной лестнице за боевые отличия.

Взаимоотношения в масштабах достаточно многочисленной социально-профессиональной общности вряд ли могли быть только негативными и носить сугубо линейный характер. Представляется, что им было присуще

⁷² Червинка Я. Военная карьера у нас и за границей // Офицерский корпус русской армии... С. 182, 183.

⁷³ Цит. по: Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской эмиграции // Там же. С. 494, 495.

⁷⁴ Дмитриевский А. Идеал офицера // Там же. С. 381.

⁷⁵ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 61.

⁷⁶ Воронович Н. Указ. соч. С. 59.

многообразии, как и всему, что связано с психологией людей. Иными словами, межгрупповые и межличностные отношения характеризовались не только отрицательными, но и положительными явлениями. Так, важной особенностью офицерской среды являлось отсутствие конфликтов и противоречий по национальному признаку. Как вспоминал Деникин, «в русской армии национальные перегородки в офицерской, да и в солдатской среде, стирались совершенно»⁷⁷.

Военно-статистические документы тех лет показывают, что подавляющая часть всех офицеров была представлена русскими (но были ещё поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы, кавказцы и др.). Ведь именно русские составляли большинство населения страны (наряду с великороссами к ним относили белорусов и малороссов). В 1910 г. из 40 898 офицеров русскими были 35 080 человек (85,8%)⁷⁸.

Каких-либо противоречий по религиозному признаку среди командного состава современники не отмечали. Большинство офицеров и генералов были православными (среди генералов – 85,41%, штаб-офицеров – 87,5%, обер-офицеров – 88,43%). Остальные являлись католиками, протестантами, мусульманами, незначительное число офицеров исповедовали другие религии⁷⁹. Принадлежность к той или иной нации или религии никак не влияла на карьеру и службу офицеров. Исключение составляли евреи, исповедовавшие иудаизм: они не могли проходить военную службу в качестве офицеров. Что касается принявших христианство евреев, то в отношении них какие-либо ограничения отсутствовали.

Таким образом, русское офицерство начала XX в. представляло собой сложный социальный конгломерат, включавший несколько различных групп и подгрупп военнослужащих. Неравенство социального статуса и перспектив карьеры вызывало недовольство в среде армейских офицеров, приводило к скрытой напряжённости во взаимоотношениях с офицерами гвардии и Генерального штаба. В основе этих негативных явлений лежал официально установленный порядок прохождения службы.

В этой связи считаю, что социально-профессиональная неоднородность офицерства могла повлиять на его отношение к Великой российской революции 1917 г. Кадровое офицерство, в массе своей настроенное патриотично и консервативно, равно как и часть офицерства военного времени, в феврале 1917 г. сдержанно восприняли перемены в стране и не встали на защиту монархии. Безусловно, причин тому множество, но среди них определённую роль сыграли и рассмотренные в статье обстоятельства. В октябре 1917 г. и развернувшейся впоследствии Гражданской войне на стороне новой власти оказалась значительная часть офицеров, причём этому (наряду с другими факторами) могла способствовать их принадлежность к той или иной социальной группе офицерского корпуса.

В то же время необходимо отметить, что негативный оттенок во взаимоотношениях различных групп кадрового офицерства, существовавший в мирное время, не влиял на боеспособность войск. По мнению ведущих отечественных и зарубежных специалистов, регулярная русская армия образца 1914 г. была подготовлена к ведению войны на уровне требований того времени. На должной высоте находился и её морально-психологический потенциал.

⁷⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 216.

⁷⁸ Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб., 1911. С. 172–173.

⁷⁹ Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 242–243.

Русские морские офицеры в 1917–1921 гг.

Кирилл Назаренко

Russian naval officers in 1917–1921

Kirill Nazarenko

(Saint Petersburg State University, Russia)

Вопрос о политическом выборе офицеров русской армии и флота во время Гражданской войны до сих пор является предметом дискуссии, начавшейся в то время, когда военное противостояние красных и белых ещё продолжалось.

Член Реввоенсовета республики А.И. Окулов, выступая в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), отмечал: «Военные специалисты есть известный слой служивой интеллигенции. Раздел всей судьбы её – в зависимости от колебаний общего политического положения. Если мы обратимся к старой так называемой офицерской касте старого периода, мы увидим, что эта каста никогда не была единой. Она разделялась на гвардейцев, которые презирали армейцев, на казаков, которые презирали какие-нибудь драгунские части, на самых несчастных армейцев, которые завидовали кавалеристам, и так далее. Словом, тот миф, которым помахивают перед нами, что офицерство от рождения является белогвардейской глыбой... не опирается ни на один серьёзный аргумент, не оправдывается нашей собственной практикой»¹.

С начала 1930-х гг. в историографии и публицистике утвердилось представление о почти поголовном переходе «старого» офицерства на сторону белогвардейских формирований. Как справедливо отмечал С.А. Федюкин, «в работах историков Гражданской войны, вышедших ещё десяток лет назад (до середины 50-х гг. – *К.Н.*), трудно встретить даже упоминание о том, что тот или иной советский военный деятель был офицером или генералом царской службы. А если и указывалось, что в Красной армии служили бывшие офицеры старой армии, то характеристика им давалась, как правило, самая отрицательная»².

Вместе с тем с конца 1920-х – начала 1930-х до 1960-х гг. в художественной и мемуарной литературе широко распространился другой образ офицера. Это был благородный человек, делавший ценой больших душевных усилий категорический выбор в пользу революции, резко рвущий со своим классом, в том числе с ближайшими родственниками и друзьями, подвергающийся преследованиям со стороны бывших товарищей, преодолевающий недоверие к себе со стороны большевиков. В качестве примера можно привести образы подполковника Рошина из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, лейтенанта Беринга из «Оптимистической трагедии» В.В. Вишневского, поручика Мышлаевского из «Дней Турбиных» М.А. Булгакова, морского офицера Сейберта из «Салажонка» С.А. Колбасьева. Наконец, и в мемуарах А.А. Игнатъева³ (выдержали

© 2017 г. К.Б. Назаренко

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 15-31-01267.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 157.

² Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 8–9.

³ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2 т. Изд. 1. М., 1941.

не менее 17 изданий в СССР в 1941–1989 гг.) и М.Д. Бонч-Бруевича⁴ (изданы в 1957–1964 гг. не менее четырёх раз) показан путь «старого» офицера в Красную армию.

Таким образом, в литературе параллельно существовали два диаметрально противоположных образа офицерства. Однако в основном принималось за данность, что его большинство (ввиду происхождения и условий жизни) выступило на стороне белых. И лишь единицы «решительно порвали со своим классом» и пошли в Красную армию.

Эта точка зрения переживает парадоксальный «ренессанс» в наши дни. Прежде всего следует назвать работы С.В. Волкова⁵, в которых происходит возврат к жёстким социологическим схемам, характерным для отечественной историографии 1930–1950-х гг., только «вывернутым наизнанку». Автор считает вполне допустимым для оценки политического выбора офицера применять критерий его социального происхождения. Он *apriori* полагает, что кадровый офицерский корпус, «служивший основой российской государственности, после большевистского переворота стал, естественно, ядром сопротивления антинациональной диктатуре»⁶.

В.Е. Звягинцев⁷, А.А. Зданович⁸, А.И. Каменев⁹, Э.А. Ковалёв¹⁰, В. Кузнецов¹¹, Я.Ю. Тинченко¹², Н.С. Черушев¹³ и другие авторы следуют в русле публицистической тенденции, с ориентацией на политические оценки событий, выработанные в эмигрантской историографии. Благодаря большому количеству оставленных моряками-эмигрантами мемуаров и сравнительно малому числу воспоминаний служивших в РККФ бывших офицеров поддерживается впечатление о почти поголовном отказе старого командного состава флота служить большевикам.

В 1970–1980-х гг. в историографии зародился другой подход к проблеме политического выбора офицерства в годы революции и Гражданской войны. Это направление отличается более тщательным изучением источников и отказом от априорных схем.

А.Г. Кавтарадзе¹⁴ по-новому поставил вопрос о политическом выборе кадрового офицерства. Он подробно исследовал проблему привлечения в РККА военных специалистов и пришёл к весьма взвешенным и обоснованным выводам. В частности, сделал принципиально важное заключение

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! Изд. 1. М., 1957.

⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993; Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

⁶ Волков С.В. Трагедия... С. 524.

⁷ Звягинцев В.Е. Трибунал для флагманов. М., 2005.

⁸ Зданович А.А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 15.

⁹ Каменев А.И. Трагедия русского офицерства (уроки истории и современность). М., 1999.

¹⁰ Ковалёв Э.А. Короли подплава в море червонных валетов: Хроника начального периода советского подводного плавания. 1918–1941 гг. М., 2006.

¹¹ Кузнецов В. Они предали Россию // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор: Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С. 5–58.

¹² Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 годы. М., 2000.

¹³ Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003; Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...». М., 2004.

¹⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

о том, что в ходе Гражданской войны в рядах РККА оказалось большинство офицеров Генерального штаба. Вместе с тем нельзя не отметить, что Кавтарадзе (как и другие авторы, писавшие на эту тему) не проводит важнейшее, на мой взгляд, разграничение между кадровыми офицерами, с одной стороны, и офицерами запаса и военного времени — с другой. Попытка изучения проблемы политического выбора всей массы офицества без его дифференциации неизбежно обречена на неудачу. Характерно, что Кавтарадзе фактически ведёт речь только об офицерах Генерального штаба, т.е. о группе, целиком состоявшей из кадровых офицеров. Это обстоятельство существенно сближает офицеров Генерального штаба с офицерами флота, где в годы Первой мировой войны сохранилось кадровое ядро в неизмеримо большей степени, чем в сухопутной армии, хотя не следует игнорировать того факта, что к концу 1917 г. на флоте было до 40% офицеров запаса и военного времени.

В начале 2000-х гг. относительно политического выбора офицеров Генерального штаба развернулась дискуссия, в которой в основном участвовали В.В. Каминский и А.В. Ганин. Первый из них вывел на новый уровень доказательности идею Кавтарадзе о том, что большинство генштабистов «старой» армии оказались в рядах РККА. Он справедливо, на мой взгляд, указывает, что при выборе одной из сторон, противоборствовавших в Гражданской войне, эти офицеры руководствовались «социально-бытовой мотивацией» и желанием занять более высокий пост¹⁵ (что вполне согласуется с моими наблюдениями относительно кадровых офицеров вообще). Ганин же, напротив, полагает, что вышеназванное большинство в разгар гражданского противостояния всё же оказалось в белых армиях, а основным мотивом поступления генштабистов на советскую службу в 1918 г. стало их желание «продолжать войну» с Германией и Австро-Венгрией¹⁶.

На мой взгляд, Каминский ближе к истине, чем Ганин. Какими бы соображениями не руководствовался офицер в данной ситуации, политический выбор его всегда проявлялся в конкретных действиях. Факт поступления офицера на службу в Красную армию (флот) или белые формирования перевешивает любые рассуждения о мотивах такого поступка. Безусловно, констатацией этого факта исследователь ограничиться не может и обязан проследить дальнейшую деятельность данного офицера. Следует помнить, что невозможно сделать политический выбор «задним числом». Если уж офицер во время Гражданской войны воевал на той или иной стороне, никакие последующие изменения его позиции не смогут отменить этого факта. Говоря о выборе офицера *во время* войны, нужно принимать в расчёт не его позднейшие признания, а только действия в период перехода на другую сторону конфликта.

Возможность предварительного анализа политического выбора морских офицеров даёт справка «Сведения о бывших офицерах», подготовленная в марте 1921 г. (см. табл. 1) в рамках работы по чистке личного состава флота после

¹⁵ См., например: Каминский В.В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах: Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51; Каминский В.В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Там же. 2003. № 11. С. 115–126; Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011; и др.

¹⁶ Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; и др.

Численность бывших офицеров в РККФ в марте 1921 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Мичманы военного времени	Прапорщики	Всего
Строевые	128	649*	1 628**	968		3 245***
Инженер-механики		953		194		1 147***
Корпус морской артиллерии	44					
Корпус гидрографов	112					
Корпус флотских штурманов	3					
Корпус корабельных инженеров	171					
По Адмиралтейству	1 224					
Итого					485****	5 946

Составлено по: РГА ВМФ, оп. 5, д. 4, л. 106.

* Бывших капитанов 1 ранга – 261 человек, 2 ранга – 388 человек.

** Бывших старших лейтенантов – 389 человек, бывших лейтенантов – 338, бывших мичманов – 901 человек.

*** Не считая бывших адмиралов и генералов.

**** Все бывшие прапорщики, независимо от специальности, показаны вместе.

Кронштадтского мятежа¹⁷. В этом документе указано количество бывших офицеров, находившихся на службе в РККФ, с разбивкой по категориям и чинам.

Данные сведения необходимо сопоставить с информацией, содержащейся в «Отчёте по Главному управлению личного состава» от 17 января 1918 г.¹⁸ и в двух справочных изданиях («Списке личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.»¹⁹ и «Списке старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства» за 1917 г.²⁰). В первом издании имеются сведения о службе всех офицеров морского ведомства на 10 апреля 1916 г., во втором – об их чинах на 18 августа 1917 г. (внесённые сюда последние изменения относятся к 25 октября), а в «Отчёте...» – о численности этих офицеров на 1 января 1918 г., с разбивкой по чинам и специальностям (см. табл. 2–4).

¹⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ), ф. р-5, оп. 5, д. 4, л. 106.

¹⁸ Там же, оп. 1, д. 82, л. 22–29 об.

¹⁹ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.: Исправлено по 10 апреля 1916 г. Пг., 1916.

²⁰ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917.

Эти источники можно признать максимально достоверными. Именно в опубликованных списках личного состава или списках старшинства (играло важную роль в чинопроизводстве и служебных отношениях) офицеры могли узнать о собственном старшинстве относительно их сослуживцев. Ни в коем случае нельзя считать, что в справках 1918 и 1921 гг., где во множестве групп по чинам и специальностям представлены офицеры флота, сфальсифицирована их численность. По крайней мере, у составителей справки 1921 г. не было ни малейшего расчёта завышать численность бывших офицеров в составе РККФ.

Таблица 2

Состав офицерского корпуса морского ведомства на 10 апреля 1916 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
Строевые	73 / 77	561	1796	2507
Инженер-механики	– / 27	226	442	695
Корпус морской артиллерии	– / 13	15	9	37
Корпус гидрографов	– / 15	46	59	120
Корпус флотских штурманов	– / 2	2	–	4
Корпус корабельных инженеров	– / 11	41	109	161
По Адмиралтейству	– / 7	106	539	652
Морская строительная часть	– / 6	20	1	27
Военно-морское судное ведомство	– / 15	17	5	37
Гарнизон морской крепости императора Петра Великого	– / 2	12	64	78
Итого	248	1 046	3 024	4 934*

Составлено по: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. ...

* В том числе 616 прапорщиков по морской или механической части.

Таблица 3

Состав офицерства морского ведомства на 18 августа 1917 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры (кадровые)	Всего
Строевые	70 / 52	641	2 117	2 880
Инженер-механики	– / 33	268	648	949
Корпус морской артиллерии	– / 14	21	9	44
Корпус гидрографов	– / 13	52	46	111
Корпус флотских штурманов	– / 1	2	–	3
Корпус корабельных инженеров	– / 10	46	115	171
По Адмиралтейству	– / 8	116	966	1 090
Итого	201	1 146	3 901	5 248

Составлено по: Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства.

Состав офицерства морского ведомства на 1 января 1918 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Мичманы военного времени	Прапорщики	Зауряд-прапорщики	Всего
Строевые	54 / 44	603	2070	511	447	242	3971
Инженер-механики	— / 32	265	645	204	181	69	1396
Корпус морской артиллерии	— / 14	22	9	—	—	—	45
Корпус гидрографов	— / 11	49	46	—	—	—	106
Корпус флотских штурманов	— / 1	2	—	—	—	—	3
Корпус корабельных инженеров	— / 11	45	114	—	—	—	170
По Адмиралтейству	— / 7	205	1059	—	288	—	1559
Морская строительная часть	— / 4	19	1	—	—	—	24
Военно-морское судное ведомство	— / 8	18	10	—	—	—	36
Гарнизон морской крепости императора Петра Великого	— / 3	32	111	430 (берегового состава)	—	—	576
По авиационной части	—	—	—	94	30	—	124
По своей специальности	—	—	—	—	461	—	461
Итого	189	1260	4065	1239	1407	311	8471

Составлено по: РГА ВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 82, л. 22–29 об.

При анализе данных следует иметь в виду, что корпуса морской артиллерии и флотских штурманов перестали пополнять ещё в 1885 г. Однако в 1914 г. было принято решение о возрождении корпуса морской артиллерии, поэтому численность его состава несколько возросла. Но сюда, как и в корпуса корабельных инженеров, гидрографов, морскую строительную часть и военно-морское судное ведомство, во время Первой мировой войны не зачисляли офицеров военного времени. Поэтому их не так много. Например, в морской строительной части основную долю руководящего состава составляли инженеры в гражданских чинах. В гарнизоне морской крепости императора Петра Великого (Ревель) служили, как правило, сухопутные офицеры, а мичманы военного времени берегового состава имели чисто сухопутную подготовку и относились к числу офицеров морского ведомства лишь формально. Штаб- и обер-офицеры по авиационной части числились среди строевых или инженер-механиков до осени 1917 г. По этой причине в справке выделены только мичманы военного времени и прапорщики по авиационной части.

Система чинопроизводства на флоте отличалась рядом особенностей, связанных с неполноправием офицеров запаса и военного времени (прапорщиков). Весной—летом 1917 г. эта система была несколько изменена и стала весьма запутанной, поскольку наряду с прапорщиками появились мичманы военного времени. Чин зауряд-прапорщика считался временным (до окончания войны). Поэтому лица, имевшие его, не включались в публиковавшиеся списки

личного состава²¹. Запутанность служебных статусов зауряд-прапорщиков, прапорщиков и мичманов военного времени приводили к тому, что уже на службе в РККФ бывшие офицеры могли по-разному указывать свой последний чин в «старом» флоте.

Итак, в 1917 г. различные военно-учебные заведения подготовили сотни молодых офицеров в чинах мичмана (с правами кадрового офицера), мичмана военного времени или прапорщика по различным специальностям. Это стало следствием больших усилий по развитию сети военно-морских учебных заведений в течение 1913–1916 гг. Также с мая 1917 г. широко практиковалось производство кондукторов и унтер-офицеров флота в прапорщики и подпоручики по Адмиралтейству. Морской офицерский корпус в 1917 г. увеличился без малого в два раза, что в значительной степени размыло его былую монолитность. Ранее большинство морских офицеров были питомцами лишь Морского кадетского корпуса и Морского инженерного училища. Следует обратить внимание на то, что «Список старшинства...» за 1917 г. не охватывает офицеров военного времени.

После Февраля 1917 г. произошло значительное сокращение численности генералов флота (на 32%). Кроме того, в июле 1917 г. в генерал-майоры флота были произведены 14 человек. Число адмиралов осталось, казалось бы, почти неизменным (73 человека – в апреле 1916 г., 70 – в августе 1917 г.), но в действительности произошло существенное изменение состава адмиралов. Одновременно были произведены в контр-адмиралы 32 человека, тогда как с августа 1914 г. по май 1917 г. – всего восемь человек. Соответствующее число адмиралов были тогда уволены в отставку.

Таким образом, между Февралём и Октябрём 1917 г. состав адмиралов и генералов флота обновился наполовину, в гораздо меньшей степени – генералитет корпуса инженер-механиков. Между апрелем и августом 1917 г. состав последнего увеличился на девять человек, и лишь троих уволили²². Такое положение дел стало следствием того, что строевые адмиралы и генералы флота занимали гораздо более значимые руководящие должности в морском ведомстве, а значит, оказались сильнее втянутыми в политическую борьбу.

В августе 1917 – начале 1918 г. произошло заметное сокращение численности адмиралов и генералов по флоту (на 20%), а также строевых штаб-офицеров (на 6%), что было связано с увольнением и выходом в отставку ряда представителей этих категорий – участников политической борьбы в первые месяцы после Октября. В то же время резко выросло число штаб-офицеров по Адмиралтейству (на 76%). Причины этого явления пока не ясны. Возможно, они связаны с переводом части строевых штаб-офицеров в корпус офицеров по Адмиралтейству. Прочие категории офицеров морского ведомства в целом сохранили свой состав.

Следует учитывать, что в апреле 1916 г. числились 177 адмиралов и генералов флота и корпуса инженер-механиков, в августе 1917 г. – 155, к началу

²¹ Подробнее см.: *Назаренко К.Б.* Трансформация служебного положения офицеров русского флота в 1917 г. // Россия в эпоху революций и реформ: Проблемы истории и историографии. Межвузовская научная конференция: Сборник докладов. 27 ноября 2015 г. СПб., 2016. С. 179–187; *Назаренко К.Б.* Падение барьеров на пути к офицерскому чину: Офицерский корпус русского флота накануне и в годы Первой мировой войны // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета 2015. № 25. С. 71–86.

²² Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. С. 3–4, 7–8, 87.

1918 г. — 130, а в марте 1921 г. в РККФ служили 128 бывших адмиралов и генералов этих корпусов. Фактически в России адмиралов и генералов флота и инженер-механиков было больше, чем указано в таблицах, поскольку часть их уволили в отставку после Февраля 1917 г., а на их место были произведены новые. С учётом погибших и умерших, число адмиралов и генералов флота и инженер-механиков достигало 220 человек. Тем не менее больше половины из них к концу Гражданской войны служили в Красном флоте.

Правда, не исключено, что 128 человек — это все бывшие генералы и адмиралы, служившие в РККФ, в том числе гидрографы, артиллеристы и проч. (т.е. свыше $\frac{1}{3}$ бывших адмиралов и генералов морского ведомства). Я считаю такую интерпретацию менее вероятной, иначе на Красном флоте в марте 1921 г. должно было оказаться свыше 100% офицеров и генералов корпусов морского ведомства (гидрографов, артиллеристов, кораблестроителей и др.).

К марту 1921 г. в РККФ числились 3 230 бывших кадровых штаб- и обер-офицеров строевых и инженер-механиков, тогда как в августе 1917 г. их было 3 674, к началу 1918 г. — 3 583 человека. Даже если принять во внимание, что фактическая численность этих офицеров оставалась несколько выше (по тем же причинам, что и количество адмиралов и генералов), а часть бывших офицеров военного времени могла в 1921 г. скрыть это обстоятельство и оказаться учтёнными как кадровые, всё равно служба в РККФ большинства (не менее $\frac{3}{4}$) бывших кадровых штаб- и обер-офицеров «старого» флота остаётся фактом. Что же касается бывших офицеров корпусов морской артиллерии, гидрографов, флотских штурманов, корабельных инженеров, то к марту 1921 г. они почти все оказались на службе в Красном флоте.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в тот период в РККФ числились 953 бывших кадровых штаб- и обер-офицера инженер-механика и 968 бывших строевых мичманов военного времени, тогда как на 1 января 1918 г. их было соответственно 910 и 511 человек. На первый взгляд, это явное противоречие. Полагаю, что оно объясняется следующим: далеко не все мичманы военного времени точно указывали свой бывший статус на службе в Красном флоте — быть кадровым офицером считалось престижнее, чем офицером военного времени. С другой стороны, часть прапорщиков по механической части и недоучившихся гардемарин могли «производить» себя задним числом в мичманы, тоже повышая свой статус. Это приводило к смешению категорий при учёте.

Вот лишь один пример. Герой рассказа Л.С. Соболева «Перстни» — недоучившийся гардемарин — на службе в РККФ называет себя бывшим мичманом. Автор так описывает мотивацию этого человека. Летом 1919 г. «он стал младшим штурманом линкора, впервые попав на настоящий корабль. И здесь, подавая командиру рапорт о приёме штурманского имущества, он с гордостью подписал: “б. мичман Ю. Шалавин”, видя в этой явной лжи необходимый пароль и пропуск в тесный круг “благородного общества офицеров”, как именовалась в морском уставе кают-компания»²³. Не следует считать это анекдотом. В годы Гражданской войны в Красном флоте бывший офицерский чин рассматривался как мерило профессиональной пригодности, при этом кадровые офицеры однозначно котировались выше офицеров военного времени или гардемарин. Об этом свидетельствует, например, переписка Н.И. Подвойского

²³ Соболев Л.С. Морская душа. Зелёный луч. Л., 1972. С. 43.

(тогда наркомвоен Украины) с Морским генеральным штабом РСФСР о назначении командующего и других руководителей флота советской Украины (апрель 1919 г.)²⁴.

Хотя вопрос о том, почему большинство кадровых офицеров «старого» флота в годы Гражданской войны оказались на стороне советской власти, уже затрагивался²⁵, тем не менее требуется более тщательное его рассмотрение. Не следует забывать, что иногда анализ численности тех или иных категорий может ввести в заблуждение. Пример – приведённые выше данные относительно адмиралов и генералов флота и корпуса инженер-механиков. В действительности значительно изменился состав данных категорий, но не число оставшихся на службе лиц.

Важно тщательно проследить судьбу флотских офицеров военного времени. Сделать это очень сложно, поскольку они были не так тесно связаны с флотом, как кадровые офицеры, и считались менее ценными специалистами. Кроме того, их служебный путь был короче, поэтому им уделялось меньше внимания, и перипетии их службы слабее отражены в делопроизводственных и отчётных документах.

Нужно помнить и о том, что справка о численности бывших офицеров в РККФ (несомненно, некоторые из них уже успели послужить в белых формированиях) отражает ситуацию, сложившуюся к концу Гражданской войны. Однако вывод о том, что к марту 1921 г. в составе РККФ находилась основная масса бывших офицеров русского флота, необходимо конкретизировать. При этом требуется создать, а затем и проанализировать биографическую базу данных офицеров морского ведомства.

²⁴ РГА ВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 184, л. 814–816.

²⁵ См., например: *Назаренко К.Б.* Флот, революция, власть в России (1917–1921 гг.). М., 2010.

Советский атомный проект: слагаемые успеха

Евгений Артёмов

Soviet nuclear project: factors of success

*Evgenii Artemov (Institute of History and Archeology,
Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)*

28 сентября 2017 г. исполнилось 75 лет со дня выхода постановления Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану»¹, положившего начало атомному проекту – одному из самых амбициозных в истории СССР. В общественном сознании он ассоциируется с выдающимися прорывами в науке, технике, производстве. Не случайно связанные с ним события вызывают повышенное внимание. Но они интересны не только сами по себе. Сегодня много говорят о неэффективности и нежизнеспособности «социалистической системы хозяйствования»: вопрос всегда «стоял лишь о том, когда и как она рухнет». Признание отдельных успехов не меняет общей негативной оценки. В послевоенный период их в основном связывают с наращиванием возможностей военно-промышленного комплекса за счёт «обескровливания» гражданских отраслей экономики и потребительского сектора. А высокий уровень производства оборонных отраслей промышленности объясняют активным копированием зарубежных технологий, импортом высокопроизводительного оборудования, поставляемого в обмен на природные ресурсы и традиционные товары².

Действительно, такая практика имела место. Особенно широко она использовалась на начальной стадии индустриализации. Но для создания наукоёмких производств всего этого ещё недостаточно. Требовались иные подходы – и они были найдены, благодаря чему СССР на протяжении десятилетий мог наращивать и поддерживать на высоком уровне качество своего арсенала. Конечно, возникают вопросы: за счёт чего военно-промышленному комплексу удавалось добиться такого результата и почему наработанные подходы не были использованы в других отраслях экономики?

Всё это объясняет выбор темы настоящей статьи: она посвящена реконструкции факторов, обеспечивших успешную реализацию советского

© 2017 г. Е.Т. Артёмов

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00102/17-ОГОН.

¹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 1. М.; Саров, 1998. С. 269–271.

² См.: *Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 36; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2007. С. 19; *Роузфилд С.* Экономика военно-промышленного комплекса // Экономика России: Оксфордский сборник. Кн. 2. М., 2015. С. 798–801; и др.

атомного проекта. Его завершение относят к концу 1950-х гг.³, однако основное внимание будет уделено периоду с 1945 по 1953 г. С одной стороны, именно тогда были созданы научно-технические, материальные и организационные предпосылки для производства ядерного оружия, а с другой — это время можно назвать «золотым веком командной экономики», когда её возможности проявились во всей полноте. Таким образом, обращение к указанному периоду позволяет лучше понять, за счёт чего командная экономика в её классическом, «сталинском» варианте добивалась успеха и какие ограничения она имела.

Нацеленность на результат

Советский атомный проект носил ярко выраженный прикладной характер. Его «генеральная» цель заключалась в создании ядерного оружия и оснащении им вооруженных сил — что оправдывало все возможные издержки. Отсюда — безусловный приоритет проекта в ресурсном обеспечении. Не случайно даже в официальных документах его именовали «задачей № 1». Пожалуй, впервые в советской практике достижение намеченной цели связывали с опережающим развитием науки и техники. Это оказало решающее влияние на организацию работы. Её стратегия была выстроена в соответствии с программно-целевым подходом, или принципами проектного управления. Правда, единого документа, в котором бы формулировались цели и задачи проекта, определялись этапы и сроки их выполнения, фиксировались расчёты потребных ресурсов и т.д., не существовало. Но отсутствие официально утверждённых расчётов не отменяло главного: ориентация на конечный результат прослеживалась даже в решениях, принимаемых ситуативно.

Разумеется, в процессе реализации задач проекта приоритеты менялись. Сначала все усилия были направлены на освоение ядерных технологий, на определение путей и способов организации работы. Важную роль здесь играла информация, поступающая по линии разведки, хотя идею опоры на зарубежный опыт разделяли не все. Наиболее последовательным противником был академик П.Л. Капица, по мнению которого, в этом случае задача «догнать» ушедших вперёд конкурентов не имела решения. Однако его мнение не нашло поддержки у административного и научного руководства — Л.П. Берии, Б.Л. Ванникова, И.В. Курчатова и др. Они считали, что поиски «собственного пути» увеличивают риск неудачи и относят достижение конечной цели в неопределённое будущее. С этим мнением согласился и И.В. Сталин. Так, освоение зарубежной информации и ориентация на технические и конструкционные параметры уже испытанных Соединёнными Штатами «изделий» были признаны необходимым условием скорейшего создания атомной бомбы⁴. Разумеется, речь не шла о простом воспроизводстве зарубежных разработок — их копирование рассматривалось как отправной шаг в совершенствовании «заимствованных» технологий. Таким образом рассчитывали перейти

³ См.: Мельникова Н.В., Бедель А.Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: Ежегодник. 2014/2015 гг. М., 2016. С. 492–513; Мельникова Н.В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: Сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 1. С. 85–109.

⁴ См.: Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта // Экономическая история: Ежегодник. 2014/2015 гг. С. 476, 477.

от «догоняющей», «имитационной» модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели «инновационной».

Решение принципиального вопроса позволило приступить к созданию сырьевой базы проекта, налаживанию производства «ядерной взрывчатки» (плутония и урана-235), конструированию атомной бомбы и её испытанию. Одновременно шло наращивание материально-технической базы научных учреждений, началась масштабная подготовка специалистов. Всё необходимое для формирующейся атомной отрасли стремились производить на отечественных предприятиях, не считаясь с затратами. За рубежом приобретали только те приборы, оборудование и специальные материалы, производство которых находилось на стадии освоения. Начало этого этапа можно отнести к выходу в августе 1945 г. постановления Государственного комитета обороны «О специальном комитете при ГОКО»⁵, а завершение – к подрыву на Семипалатинском полигоне в августе 1949 г. опытного ядерного боеприпаса.

После этого основные усилия были сосредоточены на развёртывании серийного производства «изделий». Для этого потребовалось многократно увеличить добычу ураносодержащего сырья и выпуск делящихся материалов – плутония и урана-235. Одновременно перешли к разработке ядерного оружия, на сей раз с опорой на собственные научные идеи и конструкторские решения. В одних случаях речь шла о глубокой модернизации «заимствований», в других – об обосновании и реализации оригинальных подходов. В результате удалось разработать и «запустить в серию» атомные бомбы, заметно превосходившие по своим характеристикам первые американские образцы и их советский аналог. Тогда же началось проектирование новых видов «изделий». Они предназначались для морских торпед, крылатых и баллистических ракет, ствольной артиллерии. Эти носители по сравнению с авиационной техникой обладали иными тактическими характеристиками, вследствие чего размещаемые в них боезаряды должны были отвечать более жёстким требованиям по массе, габаритам, ударостойкости, безопасности. К 1953 г. советский ядерно-оружейный комплекс вышел на самостоятельную траекторию развития⁶.

Ярким свидетельством его растущих возможностей стала самостоятельная разработка принципиально нового класса оружия – «сверхбомбы» с термоядерным зарядом. В отличие от создания атомной бомбы это была не столько инженерно-техническая, сколько научная проблема. Её решение требовало определённой корректировки развития ядерно-оружейного комплекса: привлечения дополнительных научных сил, укрепления конструкторской базы, организации выпуска «термоядерной взрывчатки» (трития и дейтерида лития) и т.д. Сложность задачи усугублялась перестройкой системы руководства атомным проектом после смерти Сталина. Тем не менее, несмотря на все трудности, удалось добиться успеха. В августе 1953 г. прошло испытание «сахаровской слойки», в которой была инициирована термоядерная реакция, а в ноябре 1955 г. – первого «настоящего», двухстадийного термоядерного заряда. Это создало предпосылки для конструирования боеприпасов неограниченной мощности для различных видов носителей. Их «запустили в серию» уже к концу 1950-х гг. Тогда же завершилось формирование военной составляющей ядерно-оружейного комплекса, отвечавшей за испытания и приёмку готовых

⁵ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. Саров, 1999. С. 11–14.

⁶ См.: Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Военные приготовления и научно-технический прогресс: случай советского атомного проекта // Экономическая история. 2015. № 1(28). С. 50, 51.

«изделий», их хранение и подготовку к боевому применению в случае решения политического руководства⁷.

В режиме «ручного» управления

Результата удалось достичь благодаря специальной «настройке» институтов командной экономики. На самом вершине управленческой «вертикали», созданной для руководства атомным проектом, находился Специальный комитет при Совете министров СССР – директивный орган, отвечавший за реализацию проекта во всех деталях и подчинявшийся только председателю правительства. Никакие партийно-государственные инстанции не имели права вмешиваться в его дела, Спецкомитет же (в рамках своей компетенции) мог давать поручения любым органам управления. Введение такого порядка означало существенное перераспределение полномочий во всей структуре властных отношений – и неудивительно, что это порождало недовольство «ущемлённых». Пока сохранялась жёсткая централизация, его удавалось блокировать волевым способом. Ситуация изменилась после смерти Сталина. Спецкомитет ликвидировали 26 июня 1953 г., в день ареста его председателя Л.П. Берии. Оперативное руководство атомным проектом возложили на вновь организованное Министерство среднего машиностроения, подотчётное Президиуму ЦК КПСС и Совету министров СССР⁸. Однако такой дуализм сохранялся недолго: после смещения в 1955 г. с поста главы Совмина Г.М. Маленкова верховенство в проекте окончательно перешло к партийной ветви власти. В дальнейшем каких-либо директивных органов, сопоставимых по своим полномочиям со Спецкомитетом, не создавалось.

На заседаниях Спецкомитета рассматривались самые разнообразные вопросы – от утверждения сводных плановых заданий до оказания адресной помощи конкретным предприятиям и организациям. Много внимания уделялось строительству объектов, материально-техническому, финансовому и кадровому обеспечению работ, привлечению «смежников», соблюдению должного уровня секретности и безопасности. Периодически обсуждались научно-технические проблемы создания и налаживания серийного производства оружия и т.д. Принимаемые решения оформлялись в виде постановлений и распоряжений Совета министров СССР. За редким исключением их утверждал Сталин, ставя свой автограф на сопроводительных документах. Часто это интерпретируют как его «повседневное», «личное» руководство атомным проектом, что является преувеличением. Только с сентября 1945 г. по август 1949 г. Совмин принял свыше 1 тыс. постановлений по вопросам его реализации⁹. Конечно, детально вникать в суть каждого из них руководитель государства был просто не в состоянии.

Кстати, подобная практика не ограничивалась атомным проектом. Правительство выпускало иногда до сотни постановлений в неделю. «Читать ему (Сталину. — *Е.А.*) все эти бумаги... было бессмысленно. Потому что он... стал бы бюрократом», — вспоминал В.М. Молотов. По его словам, всё держалось «на

⁷ См.: *Бирюков Н.С.* Рождённые атомной эрой. 12-е Главное управление Министерства обороны Российской Федерации: Опыт создания и развития. М., 2002. С. 108–113.

⁸ См.: *Атомный проект СССР...* Т. 2. Кн. 5. М.; Саров, 2005. С. 558–561.

⁹ См.: *Гончаров Г.А., Рябев Л.Д.* О создании первой отечественной атомной бомбы // *Успехи физических наук.* Т. 171. 2001. № 1. С. 97.

доверии к... замам, а то и наркомам, членам ЦК»¹⁰. Несомненно, что в оперативных вопросах «атома» Сталин всецело полагался на Берия. Но при утверждении стратегических решений последнее слово оставалось за «вождём».

Как правило, это происходило в ходе личных докладов Берии. На материалах, подготовленных к таким встречам, ставился гриф «особой секретности (важности)» и помечалось: «Только товарищу Сталину». По итогам встреч на представленных документах в секретариате Спецкомитета делалась запись: «Докладывалось т. Берия Л.П. тов. Сталину лично. Возвращено с указанием доложено». Если согласовывались какие-то практические шаги, то Берия на документах собственноручно фиксировал: «Товарищ Сталин И.В. согласен. Подготовить проект решения»¹¹. Таким образом, общую картину хода и содержания работ представляли только они, а также ближайшие соратники Берии по атомному проекту — Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин, И.В. Курчатов, В.А. Махнёв, М.Г. Первухин. Это фактически лишало других руководителей партии и правительства даже права совещательного голоса. Определённое исключение составляли лишь Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский и Г.М. Маленков, в разное время входившие в состав Спецкомитета, но и они были не в курсе многих деталей.

Решения комитета готовили его «штабные» структуры и исполнительные органы — Технический (Научно-технический) совет и секретариат, Первое управление Госплана СССР (Управление по планированию и контролю специальных работ Спецкомитета), Учёный совет при президенте АН СССР, Первое (ПГУ) и Второе (ВГУ) главные управления при Совмине СССР. В части, касавшейся привлечения «смежников», их предложения согласовывались с заинтересованными руководителями министерств и ведомств. Как правило, последние подстраивались под нужды проекта, но если считали, что выполнение дополнительных заданий приведет к срыву отраслевых планов, то могли выступить против. Тогда в подготовленных предложениях появлялись такие фразы: «По проекту Постановления имеются возражения со стороны ряда министерств», однако «ввиду особой важности... и безусловной необходимости... просим утвердить представленный проект Постановления... независимо от имеющихся возражений»¹². В большинстве случаев этим всё и заканчивалось. Но если речь шла о масштабных изменениях производственных программ «смежников», то вопрос выносился на заседание Спецкомитета. По свидетельству руководителя «атомного шпионажа» П.А. Судоплатова, поиски компромисса шли в ходе очень жёстких обсуждений. В этих спорах в качестве арбитра выступал Берия, который добивался «безусловного неукоснительного выполнения всех директив партии и правительства» по созданию ядерного оружия¹³.

В том случае, когда дело касалось перераспределения ресурсов в пользу атомного проекта, мнения «ущемлённых» министерств и ведомств могли вообще не запрашивать. Характерный пример — подготовка постановления Совмина о создании очередного завода по производству металлического урана. ПГУ предложило разместить его на площадке строящегося автомобильного завода

¹⁰ Цит. по: *Чуев Ф.И.* Молотов: полудержавный властелин. М., 2000. С. 315, 316.

¹¹ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 3. М.; Саров, 2002. С. 623; Т. 2. Кн. 5. С. 665–668; и др.

¹² Там же. Т. 2. Кн. 3. С. 683, 684 и др.

¹³ См.: *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2005. С. 327–329.

в Новосибирске, рассчитывая существенно сократить сроки ввода в строй. В сентябре 1948 г. обсуждение вопроса вынесли на заседание Спецкомитета. К тому времени Министерство автомобильной и тракторной промышленности СССР уже затратило на возведение предприятия 60 млн руб., но его руководство даже не проинформировали о готовящемся «изъятии» стройки. Спецкомитет согласился с предложением ПГУ. В итоге в постановлении Совмина говорилось: «Обязать Министерство... передать в месячный срок Первому главному управлению при Совете министров СССР площадку строительства автозавода в г. Новосибирске со всеми зданиями и вспомогательными сооружениями». С учётом дефицита электроэнергии в Западной Сибири и большой энергоёмкости производства металлического урана документ содержал ещё одно важное предписание: «Обязать Госснаб СССР (т. Кагановича) и Министерство электростанций (т. Жимерина) обеспечить завод № 250... электроэнергией в потребном количестве». Все эти решения были исполнены точно в срок и в полном объёме¹⁴.

Специфическую роль в организации работ играло сводное планирование: оно подстраивалось под реально складывающуюся ситуацию и в основном выполняло информационные функции. В квартальных и годовых производственных планах фиксировались «контрольные цифры» по выпуску основной и «смежной» продукции в ценовом и материальном выражении, а также необходимые для их достижения ресурсы. Наиболее детально разрабатывалась инвестиционная программа, включавшая общий объём затрат на капитальное строительство и их распределение по объектам. Параллельно составлялись планы научно-исследовательских, проектных и конструкторских работ, имевших критически важное значение для выполнения производственной программы. Подготовленные штабными и исполнительными органами атомного проекта «контрольные цифры» утверждались Спецкомитетом и «отдельной строкой» доводились («в части, их касающейся») до сведения Госплана, Минфина, Госснаба и привлечённых к работе министерств и ведомств. Установленные задания подлежали безусловному исполнению «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства»¹⁵. Сам же Спецкомитет систематически «корректировал» утверждённые показатели в связи «со вновь открывшимися обстоятельствами» и ожидаемыми результатами. Иначе говоря, руководство проектом осуществлялось не в плановом порядке, а в «ручном» режиме¹⁶.

После испытания первой атомной бомбы было решено расширить горизонт планирования. В октябре 1949 г. Совмин СССР по представлению Спецкомитета принял постановление «О развитии атомной промышленности в 1950—1954 гг.»¹⁷. Его целевая установка заключалась в производстве максимально возможного количества ядерных зарядов: «153 готовых изделий». Далее устанавливались объёмы производства «промежуточной продукции»: добычи и обогащения урановой руды, выплавки металлического урана, выпуска делящихся материалов. Затем определялся объём капитальных вложений, необходимых для выхода на запланированный уровень производства. При этом

¹⁴ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 311; Т. 2. Кн. 4. М.; Саров, 2003. С. 162–163.

¹⁵ Там же. Т. 2. Кн. 2. Саров, 2000. С. 207, 208.

¹⁶ См.: *Артёмов Е.Т.* Советский атомный проект в системе «командной экономики» // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 55. 2014. № 3–4. P. 268.

¹⁷ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 4. С. 340–353.

какой-либо увязки с пятилетним общегосударственным планом не делалось. Отсутствовали и задания «смежникам» на поставку материалов, приборов, оборудования, комплектующих. По умолчанию предполагалось, что атомная промышленность должна получать всё «по потребности», независимо от общего состояния дел в экономике и возможностей других отраслей. Объём финансирования текущей деятельности даже не рассчитывался. Капиталовложения в развитие научно-производственной базы атомной отрасли на плановый период сначала установили в размере 20 млрд руб., а через год увеличили до 27 млрд. Фактические же затраты оказались и того больше¹⁸. Но главная задача «атомной пятилетки» была решена: в 1954 г., по имеющимся данным, Советский Союз уже обладал 150 ядерными боезарядами¹⁹.

Принятый порядок планирования и организации работы ставил атомный проект в исключительное положение: для выполнения его заданий можно было мобилизовать столько ресурсов, сколько его руководство считало необходимым. Но сказанное отнюдь не означает, что результата стремились добиться любой ценой. Важный ограничитель запросов был встроен в саму структуру управления проектом: в его высший руководящий орган – Спецкомитет – входили люди, отвечавшие за общее состояние дел в стране. Те же Берия, Вознесенский, Маленков как государственные деятели просто вынуждены были учитывать нужды и возможности экономики. Отсюда их взвешенный подход при принятии затратных решений, нередко противоречивший требованиям исполнительных органов и штабных структур атомного проекта. Ярким свидетельством тому является обвинение заместителя министра среднего машиностроения А.П. Завенягина в адрес Берии, прозвучавшее на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. Он инкриминировал ему неразумную экономию средств, утверждая: «Когда мы (ПГУ. – Е.А.) ставили вопрос о новом строительстве, Берия нам говорил: “К чёрту, вы тратите много денег, укладываетесь в пятилетку”. Мы не могли с этим мириться»²⁰.

Так на практике происходило согласование запросов управленческих структур атомного проекта с установленными им заданиями. Только Спецкомитет мог ограничить требования ядерно-оружейного лобби, не поступаясь амбициозными планами. Задача оказалась непростой, тем не менее её решение было найдено. Оно заключалось, с одной стороны, в насаждении жёсткой исполнительской дисциплины, а с другой – в создании конкурентной среды, побуждавшей добиваться наилучших результатов.

Административный нажим и конкуренция исполнителей

Решения Спецкомитета проводились в жизнь Первым главным управлением. В его ведении находились предприятия и организации, занимавшиеся добычей и переработкой урановых руд (впоследствии они были переданы Второму главному управлению), производством металлического урана, отдельных видов оборудования, специальных материалов, а также конструированием и изготовлением ядерных боезарядов. ПГУ отвечало и за развитие военной

¹⁸ Там же. Т. 2. Кн. 5. С. 102, 385–389, 635, 636.

¹⁹ См.: Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1: Советская военная мощь. М., 2010. С. 199.

²⁰ Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 326, 327.

составляющей ядерно-оружейного комплекса: ему непосредственно подчинялись воинские части и учреждения, осуществлявшие натурные испытания, приёмку, хранение и подготовку «изделий» к боевому применению. Кроме того, оно выполняло надведомственные функции: координировало деятельность многочисленных министерств и ведомств при выполнении ими «научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ по использованию внутриатомной энергии»²¹. А чтобы ПГУ не проявляло «самодеятельности», за всеми основными организациями, связанными с использованием атомной энергии, «наблюдали» уполномоченные Совета министров СССР. Они комплектовались из числа офицеров спецслужб и подчинялись лично Берии как заместителю Сталина по Совмину²². Таким образом, управленческие и контрольные функции были сосредоточены в одних руках, чего в практике руководства советской экономикой прежде не наблюдалось.

Жёсткий контроль за исполнителями позволял Спецкомитету оперативно реагировать на сбои при выполнении заданий. Санкции в отношении «провинившихся», как и способы поощрения «отличившихся», определялись по его усмотрению. Наиболее часто в разряд «провинившихся» попадали «смежники»: они привыкли к тому, что соблюдение установленных заказчиком технических параметров не является строго обязательным, что сроки отгрузки продукции можно перенести и т.д. Сказывался «диктат производителя», являвшийся одной из отличительных особенностей советской экономической системы. В атомном проекте эту проблему решили в привычном духе: поставку некачественного оборудования, комплектующих и материалов, отступление от технических требований и т.п. стали интерпретировать как саботаж и вредительство. При желании в «злом умысле» можно было обвинить даже крупных хозяйственников. Так, в частности, произошло в случае с поставкой строящемуся комбинату № 813 (по обогащению урана) задвижки для вакуумного насоса, которую по каким-то причинам признали «некачественной». Руководство предприятия-изготовителя пошло под суд, а начальник главка Министерства машиностроения и приборостроения, в ведении которого находился завод, был уволен²³.

Были случаи, когда репрессиям подвергалось чуть ли не всё руководство отрасли. Так, в апреле 1949 г. Министерство геологии СССР обвинили в «политических и организационных ошибках», обернувшихся срывом правительственного задания «по выявлению месторождений с богатыми и легкодоступными [урановыми] рудами». В результате министра И.И. Малышева и его первого заместителя С.В. Горюнова сняли с занимаемых постов, а отдельные руководящие работники и крупные специалисты, якобы «злонамеренно... направлявшие геологические разведки по ложному пути», подверглись уголовному преследованию²⁴. Среди хозяйственных руководителей распространилось убеждение в том, что с «Главгорстроем» (одно из открытых наименований ПГУ) «шутки плохи». Но всё же уголовное преследование руководящих работников являлось скорее исключением. От него ожидали в первую очередь демонстрационного эффекта. Поэтому большинство допущенных «сбоев», как

²¹ Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 12; Т. 2. Кн. 2. С. 197–201.

²² Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 420, 421, 466–470, 500–502.

²³ См.: *Артёмов Е.Т., Беделёв А.Э.* Укрошение урана. Екатеринбург, 1999. С. 40, 41.

²⁴ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 4. С. 282–285, 313–320.

правило, оборачивалось «вызовом на ковёр», чтобы мобилизовать ответственных исполнителей на их устранение.

Вот как об этом рассказывал Е.П. Славский, ставший впоследствии министром среднего машиностроения. Будучи заместителем министра цветной металлургии, он отвечал за поставку особо чистого графита для уран-графитовых реакторов. По его словам, это «была не работа», а «хождение по лезвию бритвы. Малейший сбой – жизнью рискуешь». Так, на заводе, которому поручили наладить производство графита, решили, что добиться его чистоты, предусмотренной техническими требованиями, невозможно. В результате качество поставляемого графита оказалось неудовлетворительным. Под угрозой срыва оказалась вся программа получения плутония для атомной бомбы. Ответственных за «срыв правительственного решения» вызвали в Спецкомитет. «Мы вышли с заседания словно заново родились. Как будто только что стояли на стуле с петлёй на шее, и оставалось лишь его выбить из-под нас. А тут оказалось, что сняли петлю, и мы пошли работать». Можно только догадываться, как они «работали» с непосредственным исполнителем – коллективом Московского электродного завода Министерства цветной металлургии. В своих воспоминаниях Славский скупно отметил: «Учинили там погром». В направленном Спецкомитету отчёте говорилось иначе: «Принятыми организационно-техническими мерами и успешной рационализаторской деятельностью... трудности освоения сложного технологического процесса... преодолены»²⁵. Но как бы там ни было, задачу получения чистого графита решили в кратчайшие сроки.

Выполнение особо важных заданий руководители атомного проекта контролировали лично, как говорилось, «на месте». Так, на строительстве комбината № 817 (по наработке плутония) неделями находились начальник ПГУ Ванников и его заместители. В период пусковых работ там практически постоянно жил заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышёв, контролировавший строительные организации. Сходный режим работы был и у Курчатова. Их присутствие позволяло оперативно решать постоянно возникавшие проблемы организационно-производственного и научно-технического характера. Для этого они широко использовали методы административного нажима в отношении строителей, поставщиков оборудования, эксплуатационников. В критические же моменты на комбинате появлялся Берия. Его приезд становился серьёзным испытанием для всех. По воспоминаниям очевидцев, вёл он себя внешне корректно: говорил негромко, был немногословен, больше слушал пояснения специалистов. Но если он выражал недовольство чем-либо, то даже «высокие» начальники «впадали в панику»²⁶. Дело в том, что «критические замечания» Берии оборачивались, как правило, отстранением «провинившихся» от дел, а то и арестом. В любом случае, его рабочие поездки на объекты всегда давали результат.

Ресурсы административного нажима хорошо иллюстрирует пример с запуском газодиффузионного производства по получению оружейного урана на комбинате № 813. Его технологию советские специалисты разработали самостоятельно. Но на стадии пусконаладочных работ обнаружилось, что предприятие, в строительство которого вложили миллиарды рублей, не выдаёт

²⁵ Славский Е.П. Из рассказов старого атомщика // Е.П. Славский: Страницы жизни. М., 1998. С. 17–20; Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 98, 99; Т. 2. Кн. 2. С. 488–489; Т. 2. Кн. 3. С. 706.

²⁶ См.: Новосёлов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995. С. 131, 132.

конечного продукта «нужной кондиции». Возник вопрос: «кто виноват и что делать?»²⁷ Чтобы разобраться с проблемой, в сентябре 1949 г. на «пусковой объект» прибыли Берия, Ванников, Первухин, Малышев и Курчатov. Они сразу же начали «дознание» в виде «опросов-допросов» руководителей и специалистов²⁸. Затем Берия провёл совещание «с узким кругом лиц», отвечавших за технологию процесса и ввод в строй комбината. По воспоминаниям А.М. Петросьянца, курировавшего в ПГУ разделительное производство, совещание оказалось коротким, поскольку никто не мог вразумительно сказать, в чём дело. Берия прервал его, заявив примерно следующее (стенограммы, разумеется, не велось): «Страна... дала вам всё, что вы просили. И мы теперь вправе ожидать от вас полного выполнения задания. Короче, дело обстоит так: даю вам сроку три месяца... но предупреждаю, что, если вы не обеспечите... что от вас требуется, пеняйте на себя, а я заранее предупреждаю – сушите сухари». Все присутствовавшие прекрасно знали, что председатель Спецкомитета «слов на ветер не бросал». Поэтому выход из сложившейся ситуации у них был только один – решение проблемы²⁹. Комбинату оказали «всемерную помощь» в доработке технологии, и уже к концу 1950 г. его суточная производительность заметно превысила проектную мощность. Это был выдающийся научно-технический результат³⁰. СССР овладел диффузионной технологией обогащения урана всего на четыре года позже США. И только ещё две страны смогли повторить их успех – Великобритания, «запустившая» в 1956 г. свой газодиффузионный завод, и Франция, которая ввела в строй аналогичное предприятие в 1967 г.³¹

Жёсткий административный нажим на руководителей являлся действенным способом побуждения их к решению поставленных задач. Но не меньшую роль играла принятая организация работы, которая шла сразу по нескольким направлениям. Официально подобная практика, именуемая «параллелизмом», осуждалась. Однако в атомном проекте её ввели для того чтобы оказывать стимулирующее воздействие на исполнителей: появлялась конкуренция, позволявшая ускорить выход на конечный результат. Добившиеся успеха руководители и коллективы повышали свой формальный и неформальный статус и могли рассчитывать на дополнительные преференции. В то же время направления, не оправдавшие ожиданий, утрачивали преимущества в ресурсном обеспечении и финансировании; более того, их вообще могли закрыть. Так, в частности, произошло с комбинатом № 814 (по обогащению урана электромагнитным способом). Его первую очередь сдали в эксплуатацию в конце 1950 г., но оказалось, что электромагнитный метод по эффективности значительно уступает газодиффузионному. Поэтому было принято решение сосредоточить производство обогащённого урана на комбинате № 813, а № 814 «ликвидировать». Его здания и сооружения вместе с оборудованием и всей инфраструктурой передали вновь организованному заводу № 418 по серийному выпуску ядерных боеприпасов³².

²⁷ См.: *Артёмов Е.Т., Бедель А.Э.* Указ. соч. С. 54–56.

²⁸ См.: *Синёв Н.М.* Обогащённый уран для атомного оружия и энергетики: К истории создания в СССР промышленной технологии и производства высокообогащённого урана (1945–1952 гг.). М., 1992. С. 72, 73.

²⁹ См.: *Петросьянец А.М.* Дороги жизни, которые выбирали нас. М., 1993. С. 85, 86.

³⁰ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 407; Т. 2. Кн. 4. С. 348, 359, 363–365; *Артёмов Е.Т., Бедель А.Э.* Указ. соч. С. 57–65.

³¹ См.: *Синёв Н.М.* Указ. соч. С. 75.

³² Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 5. С. 367–368, 522; Т. 2. Кн. 7. М.; Саров, 2007. С. 309–310.

Конечно, практика ликвидации предприятий использовалась редко, «в порядке исключения». Чаще исполнителям, не справившимся с заданием, давали шанс «реабилитировать» себя. В качестве примера можно привести организацию конструирования и изготовления оборудования для газодиффузионного производства. Решение этой задачи одновременно возложили на два «флагмана советской индустрии» – горьковский машиностроительный завод № 92 Министерства вооружения и ленинградский Кировский завод Министерства транспортного машиностроения. К концу 1946 г. они изготовили по 20 газодиффузионных машин. В ходе испытаний явное превосходство показали горьковские образцы, поэтому ПГУ решило оснастить первую очередь комбината № 813 только ими. Но соперничество двух промышленных гигантов на этом не закончилось. На Кировском заводе сменили руководство конструкторских подразделений и провели масштабную реконструкцию. В результате вторую очередь комбината № 813 укомплектовали только их машинами, поскольку горьковский не сумел создать приемлемого аналога. Его директор и главный конструктор лишились своих постов, а Министерству вооружения пришлось принимать срочные меры по укреплению конструкторско-производственной базы предприятия. И вскоре оно смогло предложить новые, усовершенствованные образцы основного оборудования для бурно развивавшейся подотрасли атомной промышленности. Таким образом, в течение 1946–1952 гг. было разработано свыше 40 конструкций диффузионных машин, причём 17 из них «запустили в серию», в том числе 9 производства ленинградского завода и 8 – горьковского³³.

При создании ядерных боеприпасов также широко использовались элементы конкуренции. Работа над первой атомной бомбой сначала велась по двум конструктивным схемам – с плутониевой и с урановой «начинкой». Когда же выяснилось, что последний вариант менее эффективен, от него отказались. Аналогичный подход, предусматривающий соперничество различных проектов, был реализован и при создании термоядерного заряда³⁴. До середины 1950-х гг. конструированием ядерного оружия занималось только КБ-11 (ныне ВНИИ экспериментальной физики, г. Саров). Затем был образован ещё один ядерно-оружейный центр – НИИ-1011 (ныне ВНИИ технической физики, г. Снежинск). По официальной версии, это было сделано для повышения устойчивости процесса разработки критически важных средств вооружённой борьбы в случае прямого военного столкновения с «вероятным противником»³⁵. Однако, по мнению самих разработчиков, главная причина всё же заключалась в стимулировании «соревновательности» между организациями, чтобы «старый кот (КБ-11. – Е.А.) не дремал»³⁶.

Жёсткая конкуренция администраторов и организаций позволяла «выбрасывать» тех, кто не сумел дать нужного результата. Но и эта система ещё не

³³ См.: Атомный проект СССР.. Т. 2. Кн. 2. С. 88–91; *Синёв Н.М.* Указ. соч. С. 79–83; *Артёмов Е.Т., Бедель А.Э.* Указ. соч. С. 38–40.

³⁴ См.: *Гончаров Г.А., Рябов Л.Д.* Указ. соч. С. 95, 98, 101; *Гончаров Г.А.* Необычайный по красоте физический принцип конструирования термоядерных зарядов // *Успехи физических наук.* Т. 175. 2005. № 11. С. 1248–1250.

³⁵ См.: «В целях усиления работ» / Публ. Е.Т. Артёмова, Н.П. Волошина, Б.В. Литвинова, В.И. Никитина // *Уральский исторический вестник.* 2008. № 3(20). С. 39.

³⁶ Лев и атом. Академик Л.П. Феокистов: Автопортрет на фоне воспоминаний. М., 2003. С. 242; *Имамутдинов И.* Просто очень интересная наука: Академик Аврорин рассказывает о том, как были созданы лучшие ядерные советские заряды и как военные разработки использовались в народном хозяйстве // *Эксперт.* 2013. № 14 (8–14 апреля). С. 52.

гарантировала от сбоев в осуществлении намеченного. Дело в том, что управление в «ручном» режиме давало возможность концентрировать ресурсы на избранном направлении, но оно не позволяло точно определить реальные потребности и «внутренние резервы» исполнителей. Поэтому у них всегда оставался шанс облегчить себе жизнь за счёт снижения требований и предоставления «наверх» недостоверной информации о своих возможностях. Эту проблему не мог решить даже самый тщательный контроль за ними. Другими словами, чтобы минимизировать издержки, свойственные директивным методам руководства, нужно было в полном объёме использовать «человеческий фактор» — найти квалифицированных людей, способных ответственно относиться к делу, и побудить их работать с максимальной отдачей.

«Кадры решают всё»

Управленческие структуры атомного проекта имели возможность привлечь к своей работе любого человека. Для этого они использовали разные способы. В большей мере принцип добровольности при «мобилизации кадров» соблюдался в отношении учёных. Научное руководство намечало тех, кто мог наилучшим образом решить ту или иную проблему. Дальше с ними проводили «разъяснительные беседы»: обещали «все возможности для научной работы — лучше, чем где-либо», «лучшие материальные условия» и т.д.³⁷ Иногда говорили, что через год—два они смогут вернуться к прежней работе. Но такое происходило редко: руководство проекта весьма неохотно расставалось с устраивавшими его специалистами. И только после ликвидации Спецкомитета обозначился отток «мобилизованных» ранее «известных крупных учёных»³⁸.

К администраторам и хозяйственным руководителям относились как к военнообязанным: их «перебрасывали» на новое место работы, не оставляя шанса отказаться. По воспоминаниям Славского, это выглядело следующим образом. Сначала Завенягин уведомил его о «готовящейся мобилизации» для работы в ПГУ. Не желая никуда переходить, Славский рассказал о состоявшемся разговоре своему министру П.Ф. Ломако. Тот «бросился» к А.И. Микояну, курировавшему тогда Министерство цветной металлургии, прося «заступиться», и получил заверение: «Не волнуйся, если будет решение выпускаться... меня спросят». Но никто ни о чём Микояна не «спросил» и он «умыл руки», сказав Славскому: «Слушай, кто теперь пойдёт к товарищу Сталину, чтобы он отменил решение?»³⁹ Попав в систему ПГУ, сам Славский действовал аналогичным образом. Директор первого реакторного завода комбината № 817 Б.В. Брохович об этом вспоминал так. Сначала тот сказал ему: «Ты попал в рай, по три месяца будешь отдыхать в Крыму и на Кавказе, лишь работай как следует». Когда же Брохович стал отказываться, Славский не смог сдержаться и начал кричать: «Работать всё равно будешь. Под конвоем водить будем»⁴⁰.

Конечно, чаще к «несогласным» применялись иные, но вполне действенные методы «убеждения». Так, будущий главный инженер радиохимического производства комбината № 817 М.В. Гладышев попытался заручиться поддержкой

³⁷ Сахаров А.Д. Воспоминания. 1921—1971: Так сложилась жизнь. М., 2016. С. 147.

³⁸ «В целях усиления работ». С. 51.

³⁹ Славский Е.П. Указ. соч. С. 18, 19.

⁴⁰ Брохович Б.В. Химический комбинат «Маяк»: История. Серпантин событий. Озёрск, 1996. С. 43.

своего партийного начальства — парторга ЦК НИИ-9, — чтобы избежать «мобилизации», но получил однозначный ответ: если он не примет предложение, то его исключат из партии и уволят с работы. В результате «пришлось... смириться и покинуть Москву и институт навсегда»⁴¹.

Нежелание многих руководителей и учёных переходить на работу в структуры атомного проекта было вполне объяснимо. Кандидаты на ответственные должности в общем представляли, с чем им придётся столкнуться. «Конкуренция администраторов» не позволяла никому «расслабляться». Даже отсутствие видимых сбоев в работе ещё не гарантировало стабильного положения. По каким-либо соображениям высшее руководство могло неожиданно передвинуть ответственных исполнителей на другую, в том числе нижестоящую, должность, возложить на них дополнительные обязанности и т.д. При этом «выйти из игры» по собственной инициативе было практически невозможно: для ответственного работника это означало, в лучшем случае, конец профессиональной карьеры. Как говорилось, «вход — рубль, выход — два».

При отборе рядового инженерного и научно-технического персонала, управленцев среднего и низшего звена, квалифицированных рабочих также использовался индивидуальный подход. Однако с учётом массовости «контингента» он осуществлялся в несколько этапов. Сначала Секретариат ЦК ВКП(б) по поручению Спецкомитета устанавливал разрядку различным министерствам и ведомствам, областным комитетам партии — сколько и каких работников нужно «откомандировать в распоряжение» ПГУ. Подчеркивалось, что отбирать нужно «лучших», т.е. квалифицированных и дисциплинированных людей, не имевших в своей биографии каких-либо «изъянов». За это рекомендующие несли персональную ответственность. На следующем этапе намеченные кандидаты тщательно проверялись органами госбезопасности. Затем в дело вступали кадровые службы управления. И только после одобрения последними отобранных работников направляли на предприятия атомной отрасли⁴².

Особое внимание уделялось целевой подготовке специалистов, организованной в ряде ведущих вузов⁴³. При распределении выпускников их согласия никто не спрашивал. По воспоминаниям научного руководителя и директора ВНИИ технической физики (г. Снежинск) академика Е.Н. Аврорина, после окончания физического факультета МГУ он просто получил предписание «поступить в распоряжение тов. Хмелевцева А.М.» (помощника начальника КБ-11 по кадрам) и оказался в Сарове. Вчерашних студентов сразу допускали к самой серьёзной работе. И если всё получалось, то профессиональное признание следовало незамедлительно. Так, Аврорина уже через год наградили орденом Трудового Красного знамени, повысили в должности и т.д.⁴⁴

Основной производственный персонал предприятий и организаций формировался, как правило, посредством группового приёма. На работу направляли целые выпуски учреждений профессионально-технического и среднего специального образования. Значительную часть пополнения составляли бывшие военные

⁴¹ *Гладышев М.В.* Плутоний для атомной бомбы (директор плутониевого завода делится воспоминаниями). Б.м., 1992. С. 11, 12.

⁴² См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 251, 252; Т. 2. Кн. 3. С. 420, 421.

⁴³ Там же. Т. 2. Кн. 4. С. 210–216; 757–759; Т. 2. Кн. 5. С. 311–318.

⁴⁴ См.: *Артёмов Е.Т., Волошин Н.П.* Академик Евгений Николаевич Аврорин. Человек, ковавший ядерный щит страны // Комсомольская правда. Челябинский выпуск. 2012. 10 июля. С. 12, 13.

строители — практически всех демобилизованных «срочников» оставляли работать на предприятиях, которые они до этого возводили⁴⁵. Потребности в младшем обслуживающем персонале и разнорабочих в основном покрывали за счёт окрестного населения «объектов», которое также проходило строгую проверку на «благонадёжность» и профпригодность. Такой порядок «привлечения кадров» можно назвать добровольно-принудительным.

Специфическую категорию работников составлял «спецконтингент» — заключённые, военнопленные, спецпоселенцы, репатрианты. В связи с «режимными ограничениями» их труд не использовался на основном производстве. Исключения составляли учреждения 9-го управления МВД СССР, где работали заключённые и военнопленные. Правда, их оказалось немного — не более 5% общей численности научно-технического персонала, занятого «специальной» тематикой, и их роль была невелика. Иная практика наблюдалась в уранодобывающей промышленности восточноевропейских стран, которая на 80% обеспечивала советский атомный проект исходным сырьём: значительную часть её работников составляли военнопленные, депортированные и осуждённые по политическим мотивам⁴⁶.

В Советском Союзе «спецконтингент» использовался при возведении объектов атомной промышленности. Сначала он составлял свыше половины всех строителей, затем его относительная численность стала уменьшаться. Дело в том, что «спецконтингент» хорошо справлялся с выемкой грунта под фундаменты зданий и сооружений, с прокладкой дорог и инженерных коммуникаций, с заготовкой леса и подобными работами. Но как только заключённых переводили на более сложные участки строительства, начинались сбои. Поэтому было принято решение по их замене военными строителями, более дисциплинированными и мотивированными к производительному труду. А после амнистии 1953 г. военные строители вместе с вольнонаёмным персоналом стали составлять основную рабочую силу строительной индустрии атомной отрасли⁴⁷.

Для принуждения «спецконтингента» к труду использовались жёсткие административно-репрессивные методы. Поощрение ограничивалось «надбавкой продовольствия к основной норме питания» и сокращением срока заключения для выполнявших и перевыполнявших производственные задания⁴⁸. В отношении других участников проекта применялась более сложная система мотивации. Чтобы побудить проявлять инициативу, много и напряжённо работать, ответственно относиться к порученному делу, использовалось сочетание методов материального стимулирования и морального поощрения; воспитания и убеждения; принуждения и насилия. Их содержание не было закреплено законодательно или «прописано» в каких-либо инструкциях. Но все участники атомного проекта прекрасно знали о существовании неформальных норм и правил, позволявших применять к ним любые санкции и устанавливать поощрения, далеко выходящие за привычные рамки.

⁴⁵ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 3. С. 421; Т. 2. Кн. 5. С. 72; *Савицкий И.М.* Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР. Новосибирск, 2011. С. 156.

⁴⁶ См.: *Артёмов Е.Т.* Указ. соч. Р. 278, 290.

⁴⁷ См.: *Дерябин И.Е., Жуманов Р.А.* Строительная индустрия Минатома России // *Ядерная индустрия России*. М., 2000. С. 815.

⁴⁸ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 4. С. 198, 199.

Разумеется, в мотивации отдельных категорий персонала существовала специфика, определявшаяся их местом и ролью в проекте. Так, успех всего дела во многом зависел от его «ответственных исполнителей»: управленцев высшего ранга, ведущих учёных и конструкторов, руководителей основных предприятий и организаций. Поэтому в материальном отношении им были созданы все условия для продуктивной работы. Они имели высокие должностные оклады, регулярно получали стимулирующие выплаты. За особо крупные достижения «ключевым фигурам» полагались премии, превышавшие в десятки, а то и в сотни раз среднемесячную зарплату врача или инженера⁴⁹. И им было на что потратить свои доходы благодаря доступу к специальным распределителям и другим преференциям. Важную роль в мотивации «атомной элиты» играли нематериальные факторы. Участие в проекте открывало ведущим учёным и хозяйственным руководителям заманчивые перспективы для профессионального и карьерного роста, решало проблему самореализации. Как вспоминал в одном из последних интервью выдающийся физик-ядерщик А.Д. Сахаров, «интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты способен, прежде всего самому себе доказать»⁵⁰. Для творческих и амбициозных людей это значило очень много, они работали «с огромным увлечением и мобилизацией всех душевных и физических сил»⁵¹. Оказывала воздействие и уверенность в значимости проекта для страны. Среди его участников было широко распространено убеждение, что, создавая ядерное оружие, они защищают Москву от судьбы Хиросимы и Нагасаки⁵², поэтому они не испытывали «морального дискомфорта» от своей работы.

Рядовые участники в первую очередь ценили материальные стимулы. Согласно ретроспективному социологическому исследованию, проведённому в одном из «закрытых» атомных городов, $\frac{3}{4}$ его жителей, «мобилизованных» в то время, рассчитывали заметно улучшить свои жилищные условия, 70% — иметь достойную зарплату и хорошее снабжение, и только 36% ориентировались на интересную работу⁵³. Руководство проекта учитывало такие настроения. Инженерно-технические работники и служащие получали «повышенные против обычных предприятий оклады». Оплата труда рабочих осуществлялась по специально разработанным тарифным сеткам. Практически все имели различные надбавки, квартальные и годовые премии. К этому добавлялись крупные разовые выплаты за вклад того или иного коллектива в решение значимых задач⁵⁴. Сходные принципы оплаты труда существовали у «смежников», привлекаемых на «плановой основе».

Материальное стимулирование не ограничивалось высоким уровнем оплаты труда. В советском обществе благосостояние человека во многом определялось его доступом к закрытым сетям распределения потребительских товаров и услуг. В этом отношении все участвовавшие в атомном проекте коллективы находились в привилегированном положении. Так, по воспоминаниям главного конструктора ядерных зарядов академика Б.В. Литвинова, он, впервые попав на «объект» из Москвы, с удивлением обнаружил, что в магазинах имелось «практически всё,

⁴⁹ Оценка по: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 53–56; Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецов, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003. С. 501, 502.

⁵⁰ Цит. по: *Holloway D. Stalin and the Bomb: the Soviet Union and the Atomic Energy. 1939–1956.* New Haven, 1994. P. 298.

⁵¹ *Дукерман В.А., Азарх З.А.* Люди и взрывы. Арзамас-16, 1994. С. 61.

⁵² См.: *Альтшулер Л.В.* Вся жизнь в Атомграде // Наука и жизнь. 1994. № 2. С. 24, 25.

⁵³ См.: *Мельникова Н.В.* Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006. С. 38.

⁵⁴ См.: Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 3. С. 292, 293, 314–316.

что может душа пожелать», и всё было доступно, поскольку «платили... немало». При прохождении преддипломной практики в КБ-11 ему сразу назначили должностной оклад лаборанта в размере 1 тыс. руб. с доплатой 75% к нему. Это был минимум, установленный для персонала научно-исследовательского сектора, но он чуть ли не втрое превышал среднемесячную заработную плату по народному хозяйству⁵⁵. Сложнее решалась жилищная проблема. Особенно остро она ощущалась в коллективах возводимых предприятий. Но, благодаря интенсивному строительству, обеспеченность атомной отрасли жилым фондом и объектами культурно-бытового назначения быстро росла, и уже в начале 1950-х гг. заметно превысила общесоюзные стандарты⁵⁶.

Материальное поощрение производственной активности работников подкреплялось административным принуждением. Систематическое невыполнение заданий оборачивалось выговорами с ограничением доступа к материальным благам. Самовольно оставившие предприятие, допуская прогулы или неоднократные опоздания «на службу» приговаривались к исправительным работам и даже к тюремному заключению. Особенно строго следили за соблюдением требований, предусмотренных технической документацией. Виновных в нарушении установленных норм ждали суд и исправительно-трудовые лагеря. Имелись случаи, когда «отсидевших положенное» возвращали на «объект». Их злключения наглядно демонстрировали другим жизненную необходимость соблюдения технологической дисциплины⁵⁷. Количество наложенных взысканий варьировалось от предприятия к предприятию, но, в целом, было весьма значительным. Так, в КБ-11, где практиковался особо тщательный отбор работников, за девять месяцев 1950 г. различного рода взыскания получили 378 человек, или каждый 10-й сотрудник, а 86 особо «злостных нарушителей» были отданы под суд⁵⁸. Санкции хорошо вписывались в атмосферу секретности, окутывавшую все аспекты научно-производственной деятельности, и вместе с интенсивной пропагандой «советского патриотизма», постоянным напоминанием «о сложной международной обстановке» и т.п. оказывали дополнительное воздействие на работников.

Конечно, повышение уровня дисциплины ещё не тождественно росту эффективности трудовых усилий. В первую очередь сказанное справедливо для высокотехнологичного производства, которое предъявляет особые требования к работникам, даже рядовые из которых должны обладать минимумом таких качеств, как инициативность, предприимчивость, сознательная ответственность. В условиях жёсткой иерархии управленческих отношений и произвола эти качества формировались с большим трудом. Важную роль в преодолении феномена «частичного работника» играла воспитательная деятельность. Кроме того, людей ставили в положение, вынуждавшее проявлять инициативу и изобретательность при выполнении своих обязанностей — в противном случае они многое теряли и в материальном, и в статусном отношении. В результате в коллективах атомной отрасли утвердилась своеобразная модель трудового поведения, в которой сочетались готовность неукоснительно следовать разным инструкциям, строго выполнять приказы — и желание сознательно, ответственно подходить к порученному

⁵⁵ См.: Литвинов Б.В. Грани прошедшего. М., 2006. С. 260, 287; Советская жизнь. 1945–1953. С. 501, 502.

⁵⁶ См.: Артёмов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 288–290; Советская жизнь. 1945–1953. С. 176, 177.

⁵⁷ См.: Гладышев М.В. Указ. соч. С. 23, 24.

⁵⁸ См.: История создания ядерного оружия в СССР. 1946–1953 годы (в документах). В 8 т. Т. 1. Кн. 1. Саров (Арзамас-16), 1999. С. 45.

делу, работать «с выдумкой». Широкое распространение таких установок играло важную роль в решении поставленных задач.

* * *

Главным результатом реализации атомного проекта стало качественное усиление военной мощи страны. В 1957 г. в советском арсенале находилось уже 660 ядерных боеприпасов, обеспеченных необходимым количеством средств их доставки⁵⁹. Правда, основной «вероятный противник» — США — располагал в то время в несколько раз большими возможностями. Поэтому до паритета с ним было ещё далеко. Тем не менее благодаря атомному проекту Советский Союз закрепил за собой статус «сверхдержавы». Здесь, правда, возникает вопрос: во что он обошёлся стране? На сей счёт сегодня имеются лишь самые общие данные. Есть сведения, что в период четвёртой пятилетки (1946—1950 гг.) атомный проект поглощал 3%, а в пятой пятилетке — 4% общего объёма капитальных вложений в народное хозяйство⁶⁰. Однако в реальности затраты были больше, поскольку приводимые данные не учитывали вложения в развитие обеспечивающих производств, включённые в «лимиты» министерств-«смежников».

Возможно, не все выделяемые средства тратились рационально. Как правило, «командной экономике» вообще отказывают в способности эффективно распоряжаться ресурсами⁶¹. Но опыт атомного проекта свидетельствует о другом. По имеющимся оценкам — конечно, весьма приблизительным, — стоимость создания и испытания первых бомб в США и СССР существенно не отличалась. Вполне сопоставимы и расходы на единицу «конечной продукции» после перехода к серийному выпуску «изделий». По крайней мере, затраты на атомные программы — американскую в 1941—1950 гг. и советскую в 1945—1953 гг. — оказались примерно равны⁶². Следовательно, в некоторых случаях институты «командной экономики» могли действовать вполне эффективно. Всё зависело от адаптации свойственных ей управленческих практик к решению поставленных задач. Безусловный приоритет при распределении ресурсов, проектный принцип организации работы, «ручной» режим управления, поощрение конкуренции администраторов и организаций, действенные (хотя подчас жёсткие) способы мотивации труда — всё это позволило оптимизировать затраты и результаты. Но нельзя не отметить, что эти меры носили чрезвычайный характер: в совокупности они могли применяться лишь для «точечных» прорывов в развитии науки, техники, производства. Число приоритетных сегментов экономики нельзя было расширять до бесконечности. Не случайно при решении даже таких первостепенных задач, как создание ракетной техники и радиоэлектронного вооружения (также находившихся в ведении Спецкомитета с начала 1950-х гг.), использованные в атомном проекте подходы применялись лишь частично.

⁵⁹ См.: Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Указ. соч. С. 199.

⁶⁰ См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 240—245; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. С. 164; Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 7. С. 556.

⁶¹ См.: Эрикссон Р. Командная экономика и её наследие // Экономика России: Оксфордский сборник. Кн. 1. М., 2015. С. 103—111; и др.

⁶² См.: Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Атомный проект СССР — дерево целей, ресурсы, усилия, результаты (1945—1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940—1950 гг.). М., 1999. С. 327; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития. М., 2006. С. 275, 276.

Женская занятость в советском атомном проекте

Наталья Мельникова

Female employment in the Soviet nuclear project

*Natalia Melnikova (Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)*

Реализация советского атомного проекта традиционно представляется в научной и популярной литературе как грандиозная государственная эпопея. Однако до сих пор внимание было сосредоточено преимущественно на фигурах руководителей проекта (И.В. Курчатова, Ю.Б. Харитона, Л.П. Берии, Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина и др.), простые же исполнители представлены в работах исследователей гораздо хуже. Надо отметить, что в изучении повседневности рядовых участников проекта уже сделаны первые шаги как российскими, так и зарубежными историками¹. Однако обращают на себя внимание особенности интереса к гендерной проблематике. В то время как в США проведены исследования, посвящённые женщинам Манхэттенского проекта², аналогичных работ, написанных на отечественном материале, не существует. Данная статья представляет собой первую попытку показать роль и место женщин в реализации советского атомного проекта 1940–1950-х гг.

Зарубежные исследователи отмечают, что в Лос-Аламос большинство женщин прибыли вместе с мужьями³. На отечественные атомные объекты (как назывались все структурные подразделения атомного проекта) женщины, прежде всего незамужние девушки – молодые специалисты, выпускники вузов и техникумов, выпускницы ФЗУ, попадали в основном по набору. Индивидуально приглашённые (или привлечённые, как тогда говорили) специалисты, имевшие самостоятельную ценность – такие, как З.В. Ершова, о которой речь пойдёт ниже, – представляли собой довольно редкое явление (при том, что известно множество примеров индивидуальных приглашений мужчин).

На основании выборочного исследования листов по учёту кадров городов Лесного и Озёрска⁴ выявлено, что в конце 1940-х гг. из общего числа одиноких работников незамужних женщин приезжало больше, чем холостых мужчин – в среднем около 61%. Это можно объяснить уменьшением численности мужского населения страны в результате потерь в Великой Отечественной войне.

© 2017 г. Н.В. Мельникова

¹ Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006; Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. N.Y., 2013.

² Howes R., Herzenberg C. Their Day in the Sun: Women of the Manhattan Project. Philadelphia, 1999; Kiernan D. The Girls of Atomic City: The Untold Story of the Women Who Helped Win World War II. N.Y., 2014.

³ Hornig L., Bradford Diven R. Women and the Bomb // The Atomic Heritage Foundation (URL: <http://www.atomicheritage.org/history/women-and-bomb>).

⁴ Поскольку закрытые атомные города имели различные наименования – секретные и открытые (условные), которые не единожды менялись, – здесь и далее используются современные названия этих городов.

Соотношение изменилось к 1960-м гг.: 48% незамужних женщин и 52% холостых мужчин⁵. Был распространён также приезд вслед за супругом, направленным на атомное предприятие. Среди респонденток авторского ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного 39% ответили, что приехали в город с мужьями. Этот процент увеличивался по мере удаления от военных лет: наименьший (16%) он у приехавших в конце 1940-х гг., наибольший (46%) – в 1960-х гг.

Для незамужних женщин принципы отбора были теми же, что для мужчин: претендентки заполняли анкеты (студентки последних курсов – в вузе, уже работающие – в обкоме партии). Занесённые в них данные затем проверялись НКВД/МГБ. Посредством анкет отслеживались социальное происхождение, национальность, образование, семейное положение, политическая благонадёжность. Маркерами последней были семейные связи, принадлежность к ВЛКСМ, КПСС и профсоюзам, служба в армии, награды, судимости, факты пребывания за границей, на приграничных территориях и в плену. Профессиональные показатели и личные моральные качества изучались по данным с места работы или учёбы, по характеристикам профсоюзных, комсомольских и партийных органов.

Отобранные направлялись либо на стажировку в Москву, либо сразу на объект и уже оттуда – на стажировку (в Москву, реже в Ленинград). Вот типичная история «приглашения» в проект, рассказанная ветераном комбината «Маяк»: «В начале сентября 1946 г. меня вызвали в обком партии г. Челябинска, где я была принята полковником Быстровым⁶. После длительной беседы он предложил мне заполнить анкету и написать автобиографию. Зачем – это мне было не ясно. Вторично я встретила с Быстровым примерно через два месяца. Он сообщил мне, что я перевожусь на новое место работы, на очень важный объект – “Базу 10”⁷. Воспринимали подобное направление на работу женщины того времени так же, как мужчины – соглашались (безоговорочно или вынужденно), сокрушались, что придётся оставить столицу (либо областной центр) или уезжали с лёгкостью – спектр оценок одинаков у обоих полов. Но в воспоминаниях женщин встречается сожаление, что не было уговоров, а только уведомление о новой работе на основании приказа Совета министров СССР. «Я, когда пришла домой, – вспоминает ветеран Уральского электрохимического комбината, химик-аналитик И.Ф. Коргуль, – переживала: ну хоть бы поагитировали, сказали бы, что Родина требует. Но этого не было»⁸.

Для женщин, которые попадали в проект с мужем или вслед за мужем, были свои нюансы. Если их можно было использовать для работы на градообразующем объекте, они так же заполняли анкету и проходили последующие проверки (в том числе и медосмотры)⁹. Это характерно, прежде всего, для студенческих семей. Если позволяли квалификация жены и штатное расписание,

⁵ Мельникова Н.В. Указ. соч. С. 44.

⁶ П.Т. Быстров – первый директор завода № 817 (1946–1947).

⁷ Тымонюк А.И. Вот, что я помню. Рукопись, 1995. С. 1 (Городской краеведческий музей г. Озёрска).

⁸ Музей Уральского электрохимического комбината: Коргуль И.Ф. Как мы это начинали // Созидание (дела и люди). Сборник воспоминаний ветеранов УЭХК. В 2 ч. / Составитель Т.Н. Постникова. Ч. 1. Свердловск-44, 1989. С. 110–115.

⁹ Митюков А.В. Записки конструктора. Лесной, 2004. С. 7.

супругов могли направить работать в одно подразделение, чтобы «не разболтали секреты»¹⁰.

Если женщина имела профессию, далёкую от атомного производства, она не заполняла отдельную анкету на стадии отбора. Видимо, такие жёны проверялись по пространным данным анкеты, которую заполнял на ближайших родственников муж. Кроме того, в начальный период существования закрытых атомных городов мужчины, получая туда назначение, имели предписание проследовать к месту работы без семьи¹¹. Это объяснялось нехваткой жилья, объектов соцкультбыта и работы вне градообразующего предприятия. Некоторые мужчины, воспользовавшись ситуацией, запрещали своим жёнам приезжать в город, даже когда это стало разрешено, и заключали повторные браки (таким образом в закрытых городах появлялись случаи двоежёнства¹²). Но в целом кадровая политика атомного проекта была ориентирована на подбор рабочего места на «периферийных» объектах и для жён приглашённых специалистов, чтобы не разбивать семьи (но только тогда, когда руководство сочтёт это возможным и оправданным с точки зрения быта, сохранения секретности и перспектив занятости жён).

Довольно типично следующее описание отъезда на секретный объект – строящееся предприятие по обогащению урана – группы молодых женщин-инженеров в декабре 1948 г.: «Когда нам давали адрес в Свердловском обкоме партии, то заверили, что на станции Шурала нас обязательно встретят. Сели в поезд на свердловском вокзале, ночь, темнота. Едем, нигде в пути ни единого лучика света. Боимся произнести слово “Шурала”, считаем, что это великая тайна... Проводница сообщила, что нам пора выходить. Спрыгнули из вагона в снег, никаких тропинок, лес и сугробы»¹³. Частым атрибутом «женских» описаний (в отличие от «мужских») являются детали одежды, подчёркивающие либо несоответствие гардероба погодным условиям («морозы были больше 40°С, а одеты были легко, в демисезонные пальто и шляпки»), либо его скудность («резинковые сапожки и ремесленная шинелька»)¹⁴.

Девушки – молодые специалисты с естественнонаучным образованием имели некоторые преимущества, облегчавшие им знакомство с атомным объектом, который внешне походил на лагерную зону. Труднее было гуманитариям, не соприкасавшимся ранее с режимом секретности. «Некоторые девчонки из медиков и учителей, увидев проволоку и часовых, заплакали, – вспоминает свой приезд в 1950 г. в Саров инженер-технолог Е.П. Назарова. – Но для нас это не было неожиданностью... С первых дней учёбы в институте нас приучали к секретности»¹⁵.

К сожалению, получить полную статистическую картину количественно-го и качественного состава женщин (впрочем, равно как и мужчин) в атомном

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 4458, оп. 1, д. 190, л. 136.

¹² Государственный архив административных органов Свердловской области, ф. 1, оп. 2, д. 15562, л. 2; ЦДОО СО, ф. 4458, оп. 1, д. 190, л. 137.

¹³ Музей Уральского электрохимического комбината: *Чайкина Л.В.* В первые дни // Созидание (дела и люди)... Ч. 1. С. 114.

¹⁴ Там же; *Иванова Н.М.* Моя жизнь – СХХ // Живая история. История Росатома (URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/ivanova_n_m/ivanova_n_m/).

¹⁵ *Назарова Е.П.* Полжизни в одном цехе // Живая история. История Росатома (URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/nazarova_e_p/nazarova_e_p/).

проекте пока не представляется возможным из-за ограничения или отсутствия доступа к соответствующим документам. Но некоторые тенденции всё-таки можно обозначить. Постараемся проследить особенности занятости женщин на уровне руководящих органов атомного проекта, науки, промышленных предприятий и закрытых городов в целом.

Декларировавшийся в СССР принцип равенства полов позволял женщинам получать разнообразные специальности и занимать различные посты. Об априорном трудовом равенстве женщин в атомном проекте могут свидетельствовать материалы издания «Атомный проект СССР»¹⁶ – главного на данный момент источника по истории создания атомного и водородного оружия. В его документах кадры нигде не делятся на «мужские» и «женские», можно найти лишь упоминания общего количества работников (или тех или иных групп работников), обособленных по должностям и специальностям. Однако кадровые практики рисуют более определённую картину.

С уверенностью можно сказать, что женщин не было в составе высших руководящих органов: Специального комитета, Технического и Инженерно-технического, а позже – Научно-технического советов, в Первом главном управлении при Совете министров СССР (ПГУ) и его коллегии. Однако они работали в аппаратах этих органов – так, в центральном аппарате ПГУ в 1948–1951 гг. женщины составляли в среднем 33,8%¹⁷. Они занимали должности секретарей, инспекторов, бухгалтеров или экономистов, машинисток¹⁸. Причём женщин, работающих непосредственно в центральном аппарате, было меньше, чем женщин, трудившихся в системе ПГУ в целом. При этом отмечается уменьшение их численности в центральном аппарате (с 35 до 33%) при одновременном незначительном увеличении по управлению в целом (с 37,5 до 41,9%)¹⁹. Заметно, что эти цифры уступали общесоюзным, согласно которым доля женщин в общей численности работающих в 1945–1950 гг. колебалась между 47 и 56% (в промышленности – до 45%)²⁰.

Нет свидетельств, что выбор в пользу персонала мужского пола являлся частью кадровой стратегии на уровне всего проекта. Однако очевидно, что чем выше был статус руководящего органа, тем меньше в нём работало женщин. Наверное, здесь уместно привести «известную любому феминистскому исследователю закономерность»²¹ – чем выше ступень служебной лестницы, тем меньше на ней женщин. Поэтому в нашем случае половая диспропорция в руководящих органах заставляет предположить целенаправленное предпочтение мужчин женщинам. Но на это можно взглянуть и с другой стороны: для работы в центральном аппарате отбирали имевших техническое образование офицеров из НКВД и военных комиссариатов, а также руководителей промышленности (что объяснялось спецификой секретного высокотехнологичного

¹⁶ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.; Саров, 1998–2010.

¹⁷ Подсчитано по: *Полунин В.В.* Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 273–374.

¹⁸ Справка о штатах Первого главного управления при Совете министров СССР по состоянию на 10 мая 1947 г. // Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 3. М.; Саров, 2002. С. 656–670.

¹⁹ Подсчитано по: *Полунин В.В.* Указ. соч. С. 273–374.

²⁰ Народное хозяйство СССР в 1956 г.: Статистический сборник. М., 1956. С. 191; Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 469.

²¹ *Пушкарёва Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 25.

начинания). А эти позиции традиционно занимали мужчины. Так же традиционно женщины уступали мужчинам в ключевых для атомного проекта индустриально-технических дисциплинах – физике, металлургии. Это вполне соответствовало общемировой практике: именно физико-математические и технические науки классифицируются как «мужские» – соотношение в них мужчин и женщин, имеющих учёную степень, составляет от 25:1 до 6:1²².

Женщины тоже трудились в научных центрах по созданию ядерного оружия. В основном они занимали должности лаборантов, техников, помощников, инженеров, но могли быть и непосредственно научными работниками. В числе последних находились обладательницы учёных степеней в упомянутых «мужских» науках. При этом всё-таки женщины составляли меньшинство. Об этом говорят как цифры, так и субъективное восприятие участников проекта. Так, в Сарове – первом центре разработки и производства ядерных боеприпасов – спустя четыре года после его основания инженер-инспектор отдела кадров отмечал катастрофическую ситуацию: из 13.5 тыс. человек взрослого населения города женщины составляли всего около 3.5 тыс. «Учитывая, что на объекте проживают около 5 000 человек семейных мужчин и женщин, на одну тысячу незамужних женщин приходится одиннадцать тысяч одиноких мужчин», – писал он в докладной²³. Чуть лучше обстояло дело во втором советском ядерном центре – Снежинске. В первые шесть лет его существования женщины составляли в среднем 36% от общей численности работающих²⁴.

Индивидуальное восприятие, естественно, улавливало эту несоразмерность. Мемуары указывают на необычность, редкость женщин как «явления» в научной среде атомного проекта. Как правило, это выражается в формулировке «единственная женщина» (в отделе, в группе, в лаборатории, в институте). Академик Б.В. Литвинов, вспоминая начальный этап своей работы в 1950-х гг. в КБ-11 (Саров), счёл нужным отметить, что «появились у нас *даже* женщины»²⁵, представляя этот факт как событие и новый этап развития первой в его карьере исследовательской группы. Встречается своеобразная профессионально-половая маркировка: «женщина-физик», «женщина-химик», «женщина-механик», «девушки-математики», что можно оценить как ощущение аномальности их присутствия в «мужских» сферах деятельности²⁶.

В то же время был и ряд профессий, где женщины в рассматриваемый период усилили позиции – к примеру, геология. Эта романтизированная специальность стала привлекать их ещё в довоенный период. Затем, в годы Великой Отечественной войны, число женщин увеличилось в связи с уходом мужчин на фронт. Как результат, «слабый пол» оказался достаточно широко представлен

²² *Matyas M.L.* Obstacles and Constraints on Women in Science: Preparation and Participation in the Scientific Community // *Kahle J.B., ed.* Women in Science. L., 1985. P. 77–101; *Мирская Е.З., Мартынова Е.А.* Женщины в науке // Вестник Российской Академии наук. Т. 63. 1993. № 8. С. 693–694.

²³ История создания ядерного оружия в СССР. 1946–1953 годы (в документах). В 8 т. Т. 2. Кн. 1. Организация и кадры решают всё. Саров (Арзамас-16), 2000. С. 44.

²⁴ Подсчитано по: История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. В 6 т. Т. 1. Кн. 2. Гл. 4 // Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс]. Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.

²⁵ Воспоминания о Борисе Васильевиче Литвинове. Снежинск, 2014. С. 165.

²⁶ *Пушкарёва Н.Л.* Женщины-учёные в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 48.

среди геологов и геофизиков, разработывавших сырьевую базу атомного проекта. Так, по некоторым свидетельствам, минералогией урановых руд занимались «почти исключительно женщины»²⁷. До ратификации СССР международной конвенции «О применении труда женщин на подземных работах в шахтах любого рода» (1961), многие из них трудились рудничными геологами, спускались в подземные выработки. В рудниках они «работали наравне, а иной раз и лучше мужчин», как вспоминал первый директор первого отечественного предприятия по добыче и переработке урановых руд Б.Н. Чирков²⁸.

Женщины работали в составе групп математиков-вычислителей. Например, в вычислительном бюро Л.В. Канторовича в момент его привлечения к атомной проблеме трудилось около 40 расчётчиц²⁹. В КБ-11 первым инженером-математиком объекта была именно женщина (Е.В. Малиновская). Женщины составляли большинство среди 60 сотрудников отдела члена-корреспондента АН СССР А.Н. Тихонова, проводившего расчёты процессов атомного и термоядерного взрывов. Они обеспечивали расчёт математических идей научных сотрудников отдела: будущих докторов наук В.Я. Гольдина и Б.Л. Рождественского и будущих академиков А.А. Самарского и Н.Н. Яненко. Позднее Самарский называл женщин отдела в ряду «выдающихся вычислителей, которые чувствовали решение, не зная его смысла»³⁰. В НИИ-1011 (Снежинск) первая группа математиков-расчётчиков состояла из 14 девушек, только что окончивших курсы отделения прикладной математики Института им. В.А. Стеклова при АН СССР³¹.

Много женщин было среди химиков и радиохимиков, работавших в НИИ-9³² и в радиохимических подразделениях градообразующих предприятий атомных городов. Так, радиохимиком была самая заметная, но, к сожалению, малоизвестная женщина советского атомного проекта – доктор технических наук З.В. Ершова³³, внёсшая огромный вклад в его реализацию. В 1943 г., находясь в эвакуации в Казахстане, она получила правительственный вызов, предписывавший срочно явиться в Москву «для работы по специальности»³⁴. Там она выступила инициатором создания НИИ-9 (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов им. академика А.А. Бочвара). Под её руководством был получен первый в СССР

²⁷ *Тарханов А.В.* Как «разгibaldi» Крутой Рог // Как искали и добывали уран. М., 2002. С. 59–60.

²⁸ *Чирков Б.Н.* Воспоминания первого директора комбината № 6. М., 1967. С. 18.

²⁹ *Иоффе Б.Л.* Кое-что из истории атомного проекта в СССР // Сибирский физический журнал. 1995. № 2. С. 72.

³⁰ *Самарский А.А.* Прямой расчёт мощности взрыва // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы): Труды международного симпозиума ИСАП-96. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 217.

³¹ Раскрывая первые страницы: К истории города Снежинска (Челябинска-40). Екатеринбург, 1997. С. 39–40.

³² *Пожарская Е.М.* Получение первых препаратов плутония // ВНИИМ – 50 лет: Сборник статей. В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 37–38, 51.

³³ О З.В. Ершовой см: *Ватулин А.В.* Уран, плутоний, полоний, тритий – ядерный щит и мирная энергетика // Вестник Российской Академии наук. 2005. Т. 75. № 7. С. 621–627; Первая леди советской атомной науки: Сборник статей к 100-летию со дня рождения З.В. Ершовой. М., 2004; *Зайцева (Баум) Е.А.* Зинаида Васильевна Ершова (1904–1995): Материалы к биографии // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015). Т. 2. М., 2015. С. 162–165.

³⁴ Первая леди советской атомной науки... С. 8.

металлический уран, отработаны технологии получения плутония, полония, трития, что позволило создать заряды первых советских атомной и водородной бомб. При этом «русская Мари Кюри», как её называли, никогда не поднималась выше должности начальника лаборатории (или отдела). Она не стала ни членом Академии наук СССР, ни Героем Социалистического Труда (как это произошло с её коллегами-мужчинами), хотя трижды получала Сталинскую премию II степени (1949, 1951, 1953), орден Трудового Красного Знамени (1949) и стала лауреатом премии Президиума АН СССР им. В.Г. Хлопина (1968). Симптоматично, что З.В. Ершова – одна из четырёх женщин среди 160 мужчин, чьи биографии представлены на «официальном» сайте госкорпорации «Росатом»³⁵.

Имена ещё двух женщин – д.х.н. А.Д. Гельман и д.м.н. А.К. Гуськовой – прочно связаны с радиохимическим производством комбината «Маяк» (Озёрск). Гельман, автор оксалатно-карбонатной схемы аффинажа плутония, в 1949–1951 гг. руководила специальной исследовательской группой по внедрению этого метода в производство³⁶. Гуськова – одна из первопроходцев создания системы медицинского обеспечения персонала первого в СССР плутониевого производства. На этом заводе (№ 817, ныне производственное объединение «Маяк») в период его формирования более 60% инженерно-технических работников составляли женщины (в первую очередь химики, инженеры и техники-технологи)³⁷. Среди химиков их количество доходило до 80%³⁸ (в основном это были выпускницы Горьковского и Воронежского университетов), при этом они трудились рядовыми сотрудниками и начальниками смен, должности же руководителя производства и его помощника занимали мужчины.

Много было женщин и среди химиков изотопного производства будущего комбината «Электрохимприбор» (г. Лесной). Например, в период строительства завода в цехе химической переработки изотопов женщины составляли 63% от общего количества сотрудников, в том числе 50% среди инженерно-технических работников, 67% аппаратчиков, 100% химиков-аналитиков и контролёров³⁹. Они работали начальниками отделений и смен, технологами, техниками, инженерами. После 1953 г. новое, мужское пополнение постепенно сменило их на постах начальников отделений⁴⁰, но не потеснило численно в химических подразделениях предприятия в целом.

Советский уран и особенно плутоний были действительно получены «девичьими руками» (как романтично писала об этом одна из участниц процесса⁴¹). Женский «след» даже буквально материализовался в первом полученном в НИИ-9 препарате плутония. Из лаборатории № 2, куда был торжественно передан препарат, к концу того же дня сообщили, что в нём обнаружена примесь в виде красной шерстяной нитки. Как выяснилось, нитка была из платья одной из сотрудниц лаборатории Ершовой. Этот инцидент послужил причиной запрета носить шерстяные вещи, вместо которых появилась форменная

³⁵ История Росатома. Персоналии (URL: <http://www.biblioatom.ru/founders>).

³⁶ Гельман Анна Дмитриевна // Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 397.

³⁷ Мельникова Н.В. Указ. соч. С. 41.

³⁸ Артёмов Е.Т., Бедель А.Э. Укрошение урана. Екатеринбург, 1999. С. 62.

³⁹ Подсчитано по: Третий цех. Екатеринбург, 2007. С. 62–78.

⁴⁰ Москвина Р.П. Забытые страницы истории изотопного производства // Третий цех. С. 38.

⁴¹ Сохина Л.П., Колотинский Я.П., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. Екатеринбург, 2003.

одежда: по специальному заказу были сшиты шёлковые халаты, комбинезоны и шапочки⁴².

Этот курьёзный случай не умаляет заслуг женщин-радиохимиков и химиков. Более того, стоит специально отметить, что на них лежала самая «грязная» и вредная промежуточная работа в процессе выделения плутония из облучённых урановых блоков и доведения его до спектрально-чистого состояния⁴³. Они же стали одними из первых жертв облучения. Уже в 1949 и 1950 гг. на комбинате «Маяк» были выявлены случаи хронической и острой лучевой болезни. Мы не располагаем статистикой того, сколько среди заболевших было женщин. Но, видимо, именно угрожающие условия работы заставили медико-санитарный отдел предприятия обратиться в 1951 г. в вышестоящие инстанции с предложением запретить женский труд на радиохимическом и металлургическом производствах⁴⁴. Абсолютного запрещения не последовало, но постепенно был отлажен процесс перевода переоблучённых на работу в «чистые» условия (это распространялось и на мужчин, и на женщин). Кроме того, из некоторых подразделений, считавшихся особо опасными (например, регенерационное отделение), всех женщин вывели⁴⁵. Однако, поскольку внимание врачей в тот период сосредоточивалось на внешнем облучении, опасность и последствия внутреннего они поняли и выявили не сразу⁴⁶. В результате к концу 1950-х гг. на «Маяке» скончались от плутониевого пневмосклероза четыре женщины в возрасте от 30 до 35 лет (всего с 1957 по 1982 г. по этой причине умерли восемь женщин и один мужчина)⁴⁷. Все они начали работу в 1949 г. в опытно-промышленном цехе № 9 и содержание плутония в их организмах более чем в 100 раз превышало допустимые нормы.

Помимо «вторжения» в «мужские» профессии, женщины осваивали и принципиально новые специальности, связанные со становлением производства, такие, как инженер управления реактором. В мемуарах мужчины-руководители обязательно подчёркивали этот факт, вызывавший у них «невольное восхищение» (которое можно трактовать и как удивление от выполнения женщинами «мужского» функционала). Хотя, по воспоминаниям ветеранов этой службы, И.В. Курчатov считал, что управлять реакторами должны именно женщины, так как они более внимательны, вдумчивы, дотошны и аккуратны⁴⁸. На одном из реакторов даже скомплектовали смену, начальник и заместитель которой, а также старший инженер и инженер управления были женщинами. Во время одного из дежурств этой «женской» смены произошла авария, связанная с разрушением урановых блоков и спеканием их с графитом (на сленге металлургов это называется «козёл»).

Американская исследовательница-антрополог М. Розальдо подчёркивала, что место женщины в социальной жизни является результатом не того, что она делает, а того, какое значение придается её действиям в рамках конкретных

⁴² *Пожарская Е.М.* Указ. соч. С. 52.

⁴³ *Сохина Л.П., Колотинский Я.П., Халтурин Г.В.* Указ. соч. С. 30.

⁴⁴ *Толстиков В.С.* Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.). Челябинск, 1998. С. 72.

⁴⁵ *Сохина Л.П.* Страницы истории химико-металлургического завода № 20 ПО «Маяк». Озёрск, 1998. С. 41, 44.

⁴⁶ *Гуськова А.К.* Атомная отрасль страны глазами врача. М., 2004. С. 100–101.

⁴⁷ *Сохина Л.П.* Указ. соч. С. 96.

⁴⁸ *Аникина Н.А.* Не ради наград (Электронная библиотека «Росатома». Живая история (URL: http://memory.biblioatom.ru/persona/anikina_n_a/anikina_n_a/).

социальных взаимодействий⁴⁹. Видимо, социальные взаимодействия в советском атомном проекте воспринимались как «мужской» мир. И, несмотря на то, что подобные аварии происходили и до этого, и после, этот конкретный инцидент был увязан с половой принадлежностью управленцев смены: мужчины ехидно называли произошедшее «козой». В результате, по наблюдению П.А. Журавлёва (директор Сибирского химического комбината в 1961–1969 гг.), «с тех пор ни одна женщина не работала ни начальником, ни заместителем начальника смены» управления реактором⁵⁰.

Существование запрета или, правильнее сказать в отсутствие подтверждающих документов, практики выдвижения женщин на должность начальника смены подтверждает и другой директор – реакторного завода, а затем и всего комбината «Маяк» Б.В. Брохович. По его воспоминаниям, всё же была единственная в отрасли женщина, работавшая начальником смены управления реактором – Т.А. Марусина, под руководством которой на протяжении 20 лет (1957–1977) обеспечивалась безаварийная работа⁵¹. На основании личных дел работников Брохович составил биографии, изучив которые можно сделать заключение, что женщины на «Маяке» работали и заместителями начальников смен (чаще всего уже в 1960-х гг.). Во многом «женскими» на атомных предприятиях оставались должности инженеров и старших инженеров управления реактором.

Как «женская» начиналась и должность инженера по разгрузке реактора, которая вместе с системами управления и защиты относилась к самым ответственным системам реактора. Основное оборудование этой системы располагалось под реактором, в недоступном месте под слоем воды. С этой сложной системой, часто дававшей сбой в период пуска наладочных работ, первыми начали работать женщины (среди операторов отделения по разгрузке был только один мужчина)⁵². Однако в последующем из-за тяжёлых условий труда на данную должность женщин уже не назначали.

На реакторах была и работа, которую выполняли только женщины. Это оператор отметки расходомеров (выявляет расход воды в технологическом канале реактора, чтобы не допустить остановки последнего) или бригады по поиску течи в вакуумных системах диффузионных машин обогащения. Большая эффективность труда женщин в этих сферах деятельности оказалась установлена «опытным путём». На горнохимическом комбинате (Железногорск) был период, когда, «желая избавить женщин от подземного труда», на все должности операторов отметки расходомеров ставили молодых мужчин. Вскоре выяснилось, что результаты их работы не равноценны женской. Женщины оказались более терпеливыми, внимательными и обязательными, точнее замечали систематические сбои, определяя колебания воды в технологическом канале реактора с точностью до 0.01 кубометра⁵³. Поэтому они полностью заменили мужчин на этой должности. По сходным причинам на Уральском электрохимическом комбинате (Новоуральск) были расформированы мужские бригады по поиску течи в вакуумных системах газодиффузионных машин обогащения урана-235⁵⁴. Женские бригады

⁴⁹ Rosaldo M. The Use and Abuse of Anthropology. Reflections on Feminism and Cross-cultural Understanding // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 5. 1980. № 3. P. 400.

⁵⁰ Журавлёв П.А. Мой атомный век. М., 2003. С. 233.

⁵¹ Брохович Б.В. О современниках: Воспоминания. В 4 ч. Ч. 1. Озёрск, 1998. С. 127, 128.

⁵² Первопроходцы: книга памяти. Озёрск; Челябинск, 2011. С. 50.

⁵³ Журавлёв П.А. Указ. соч. С. 233.

⁵⁴ Петросьянц А.М. К истории получения высокообогащенного урана на Комбинате № 813 // Создание первой советской ядерной бомбы. С. 274.

отыскивали на комбинате течи «дедовским способом» (путём обмыливания соединений и подозрительных мест), вплоть до создания специальных течеискателей.

И всё же, несмотря на наличие должностей и специальностей, которые занимали женщины, штаты атомных объектов оставались по преимуществу мужскими. Например, на будущем Уральском электрохимическом комбинате в 1947–1951 гг. женщины составляли 35.3% работников, похожая цифра была и в будущем ВНИИТФ во второй половине 1950-х гг. (36%), и на будущем комбинате «Электрохимприбор» в конце десятилетия (37%)⁵⁵. В то же время женщины составляли около половины населения закрытого атомного города. Большинство из них работали вне градообразующего предприятия: в здравоохранении, просвещении, торговле и общественном питании. Например, по переписи населения 1959 г. в Лесном количество женщин среди медиков доходило до 92.3%, в сфере просвещения, науки и искусства – 87.3%, торговли и общественного питания – 81.5%⁵⁶.

Четвёртая сфера по числу занятых в ней женщин – строительство, говоря о котором, нельзя не упомянуть о заключённых. Хотя в общем их количестве женщин было немного (по разным объектам атомного проекта в период с 1946 г. до конца 1950-х гг. эти цифры колеблются от 7% до 31.5%⁵⁷), именно они выполняли многие строительные и отделочные работы при возведении жилья и объектов социально-бытовой инфраструктуры. Женщины пополняли и ряды вольнонаёмных строителей после амнистий (например, 1947 и 1953 гг.).

Приведённый материал позволяет приблизиться к пониманию масштаба женской занятости в советском атомном проекте и заключить, что в некоторых его сферах женщины сыграли решающую роль. Как государство оценило их труд? После испытания первого атомного заряда в 1949 г. в числе награждённых были 58 женщин (5.4%). Среди получивших орден Ленина женщины составили 4.2%, орден Трудового Красного Знамени – 5.6%, орден «Знак Почёта» – 32.7%⁵⁸. Нетрудно заметить, что количество награждённых росло по мере снижения престижа награды. За выдающиеся научные открытия и технические достижения были отмечены только две женщины. З.В. Ершова стала лауреатом Сталинской премии и обладателем ордена Трудового Красного Знамени. Последний также получила К.Г. Орджоникидзе за участие в разработке масс-спектрометров.

⁵⁵ Подсчитано по: Группа фондов научно-технической и управленческой документации Уральского электрохимического комбината, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 4–5; Группа фондов комбината «Электрохимприбор» (далее – ГФ ЭХП), ф. 4, оп. 1, д. 45, л. 2, 7; д. 52, л. 35; История создания, развития и деятельность ВНИИТФ. Т. 1. Кн. 2. Гл. 4 // Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс]...

⁵⁶ Подсчитано по: ГФ ЭХП, ф. 1, оп. 1, д. 122, л. 2.

⁵⁷ Подсчитано по: *Кузнецов В.Н.* Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004. С. 70; *Кузнецов В.Н.* Атомные закрытые административно-территориальные образования. Екатеринбург, 2015. С. 94; *Кучин С.П.* События, люди... Красноярск-26, 1994. С. 29; *Кучин С.П.* Полярский ИТЛ (Тулаг – уголовный). Красноярск-26, 1999. С. 181–184; *Рейт Г.А.* Ведомственные населённые пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991). Дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2014. С. 162, 166, 167; Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... Саров, 2000. С. 90.

⁵⁸ Подсчитано по: Постановление СМ СССР № 5070–1944сс/оп «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию атомной энергии» // Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 1. Саров, 1999. С. 530–562; Указ Президиума Верховного совета СССР «О награждении орденами СССР научных, инженерно-технических работников, наиболее отличившихся при выполнении специального задания правительства» // Там же. С. 565–605.

Количество награждённых женщин было столь мало, что формулировки соответствующего постановления Совета министров СССР оказались даже не рассчитаны на них: без различия пола прописывалось «право пожизненно для них, *их жён* и детей» на некоторые социальные блага. Правда, в серии награждений после испытания водородной бомбы в 1953 г. женщин – лауреатов Сталинской премии было ощутимо больше: 20 человек (3.3%)⁵⁹. Однако эти цифры всё равно выглядят очень скромными. Можно сказать, что награды как особый социальный символ⁶⁰ отражали общее положение женщин в СССР.

Изучение женской занятости в атомном проекте позволяет проследить как изменения в гендерной политике послевоенного Советского Союза, так и особенности функционирования отрасли в период её становления. На атомных объектах не обнаруживается предубеждения к женскому труду, характерного для довоенной индустрии, или предпочтения приёма женщин на малоквалифицированную, плохо оплачиваемую работу⁶¹. Общая нехватка кадров и преобладание женщин с высшим образованием в некоторых специальностях (например, химия) по окончании военного времени требовали иного подхода. При наличии достаточной квалификации и специфических «проходных баллов» женщины рассматривались как трудовая сила наравне с мужчинами. Исключение составляли административные позиции, впрочем, малая доля женщин среди руководителей (в частности, полное их отсутствие в высшем эшелоне) соответствовала общесоюзным реалиям. Наблюдалась и тенденция вытеснения женщин из сфер, в которых они во время войны или сразу после неё обрели лидерство⁶².

Также можно отметить длинный «хвост» советской гендерной мобилизации военного периода. Женщины работали в тяжёлых и вредных условиях, их занятость распространилась на те области, которые ранее представлялись «мужскими». Но это было не вытеснением в малооплачиваемые и/или непрестижные ниши деятельности, а признанием права на эти должности и специальности на основании оценки «женских» навыков и характеристик.

⁵⁹ Подсчитано по: Постановление СМ СССР № 3044–1304сс «О присуждении Сталинских премий научным и инженерно-техническим работникам Министерства среднего машиностроения и других ведомств за создание водородной бомбы и новых конструкций атомных бомб» // Атомный проект СССР... Т. 2. Кн. 7. М.; Саров, 2007. С. 625–642; Постановление СМ СССР № 3045–1305сс «О присуждении Сталинских премий научным и инженерно-техническим работникам Министерства среднего машиностроения и других министерств и ведомств за научную и конструктивную разработку и сооружение атомного котла с замедлителем из тяжёлой воды и за организацию производства тяжёлой воды» // Там же. 642–647.

⁶⁰ Подробнее см.: *Малинкин А.М.* Награда как социальный феномен. Введение в социологию наградного дела. М.; СПб., 2013.

⁶¹ См.: *Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 84.

⁶² Подробнее см.: *Вавулинская Л.И.* Проблема женской занятости в 1950-х гг. (На материалах Карелии) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 82–90; *Васильева Л.Е.* Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945–1965 гг. (на материалах Саратовской области). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; *Goldman W.Z.* Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge, 2002. P. 91; *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». Вып. 1. М., 2006. С. 64–69; *Мерзлякова Г.В.* Героини второго фронта: О вкладе женщин автономных республик РСФСР в победу в Великой Отечественной войне. Ижевск, 1992. С. 12; *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23; и др.

Из истории открытия Ипатьевской летописи

Александр Майоров

From the history of the discovery of the Ipatiev Chronicle

Alexandr Maiorov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

В трудах по истории рукописного собрания Библиотеки Российской Академии наук отмечается, что первые сведения об Ипатьевской летописи относятся к 1767 г. (письмо С.С. Башилова к А.Л. Шлёцеру), однако время и обстоятельства поступления рукописи в библиотеку неизвестны¹. По мнению С.П. Луппова, дата приобретения летописи может быть определена лишь приблизительно: 1765–1767 гг.² В новейшей «Летописи Библиотеки Академии наук» читаем: «Ипатьевская летопись поступила в библиотеку после отъезда Шлёцера из Петербурга, т.е. после 15 июня 1765 г.»³. Приведённые сведения требуют пересмотра и уточнений.

Как следует из владельческих записей, сохранившихся на лицевой стороне первого листа кодекса, в древности он принадлежал костромскому Ипатьевскому монастырю: «Летописецъ Киевской. Книга Ипацского монастыря слуги Тихана сына Мижуева» (далее неразборчиво); «Летописецъ Ипатцкого монастыря слуги Тихана Мижуева»; «Книга Ипатцова старца Тарасия». На обороте первого листа сделана ещё одна запись: «Книга Ипатцкого монастыря летописецъ о княжении». По почерку и языку эти записи обычно датируют XVII в. Также принято считать, что имя Тарасий мог получить сам Тихон Мижуев после пострижения⁴. Ниже президент Академии наук С.С. Уваров приписал «Книга сия, именуемая летописецъ киевский, Книга Ипатцкого монастыря слуги Тихона Мижуева, принадлежит Библиотеке Императорской Академии

© 2017 г. А.В. Майоров

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 16-18-10137.

¹ *Петров В.А.* История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. // Исторический очерк и описание фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век / Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1956. С. 234; *Лихачёва О.П.* Ипатьевская летопись // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР / Отв. ред. Л.И. Киселёва и Н.П. Копанева. Л., 1990. С. 11.

² *Луппов С.П.* Библиотека Академии наук в 1766–1800 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964 гг. / Отв. ред. М.С. Филиппов. М.; Л., 1964. С. 141.

³ Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. I: 1714–1900 / Науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головки. СПб., 2004. С. 146.

⁴ См.: *Бердников Я.И.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. V; *Палаузов С.Н.* Предисловие // Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. IV; *Шахматов А.А.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. С. VI; Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Т. 3. Вып. 1: (VI. История) / Сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. Л., 1930. С. 77; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1: Хронографы, летописи, степенные, родословные разрядные книги / Сост. В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзакова (далее – ОРО). М.; Л., 1959. С. 303; *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. С. F.

наук, и в каталоге вновь сделанном (далее неразборчиво) и в 1818 году напечатанном занесена под № 6а. Президент Сергей Уваров». Затем следует автограф П.И. Соколова: «Унтер-Библиотекаръ Статский Советник Пётр Соколов».

Ещё одну запись, сделанную почерком XVII в., находим на обороте верхней доски переплета: «Сия книга Ипацкого монастыря Тихона Андреева(?)». Последние слова в этой записи ныне практически не читаются. Полностью её прочитал только Я.И. Беренников в 1843 г.: «Сия книга Ипатцкого монастыря слуги Тихана Андреева сына Мижуева». Ниже почерком XIX в. записано: «Из библиотеки С.-Петербургской Академии наук».

И.В. Рогов и С.А. Уткин отождествляют упомянутого в записи Тихона Мижуева с потомственным монастырским слугой Тихоном Андреевичем Мижуевым, жившим во второй половине XVII в.: «Его отец Андрей Гаврилович Мижуев сам был монастырским служкой и проживал, по данным писцовой книги Костромы 1628 года в подмонастырской Богословской слободе»⁵. О некоторых представителях рода Мижуевых сохранились сведения во вкладной книге Ипатьевского монастыря 1728 г. Здесь упоминается и сам Тихон Мижуев, делавший вклады в 1645 г., за что «ево приняли в служки», и в 1663 г. «по родителям своим, для вечнаго поминовения; десять рублей, и написаны в сенадике»⁶. «Таким образом, — делают вывод исследователи, — предположение о тождестве Тихона Мижуева и старца Тарасия не лишено оснований, особенно если учесть, что первая буква имён Тихон и Тарасий совпадают»⁷.

Однако по имеющимся у нас данным в составе монастырского книжного собрания летопись оказалась значительно раньше — ещё в конце XVI в. В древнейшей известной ныне переписной книге Ипатьевского монастыря, составленной 11 апреля 1595 г. «по приказу строителя старца Гурья» (Гурий Ступишин — фактический глава монастыря в период строительства каменных укреплений, 1586 — конец 1590-х гг.⁸), среди книг, хранившихся в ризнице Свято-Троицкого собора («книг въ Троице Живоначальной»), значится: «Книга Летописецъ Русской въ десть на бумаге»⁹. Едва ли можно думать, что в опись попала какая-то другая, ныне неизвестная летопись, поскольку нет сведений о каких-либо ещё русских летописях, хранившихся в Ипатьевском монастыре в XVI—XVIII вв. Кроме того, отмеченное в описи название книги соответствует заголовку, читающемуся на лицевой стороне третьего листа (по нынешней фолиации) — «Летописец Руский».

В фондах Костромского музея хранится ещё один интересный для нас артефакт — надгробная плита со старого монастырского кладбища с надписью: «Лета 7100 преставися раб Божий инок Тарасий»¹⁰. Дата смерти

⁵ Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. С. 91; Государственный архив Костромской области (далее — ГА КО), ф. 558, оп. 2, д. 133, л. 682; Писцовая книга города Костромы 1627/28—1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалёвой; сост.: Л.А. Ковалёва, О.Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004. С. 329.

⁶ Костромской государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — КГОИАХМЗ), КОК 24010/91, л. 43 об., 70.

⁷ Рогов И.В., Уткин С.А. Указ. соч. С. 91; Костромские монахи-книжники XIV—XX вв.: библиографический словарь / Авт.-сост. О.В. Горохова, П.П. Резепин. СПб., 2015. С. 694—695.

⁸ Кудряшов Е.В. Архитектурные памятники Ипатьевского монастыря XVI—XVII вв. // Краеведческие записки Костромского музея-заповедника. Вып. 1. Ярославль, 1973. С. 65—66.

⁹ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / Сообщил М.И. Соколов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1890. Кн. 3. Отд. 1. С. 33.

¹⁰ КГОИАХМЗ, вх. 560, 1169/6.

Тарасия — 1592 г. — более согласуется с датой первого упоминания летописи в описях монастырских имуществ. Поэтому нельзя исключать возможность отождествления первого владельца книги с иноком Тарасием, жившим во второй половине XVI в.¹¹

Вплоть до середины XVIII в. летопись, по всей видимости, находилась в Ипатьевском монастыре, о чём можно судить по сохранившимся письменным свидетельствам. Впрочем, сведения на этот счёт носят несколько противоречивый характер. По данным Е.В. Сапрыгиной, «пребывание раритета в монастырской библиотеке подтверждается описями имуществ 1642 и 1682 годов. Там она (книга. — А.М.) оставалась до второй половины XVIII столетия, что доказывается монастырской описью 1764 года, где Ипатьевская летопись значится как “Летописец Киевский о княжении”»¹².

В архивохранилищах Костромы не удалось найти подтверждения этим сведениям. В сохранившихся (полностью или частично) после пожара 1982 г. в Государственном архиве Костромской области описях Ипатьевского монастыря и, в частности, хранившихся в нём исторических документов (жалованных грамот, купчих крепостей, выписей из писцовых книг и др.), произведённых в 1610, не ранее 1750, в 1755 и не ранее 1763 г., сведения о летописи отсутствуют¹³.

Последним по времени создания из дошедших до нас документов, подтверждающих пребывание летописи в монастыре, можно считать опись 1736 г. («Книги описные Троицкому Ипатскому, обретающемуся при Костроме, монастырю»), созданную при одном из последних архимандритов Пимене (Савёлове), очевидно, в связи с подготовкой к образованию Костромской епархии (1744 г.), ныне хранящуюся в музее Костромской епархии. Среди прочих монастырских книг здесь значится «Летописец Киевской о княжении двоестрочная в десть». Книга упоминается среди «Книг Писмянных» (т.е. рукописных), хранившихся вместе с печатными в монастырской «книгохранительной»¹⁴.

Закрепившееся за летописью в Ипатьевском монастыре название — «Летописец Киевский» — не было первоначальным и появилось только в первой половине XVII в. Заглавной записи, сделанной на лицевой стороне первого листа кодекса («Летописец Киевской») соответствует запись в описи церковных книг Ипатьевского монастыря, составленной в мае 1639 г.: «Книга Летописец Киевской о княжении. Писмянной двоестрочной в десть»¹⁵. Первоначально (что подтверждается и цитированной выше описью 1595 г.) книга должна была называться иначе — «Летописец Русский» (в соответствии с древним самоназванием произведения). Кодекс переименован, по-видимому, в связи

¹¹ См.: *Резепин П.П.* Костромской некрополь. Ипатьевский монастырь // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. 2011. № 24. С. 122–123.

¹² *Сапрыгина Е.В.* Стражи времени. Кострома, 2005. С. 378.

¹³ ГА КО, ф. 712, оп. 2, д. 17 (Опись Ипатьевского монастыря. Оригинал); оп. 5, д. 2 (Опись жалованных, данных, меновых, разьежжих, сотных грамот, купчих крепостей, выписей из дозорных и писцовых книг, хранившихся в Ипатьевском монастыре); д. 4 (Опись имущества Ипатьевского монастыря. Фрагмент); д. 5 (Опись жалованных, данных, послушных, разьежжих, сотных грамот, выписей из писцовых книг, хранившихся в Ипатьевском монастыре).

¹⁴ Центральный историко-археологический музей Костромской епархии, НВ-ВХ 92, КМЗ, вх. 119, л. 71 об. Ранее рукопись находилась в фондах КГОИАХМЗ. Благодарю С.Г. Виноградову за предоставленные сведения об этом документе.

¹⁵ ГА КО, ф. 712, оп. 2, д. 132, кор. 25, л. 13.

с проведением в монастыре книжной описи в 1639 г., вероятно, тогда же на чистой стороне первого листа появился и новый заголовок.

Неясным и слабо изученным остаётся вопрос о происхождении кодекса. Исследователи давно обратили внимание на характерные языковые явления (смешение букв «ц» и «ч», а также «у» и «в», «и» и «ять»; во многих случаях неправильное употребление букв «ч» и «ц» впоследствии исправлено в рукописи), свойственные переписчикам. Ещё в 1908 г. А.А. Шахматов отметил, что «Ипатьевский список сделан в одной из севернорусских областей»¹⁶, уточнив позднее, что рукопись «писана... по всей видимости, в Пскове с южнорусского оригинала»¹⁷. Севернорусское происхождение Ипатьевского кодекса вслед за Шахматовым признавали многие другие исследователи: летопись могла быть переписана во Пскове или – шире – в северо-западных землях Руси в первой четверти XV в.¹⁸ Современные лингвисты также отмечают в Ипатьевском списке «многочисленные новгородизмы», «показательные» псковские и западно-русские диалектизмы¹⁹.

Новейшие исследования в области текстологии и хронологии Ипатьевской летописи, как кажется, подтверждают и уточняют сделанный ранее вывод. Установлено, что хронология изначально недатированных известий Галицко-Волынской летописи в Ипатьевском списке, скорее всего, была создана новгородским редактором, работавшим в конце 1410 – первой половине 1420-х гг. и опиравшимся на хронологию предполагаемого свода 1418 г. – общего протографа летописей новгородско-софийской группы (Новгородская Карамзинская, Софийская первая и Новгородская четвёртая летописи)²⁰. Ипатьевский кодекс создавался либо вскоре после свода 1418 г., либо практически одновременно с ним. Это обстоятельство объясняет текстуальные заимствования из Галицко-Волынской летописи, обнаруживающиеся в летописях новгородско-софийской группы²¹.

Если Ипатьевский кодекс действительно был переписан в Новгороде, то возможность его перемещения в Кострому может быть подтверждена известными фактами новгородской истории конца XV в. После присоединения Новгорода к Москве новгородское боярство, часть духовенства и верхушка посадского населения («житыи люди») подверглись массовым репрессиям. В частности,

¹⁶ Шахматов А.А. Предисловие. С. VIII.

¹⁷ Шахматов А.А. Несколько замечаний об языке псковских памятников XIV–XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 22. 1909. № 7. Июль. С. 114, 117–119; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. LIII.

¹⁸ Орлов А.С. О Галицко-Волынской летописании // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 15; Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 431; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 227; Клоос Б.М. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 20, примеч. 6; Шевелева М.Н. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2(20). С. 206.

²⁰ Романова А.А. О хронологии Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 г. / Сост. В.Ф. Андреев. Новгород, 1997. С. 66–70; Романова А.А. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Сборник в честь В.К. Зиборова. СПб., 1997. С. 59–66. О своде 1418 г. (свод митрополита Фотия) см.: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 128–160.

²¹ См.: Толочко А.П. О хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Palaeoslavica. 2005. Т. 13. № 1. С. 81–108.

значительное число новгородских жителей вместе с семьями насильственно переселялись в другие области Русского государства, в том числе в Кострому и Костромской уезд²². По подсчётам Ю.Г. Алексеева, при Иване III с новгородских земель было выведено более 1 100 владельцев, среди них около 540 богатых вотчинников²³. В числе выселенцев могли оказаться и новгородские землевладельцы Мижуевы. Во всяком случае, некоторые представители этой фамилии известны по упоминаниям в Переписной оброчной книге Деревской пятины (ок. 1495 г.)²⁴. Созданный, вероятнее всего, в Новгороде Ипатьевский кодекс мог быть перемещён в Кострому в конце XV в. вместе со своими первыми владельцами, а столетие спустя оказался в Ипатьевском монастыре, где оставался до середины XVIII в.

В мае—июне 1767 г. состоялось одно из больших путешествий по России Екатерины II — «Волжский вояж», начавшийся в Твери и закончившийся в Симбирске. На флотилии из 12 больших пассажирских и транспортных судов императрица посетила несколько десятков прибрежных городов и селений, монастырей и достопримечательных мест²⁵. 14 мая флотилия прибыла к Ипатьевскому монастырю. Большую часть следующего дня Екатерина провела в обители. По случаю её приезда в северном прясле крепостной стены были устроены специальные ворота, ставшие основным входом в монастырь. Государыню встречал епископ Костромской и Галичский Дамаскин (Аскаронский) в сопровождении духовенства, генералитета и депутатов от дворянства губернии. В Троицком соборе монастыря Екатерина участвовала в торжественной литургии, после чего посетила келью архиерея. В честь государыни дали торжественный обед. Покидая обитель, императрица пожаловала в распоряжение епископа 3 тыс. руб.²⁶

Несомненно, одной из целей поездки императрицы было собирание древних летописей, хранившихся в поволжских монастырях. С юных лет Екатерина испытывала интерес к изучению истории, который с годами только возрастал. Уже во время коронационных торжеств в Москве в сентябре 1762 г. она посетила Троице-Сергиев монастырь и заказала копию с хранившегося в его библиотеке сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История» Авраамия Палицына²⁷. За несколько десятилетий активных занятий русской историей в личной библиотеке императрицы было собрано около 150 рукописей, главным образом списков с древних летописей²⁸. О сво-

²² *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 79; *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 17; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 417; *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2006. С. 290—291.

²³ *Алексеев Ю.Г.* На службе России. Боярин Яков Захарыч // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И.Я. Фроянов. СПб., 1995. С. 58.

²⁴ Новгородские писцовые книги. Т. 1. СПб., 1859. Стб. 114. Нельзя исключать, однако, что эти Мижуевы были служилыми людьми великого князя, переселёнными в Новгород в конце XV в.

²⁵ *Бильбасов В.А.* Походы Екатерины II по Волге и Днепру (1767—1787 гг.) // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 423—445; *Ибнеева Г.В.* Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // *Ab imperio*. 2000. № 2. С. 87—104.

²⁶ *Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 109, 174—175, примеч. 104; *Вознесенский Е.П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. С. 31—35; *Островский П.Ф.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 56—57.

²⁷ ОР РНБ, ф. 885, д. 370.

²⁸ *Альшиц Д.Н.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. Описание. М., 1968.

ей необыкновенной страсти к чтению русских летописей Екатерина II признавалась в письме от 9 мая 1792 г. к барону Ф.М. Гримму, немецкому писателю и дипломату: «Ничего не читаю, кроме того, что имеет отношение к истории России тринадцатого века. Сотня старых летописей составляет мою переносную библиотеку; приятно рыться в старом хламе»²⁹. Древние летописи и исторические документы императрица разыскивала не только в монастырях, но и в собраниях частных лиц. Вскоре после возвращения из путешествия по Волге 27 октября 1767 г. Екатерина писала сенатору кн. П.Н. Трубецкому: «Уведомилась я, что в библиотеке покойного отца Вашего есть старинной журнал царя Ивана Васильевича и Разрядная книга. И если оное правда, то я весьма желаю их видеть и велеть списать для себя. Отыщите и пришлите их ко мне»³⁰.

В поездке по Волге Екатерину II сопровождал гр. В.Г. Орлов, в 1766–1774 гг. занимавший пост директора Академии наук³¹. Орлов, похоже, был единственным из участников путешествия, кто подробно описал его в своём дневнике, впервые опубликованном в 1878 г. Из дневниковых записей Орлова можно заключить, что его участие в путешествии по Волге было связано в том числе с собирательскими интересами императрицы. В отыскании древних летописей, по-видимому, состояло особое поручение, отданное государыней директору Академии наук. Орлов лично вёл переговоры с местными архиереями, встречавшими Екатерину, и добивался от них согласия разыскивать и пересылать в Петербург древние летописи и другие важные исторические документы. 13 мая 1767 г. Орлов отметил, что в последний день пребывания в Ярославле вместе с архиерейским регистратором Волковым он посетил епископа Ростовского и Ярославского Афанасия (Волховского). Цель посещения очевидна из его результатов: «Архиерей посулил мне, также и регистратор Волков, прислать, сколько он может собрать, летописцев в своей епархии, — это стоит, чтоб написать»³².

Екатерина II и сама отдавала распоряжения разыскивать и доставлять в столицу древние летописи. Подобное приказание получил, в частности, епископ Нижегородский и Алатырский Феофан (Чарнуцкий), о чём свидетельствует запись от 20 мая в дневнике Орлова: «Государыня приказала архиерею собрать сколько можно известия и летописцев, которых здесь найти можно и переслать в Петербург»³³. Наибольший интерес представляет запись, сделанная 15 мая — в день посещения Ипатьевского монастыря. После торжественного приёма резиденцию епископа Костромского и Галичского Дамаскина посетили В.Г. Орлов и Г.В. Козицкий (адъютант Петербургской Академии наук, литератор и переводчик, в 1765–1775 гг. личный секретарь Екатерины II)³⁴,

²⁹ «Au reste, je ne lis rien du tout, à moins que cela ne soit du treizième siècle et n'ait rapport à l'histoire de Russie. Une centaine de vieilles chroniques font ma bibliothèque portative; c'est un plaisir que de s'enfouir dans ces vieux fatras» (Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Сборник Русского восточного общества. Т. 23. СПб., 1878. № 211. С. 566.

³⁰ Цит. по: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 82.

³¹ *Кубасов И.* Орлов, граф Владимир Григорьевич // Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905. С. 346–347.

³² *Орлов-Денисов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. СПб., 1878. С. 33; *Биографический очерк графа В.Г. Орлова* // Русский архив. 1908. № 7. С. 320.

³³ *Орлов-Денисов В.* Указ. соч. С. 39. См. также: *Биографический очерк...* С. 324.

³⁴ *Степанов В.П.* Козицкий Григорий Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. СПб., 1999. С. 93–98.

достигшие полного взаимопонимания с владыкой: «Я ходил к архиерею сам с Козицким, и он (епископ Дамаскин. — *А.М.*) мне посулил, сколько найдёт летописцев прислать ко мне; он человек изрядный, только малосведущ кажется»³⁵. Соблазнительно предположить, что Ипатьевская летопись могла быть доставлена в Академию наук вследствие распоряжений, сделанных Екатериной II и гр. В.Г. Орловым во время поездки по Волге.

Плавание императрицы закончилось в Симбирске: 8 июня на лошадях она выехала из города и 16 июня прибыла в Москву. Из дневника Орлова следует, что ещё 6 июня он покинул свиту императрицы, чтобы следовать далее на юг. Водным путём и на лошадях Орлов через Сызрань и Саратов добрался до Астрахани. В этом путешествии его среди прочих сопровождал Козицкий, чьё имя упоминается в записях от 18 июня и 2 июля. 13 июля Орлов и бывшие с ним лица вернулись в Москву³⁶. 31 июня в Москве начала работу созданная по инициативе Екатерины II Уложенная комиссия. В июле–августе государыня и её двор находились в Москве. В это время сюда, по всей видимости, были доставлены затребованные в Ярославле, Костроме и Нижнем Новгороде «летописцы». Подтверждение сказанному находим в материалах переписки Орлова.

В фонде Орловых-Давыдовых в РГБ сохранилась тетрадь с черновиками писем, продиктованных В.Г. Орловым своему секретарю в 1767–1769 гг. 9 августа 1767 г. было составлено письмо епископу Ярославскому Афанасию: «За присланные рукописные книги нижайше благодарствую и прошу впредь какие найдутся пересылать, так как Вы мне уже и обещали в бытность мою в Ярославле»³⁷. Около того же времени Орлов писал астраханскому архиерею: «За присланные известия о истории нижайше благодарствую. Естли что впредь случится что-нибудь достойное примечания, то прошу оное в оригинале сообщить»³⁸.

В сохранившихся документах Орлова и Козицкого не удалось отыскать подтверждения присылки костромским епископом Ипатьевской летописи в Москву или Петербург. Тем не менее в нашем распоряжении есть свидетельства, что первым получателем её стал именно Козицкий, который, вероятно, на правах секретаря императрицы распорядился отослать рукопись директору Академии наук. Это произошло в период между 13 июля и 20 августа 1767 г.

Как известно, А.Л. Шлёцер навсегда покинул Россию в сентябре 1767 г. Получив очередной отпуск для поездки в Германию, учёный собрал всё имущество, включая древние рукописи и многочисленные выписки из русских летописей. Он переехал в Гёттинген, где со временем принял университетскую кафедру³⁹. Как сообщает сын Шлёцера Христиан в составленной им биографии отца, тот отправился в путь уже 1 сентября⁴⁰. Выходит, что Ипатьевский кодекс должен был поступить в Академию наук после 1 сентября 1767 г. Однако из письма С.С. Башилова от 16(27) декабря того же года следует, что рукопись

³⁵ Орлов-Денисов В. Указ. соч. С. 36. См. также: Биографический очерк... С. 322.

³⁶ Орлов-Денисов В. Указ. соч. С. 47, 58, 69, 76.

³⁷ ОР РГБ, ф. 219, к. 7, д. 6, л. 31 об.

³⁸ Там же, л. 32 об.

³⁹ Андреев А.Ю. А.Л. Шлёцер и русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – начале XIX в. // История и историки. 2004 год. М., 2005. С. 143; Peters M. August Ludwig (von) Schlözer (1735–1809) // Europa-Historiker: Ein biographisches Handbuch / Hrsg. H. Duchhardt, M. Morawiec, W. Schmale, W. Schulze. Bd. 1. Göttingen, 2006. S. 87.

⁴⁰ Schlözer Ch., von. August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden. Bd. 1. Leipzig, 1828. S. 115.

попала в распоряжении Академии ещё до отъезда Шлёцера: во всяком случае, Башилов полагал, что Шлёцер успел познакомиться с кодексом («я думал, что Вы его видели») ⁴¹. В фонде Академической комиссии Архива Академии наук в Санкт-Петербурге сохранился документ, позволяющий установить точную дату поступления Ипатьевской летописи в Академию наук.

В канцелярской копии резолюции Академической комиссии от 20 августа 1767 г. говорится о доставке рукописи из Москвы, а также о распоряжении директора Академии наук гр. В.Г. Орлова о передаче её переводчикам Поленову и Башилову для снятия точной копии: «Его сиятельство граф Володимир Григорьевич Орлов предоставил присланные к нему из Москвы при письме от г-на коллежского советника Козицкого три древния летописца: два списанные, один вчетверну, другой в поллиста, а 3 в переплете – Киевской летописец древняго письма, и приказал Его Сиятельство оный летописец отдать переписать переводчику Поленову, и потом в сходстве оного сличать с переводчиком Башиловым. Каким же образом тот летописец списывать, то для того отдать им, Поленову и Башилову, упомянутое письмо в оригинале при копии с сей резолюции, как же оный списан будет, то взнестъ в комиссию оба. Прочие два отдать в библиотеку» ⁴². Как следует из документа, в августе 1767 г. Академия наук получила три новых списка русских летописей. Два из них представляли собой копии с древних оригиналов, снятые, вероятно, специально для Академии. Идентифицировать эти списки с известными ныне рукописями в собрании Библиотеки Академии наук пока не удалось.

Идентификация третьей рукописи не вызывает сомнений. Древним списком Киевской летописи, доставленным в Академию наук в 1767 г., мог быть только нынешний Ипатьевский список Ипатьевской летописи. Его указанный в резолюции Академической комиссии заголовок читается на лицевой стороне первого листа рукописи: «Летописецъ Киевской». Этот же заголовок, как мы увидим ниже, указан Башиловым в описании рукописи, составленном для Шлёцера. Факт передачи рукописи 20 августа 1767 г. в распоряжение Поленова и Башилова для снятия копии подтверждается письмами последнего от 12 сентября и 16 декабря того же года к Шлёцеру.

Из резолюции Академической комиссии также следует, что Ипатьевский список был прислан в Академию из Москвы с сопроводительным письмом коллежского советника Козицкого, в котором, по-видимому, содержались инструкции или какие-то специальные пояснения в отношении надлежащего копирования древнего оригинала, что потребовало передачи подлинника этого письма назначенным комиссией переписчикам.

Упомянутым в резолюции отправителем летописей из Москвы мог быть только Г.В. Козицкий. Среди его многочисленных интересов было изучение древнерусской истории и русских летописей. Вместе с И.Е. Глебовским он подготовил к изданию «Древний летописец» (СПб., 1774–1775. Ч. 1–2). Издание воспроизводит летописный текст (без рисунков) Остермановского тома «Лицевого свода» из собрания Библиотеки Академии наук ⁴³.

Одним из первых к изучению рукописи приступил Семён Сергеевич Башилов (1741–1770), выпускник Московского университета, в 1765–1769 гг.

⁴¹ [Каченовский М.Т.] Письма Башилова к Шлёцеру // Вестник Европы. 1812. Ч. 61. С. 318.

⁴² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее – СПбФ АРАН), ф. 3, оп. 1, д. 307, л. 147–147 об.

⁴³ ОР БАН, Основное собрание, 31.7.30.

занимавший должность переводчика Академии наук. Под руководством Шлёцера Башилов участвовал в издании первых двух частей Никоновской летописи (СПб., 1767–1768), а также подготовил к изданию Судебник Ивана Грозного, Законы Юстиниана, Указы и Таможенный устав Ивана Грозного (СПб., 1768)⁴⁴.

В 1812 г. М.Т. Каченовский опубликовал небольшую подборку писем Башилова к Шлёцеру, доставленных в Москву сыном последнего: «Х.А. Шлецер, сын знаменитого геттингенского профессора, по благосклонности доставил мне шесть писем от Башилова к его родителю, — писал издатель. — Пользуясь этим благоприятным случаем, помещаю здесь три письма, как они были написаны, на латинском языке. Пусть пребудут они свидетельством истинной учёности и благонамеренного трудолюбия сего нашего соотечественника»⁴⁵. В письме от 12 октября 1767 г. Башилов сообщал, что ему было поручено Комиссией Академии наук (академическое учреждение, действовавшее в 1766–1803 гг., заменившее собой Канцелярию Академии наук) включиться в работу над Ипатьевским списком. Это поручение отмечено в письме цифрой «I», что, вероятно, свидетельствует о его первоочередной важности: «В числе прочего в Комиссии постановили: I. чтобы кодекс, присланный из Ипатьевского монастыря в Комиссию и выданный господину Поленову для описания, был мною просмотрен и все описанные листы при этом дословно сверены с оригиналом»⁴⁶.

Как следует из письма, первым с Ипатьевским списком работал Алексей Яковлевич Поленов (1738–1816), выпускник Петербургского Академического университета, учившийся затем в Страсбурге и Гёттингене. В 1767–1771 гг. он занимал должность переводчика Академии наук и вместе с Башиловым готовил к изданию вторую часть Никоновской летописи, Законы Юстиниана и др.⁴⁷ Из последующей переписки выясняется, что в задачу А.Я. Поленова входило не только описание (*ad describendum*) Ипатьевского кодекса, но и копирование его, очевидно, с целью подготовки рукописи к печати.

Известие о доставке в Петербург Ипатьевской летописи вызвало большой интерес со стороны Шлёцера, и в ответном письме он, надо полагать, просил Башилова дать более подробные сведения о рукописи. В результате возникло первое научное описание Ипатьевского списка. Полученные от Башилова новые сведения об Ипатьевском кодексе оказались настолько важными, что Шлёцер незамедлительно сообщил об этом в печати. В изданном в 1768 г. И.Х. Гаттерером (1727–1799) в Гёттингене шестом томе «Всеобщей исторической библиотеки» (*Allgemeine Historische Bibliothek*) опубликована небольшая заметка под названием «Выдержка из одного сообщения из С.-Петербурга от 16(27) декабря 1767 г.». В редакторском предисловии к ней пояснялось, что речь идёт о доставке в Петербург «очень ценного кодекса Анналов, самого старого после Радзивиловского»⁴⁸,

⁴⁴ *Штрэнге М.М.* Историк и археограф XVIII в. Семён Башилов // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 352–358; *Моисеева Г.Н.* Башилов Семён Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 72–73.

⁴⁵ [Каченовский М.Т.] Указ. соч. С. 314.

⁴⁶ Там же. С. 315.

⁴⁷ См.: *Шугуров М.* Учёные и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А.Я. Поленова) // Русский архив. 1866. Т. 5. Стб. 304–324; *Шмурло Е.* Поленов Алексей Яковлевич // Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1905. С. 467–470; *Степанов В.П.* Поленов Алексей Яковлевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 456–457.

⁴⁸ В действительности Ипатьевский список (первая четверть XV в.) древнее Радзивиловского списка (конец XV в.).

о котором ранее Академия наук имела некоторые сведения; он кажется должен быть из XIII века. О нём и о других новостях русской литературы г-н Башилов написал следующее предварительное сообщение для г-на проф. Шлёцера»⁴⁹.

Приведу текст сообщения Башилова вместе с редакторскими пояснениями Гаттерера и комментариями к нему Шлёцера в моём переводе с латинского и немецкого языков (редакторские пояснения в виде вставок в основной текст документа приводятся в круглых скобках, в квадратных скобках даны комментарии Шлёцера):

«Мои наблюдения в отношении Ипатьевского кодекса (так он (Башилов. — А.М.) называет этот новооткрытый кодекс) в настоящий момент таковы:

1. Размер и внешний вид не очень отличаются от Воскресенского⁵⁰ (см. соответствующий том данной Всеобщей исторической библиотеки, стр. 71 слл.)⁵¹.

2. Начинается он совершенно так же, как все кодексы Нестора, и доходит до 6800 года (т.е. 1292 от Р.Х.). На предпоследнем его листе упомянут Болеслав Сомовитович, такими словами: Год 6898⁵². После Лестька в Кракове сел Болеслав Сомовитович, брат Кондрата; и пришел Индрих, князь Вроцлавский, и выгнал его. На остальных листах в конце речь идёт о делах литовских и татарских, и там упоминается некий Куремса, татарский князь⁵³. [Таким образом, эти последние листы не относятся к самому кодексу]⁵⁴.

3. Он написан на обычной бумаге в два столбца, подобно Патриаршему кодексу⁵⁵.

4. С начала примерно до середины он совпадает с Радзивилловским⁵⁶.

5. В нём различаются два почерка⁵⁷. В начале и в конце почерк одинаковый и несколько походит на почерк Новгородского кодекса⁵⁸; однако этот последний гораздо безыскуснее и труднее для чтения. В середине кодекса почерк

⁴⁹ Auszug eines Schreibens aus St. Petersburg, vom 16/27 Decbr. 1767 // Allgemeine Historische Bibliothek. 1768. Bd. VI. S. 303.

⁵⁰ Алатырский список Воскресенской летописи, вторая половина XVI в., с добавлениями XVII и середины XVIII вв. (ОР БАН, Основное собрание, 16.3.1). Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в конце 1730-х гг. (ОРО. С. 335–337).

⁵¹ Имеется в виду рецензия на первую часть Никоновской летописи, изданную Санкт-Петербургской Академией наук в 1767 г. (Ruskaja Letopis' po Nikonovu spisku. Izdannaja pod smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk. Czast' pervaja do 1094 goda // Allgemeine Historische Bibliothek. 1768. Bd. V. S. 71–93).

⁵² В действительности приведённые далее известия помещены в статье 6798 г. Цифра, обозначающая число сотен в заголовке статьи, прочитана Башиловым неверно.

⁵³ Татарский военачальник Куремса (Куремеса, Куремьса) упоминается на л. 271, 277 об., 280, 280 об., 282; летописный текст в рукописи заканчивается на л. 307 об.

⁵⁴ Эта ремарка, по-видимому, принадлежит А.Л. Шлёцеру. Незнакомый с Ипатьевской летописью, историк, очевидно, счёл, что известия о литовцах и татарах попали в неё из какой-то другой рукописи.

⁵⁵ Академический список Никоновской летописи, третья четверть XVI в. (ОР БАН, Основное собр., 32.14.8). Рукопись поступила в Библиотеку Академии наук в составе собрания Феофана Прокоповича в 1741 г. (ОРО. С. 344–350).

⁵⁶ Радзивилловский список Радзивилловской летописи, конец XV в. (ОР БАН, Основное собрание, 34.5.30). Рукопись вывезена из Кёнигсберга и поступила в Библиотеку Академии наук в 1761 г. (ОРО. С. 293–295).

⁵⁷ В дальнейшем исследователи установили, что над рукописью трудились несколько переписчиков. В основной части рукописи, писанной в два столбца, А.А. Шахматов различал четыре почерка (*Шахматов А.А.* Предисловие. С. VI–VII), а Б.М. Клосс — пять (*Клосс Б.М.* Указ. соч. С. F).

⁵⁸ Академический список Новгородской первой летописи, середина XV в. (ОР БАН, Основное собр. 17.8.36). Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в 1737 г. (ОРО. С. 310–311).

совершенно иной: он начинается с 6622 года (1014 от Р.Х.) и кончается на 6680 (1172 от Р.Х.); он более всего походит на почерк церковных пергаменных кодексов, в первую очередь того, который, как утверждается, написан в 1298 г.⁵⁹ Разница только в том, что почерк нашего кодекса более безыскусен, а потому кажется более древним. Представляется, что оба почерка были в ходу в одно и то же время: они соединяются друг с другом таким образом, что между ними нет ни одной пустой строки.

6. Начало каждого года и подраздела выделено красными чернилами.

7. Для первого почерка этого кодекса свойственно весьма частое использование составных букв, например, је, ји и др. (сами знаки мы отобразить не можем) и особенно малый ер вместо е и большого ера, а также буква и вместо ипсилона.

8. Началу истории предшествует каталог князей Руси, доведенный до взятия Киева Батыем (около 1240 г.).

9. Озаглавлена книга так: Летописец русский; начнем с Богом; Отче, благовослови! (до сих пор красными буквами) Повесть временных лет и проч.

10. На первом чистом листе кодекса имеется надпись курсивным, не очень древним почерком: Летописец Киевский. На той же странице упоминаются два владельца кодекса: I. Книга слуги Ипатьевского монастыря Тихона Мижужева. II. Книга монаха Ипатьевского монастыря Тарасия. Но мне представляется, что это один и тот же владелец, который, поменяв имя по принятии монашеской жизни, сохранил, как это принято у монахов, начальную букву прежнего имени – Т.

11. Весь этот кодекс пересмотрен и исправлен рукой почти столь же древней, как и та, которой он был написан. Имеются 40 страниц, переписанных с этого списка Поленовым (господин Поленов – помощник господина Башилова в предпринятом под руководством господина профессора Шлёцера издании русских летописей); все они были сверены и исправлены мной».

В публикации М.Т. Каченовского по оригиналу, полученному от Х.А. Шлёцера, цитаты из летописи приведены на древнерусском языке кириллицей с использованием буквенных обозначений чисел. В несколько иной редакции здесь приведён 7-й пункт описания рукописи: «Для первого почерка этого кодекса свойственно весьма частое использование составных букв (в рукописи поставлены в скобках слитные буквы: ИЕ, ПР, ТИ, ТГ, ЯК, – *примеч. издателя.* – А.М.) и особенно буквы Ъ вместо Е и Ъ, а также буквы У вместо V (например, Егупеть вместо Егүпеть)»⁶⁰.

Из публикации полного текста письма Башилова от 16(27) декабря 1767 г. следует, что Шлёцер, чрезвычайно заинтересовавшийся Ипатьевским кодексом,

⁵⁹ Возможно, здесь имеется в виду пергаменная рукопись, содержащая Минею служебную на апрель, из собрания Библиотеки Академии наук (34.7.5), датированная в выходной записи 6906 (1398) г.; рукопись поступила в библиотеку в 1763 г. (Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР / Сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачёва, В.Ф. Покровская. Л., 1976. С. 105–106; *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 387–388; *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003. С. 72–73). Цифра, обозначающая число сотен в выходной записи, написана через «юс малый», что у исследователей второй половины XVIII в. могло порождать неверные интерпретации. Благодарю Д.М. Буланина и А.А. Турилова за консультацию по данному вопросу.

⁶⁰ «In primo caractere hujus cod. litterarum compositarum praecipue autem litterae Ъ loco E et Ъ, item litterae У loco V (e.g. Егупеть pro Егүпеть) frequentissimus est usus» ([*Каченовский М.Т.*] Указ. соч. С. 319).

не видел рукописи своими глазами. Очевидно, он специально просил Башилова дать более полные сведения о рукописи, на что последний ответил: «Об Ипатьевском кодексе я написал коротко (в письме от 12 октября. — *А.М.*), поскольку думал, что Вы его видели»⁶¹. Спустя три с половиной десятилетия Шлёцер, перечисляя известные ему списки летописи Нестора, под номером «II» привел описание Ипатьевского кодекса: «Ипатьевский, в лист, фрактура, идёт до 1292 г.; аналог (Seitenstück) вышеназванного Радз[ивиловского] (описан под номером I. — *А.М.*), с которым он заметно совпадает. Этот кодекс (Ипатьевский. — *А.М.*) попал в Академию после меня (т.е. после отъезда Шлёцера из России. — *А.М.*). Тот самый Башилов послал мне искусно выполненную копию (Abschrift) его от начала до смерти Рюрика, вместе с описанием этого старого важного кодекса, которое я напечатал во Всеобщ. ист. Библиот. Гаттерера. Т. VI. С. 304»⁶².

В приведённых свидетельствах, очевидно, речь идёт о двух разных копиях с Ипатьевского списка, снятых вскоре после поступления рукописи в Академию наук. Башилов сообщает о сверенной и исправленной им копии сорока страниц летописи, выполненной Поленовым. Шлёцер говорит о полученной им от Башилова искусной копии первых девяти листов рукописи с известиями до смерти Рюрика (последнее в Ипатьевском списке помещено на л. 9 об.). Шлёцер приложил немало усилий, чтобы получить указанную копию с Ипатьевского кодекса. Уже в 1768 г. учёный планировал к изданию первую часть своего многотомного труда о русских летописях, которая должна была охватывать период до смерти Рюрика. Он не мог закончить эту работу без получения точной копии соответствующих листов Ипатьевского списка.

В личном архиве академика Якоба Штелина, в 1765–1769 гг. занимавшего пост конференц-секретаря и фактически возглавлявшего Академическую конференцию (или Учёное собрание академиков) — высший научный орган Петербургской Академии наук с момента её основания, — сохранилось несколько писем Шлёцера с настойчивыми просьбами ускорить копирование для него Ипатьевского кодекса. В одном из них, отправленном из Гёттингена, вероятнее всего, в июле 1768 г.⁶³, читаем: «Я неопишимо удивлён почти полугодовым молчанием г. Башилова. Я бы поклялся Юпитеровым камнем, что никогда не совершал (?) ничего такого (вероятно, ничего предосудительного по отношению к Башилову. — *А.М.*)»⁶⁴;

⁶¹ «De codice Hypatico ideo abrupte scripsi, quia te eum vidisse credidi» ([*Каченовский М.Т.*] Указ. соч. С. 318).

⁶² *Schlözer A.L.* Nestor. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache. Zweiter Teil. Göttingen, 1802. S. II. В русском переводе Д.И. Языкова: «II. Ипатьевский, в лист, писан уставом, простирается до 1292 г., удивительно сходен с Радз[ивиловским]. Сей список доставлен в Академию уже после меня, но покойный Башилов прислал мне верный противень с оною, с начала до Руриковой смерти, и с описанием сего древнего важного списка, напечатанном мною в Гаттереровой Allgem. Histor. Bibl. VI. 304». (*Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. I. СПб., 1809. С. II).

⁶³ В оригинале не указаны дата и место отправления письма. Л. Рихтер и Л. Цайль ошибочно датировали его июлем 1767 г., когда Шлёцер ещё находился в Петербурге (*August Ludwig von Schlözer und Russland / Eingeleitet und unter Mitarbeit L. Richter und L. Zeil; Hrsg. E. Winter. Berlin, 1961 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, 9). Nr. 58. S. 187*). Однако в это время, как будет показано ниже, в Академии наук ещё не знали об обнаружении Ипатьевского списка. Из содержания письма следует, что оно было отправлено через полгода после получения Шлёцером цитированного выше письма Башилова от 16(27) декабря 1767 г.

⁶⁴ В этом месте текст в рукописи испорчен: очевидно, вместо «*commissarum*» следует читать «*commissatum*».

тем более что я до сих пор охотно ему содействовал и публично хвалил в напечатанных книгах. Между тем, пока я ещё не знаю достоверно всех обстоятельств, настоятельно прошу Вас, славный муж, добиться от него, чтобы он как можно скорее — ибо издатель торопит — переписал начало Ипатьевского списка вплоть до смерти Рюрика, собственноручно, дословно и с такой добросовестностью и критической тщательностью, чтобы я мог спокойно представить его ученой публике и, не подвергаясь подозрению в ошибке, сослаться на него, упомянув имя Башилова, так же, как если бы имел в руках сам список. Ведь я уже готов сдать в печать первую книгу Русских летописей с переводом и весьма обширным критическим и историческим комментарием. Не отнеситесь, многоуважаемый благодетель, с пренебрежением к этой моей просьбе, ведь тем Вы проявите пренебрежение не столько ко мне, сколько к русской истории, которой Вы, как я знаю, удивительно благоволите. Посему торопите его, настаивайте, уговаривайте, и, как только у Вас будет в руках этот Ипатьевский отрывок, позаботьтесь о том, чтобы, не медля ни дня, доставить его мне по почте»⁶⁵.

В ответном письме Штелин, по-видимому, пояснил, что Башилов по поручению Академии занят подготовкой к печати второй части Никоновской летописи и поэтому не может заниматься другими делами. Тем не менее Шлёцер продолжал забрасывать Штелина просьбами ускорить копирование Ипатьевской летописи. В письме от 20(31) августа 1768 г. читаем: «Запрашиваемой копии Ипатьевского кодекса я жду каждый почтовый день»⁶⁶.

Наконец, рукопись была доставлена в Гёттинген, и 26 августа (7 сентября) Шлёцер отправил Штелину восторженное письмо, в котором давал самую высокую оценку скорости и качеству изготовленной копии, а также мастерству Башилова как переписчика: «Копия Ипатьевского кодекса так скоро! Небо, почему я не имею несколько таких господ коллег, которые столь же приятно поддерживали бы меня в моём трудолюбии! Тем самым меня можно было бы сделать рабом, я бы скарифицировал себя для моей академии и её славы! Другую радость доставила мне точность копии, которую я также рассмотрел через мой критический микроскоп: воистину это шедевр! О, если бы Россия имела ещё шесть таких Башиловых, не глубоких учёных, не обученных историков, но только таких честных, аккуратных, добросовестных Башиловых!»⁶⁷.

⁶⁵ «Dici non potest, quantum D. Bašilovii semestre fere silentium mirer. Iovem lapidem jurassem, se nihil tale unquam commissarum esse; praesertim cum tam studiosus adhuc fuerim eius ornandi ac publice in impressis libris laudandi. Interim dum certius rem omnem cognovero, summopere abs Te peto, vir illustris, hoc ut ab ipso impetres, ut quam potest fieri citissime, quandoquidem Bibliopola urget, initium Codicis Hypatici usque ad mortem *Burici*, sua manu verbotenus eaque fide ac critica religione describat, ut confidenter illud publico litterario proponere, atque sine ulla suspicione falsi ad illum, commemorato nomine Bašiloviano, provocare queam, ac si ipsum codicem haberem prae manibus. Iam enim in eo sum, ut librum I. annalium Russicorum cum versione uberrimoque commentario et critico et historico imprimendum dem. Noli mihi deesse, fautor aestumatissime, in hac petitione, non tam mihi enim, quam historiae Russicae deesses, cui Te mirifice favere novi. Urge igitur, insta, more [!] et ut primum copiam habes istius segmenti Hypatici, cura ne quis dies intercidat, quin quam citissime per postam ad me perferatur» (ОР РНБ, ф. 871, л. 751, л. 33–33 об.).

⁶⁶ «Auf die erbetene Kopie vom Codice Hypatico warte ich jeden Posttag» (Там же, л. 18 об.).

⁶⁷ «Die Kopie von dem Codex Hypaticus so geschwinde! Himmel, warum habe ich doch nicht mehrere solche Herren Kollegen, die mich in meinem Arbeitsmut ebenso gefällig unterstützen! Zum Sklaven könnte man mich dadurch machen, sakrifizieren würde ich mich für meine Akademie und ihre Ehre! Eine andre Freude machte mir die Akkuratesse der Kopie, die ich gleich durch mein kritisches Microscopium erblickte: Wahrlich, es ist ein Meisterstück! O hätte Rußland noch sechs solche Bašilovs, keine tiefe Gelehrte, keine ausgelehrte Historicos, sondern nur solche ehrliche akkurate gewissenhafte Bašilovs!» (Там же, л. 19).

Начатые в августе 1767 г. работы по копированию Ипатьевского кодекса почти сразу же были прекращены. Основная причина остановки работ, очевидно, состояла в получении Башиловым и Поленовым от Академии наук нового, более важного и трудоёмкого задания, отодвинувшего исполнение предыдущего поручения на длительный срок. Из написанного Башиловым 30 сентября 1768 г. предисловия ко второй части Никоновской летописи явствует, что «по отъезде г. профессора Шлёцера императорская Академия наук продолжение сего издания возложила на меня и на г. переводчика Алексея Поленова... Печатание производилось с копии, которую я сам писал своею рукою. Всякой печатной лист правлен был не меньше четырёх раз, и сношен от слова до слова и от буквы до буквы с подлинником, и каждым из нас особливо, и обоими совокупно»⁶⁸.

Сразу после завершения этой работы копирование Ипатьевской летописи было возобновлено и велось с большой интенсивностью. Вслед за отправкой в Гёттинген копии первых девяти листов древнего оригинала Башилов сообщил Шлёцеру в письме от 23 сентября 1768 г., что работа над Ипатьевским кодексом продолжается, и, хотя подготовка к печати второй части Никоновской летописи будет полностью завершена только через неделю, они с Поленовым «в Ипатьевском списке дошли до 60-го листа» (in codice Nupatico ad 60 plagulas pervenimus)⁶⁹. Вскоре в работе над летописью принял участие ещё один ученик Шлёцера. 19 октября 1768 г. после трёх лет обучения в Гёттингенском университете в Петербург вернулся Василий Прокофьевич Светов (1744–1785), впоследствии известный языковед и переводчик. Как явствует из составленного им через несколько лет прошения в Академическую комиссию, сразу по возвращении на родину молодому учёному было поручено производить разбор и переписывание «Несторова летописца Ипатьевского монастыря»⁷⁰. Однако эта деятельность продолжалась недолго: уже 23 марта 1769 г. Светов был переведён на унизительную для него должность учителя русского языка в младших классах Академической гимназии⁷¹. Отстранёнными от работы над Ипатьевской летописью оказались также Башилов и Поленов. Академическая карьера учеников Шлёцера всецело зависела от взаимоотношений с Петербургской Академией наук их учителя и, в частности, от успешного продвижения предложенного последним проекта по изданию русских летописей.

Ещё в мае–июне 1764 г. молодой адъюнкт Шлёцер представил в Академию состоящую из 17 пунктов программу изучения русской истории, в которой особое внимание уделялось собиранию, изучению и публикации сохранившихся списков русских летописей⁷². Это была уже вторая попытка приступить к систематическому изданию летописей в Академии наук после потерпевшего неудачу в середине 1730-х гг. подобного проекта, инициированного Г.Ф. Миллером⁷³. Несмотря на противодействие М.В. Ломоносова и некоторых других членов Академии, программа Шлёцера была доведена до сведения и получила одобрение

⁶⁸ Русская летопись по Никонову списку / Изд. под смотрением Императорской Академии наук. Часть вторая: до 1237 года. СПб., 1768. Л. 2–2 об.

⁶⁹ [Каченовский М.Т.] Указ. соч. С. 323.

⁷⁰ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 9, д. 1024, л. 1.

⁷¹ Степанов В.П. Светов Василий Прокофьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 97.

⁷² СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 77, д. 23, л. 1–7 об.; ф. 4, оп. 1, д. 556, л. 39–40 об.

⁷³ Майоров А.В. Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 168–172.

Екатерины II, 3 января 1765 г. последовал высочайший указ о его назначении ординарным профессором истории, и 5 января Шлёцер заключил с Академией наук контракт сроком на пять лет⁷⁴. В июне того же года он получил отпуск и выехал в Гёттинген для организации обучения русских студентов в местном университете, выполняя также другие поручения Академии и продолжая свои занятия по русской истории. Осенью 1766 г. учёный возвратился в Петербург и вскоре подал прошение о новом отпуске, утверждая, что в Гёттингене созданы наиболее благоприятные условия для успешных занятий русской историей⁷⁵.

В период своего последнего пребывания в России Шлёцер предложил Академии начать планируемое им издание русских летописей с Никоновской летописи и изложил свои принципы критического издания летописного текста (февраль 1767 г.)⁷⁶. Тогда же Шлёцер принял решение привлечь к работе Башилова, неудовлетворённого своим весьма скромным положением в Академии. Видимо, по совету своего наставника Башилов обратился в Академическую комиссию: «Ныне... унижен я до корректорской должности, в которой все мои прежде приложенные к наукам труды сделались бесполезными», и просил возложить на него «труды хотя и тягостнейшие, но соответствующие моему желанию»⁷⁷. В ответ 20 марта 1767 г. Академическая комиссия определила: «По представлению господина Шлёцера и по прошению переводчика Башилова отослать оного Башилова к господину профессору Шлёцеру, с тем чтобы господин профессор ещё до отъезда своего переводчику Башилову не только довольное дал наставление, каким образом поступать ему при издании Никоновского летописца и других, по мнению его, достойных издания сочинений, но и самым делом начал ещё в бытность свою издание оного летописца. А переводчика Башилова от положенной на него корректорской должности уволить»⁷⁸. Дождавшись тиража первой части летописи, Шлёцер 1 сентября отправился в очередной отпуск в Германию, по-видимому, с намерением более не возвращаться в Россию.

После нескольких безуспешных попыток призвать учёного вернуться в Петербург⁷⁹ новый конференц-секретарь Академии Иоганн Альбрехт Эйлер (25 февраля 1769 г. сменивший на этом посту Штелина) предупредил Шлёцера в письме от 27 марта (7 апреля), что в виду его отказа вернуться в Россию контракт с ним не будет продлён⁸⁰, а 10(21) апреля официально уведомил его об отставке с 1 янва-

⁷⁴ См.: *Биллярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 733–734. См. также: *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика, культура)*. Сборник статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 199–200.

⁷⁵ *Осинов В.И.* Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. С. 67–68.

⁷⁶ СПбФ РАН, ф. 1, оп. 2–1767, д. 3, л. 3–6 об.

⁷⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 304, л. 143.

⁷⁸ Там же, д. 537, л. 106.

⁷⁹ См. переписку по этому вопросу Штелина и Шлёцера в феврале 1769 г. (Учёная корреспонденция Академии наук XVIII века: 1766–1782) / Сост. И.И. Любименко; под ред. Г.А. Князева и Л.Б. Модзалевского. М.; Л., 1937. № 416. С. 115; August Ludwig von Schlözer und Russland. Nr. 95. S. 243–246).

⁸⁰ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 54, л. 19–19 об. Вопрос об увольнении Шлёцера обсуждался на заседании Конференции Академии 23 марта, участники которого предлагали дать историку ещё несколько месяцев для работы в Гёттингене (Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год / Под ред. К.С. Веселовского. СПб., 1899. Т. 2: 1744–1770. С. 676–678).

ря 1770 г.⁸¹ Дальнейшие исследования Шлёцера по русской истории фактически были свёрнуты. В письме от 18(29) октября 1769 г. он жаловался Эйлеру на чинимые в России препятствия его научной работе⁸². Месяц спустя, в новом письме к Эйлеру Шлёцер дал пессимистическую оценку возможности напечатания Академией наук его критического издания русских летописей и фактически отказался от всех сделанных им ранее на этот счёт предложений⁸³.

Разрыв отношений со Шлёцером привёл к прекращению работ по изданию русских летописей. В результате был нанесён непоправимый ущерб и академической карьере Башилова. Уже весной 1769 г. он оказался не у дел и должен был заниматься исключительно переводами. Не желая мириться с таким положением, молодой историк подал прошение об отставке и был уволен из Академии в один день со Шлёцером — 1 января 1770 г.⁸⁴ Проработав ещё несколько месяцев на секретарских должностях в Комиссии о сочинении нового Уложения, а затем в четвёртом департаменте Сената, Башилов скончался 11 июля 1770 г. от туберкулёза⁸⁵. Пребывание в Академии наук Поленова также оказалось недолгим. Его скорая отставка, по всей видимости, была связана с враждебным отношением со стороны Штелина, полагавшего, что Академии не нужны учёные-юристы. В записной книжке Поленова сохранился недатированный черновик его письма к Козицкому (запись относится ко времени после возвращения Поленова в Петербург из Гёттингена), в котором читаем: «Вы удивитесь, что господин Штелин не устыдился в канцелярии при мне молодому Эйлеру сказать, что я совсем не годен при Академии, по причине, что у нас нет никаких тяжб; так как будто юриспруденция состояла в одной тяжбе»⁸⁶. Упомянутый здесь «молодой Эйлер» — старший сын академика Леонарда Эйлера Иоганн. Сменив Штелина на посту конференц-секретаря Академии Эйлер-Младший, по-видимому, унаследовал его негативное отношение к Поленову. Последнему пришлось довольствоваться скромной должностью переводчика и помощника Башилова в издании летописей и юридических документов. Приступив к подготовке к изданию Судебника Ивана Грозного, Поленов вскоре был отстранён от участия в нём и должен был заниматься исключительно переводами с иностранных языков⁸⁷. Неудовлетворённый своим положением, в апреле 1771 г. он подал прошение об отставке: «Дабы приложенный труд и время на мое учение совсем не пропали тщетно, то принял я намерение утруждать Академию наук покорнейшим моим прошением: чтобы мне дозволено было искать места в такой команде, где отправляются собственно до юриспруденции касающиеся дела»⁸⁸.

Несмотря на фактическую остановку работ по копированию, Ипатьевский список продолжительное время находился у назначенных Академической комиссией переписчиков. Видимо, поэтому ещё несколько лет после доставки в Петербург о рукописи не было известно в Библиотеке Академии наук. В 1768 г., после переезда Библиотеки в здание Кунсткамеры на Васильевском

⁸¹ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 54, л. 38–38 об.

⁸² Там же, ф. 1, оп. 3, д. 53, л. 166–167 об.

⁸³ Там же, д. 57, л. 175–176 об.

⁸⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 322, л. 158.

⁸⁵ Штранге М.М. Указ. соч. С. 358.

⁸⁶ Цит. по: Поленов Д.В. А.Я. Поленов, русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5–6. Стб. 729.

⁸⁷ СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 306, л. 142, 145, 146, 148, 263, 264.

⁸⁸ Там же, оп. 11, д. 270, л. 156.

острове был составлен новый систематический каталог русских книг в пяти томах, сохранившихся в Архиве Академии наук. Третий том каталога содержит сведения о 205 рукописных книгах по русской истории. Как видно из записей на титульных листах, по этому рукописному каталогу С.К. Котельников производил ревизию русских фондов Библиотеки в мае—июне 1770 г. Среди рукописных книг по русской истории, внесённых в каталог до указанного времени, Ипатьевской летописи не значилось⁸⁹.

Первое упоминание Ипатьевского кодекса в составе собрания Библиотеки Академии наук находим только в печатном каталоге И.Г. Бахмейстера. Здесь оно помещено среди общего перечня списков русских летописей: «Имеем мы другие летописи, которые отличаются особливими именованиями, как то: (Codex Hepaticus) летопись Ипатская третьего-надесять века»⁹⁰. Русскому переводу предшествовали французское и немецкое издания каталога. Упоминание Ипатьевского кодекса содержится уже в первом, французском издании 1776 г., где оно снабжено ссылкой на приведённое выше описание рукописи, сделанное Башиловым и помещенное в шестом томе «Всеобщей исторической библиотеки» Гаттерера⁹¹. Можно предположить, что находившаяся несколько лет у Башилова и Поленова без дела, Ипатьевская летопись была передана в Библиотеку Академии наук только после увольнения из Академии последнего в апреле 1771 г.

К сожалению, несколько десятилетий после этого Ипатьевская летопись оставалась неизвестной и невостребованной исследователями. О привезённом вследствие поездки по Волге Ипатьевском кодексе забыла и Екатерина II, когда в конце 1782 г. (т.е. уже после смерти Козицкого и отставки Орлова) приступила к работе над своими «Записками касательно российской истории». В многотомном труде императрицы нет никаких следов использования Ипатьевской летописи⁹². С ней не были знакомы и московские профессора А.А. Барсов и Х.А. Чеботарёв, готовившие для Екатерины «Сведения о Российской империи с 1224 г., выписанные из разных летописцев» (рукопись 1783 г.)⁹³. Несмотря на усиленные поиски древнерусских летописей, которые Чеботарёв вёл вплоть до смерти императрицы, получая за это хорошее вознаграждение, Ипатьевская летопись так и осталась ему неизвестной. О ней, в частности, нет упоминания в составленной Чеботарёвым в 1788 г. «Описи летописцам»⁹⁴, из которых он делал выписки по истории России⁹⁵.

⁸⁹ Там же, ф. 158, оп. 1, д. 41.

⁹⁰ *Бахмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук. [СПб.], 1779. С. 81.

⁹¹ *Bachmeister J.V.* Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. SPb., 1776. P. 113.

⁹² Записки касательно российской истории. Ч. 1–7. СПб., 1787–1794. Академическое издание см.: Записки касательно российской истории // Сочинения императрицы Екатерины II / Под ред. А.Н. Пыпина. Т. 8–10. СПб., 1901; Т. 11. СПб., 1906.

⁹³ ОР РНБ, ф. 885, д. 319; *Гаврилова Л.М.* Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 20. Л., 1989. С. 164–175.

⁹⁴ ОР БАН, Основное собрание, 26.5.31; *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Императорской Академии наук в 1902 г. // Известия Императорской Академии наук. 1903. Т. 19. № 1. С. 40–42.

⁹⁵ См.: *Муравьёва Л.Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А.А. Барсова и Х.А. Чеботарёва // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 121–133.

Некоторое исключение, как кажется, составляет выдающийся чешский славист Йозеф Добровский, занимавшийся в Библиотеке Петербургской Академии наук с 15 августа по 15 октября 1792 г. и видевший Ипатьевскую летопись в числе других летописных памятников. Об этом сохранилось его прямое свидетельство в заметках к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «*Ipat. academiĉn. codex Vombicina, ut vidi etc.*» (Ипатьевский академический кодекс. Бумага, как я видел, и т.д.)⁹⁶.

Забвению Ипатьевского списка, очевидно, способствовал также тот факт, что рукопись не была внесена в составленный около 1790 г. новый 34-томный систематический каталог русских и иностранных книг Библиотеки Академии наук, впоследствии дополненный ещё пятью томами⁹⁷. Правда, этот каталог практически не учитывал собрание рукописных книг и некоторых других фондов. Тем не менее вплоть до 1835 г. он оставался основным рабочим каталогом библиотеки⁹⁸. Такое положение объясняет отсутствие сведений об Ипатьевской летописи у Н.М. Карамзина, когда он осенью 1803 г. приступил к написанию «Истории государства Российского»⁹⁹.

Итак, созданный, вероятно всего, в Новгороде в первой четверти XV в. список южнорусской летописи в конце этого же столетия мог попасть в Кострому вследствие переселения сюда его первых, неизвестных нам владельцев, подвергшихся гонениям после присоединения Новгорода к Москве. Столетие спустя кодекс оказался в Ипатьевском монастыре, где он, можно думать, принадлежал умершему в 1592 г. иноку Тарасию, чьё имя значится среди владельческих записей на первом листе кодекса, и которого, следовательно, нельзя отождествлять с монастырским слугой Тихоном Андреевичем Мижуевым, жившим во второй половине XVII в. В Ипатьевском монастыре кодекс находился до лета 1767 г. Во второй половине июля — первой половине августа рукопись была доставлена в Москву во исполнение высочайшего повеления, отданного императрицей Екатериной II во время посещения Ипатьевского монастыря 15 мая. По распоряжению секретаря императрицы Г.В. Козицкого 20 августа рукопись была доставлена в Санкт-Петербург в Императорскую Академию наук и передана для снятия копии переводчикам А.Я. Поленову и С.С. Башилову. Последний уведомил о новой летописи А.Л. Шлёцера и сделал первое научное описание рукописи на латинском языке, а также копию её первых листов. Шлёцер высоко оценил значение Ипатьевской летописи как важнейшей из всех ему известных. Начатая Академией наук работа по подготовке летописи к публикации была прервана в связи с увольнением Шлёцера 1 января 1770 г. и последовавшим затем увольнением его учеников Башилова и Поленова. На несколько десятилетий Ипатьевская летопись оказалась забытой и даже не была учтена в рабочих каталогах академической библиотеки (1768–1770 и около 1790 г.). В сочинениях русских историков второй половины XVIII — начала XIX в., в том числе в «Записках касательно российской истории» Екатерины II, нет следов использования этого памятника.

⁹⁶ См.: *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990. С. 51.

⁹⁷ СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 1, д. 102, 104–135, 137.

⁹⁸ *Луттов С.П.* Указ. соч. С. 152–154.

⁹⁹ *Майоров А.В.* Открытие Н.М. Карамзиным Ипатьевской летописи // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 3–18.

Хранитель русской культуры Никита Алексеевич Струве

Мargarita Вандалковская

Nikita Alekseevich Struve, a custodian of Russian culture

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Никита Алексеевич Струве (1931–2016) – литературовед, славист, публицист, издатель, историк церкви, общественный и религиозный деятель, внук П.Б. Струве – своими корнями и помыслами был связан с эмигрантами, высланными из России на «философских пароходах» или бежавшими от террора большевиков.

Эту эмиграцию отличали высочайшая культура, беззаветная любовь к оставленному отечеству и вера в его возрождение. Н.А. Струве вполне обоснованно признавал её уникальным мировым явлением. Он полагал, что это было не исходом русских, а исходом самой России: «После революции за границей наличествовал кусок прежней России, и по ней можно, как палеонтологу, изучить, чем была Россия и чем бы она стала, если бы не случилось этого жуткого провала»¹.

Н.А. Струве был знаком с И.А. Буниным, С.Л. Франком, А.М. Ремизовым, Б.К. Зайцевым, А.А. Ахматовой, «застал русское духовенство очень высокого уровня», в частности о. Сергия Булгакова. «Такие эпохи религиозно-философского творчества, какое было в России до революции, а особенно просияло в эмиграции, – писал Никита Алексеевич, – тоже случаются не каждое столетие. Свидетельствовать о нём – высокая задача»². Выполняя её, Струве многое делал для сохранения памяти о русских изгнанниках, заботился о передаче России их интеллектуального наследия и сам воплощал в своей многогранной деятельности их духовно-нравственные ценности.

Я познакомилась с Н.А. Струве в сентябре 1993 г. во время состоявшейся в Москве международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940». Это была одна из первых конференций, проводившихся с участием потомков эмигрантов «первой волны». В том же году я слушала лекции Никиты Алексеевича о русской литературе во Французском лицее, действовавшем при МГУ им. М.В. Ломоносова. На необычайно чистом русском языке, без каких-либо надуманных анахронизмов и неологизмов, он рассказывал о встречах с Ахматовой, о своём знаменитом деде и его дружбе с Буниным, о «мире сказок и снов» Ремизова и о том, как помогал писателю в конце его жизни.

В 1999 г. Струве пригласил меня участвовать в конференции, посвящённой эмигрантским учёным, в Славянском институте в Париже. Его интересовала тогда полемика между П.Б. Струве и П.Н. Милюковым об оценке Белого движения и методах борьбы с советской властью. Тогда же Никита Алексеевич

© 2017 г. М.Г. Вандалковская

¹ Струве Н.А. Православие и культура. М., 2000. С. 596.

² Там же. С. 597.

поделился заветным желанием издать оставленный Петром Бернгардовичем «Дневник политика», охватывающий 1925–1935 гг., и предложил подготовить его к публикации. В дальнейшем он пристально следил за ходом работы, написал предисловие («Мой дед П.Б. Струве»), прислал фотографии. В 2004 г. книга была выпущена издательством «Русский путь»³.

Общение с Никитой Алексеевичем было интересным и приятным, духовно обогащавшим собеседника. О его человеческих качествах очень точно написала Н.Д. Солженицына: «Он был благороден, бескорыстен и щедр, обладал остротой взгляда, большим и глубоким умом, был интеллектуально свободен, притягивал и самой манерой общения – лишённой всякого пафоса, ироничной, но скрыто-нежной»⁴.

Родословная Н.А. Струве во многом определила уровень полученного им воспитания и образования. Его прапрадед – Василий Яковлевич Струве – был немцем, который, «предчувствуя в себе учёного», бежал от наполеоновских войск и основал Пулковскую обсерваторию. Последующие пять поколений его потомков связали свою судьбу с астрономией. Прадед Никиты Алексеевича служил губернатором в Астрахани, затем в Перми, дед – Пётр Бернгардович – являлся известным философом, историком, экономистом и политиком, отец – библиофил, антиквар, член правления Общества русской книги и Ассоциации Тургеневской библиотеки, мать – Екатерина Андреевна (урожд. Катуар) – художница, также состоявшая в Ассоциации Тургеневской библиотеки.

Родившись во Франции, Никита Алексеевич считал себя французом и одновременно русским, по своей культуре, исторической привязанности и по усвоенной от деда нравственно-политической закваске⁵. «Моя родина – Франция, – говорил он, – моё отечество – Россия»⁶. Ему хотелось, чтобы Россия оставалась отечеством и для его троих детей и восьми внуков. «Теперь, – рассказывал он, – к ним прибавилась правнучка Валентина, которая в три года говорит по-русски, хотя её отец француз. Россия для моих детей – не чужой мир»⁷. «Мы, как люди двойной культуры, – полагал Струве, – можем сегодня представлять в России лицо Запада... Мы – вполне западные люди, родившиеся и сформировавшиеся там, и в то же время вполне русские люди»⁸. К людям двойной культуры он относил также Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, В.В. Набокова и др.

Высшее образование Н.А. Струве получил в Сорбонне. Своим учителем и другом он считал П.К. Паскаля (1890–1983) – филолога-классика, возглавлявшего в 1950–1960-х гг. кафедру русского языка и «захваченного», по словам Никиты Алексеевича, «русской темой во всём её многообразии». Струве не сомневался, что своими трудами о протопопе Аввакуме и Ф.М. Достоевском, о русской крестьянской культуре и народной вере, «всем своим

³ *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935) / Отв. ред. М.Г. Вандалковская и Н.А. Струве. М., 2004.

⁴ *Солженицына Н.Д.* Слово после отпевания Никиты Алексеевича Струве (13 мая 2016 г. в Свято-Александро-Невском кафедральном соборе на ул. Дарю в Париже) // Вестник русского христианского движения. № 206. Париж; Нью-Йорк; М., 2016. С. 10.

⁵ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 593.

⁶ Известия. 2011. 28 февраля.

⁷ Там же.

⁸ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 598.

подходом к России, продолженным его учениками, Паскаль оставит долгий и глубокий след в познании Запада о России»⁹.

В 1950-х гг. Струве преподавал русский язык и литературу, читал лекции о поэзии Серебряного века, равной которой, по его мнению, не было в мире, об Ахматовой, Гумилёве и др. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию «Осип Манделштам. Его жизнь и время». Судьба поэта рассматривалась в ней как пример религиозного, нравственного и литературно-политического подвига, «залог духовного воскресения России». Беседы с Анной Ахматовой, близкой к семье Манделштама, по словам Струве, поддерживали и вдохновляли его в работе над книгой, опубликованной в 1982 г. на французском и русском языках¹⁰. Статьи Струве, профессионально раскрывавшие особенности творчества А.А. Ахматовой, А.М. Ремизова, М.И. Цветаевой, А.А. Фета, А.А. Блока, С.А. Есенина, Е.И. Замятина, как и статьи о Н.А. Бердяеве и церковных мыслителях и деятелях, были проникнуты чувством сопричастности России, её истории и культуре.

Развитие и жизнеспособность культуры, литературы и искусства, по мнению Струве, прямо зависели от одухотворяющей роли религии. Он был уверен в том, что «всякое слишком большое отстояние искусства от религии грозит искусству отсыханием»¹¹. Более того, «в век... “крушения кумиров” одна религиозная идея может спасти человека, утвердить его дух, осветить его разум, смягчить его сердце»¹². Поэтому работу профессионального литературоведа и писателя Никита Алексеевич успешно сочетал с активным участием в русском студенческом христианском движении. Он руководил кружками по изучению Священного Писания, читал лекции на Высших женских богословских курсах, написал книгу «Христиане в СССР», переведённую на пять языков¹³. В 1998 г. его избрали членом епархиального совета Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе под омофором Константинопольского патриархата.

Почти полвека Струве руководил «Вестником русского христианского движения», будучи в 1970–2016 гг. его ответственным редактором. «Вестник РХД» был уникальным изданием, создававшим своего рода «мост» между церковью и миром. В нём публиковались статьи по богословию, литературе, общественно-политическим вопросам. Журнал стремился продолжить «славную традицию православного богословия», выявлять богатства русской культуры, пристально изучать религиозные и интеллектуальные движения на Западе, способствовать духовному возрождению в России и держать в поле зрения его ростки¹⁴. В «Вестнике» часто критиковался советский строй, обличались гонения на религию, Церковь и инакомыслие, отсутствие политических свобод и гласности. Вину за происходящее в Советской России Струве возлагал на Коммунистическую партию¹⁵. Не случайно в СССР его объявляли врагом, а во Франции, где были сильны левые и коммунисты, долго не утверждали в звании профессора.

⁹ Там же. С. 197–201.

¹⁰ Там же. С. 28, 378–404; *Struve N.A. Ossip Mandelstam: la voix, l'idée, le destin.* Paris, 1982; *Струве Н.А.* Осип Манделштам. Лондон, 1988.

¹¹ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 539–540, 571.

¹² Там же. С. 42.

¹³ *Struve N.A. Les chrétiens en URSS.* Paris, 1963.

¹⁴ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 20, 36, 41, 70.

¹⁵ Там же. С. 61–63, 95.

Огромное значение имела деятельность издательства «УМСА-Press», занимавшегося публикацией и пропагандой православного наследия России и обращавшегося преимущественно к молодому поколению. С 1956 г. Струве состоял членом его правления, а затем и директором. Естественным наследником и продолжателем дела «УМСА-Press» с 1991 г. стало советско-французское предприятие «Русский путь». Председателем правления, а затем и главным редактором его стал Н.А. Струве, а генеральным директором — В.А. Москвин. «Русский путь» выпускал произведения епископа Кассиана (Безобразова), архиепископа Василия (Кривошеина), «Записки» священника Александра Ельчанинова, а также сочинения А.И. Солженицына, Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, Л.И. Шестова, П.М. Бицилли и др. «УМСА-Press» передала «Русскому пути» свои серии «Исследования новейшей русской истории» (ред. А.И. Солженицын) и «Всероссийская мемуарная литература» (ред. Н.Д. Солженицына). К 1995 г. открылись Библиотека «Русское зарубежье», основанная на огромном собрании «УМСА-Press», книжный магазин и представительство «Вестника РХД».

Струве и Москвин объездили почти всю Россию. Они побывали в Твери, Орле, Воронеже, Ставрополе, Тюмени, Иркутске, Рязани, Владимире, в так называемых малых городах — Торжке, Вышнем Волочке, Касимове, Георгиевске. Всего они посетили около 50 городов, проводя книжные выставки и передав местным библиотекам около 40 тыс. экземпляров книг «УМСА-Press». Об одной из таких поездок в г. Ливны Орловской обл. Москвин рассказал впоследствии в интервью, отметив сильное впечатление, произведённое на слушателей лекцией Струве о С.Н. Булгакове. В ней, в частности, говорилось, что о. Сергей «по своей значимости, по масштабу своей фигуры для христианского богословия XX века сопоставим с Фомой Аквинским». Вскоре в краеведческом музее была организована экспозиция, посвящённая богослову и философу, Пролетарскую площадь переименовали в его честь, на здании духовного училища, где он учился, установили мемориальную доску и т.д.¹⁶

В начале 1990-х гг. Н.А. Струве вместе с тогдашним послом Франции Пьером Морелем всемерно способствовали распространению в России французской культуры. При финансовой поддержке посольства Франции осуществлялись переводы художественной, научной и общегуманитарной литературы «от Пруста до Раймона Арона и Броделя»; были учреждены две премии: выдающегося российского переводчика Мориса Ваксмахера — для лучшего перевода и известного слависта А. Леруа-Болье — для лучшего исследования о Франции на русском языке. Одновременно действовала программа «Пушкин», в рамках которой публиковались стихи французских поэтов, неизвестные до того времени в России. Объявляя «день» или «неделю» Франции, Струве и Морель ездили по России и дарили библиотекам книги¹⁷. За огромную просветительскую и благотворительную деятельность Никита Алексеевич был удостоен Государственной премии России. По словам исследователя русской литературы XIX–XX вв. М. Никё, почётного профессора университета Кана

¹⁶ С мыслью о России: Беседа с В.А. Москвиным // Библиотеки Москвы — юношеству: практика работы, проекты, информация. Вып. 26. М., 2008. С. 32.

¹⁷ Морель П. Памяти Никиты Алексеевича Струве // Вестник русского христианского движения. № 206. С. 13–18.

в Нормандии, принятая на себя Струве роль «посредника между Западом и Россией, в его понимании — не сущностно противоположных, но взаимодополняющих..., является бесценной»¹⁸.

Одним из самых значительных событий в своей жизни Струве считал знакомство с Солженицыным, которое переросло затем в многолетнюю дружбу. При этом творчество писателя представлялось ему важным «не только в литературном плане, но и духовно-историческом, как ответ на вопрос всех выброшенных или рождённых вне родины: а жива ли ещё Россия!»¹⁹. Вместе с Г. Газдановым и Г. Адамовичем в 1970 г. Струве принял участие в «круглом столе», посвящённом «Раковому корпусу». В 1971 г. «YMCA-Press», по просьбе Солженицына, издала его роман «Август Четырнадцатого»; в декабре 1973 г. Струве опубликовал в Париже первый том «опыта художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ».

Первая встреча Струве с Солженицыным состоялась 15 февраля 1974 г. в Цюрихе, куда Александр Исаевич приехал вскоре после высылки из СССР. Для Никиты Алексеевича, по его воспоминаниям, это был «незабываемый момент»: Солженицын сказал ему, что видит день своего возвращения в Россию и приезд туда самого Струве. Эти слова вызвали в тот момент у собеседника удивление и недоверие. Он и впоследствии называл «чудом» то, что его друг всё же вернулся в Россию и после двадцатилетнего изгнания у него сложилась «удивительно законченная судьба». На рубеже XX–XXI вв., часто бывая в Москве, Никита Алексеевич неоднократно останавливался у Солженицыных. «Вообще я считаю, — писал он, — что роль и фигура Александра Исаевича — не на один день, а на десятилетия, если не на века»²⁰. Ему казалось, что «образ и слово» Солженицына изменят, очистят воздух, которым дышит тяжело выздоравливающая Россия»²¹.

Будучи глубоко верующим человеком, Струве высоко ценил христианское мироощущение писателя, его верность «данности России», готовность признать её «и великой, и мелкой, и святой, и греховной». Он не раз утверждал, что Солженицын как прозаик, общественный деятель и публицист «свидетельствует не только против коммунизма, но и в пользу России, не только против лжи, но и в пользу истины»²². Никита Алексеевич видел в нём продолжателя традиций Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева и Чехова, воспринимал его произведения «не как простое отображение истории, а как попытку... проникнуть в её сокровенный смысл», как некое «мерило правды»²³. Научная точность освещения исторического материала, полагал Струве, не мешает их «поэтической экспрессии: они органично слиты». При этом он, возможно, даже несколько преувеличивал масштаб творчества своего друга. «У Пушкина, — размышлял Никита Алексеевич, — в меньшей мере (всё же “Капитанская дочка” отделилась от собственно “Истории Пугачёвского бунта”), у Толстого в большей поэт придавил историка.

¹⁸ *Никё М.* Н.А. Струве — издатель С.А. Клычкова (Из воспоминаний о Н.А. Струве) // Там же. С. 33.

¹⁹ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 203.

²⁰ Там же. С. 593–595.

²¹ Там же. С. 148–149.

²² Там же. С. 77.

²³ Там же. С. 123–124, 482–483.

У Солженицына впервые взыскательный художник находится в ладу с добросовестным историком, причём ведущая роль остаётся за художественным заданием»²⁴.

Отличительной особенностью произведений Александра Исаевича Струве считал также «неразделимость» личной и всенародной судьбы, гармоничное слияние общего и частного²⁵. Как профессиональный филолог он отмечал умение писателя искусно совмещать время и пространство, использовать переключку с современностью, показывать взаимопроникновение эпох — описываемой и той, в которой создано произведение, точно передавая их языковые особенности и т.д.

Струве не получил специального исторического образования, но его общетеоретические суждения о развитии стран Запада и России и конкретные оценки лиц и событий прошлого отличались профессионализмом. При этом он неизменно верил в будущее возрождение России.

Струве был убеждён, что русским людям всегда присуща жажда духовной жизни, вера в Бога, добавляя к этим наиболее ценным для него качествам честность, правдивость, щедрость, доброту и мужество²⁶. Но со свойственной ему осторожностью он предостерегал, что вера в Россию не должна быть легковесной и безответственной, «она должна быть зрячей, покаянной, ответственной и жертвенной»²⁷.

Струве понимал, что «ввиду особого положения России между Востоком и Западом, ввиду частых разрывов в её истории, спор о России всегда был и будет». Он проходит через всю общественную мысль XIX—XX вв. — от Чаадаева и Пушкина, славянофилов и западников до мыслителей русской эмиграции. Однако «спор должен быть о России, а не против неё. Цель его — нахождение путей для будущего. И в итоге спор о России должен стать спором за Россию»²⁸.

По мнению Струве, семидесятилетнее господство коммунистической власти приостановило развитие страны, но не уничтожило её своеобразия. Пристально следя за ходом горбачёвской перестройки, Никита Алексеевич констатировал постепенное расширение духовной свободы и начавшийся пересмотр прежней идеологии²⁹. Теперь следовало использовать и переработать западный опыт, который был упущен. Однако необходимое «пополнение дефицита цивилизации» грозило усвоением «низкой глобализованной культуры, приводящей к единообразию информации, ведущей к единству воззрений и возможной тираничности», т.е. тех влияний, которые характерны для «потребительского Запада»³⁰.

Симптоматично, что Струве часто обращался к идеям К.Н. Леонтьева, воспринимая его как «прорицателя грядущей России». Со своей стороны, Струве связывал своеобразие России с принадлежностью к византийско-православной культуре, обогащённой соприкосновением с Западом, и думал, что «в новейшем неизбежном “озападнении” Россия останется собой

²⁴ Там же. С. 513–514.

²⁵ Там же. С. 37, 147, 487.

²⁶ Там же. С. 85–86, 181–184, 550.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 67.

²⁹ Там же. С. 110, 124–125.

³⁰ Там же. С. 139–140, 556.

только в верности изначальному призванию византийско-европейскому, не чураясь и не отгораживаясь, а копая вглубь, не оглядываясь назад, а простираясь вперёд и устремляясь ввысь»³¹. «Коромыслом или бадьёй от Запада не отгородиться, — писал он. — Волей-неволей идя “на выучку к Западу”, своё следует искать в тех пластах национального бытия, которые времени не подвластны, в глубинах религиозного духа, в неистощимом богатстве великой культуры и великого русского эллинского языка»³².

Возрождение России для Струве было неразрывно связано с восстановлением и укреплением позиций Церкви, независимой от государства и пользующейся авторитетом в обществе, чуждой как косности, так и обновленческих экспериментов. Его беспокоили предпринимавшиеся в условиях обрётённой свободы попытки идеологизировать церковную жизнь, придать ей политическую и национальную окраску. Он был с теми, кто во главе с патриархом Алексием II следовал заветам святителя Тихона и старался «держать курс церковного корабля выше политики»³³. «Сегодня, — писал Струве в 1992 г., — больше всего нужны православию спокойная вера и знание, эта высококвалифицированная и высококультурная просвещённость»³⁴.

Будущую Россию Никита Алексеевич, разумеется, видел капиталистической страной, но он понимал трудность изменения хозяйственного уклада, не имевшего аналогов в мировой истории. Капитализм всюду нарастал постепенно, как это происходило и в России до 1914 г. Если бы не было «семидесятилетнего зияния», страна, по его мнению, несомненно, развилась бы в крупную не только политическую, но и экономическую мировую державу³⁵. Теперь же новая Россия нуждалась в разумной приватизации собственности, модернизации экономики, обеспечении её рентабельности и конкурентоспособности. Но в целом Струве не скрывал своего оптимизма и заявлял, что «лет через десять—двадцать в зависимости от превратностей экономической жизни, Россия займёт в Европе и Евразии едва ли не ведущую роль»³⁶.

Никита Алексеевич часто размышлял о будущем российской демократии. Процесс демократизации как выравнивания условий жизни казался ему объективным, неизбежным и необратимым, обусловленным распространением всеобщего образования, всеобщей воинской повинности, достижениями техники, медицины и т.д. Ослабление социальных перегородок между различными слоями общества, как полагал Струве, возможно и при авторитарном режиме. Не случайно П. Паскаль считал, что «русское дореволюционное общество при последнем монархе было куда более демократическим, чем французское общество при Третьей республике»³⁷.

Струве хорошо знал книги А. де Токвиля «О демократии в Америке» и «Старый порядок и революция» и не идеализировал демократические порядки. Не раз эта тема обсуждалась им с Солженицыным, и оба они соглашались, что западная форма демократии не совсем подходит к России с её

³¹ Там же. С. 145.

³² Там же.

³³ Там же. С. 143–144.

³⁴ Там же. С. 30–31, 201–204, 221.

³⁵ Там же. С. 547–548.

³⁶ Там же. С. 555, 561.

³⁷ Там же. С. 532.

православной культурой. По мнению Струве, «православие склонно к смешению демократических и авторитарных начал», оно «менее демократично, чем протестантизм, но и менее авторитарно и единоподданно, чем католичество»³⁸. Впрочем, тот или иной элемент авторитаризма Никита Алексеевич признавал необходимым и в демократических государствах, иначе они неизбежно окажутся бессильны³⁹.

Струве указывал на необходимость разграничения авторитаризма и тоталитаризма, между которыми усматривал «бездну». Сильная власть, ограничивая политические права, как правило, сохраняет и даже гарантирует гражданскую свободу. При этом сами формы правления могут постепенно смягчаться. Всё дело тут в происхождении власти, гарантиях её доброкачественности и правилах передачи. Более того, в кризисные периоды преимущества авторитарного строя могут спасти страну от анархии или тоталитаризма, который притязает на всего человека и навязывает ему «целостную систему жизни и мыслей», лишая внутренней свободы⁴⁰.

Жизненные наблюдения привели Струве к мысли о нежизнеспособности многопартийной системы управления. Так, он утверждал, что Ш. де Голль вывел Французскую республику из тупика, «вспрыснув» в неё «долю авторитаризма». Скептически Никита Алексеевич относился и к власти большинства над меньшинством, и к установлению равенства без привычки пользоваться политической свободой, что привело Францию в XVIII в. к революции и тирании. Смущало его и то, что равенство порождает индивидуализм, порою мешающий осуществлять «общее дело»⁴¹. В странах же, где образованный класс составляет меньшинство, создание авторитарных систем Струве признавал неизбежным.

В России, по мнению Никиты Алексеевича, демократия нуждалась в сочетании авторитаризма и «незыблемой правды либерализма», состоящей в соблюдении свободы передвижения, мысли, совести, наличии права выбора и т.д.⁴² Для установления же подобного строя чрезвычайно важно сохранять спокойствие и стабильность, планомерно трудиться, избавляться от иллюзий и эйфории, освобождаться от предрассудков, избегать пустых эффектов и помнить, что избавление от всех язв и несовершенств демократии требует времени, терпимости, чувства такта и сдержанности в оценке происходящего⁴³.

Творческое наследие и неутомимая просветительская деятельность Н.А. Струве значительны и по своему замыслу, и по содержанию. Это уникальный пример целеустремлённой и многоплановой пропаганды православной культуры на Западе и западной культуры в России, прямое продолжение и развитие гуманистических и духовных традиций русской интеллектуальной эмиграции XX в.

³⁸ Там же. С. 538.

³⁹ Там же. С. 536.

⁴⁰ Там же. С. 535–536.

⁴¹ Там же. С. 532–537.

⁴² Там же. С. 539.

⁴³ Там же. С. 600–601.

В.И. Бовыкин и его место в историографии. К 90-летию со дня рождения учёного

Надежда Абрамова, Наталья Черникова

V. I. Bovykin and his place in historiography: to his 90th anniversary
Nadezhda Abramova (Lomonosov Moscow State University, Russia),
Natalia Chernikova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Сохранение и развитие научных школ находится в последнее время в центре внимания сообщества профессиональных историков, часто обсуждаются проблемы исторической памяти и роли мемориальных исследований в развитии науки¹. Мемориальные конференции являются важным звеном в осмыслении этих процессов. Юбилей учёного, ушедшего из жизни, – повод оценить значение и актуальность результатов его изысканий спустя годы, подискутировать о развитии направлений, находившихся в сфере его научных интересов.

В январе 2017 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Валерия Ивановича Бовыкина (1927–1998), доктора исторических наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, главного научного сотрудника Института российской истории РАН. В связи с этим в ИРИ РАН состоялся «круглый стол» «Проблемы социально-экономической и политической истории в научной деятельности В.И. Бовыкина». Это были уже пятые научные чтения, посвящённые памяти учёного. Их организаторами традиционно выступают исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и ИРИ РАН.

Традиция проведения Бовыкинских чтений была заложена в январе 1999 г., когда коллеги и ученики скоропостижно скончавшегося в сентябре 1998 г. профессора впервые собрались, чтобы почтить его память. Главными темами тогда стали воспоминания об учёном и судьба его творческого наследия. С тех пор чтения проходили в связи с 75-, 80-, 85- и 90-летним юбилеями В.И. Бовыкина (соответственно в январе 2002, 2007, 2012 и 2017 гг.)². В этом году в чтениях приняли участие ученики и коллеги Валерия Ивановича – Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.Г. Голиков, А.П. Корелин, Е.Г. Кострикова, Г.Р. Наумова, И.М. Пушкарёва, И.С. Рыбачёнок, В.В. Шелохаев, Н.Г. Абрамова, С.А. Саломатина, Н.В. Черникова, М.К. Шацилло.

© 2017 г. Н.Г. Абрамова, Н.В. Черникова

¹См.: *Селунская Н.Б.* Историческая память и профессиональная идентичность историка // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014. С. 29–39; *Петров Ю.А., Пушкарёва И.М.* Валерий Иванович Бовыкин – учёный и основатель научной школы // История и историки: Историографический вестник. 2011–2012. М., 2013. С. 242–270; и др.

²Программы всех чтений см.: Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 1999; Россия в XIX–XX веках: Материалы II научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 2002 (URL: <http://www.hist.msu.ru/research/conference/materials/>; http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/).

По традиции тематика чтений охватила два направления: воспоминания и размышления о человеке и учёном, идеи которого повлияли на постановку и изучение многих проблем, и обсуждение вопросов, связанных с его научными интересами: источниковедения и архивистики, внешней политики и международных отношений, иностранного и российского предпринимательства, особенностей российского капитализма.

На этот раз речь шла о заложенных В.И. Бовыкиным традициях. В первую очередь это касалось организации самого процесса исторического познания и изучения проблем источниковедения периодической печати, социальных аспектов положения рабочих в годы Первой мировой войны, истории российского предпринимательства в послереволюционный период, внешнеполитических отношений России и, конечно, финансового капитала России в XIX – начале XX в. – главного направления исследований учёного.

Такой разброс тем не случаен. Спектр научных интересов историка был необычайно широк. Он написал в «Curriculum Vitae», подготовленном к его 70-летию: «Область научных интересов: Отечественная история 1861–1917 гг. Проблемы индустриального развития России. Международные отношения России. Политические и экономические аспекты. Источниковедение отечественной истории. Проблемы отражения исторической информации в источниках. Методы исторических разысканий»³. Любого из этих направлений было бы достаточно для успешной научной карьеры, но Валерий Иванович сумел внести значительный вклад в развитие каждого из них. Причём сам Бовыкин не считал такой синтез чем-то особо выдающимся. Одна из его учениц, Н.Г. Абрамова, вспоминала, что в августе 1998 г. он так сформулировал тему своего доклада на международной конференции, посвящённой памяти И.Д. Ковальченко (но в форуме Валерию Ивановичу уже не довелось участвовать): «Проблемы синтеза в изучении экономической истории России конца XIX – начала XX в. (или как не стать круглым невеждой)». При этом учёный особенно настаивал на эпитафии, взятом им из книги Дж. Гэлбрейта: «Познавая всё больше о всё меньшем, специалист рискует стать круглым невеждой»⁴.

Несмотря на разносторонние интересы, Бовыкин никогда не бросался от темы к теме. Все его переходы были логичны, и каждый поворот творческой судьбы приносил новые книги, новых учеников. Путь Валерия Ивановича в науку не был прямым. Он закончил МГИМО, работал референтом в отделе печати МИД СССР, старшим референтом МИД Белоруссии, а в 1951 г. вернулся в Москву в ожидании направления на работу в ООН. Но судьба распорядилась иначе. Аркадий Лаврович Сидоров, бывший преподаватель Бовыкина, убедил его поступить в аспирантуру истфака МГУ, и тот предпочёл историю практической дипломатии.

Резкого перелома в его занятиях, впрочем, не произошло – темой кандидатской диссертации Бовыкина, написанной им под руководством А.Л. Сидорова, стали русско-французские отношения накануне Первой мировой войны. Первые свои книги – «Очерки по истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 год» (М., 1960), «Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг.» (М.,

³ Curriculum Vitae // Россия на рубеже XIX–XX веков... С. 5.

⁴ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 465. См. также: Абрамова Н.Г. Проблема иностранного предпринимательства в трудах В.И. Бовыкина // Россия на рубеже XIX–XX веков... С. 58.

1961) – Валерий Иванович тоже посвятил внешнеполитической проблематике. Но уже в этих работах он отказался от привычной дипломатической истории, реализовав ту идею, которая в разных ракурсах будет раскрываться им и в исследованиях по экономической истории (о связи внутренней и внешней политики).

Впоследствии внешнеполитическая проблематика стала основной для исследований его учеников – И.И. Астафьева, Л.С. Анутиной, И.С. Рыбачёнок, Е.Г. Костриковой, А.В. Георгиева. Сохранил к ней интерес и сам В.И. Бовыкин: его последний доклад на эту тему относится к 1994 г.⁵

Однако в начале 1950-х гг. под влиянием своего учителя Бовыкин всё больше погружался в экономическую историю. В то время А.Л. Сидоров был признанным лидером в изучении экономической истории России периода Первой мировой войны. Вокруг него стала складываться группа молодых историков (А.Я. Аврех, А.М. Анфимов, В.И. Бовыкин, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер, В.А. Емец, И.Д. Ковальченко, К.Н. Тарновский, К.Ф. Шаццлло и др.), составивших впоследствии его школу. Аркадий Лаврович фактически стал создателем нового направления в науке – экономической истории России периода империализма. Каждому из учеников были определены темы исследования, а всем вместе предстояло разобраться в концепции зависимости России от иностранного капитала и военно-феодалном характере монополистического капитализма в России.

После смерти Сидорова в 1966 г. жизненные и научные пути многих его учеников разошлись. Некоторые из них положили начало исследованию новых областей исторического знания. В.И. Бовыкин, в частности, приступил к изучению проблем финансового капитала, роли иностранных инвестиций в российской экономике и места России в мировой экономической системе. Таким образом, бывший историк-международник и дипломат-практик нашёл возможность не выбирать между двумя интересовавшими его направлениями исследований, а объединить их.

А.Л. Сидоров сыграл исключительную роль в судьбе Валерия Ивановича: пригласил его в аспирантуру, а затем и на работу на кафедру Истории СССР периода капитализма исторического факультета МГУ, которую тогда возглавлял; способствовал увлечению молодого исследователя экономической историей. Кроме того, Сидоров на собственном примере показал возможность для учёного даже в условиях жёсткого идеологического давления не поддаваться догматизму, сохранять свободу творчества и верность своим принципам. Он умел творчески использовать обязательные для советских историков методологию и идейное наследие марксизма-ленинизма, недаром многие его ученики впоследствии составили «новое направление» в советской историографии.

И хотя Бовыкин не ассоциировал себя с этим направлением, о чём прямо писал⁶, догматизм был чужд и ему. Как отмечал американский исследователь П. Грегори, труды Бовыкина выходили «далеко за рамки советской исторической школы, а методология и методика исследования несли в себе черты универсальности... Эмпирические данные позволили Валерию

⁵ Подробнее см.: *Рыбачёнок И.С.* Проблемы внешней политики России и международных отношений в научном наследии В.И. Бовыкина // *Россия на рубеже XIX–XX веков...* С. 50–57.

⁶ *Бовыкин В.И.* Ещё раз к вопросу о «новом направлении» // *Вопросы истории.* 1990. № 6. С. 164–184.

Ивановичу приподняться над сковывающими рамками одной теории и в известной степени преодолеть, как он сам говорил, тиски узкого “методологического” коридора⁷.

В своих суждениях учёный всегда исходил из собственного богатого исследовательского опыта, глубокого знания источников и не считал нужным в угоду сиюминутным тенденциям отказываться от своих убеждений. Ю.А. Петров вспоминал, что в середине 1980-х гг. одной из проблем, разрабатываемых Валерием Ивановичем, стало изучение предпосылок Октябрьской революции. Посвящённая этой теме книга «Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1988) вышла уже в разгар перестройки. Многие тогда советовали Бовыкину сменить название как устаревшее и не отвечающее новым веяниям, но он не посчитал нужным скрывать свои взгляды и тем более изменять им.

Всех учеников А.Л. Сидорова всегда отличали уважение к фактам и привычка к добросовестной работе над источником. Валерий Иванович не представлял научной деятельности без наличия в ней «глубокого, систематического изучения *всей суммы* имеющегося в распоряжении исследователя фактического материала»⁸. Более того, для него критерием историографической оценки споривших сторон всегда оставалось их отношение к источникам⁹. Поэтому логичным стал переход Бовыкина после смерти учителя в 1966 г. на кафедру источниковедения. Интересы исследователя органично вписались в решение темы, предложенной И.Д. Ковальченко в качестве основного направления научной деятельности кафедры, — источниковедение массовых источников по социально-экономической истории России.

Приход Валерия Ивановича оживил работу кафедры. Он выступил с инициативой изменения структуры лекционного курса и проблематики занятий по источниковедению истории России второй половины XIX — XX в., вёл спецсеминары (практически каждый год читал новый спецкурс), тематика которых была очень разнообразна. Учёный стремился научить будущих историков выявлять закономерности создания источников и особенности фиксирования в них исторической информации, обучал методике исторической критики документов, что было тогда новаторством и не имело устоявшихся традиций. В.И. Бовыкин, а затем и подготовленные им источниковеды внесли значимый вклад в формирование особого направления — специальных источниковедческих исследований по изучению экономической и социальной истории.

В 1969 г. 42-летний исследователь перешёл на работу в Институт истории СССР АН СССР (с 1992 г. ИРИ РАН) и стал заместителем его директора П.В. Волобуева. В 1973—1974 гг. он был учёным секретарём Отделения истории АН СССР, а с 1974 по 1988 г. руководил сектором империализма (впоследствии переименованным в сектор буржуазно-демократических революций) Института истории СССР. При этом всегда и везде он, по выражению И.М. Пушкарёвой,

⁷ Цит. по: Петров Ю.А., Пушкарёва И.М. Указ. соч. С. 255.

⁸ Бовыкин В.И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 294.

⁹ Петров Ю.А., Пушкарёва И.М. Указ. соч. С. 254.

был не командиром, а «архитектором», по «планам и чертежам» которого выстраивалась разработка подчас сложных научных проблем¹⁰.

Вслед за Сидоровым Бовыкин придавал особое значение архивным источникам. Он принадлежал к послевоенному поколению историков, которому власть впервые позволила относительно свободно пользоваться архивами. Однако сама методика архивного поиска была ещё не разработана, и методы архивной эвристики Валерию Ивановичу пришлось определять для себя самому. Он охотно делился опытом со студентами и всех своих учеников неизменно направлял в архив. Страсть Бовыкина к архивному поиску и максимальному использованию всех видов источников привела к тому, что он фактически стал инициатором нового источниковедческого направления, связанного с периодической печатью.

В то время к прессе относились как к косвенному источнику, но со временем накапливались представления о реальных информационных возможностях периодической печати — её непосредственности, синхронном отражении ею действительности, наконец, о её систематичности. Проведённые учениками Валерия Ивановича исследования¹¹ доказали, что «газетная информация, вопреки устоявшемуся мнению, далеко не всегда была вторичной... газеты выражали и формировали общественное мнение, прежде всего, путём соответствующей ориентации публиковавшейся ими повседневной информации о текущих событиях»¹². Возможности периодической печати как источника по экономическому развитию России стали впоследствии объектом специальных изысканий А.Г. Голикова, ученика В.И. Бовыкина¹³.

Однако для самого исследователя основным источником всегда оставались архивные документы. Он успел поработать в более чем 20 отечественных архивах, стал пионером привлечения документов из зарубежных архивохранилищ, главным образом французских¹⁴. Валерий Иванович одним из первых (наряду с французским историком Р. Жиро и американским исследователем Дж. Маккеем)¹⁵ стал привлекать их материалы для реконструкции международных связей российского банковско-промышленного капитала. Первоначально это имело вспомогательное значение, но со временем, как признавался сам историк, данные изыскания «стали подчиняться своей собственной логике». Так возникла идея написания книги о французских банках в России (вышла в свет уже после смерти автора)¹⁶. Как выяснил Валерий Иванович, первоначально французские банки предпочитали заниматься финансированием промышленных предприятий в России самостоятельно, но после экономического кризиса

¹⁰ *Пушкарёва И.М.* Роль В.И. Бовыкина в создании корпуса источников по истории рабочего движения в России // *Россия на рубеже XIX–XX веков...* С. 81.

¹¹ *Боханов А.Н.* Буржуазные газеты России и крупный капитал (конец XIX в.— 1914 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *Кострикова Е.Г.* Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (1907–1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

¹² *Бовыкин В.И.* Предисловие // *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 1997. С. 3.

¹³ См.: *Голиков А.Г.* Российские монополии в зеркале прессы (газеты как источник по истории монополизации промышленности). М., 1991; *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2012. С. 442–447.

¹⁴ *Петров Ю.А., Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 245.

¹⁵ *McKay J.* Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago; L., 1970.

¹⁶ *Бовыкин В.И.* Французские банки в России. Конец XIX — начало XX в. М., 1999.

начала XX в. стали действовать при посредничестве российских кредитных учреждений. В результате интересы их тесно переплелись.

Учёный приходил в архивы с большой программой исследований социально-экономической истории пореформенной России, в которой и сегодня остаётся немало «белых пятен». На некоторые из них В.И. Бовыкин прямо указал в одной из своих статей: «Общие закономерности индустриализации, её динамика, эволюция народно-хозяйственной и социальной структуры изучены недостаточно. В отечественной и зарубежной литературе высказываются различные мнения о соотношении внутренних объективных потребностей и внешних воздействий как факторов индустриализации в России, о роли экономической политики правительств и иностранных капиталовложений в российское народное хозяйство, об уровне индустриального развития России в начале XX в.»¹⁷.

Реализация масштабной программы, которую задумал Бовыкин, была не под силу одному исследователю. Даже для верификации бытовавших тогда в историографии представлений и создания достоверной картины индустриального роста на основе выверенных прежних данных и новых источников, архивных документов, требовался коллектив единомышленников. Это и определило необходимость создания собственной школы для расширения рамок научного поиска. Из пёстрой мозаики сюжетов, разрабатываемых учениками и при их участии, постепенно должна была собраться достоверная картина экономического роста дореволюционной России. Валерий Иванович не был кабинетным учёным-одиночкой. Прекрасно понимая, что эта огромная, малоизученная тема, которой он посвятил свою жизнь, неподъёмна для одного человека, он широко привлекал к разработке различных её аспектов своих студентов и аспирантов.

В.И. Бовыкин воспитал 33 кандидата наук, 14 из которых впоследствии защитили докторские диссертации. Под его руководством было выполнено около 100 дипломных работ, а число курсовых не поддаётся исчислению. И каждому из своих студентов и аспирантов он передал ту высокую культуру научного поиска, носителем которой был сам. Учёный являлся выдающимся преподавателем, он увлекал студентов своей заинтересованностью, постоянным поиском новых подходов, страстью к работе с документами. Были случаи, когда кардинально менялись их научные интересы, как произошло, например, с доктором исторических наук, известным специалистом в области социально-экономической истории России начала XX столетия А.П. Корелиным. Будучи первокурсником, он хотел избрать областью специализации Киевскую Русь. Однако знакомство с В.И. Бовыкиным, тогда молодым преподавателем, и летняя архивная практика под его руководством, побудили Корелина изменить свои намерения.

Ученики были гордостью Валерия Ивановича. Всем приходившим к нему домой, вспоминал В.В. Шелохаев, профессор с большой любовью показывал курсовые, дипломные, а потом и кандидатские работы своих учеников, бережно хранившиеся на полках. Но, пожалуй, наиболее яркой особенностью Бовыкина-преподавателя было то, что он относился к своим питомцам, как к коллегам. Все предлагаемые им темы были нацелены на разработку одной большой проблемы. Кандидатские диссертации, защищённые его учениками, посвящены изучению финансового капитала России и банковского дела (Ю.А. Петров,

¹⁷ Бовыкин В.И. Индустриализация // Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008. С. 887–891.

С.В. Ильин, С.В. Калмыков), проблемам крупного монополистического капитала (А.Г. Голиков, А.Н. Боханов, М.К. Шацилло), роли иностранного капитала в российской экономике (И.А. Дьяконова, М.Ю. Лачаева, Н.Г. Абрамова, А.И. Тихонов)¹⁸.

То, что В.И. Бовыкин умел вовлекать своих учеников в коллективное научное творчество, в конечном итоге стало одним из важных факторов формирования новой научной школы. Значение работ учёного и его школы для экономической истории России XIX – начала XX в. очень велико. Остановимся на некоторых основных направлениях его исследований, и прежде всего на истории банков.

Их роль в эпоху индустриализации и воздействие на промышленный рост давно уже стали центральной проблемой мировой банковской истории XIX – начала XX в. Идея австрийского социал-демократа Р. Гильфердинга о возникновении финансового капитала в результате слияния банковского и промышленного капиталов (поддержанная в своё время В.И. Лениным) породила в Советской России 1920-х гг. концепцию дочернего, зависимого от иностранных партнёров банковского сектора. Это, в свою очередь, стало основой тезиса сталинской эпохи о полуколониальной зависимости России от стран Запада. Именно такой трактовке Бовыкин активно противостоял с самого начала своей деятельности. Знакомство с ранее не известными архивными документами дало исследователю основание усомниться в дочернем характере российского финансового капитала и поставить во главу угла изучение эндогенных процессов его возникновения. Книга о зарождении финансового капитала в России¹⁹ стала манифестом нового направления в изучении российской экономической системы.

Своего рода итогом усилий учёного стал фундаментальный труд, реализованный в рамках международного проекта совместно с ведущим американским историком банковского дела Р. Кэмероном и группой отечественных и зарубежных исследователей²⁰. Следует подчеркнуть, что отличительной чертой В.И. Бовыкина являлась постоянная (начиная со второй половины 1950-х гг.) связь с мировой наукой. В среде зарубежных россиеведов, особенно историков и экономистов, учёный пользовался заслуженно высоким авторитетом, достойно представляя отечественную науку на конференциях в других странах. За 40 лет научной деятельности Валерий Иванович выступил с докладами на более чем 30 российских и международных конференциях и коллоквиумах, в 1990–1994 гг. избирался членом Исполкома Международной ассоциации экономической истории. После состоявшегося в Ленинграде V Международного конгресса экономической истории (1970) он не пропустил ни одного из них. Последним в его жизни оказался проходивший в Мадриде XII конгресс (1998). На нём В.И. Бовыкин руководил секцией по сравнительной истории стран-должников в XIX – начале XX в. Не обременённый официальными академическими регалиями (до конца жизни учёный, как и многие крупные российские историки, оставался «просто» доктором наук и профессором) он достойно представлял отечественную науку на международной арене.

¹⁸ Список защищённых под руководством В.И. Бовыкина кандидатских диссертаций см.: Россия на рубеже XIX–XX веков... С. 17–19.

¹⁹ *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.

²⁰ *International Banking, 1870–1914 / Ed. R.E. Cameron and V.I. Bovykin.* N.Y., 1991.

В проекте с Р. Кэмероном В.И. Бовыкин стал соредактором коллективной монографии, что являлось весьма редким случаем в советский период. Ставя задачу рассмотреть историю России в контексте мировых народнохозяйственных процессов, он совместно с ленинградскими коллегами Б.В. Ананьичем и А.А. Фурсенко подготовил разделы книги, посвящённые России и особенностям формирования и деятельности национальной банковской системы до Первой мировой войны. При этом, отнюдь не во всём соглашаясь с соредактором в оценке значения иностранных инвестиций для экономического роста, учёный настоял на том, чтобы каждый из них подготовил собственный текст вводной статьи. Эта публикация завершила цикл трёх работ под общей редакцией Р. Кэмерона, которые стали фундаментом исследований по истории финансов и банков в мировой историографии.

Общая позиция авторов, сохраняющая актуальность и сегодня, сводится к тому, что экономическая модернизация в странах «второго эшелона» развития, обусловленная прежде всего внутренними потребностями, происходила под воздействием извне – со стороны передовых промышленных государств. Кредитные учреждения стран «второго эшелона» поэтому могли использовать не только опыт, но и прямую финансовую помощь западноевропейских банков, которые и сами активно стремились к созданию в менее развитых государствах своих филиалов или «дружественных» кредитных учреждений. Банковское дело было в своей основе интернациональным, но вместе с тем проявило поразительную способность приспосабливаться к местным условиям. В результате в каждой стране, приобщавшейся к мировой экономической системе, складывалась собственная, единственная в своём роде национальная банковская модель, адекватная особенностям экономического развития и общественного строя данного государства, его правовым нормам и положению в мировом хозяйстве²¹.

Обращение к западноевропейскому опыту позволило В.И. Бовыкину наметить основные модели банков середины XIX в. – английскую («деPOSITную») и континентальную («деловую») – и их постепенную эволюцию в сторону универсального, «смешанного» типа банков, сочетающих депозитное дело с долгосрочным финансированием экономики. Типология эта, как показал Валерий Иванович, была вполне применима и к пореформенной России. «Младенческий» период в отечественном банковском деле на рубеже XIX–XX вв. сменился этапом превращения в «смешанные» кредитные учреждения, развивавшие депозитное и учётное дело. Каждый из банков имел свои нюансы развития, но основной его вектор заключался в переходе к универсальному типу. В начале XX в. акционерные коммерческие банки стали катализаторами интенсивного экономического роста предреволюционной России. Достигнутый ими уровень развития был вполне сопоставим с западноевропейскими финансовыми структурами, которые активно сотрудничали с российскими партнёрами.

Принципиальный характер носил сформулированный Валерием Ивановичем вывод о том, что отечественный банковский мир был глубоко интегрирован в международную кредитную систему, поддерживал оживлённые контакты с западноевропейскими партнёрами, прежде всего французскими, которые нередко выступали в роли инвесторов российских банков. Но при этом

²¹ Эти идеи были развиты В.И. Бовыкиным в книге по истории российских коммерческих банков, написанной в соавторстве с его учеником: *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.

ни о каком «закабалении» отечественных банков иностранным капиталом не могло быть и речи, так как сотрудничали отечественные и западноевропейские финансисты как равноправные партнёры, а долговременным следствием этого сотрудничества стало ускорение промышленного роста России. За последние годы мировая теория по теме «Финансы и экономический рост» ушла далеко вперед, но работы Бовыкина остаются в «мэйнстриме» этого направления.

Однако в историографии В.И. Бовыкин остаётся не только как историк банков и иностранного капитала, хотя это направление он активно разрабатывал до конца жизни²². В работах Валерия Ивановича освещены важнейшие проблемы, связанные в целом с эволюцией экономики России на рубеже XIX–XX вв., генезисом и ходом российской индустриализации. Ценность и значение его трудов заключается в том, что им был заложен фундамент нового этапа в разработке более совершенных методов и приёмов обработки статистических и справочных информационных данных о промышленности и движении капиталов. Он активно использовал междисциплинарный подход, выдвигал смелые гипотезы. В его работах появлялись нетрадиционные для советской историографии подходы, но всегда основанные на фундаменте фактов, часто впервые введённых в научный оборот. Под руководством учёного был опубликован коллективный труд «Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг.» (М., 1981), началось издание уникальной серии «Особые журналы Совета министров царской России, 1906–1917» (в 1979, 1984, 1988 гг. были опубликованы журналы за 1906–1908 гг.), разработаны принципы подготовки статистических сборников в рамках комплексного проекта «Хроника рабочего движения в России, 1895 – февраль 1917 г.» (М., 1992–2008; доведена до 1904 г).

Труды В.И. Бовыкина заложили прочный историографический фундамент изучению истории предпринимательства предреволюционной России²³. Эта тема была буквально открыта им для российской науки. Валерий Иванович фактически возглавил данное направление, став инициатором создания Ассоциации историков российского предпринимательства, одним из создателей и руководителей Центра экономической истории при историческом факультете МГУ. Также он инициировал продолжающее выходить и сегодня издание «Экономическая история. Ежегодник», ставшее первым в стране альманахом по проблемам российской и мировой экономической истории. В ИРИ РАН им была создана творческая группа «Индустриальное развитие России и история российского предпринимательства».

Целью жизни Валерия Ивановича стало создание обобщающего труда по истории дореволюционной отечественной индустриализации, в котором были бы учтены результаты работы всей его школы. Предварительный краткий очерк изысканий он опубликовал на волне перестройки в книге, написанной в полемике с оппонентами²⁴. От своих взглядов он не отрекался и позднее, в 1990-е гг., когда многие представители исторического цеха «перекрашивались в новые цвета». До конца жизни учёный работал над третьей частью своей трилогии о финансовом капитале в России. К сожалению, эта книга вышла уже

²² См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / Под ред. В.И. Бовыкина. М., 1997.

²³ См.: Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. / Под ред. В.И. Бовыкина, Ю.А. Петрова, А.К. Сорокина. М., 1997.

²⁴ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

после кончины автора²⁵. Исследователем, как и в начале его научной карьеры, двигал тот же стимул — поиск ответа на вопрос: каким был уровень экономического развития предреволюционной России. Голословные утверждения о безнадежной отсталости страны вызвали у него законное сомнение. Не случайно Валерий Иванович присоединился к мнению британского коллеги-экономиста П. Гэтрелла, который писал: «Соблазн описать дореволюционную Россию как экономически отсталую очень велик, но это то искушение, с которым следует бороться»²⁶.

По мнению Бовыкина, «важнейшие общие свойства стран “второго эшелона” сводились к наличию необходимых внутренних предпосылок, обеспечивающих возможность восприятия внешних ускоряющих воздействий, и сохранению политической независимости, ограждающей от тормозящих влияний окружающей международной среды»²⁷. В этой формуле соединились различные подходы: марксистский — об «эшелонированности» экономического роста в условиях борьбы за колониальный передел мира и западные — о «преимуществах отсталости» (А. Гершенкрон) и необходимости определённого уровня развития институтов для рецепции достижений передовых стран. Валерий Иванович намечал дальнейшие пути исследования проблемы, актуальные и для сегодняшней историко-экономической науки.

Он отстаивал свою точку зрения и смело вступал в дискуссию, поскольку считал, что достаточно «вооружён» ходом исследования её предмета. Это относилось и к его исследованиям, посвящённым роли финансового капитала, возникновению монополий и олигополий. Так было и с так называемой теорией многоукладности, которую он подвергал сомнению как искусственный конструкт, в котором отсутствует единый стержень (капиталистическая система хозяйства), заменённый суммой разных укладов, практически ничем друг с другом не связанных²⁸.

Ставший свидетелем таких горячих споров в Москве японский коллега В.И. Бовыкина С. Ито вспоминал: «В первый день нашей встречи после того, как он “воевал” со своими оппонентами на научном фронте, я вызвал его на дискуссию по вопросу об обоснованности тезисов “многоукладников”. Мы обсудили много проблем, и он сразу изложил мне все аргументы против их точки зрения... Господство капиталистического уклада в российской экономике — вот на что делал упор профессор В.И. Бовыкин. Он, я думаю, был прав в этом вопросе»²⁹. Учёный исходил из факта существования в стране финансового капитала, определявшего и направлявшего, как он считал, состояние всех прочих «укладов» в экономике страны.

К сожалению, полемика вышла за рамки научной дискуссии, в 1970-х гг. в дело пошли «оргвыводы». А в перестроечный период стало принято сводить счёты с оппонентами, заменяя аргументы личными выпадами и обвинениями

²⁵ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

²⁶ Gatrell P. The Tsarist Economy 1850–1917. L., 1986. P. 231.

²⁷ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России... С. 23.

²⁸ Бовыкин В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1988. № 5. С. 83–89.

²⁹ Ито С. Дискуссия с профессором Бовыкиным // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сборник статей. М., 2001. С. 83.

в сотрудничестве с «режимом»³⁰. Представляется, что главную роль здесь сыграли взаимные обиды и неприязнь между питомцами бывшей «школы Сидорова». Бовыкина фактически обвинили в причастности к борьбе против «нового направления», не приводя реальных доказательств, коих и не было, поскольку тот не выходил за грань научной дискуссии. Тем не менее эти наветы сыграли свою роль в создании «общественного мнения» и фактически сократили срок жизни учёного, перенёсшего два инфаркта.

В новой историографической ситуации 1990-х гг. Валерий Иванович продолжал противостоять традиции заниженной оценки экономического потенциала дореволюционной России, связывая её начало с 1930-ми гг., когда появился «пресловутый сталинский тезис о полуколониальной зависимости России», под воздействием которого «во вновь выходящих книгах были существенно уменьшены показатели валовой продукции промышленности страны и её удельного веса в мировом промышленном производстве. Эти цифры до сих пор широко используются в исторической литературе. С того же времени при характеристике российского народного хозяйства акцент стал делаться на технико-экономическую отсталость страны и её зависимость от иностранного капитала»³¹.

Сегодня основные направления исследовательской программы Валерия Ивановича активно реализуются в работах представителей его школы, продолжающих изучение истории дореволюционной индустриализации в России как единого экономического и социокультурного процесса обновления общества. В.И. Бовыкин в своё время выступил с инициативой создания базы данных, характеризующих стачечное движение в России 1895–1917 гг., с целью проведения их многоаспектного анализа на основе статистическо-математических методов³². Эту работу (при поддержке американского историка Л. Хаймсона) включили в международный проект «Статистика стачек в России и в других индустриальных странах Европы и в США» (М., 1986).

Валерий Иванович рассматривал собранный материал как комплексный источник, связанный с использованием возможностей информатики, статистических методов и математического моделирования волн протестного движения. Оказалось возможным не только уточнить общее количество стачек, но и сделать вывод о том, что большинство трудовых конфликтов не имело политической составляющей (за исключением периодов обострения борьбы) и выявить также слабую корреляцию между экономическим положением рабочих и их стачечной активностью³³.

К сожалению, проект был реализован лишь частично – изданные 10 выпусков (360 п.л.) охватывают только 1895–1904 гг. Однако сама работа не осталась без теоретического осмысления. По инициативе И.М. Пушкарёвой и Л.И. Бородкина была подготовлена коллективная монография «Трудовые конфликты

³⁰ См., например: *Поликарпов В.В.* «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44–61.

³¹ *Бовыкин В.И.* Предисловие // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы / Сост. И.А. Дьяконова. М., 1996. С. 3.

³² *Бородкин Л.И.* Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России (Из опыта творческого сотрудничества) // Россия на рубеже XIX–XX веков... С. 93–94, 109–111.

³³ *Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 гг.: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 3. С. 68–80.

и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. Хроника» (М., 2012). Здесь были подведены общие итоги проекта, выявлено разнообразие факторов, воздействовавших на интенсивность протестного движения.

Данью памяти учёному стал масштабный проект³⁴, инициированный его учениками, — энциклопедия экономической истории России, о создании которой в своё время мечтал Валерий Иванович. В современной российской и зарубежной историко-экономической науке накоплен значительный материал по экономической истории дореволюционной России. Однако рассеянный по десяткам монографий и сотням статей он был труднодоступен даже для исследователей, не говоря уже о широкой читательской аудитории. Задача организаторов и участников проекта заключалась в подготовке сводного энциклопедического труда, который бы не имел прецедентов в отечественной и зарубежной историографии. Форма энциклопедии позволила наиболее полно представить тенденции, характер и уровень экономического развития России за всю её многовековую историю.

Руководители проекта стремились приблизиться к осуществлению намеченной Валерием Ивановичем программы комплексного исследования экономической истории дореволюционной России. В энциклопедии эта тема рассмотрена максимально широко и включает не только собственно экономическую деятельность, но и субъекты и объекты хозяйствования; транспортную, кредитную, коммуникационную инфраструктуру и проч. В издании представлены и статьи о крупнейших российских учёных в области отечественной экономической истории, в том числе и о В.И. Бовыкине.

В своё время Валерий Иванович в статье, посвящённой памяти своего учителя А.Л. Сидорова, так отозвался об одной из его первых работ по истории экономики России в годы Первой мировой войны: «Книга эта по сей день не утратила своего значения. Секрет её долговечности в научной добросовестности автора, в его стремлении построить изложение только на основе проверенных фактов». Такая высокая оценка вполне применима и к научному творчеству самого В.И. Бовыкина, чьи труды прочно вошли в отечественную и мировую историографию предреволюционной России.

Валерий Иванович оставил после себя немало число незавершённых работ и проектов. Усилиями учеников профессора были изданы две монографии³⁵ и ряд статей³⁶, не увидевшие свет при его жизни. В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ имеется архивный фонд В.И. Бовыкина (ф. 891, 115 картон, 1 292 единицы хранения). Здесь находятся рукописи его статей, докладов, монографий, а также подготовительные материалы, в том числе выписки и копии документов из французских архивов. Но главное, Бовыкин оставил после себя целую плеяду продолжателей своего дела, которые развивают заложенные им направления исследований.

³⁴ Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1–2. М., 2008–2009. Этот проект объединил около 200 авторов и потребовал нескольких лет упорного труда. Автором идеи проекта стал А.К. Сорокин, руководителем и ответственным редактором издания — Ю.А. Петров, финансовую поддержку на исследовательской и издательской стадиях оказал Российский гуманитарный научный фонд.

³⁵ *Бовыкин В.И.* Французские банки в России...; *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России...

³⁶ См., например: *Бовыкин В.И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 9–32.

Татьяна Филиппова

Рец. на: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.) / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Tatiana Filippova

*(Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: Patriotism i natsionalizm kak factory rossiiskoy istorii (konets XVIII v. — 1991 g.). Moscow, 2015

Почти за два года, прошедшие со времени выхода в свет рецензируемой книги, она стала ещё актуальней. Очередной виток осложнения международной ситуации, глобализация локальных конфликтов, беспрецедентные волны миграций, ослабление мировых интеграционных процессов в пользу тенденций к государственной, национальной и цивилизационной замкнутости ставят перед государственными элитами вопрос о сохранении прежних (или фиксации новых) идентификационных характеристик в отношении национальных сообществ. Это в свою очередь требует уточнения понимания природы национального единства и трактовки ценности таких понятий, как государственный суверенитет и национальная самобытность.

Эти же мировые явления актуализируют для исследователей задачу освоения и трансляции опыта исторических прецедентов обострения и разрешения кризисов, в которых идеи нации, национализма, патриотизма (или, напротив, национального и гражданского нигилизма) играли судьбоносную для общества роль. В этом смысле специфика России — с исторически присущими ей традициями имперского универсализма, многонациональности, поликонфессиональности и цивилизационной разнородности отдельных культурно-географических частей — бросает исследователям особо острый интеллектуальный вызов.

Коллектив авторов данного труда принял этот вызов во всей его сложности,

с излишней, на мой взгляд, скромностью обозначив свой ответ на него в плоскости трактовки патриотизма и национализма как факторов российской истории на протяжении двух столетий. На деле в работах участников проекта мы находим воссоздание масштабной картины движения философских смыслов, политических ориентаций, государственных стратегий, культурных приоритетов, эстетических пристрастий и этических норм, связанных с осмыслением русскими (россиянами, советскими людьми) себя как национальной общности, а своего государства как Отечества. По сути, это книга-портрет (возможно, зеркало), в котором — когда детально, когда лишь в общих чертах — отразились сложные, противоречивые, часто взаимоисключающие образы национального «лица» («лиц») России и особенностей её государственности во всей многомерности и неоднозначности их взаимоотношений. А потому, стоит ли грешить на зеркало, если увиденное в нём зачастую вызывает у исследователей и боль, и горечь, и острое сожаление об упущенных исторических шансах? Важнее то, что тема каждой главы коллективной монографии, её авторские трактовки в каждом конкретном случае фиксируют определённый исторический опыт (подчас — урок) того или иного периода отечественной истории в горизонте осмысления национальных идентичностей и национальных интересов в их непростых отношениях с государственными приоритетами. И в этом смысле проблемно-хронологи-

ческий принцип построения работы вполне оправдывает себя, позволяя увидеть мотивы, смыслы и последствия периодически возобновляющихся идентификационных поисков в российском социуме («русские – кто мы?»).

Задача, поставленная авторами, осложнялась общей проблемой, неизбежно встававшей перед всеми исследователями наций и национализмов, – принципиальной сложностью дефиниции нации как таковой. Эту непростую ситуацию точно охарактеризовал один из ведущих теоретиков данной темы Э. Хобсбаум: «Но ведь проблема в том и заключается, что мы не способны растолковать наблюдателю, как *a priori* отличить нацию от других человеческих сообществ и групп – подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей или между отдельными видами птиц. Если бы за нациями можно было наблюдать примерно так же, как и за птицами, занятие это не составило бы особого труда»¹. То же, очевидно, касается и «наблюдения» за конкретными национализмами, формирующимися идейно, культурно и политически на определённом историко-географическом пространстве. Весь существующий на сегодняшний день объёмный и внутренне полемичный компендиум теоретических исследований (Дж. Брони, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, У. Бэйджота, Г. Кона, М. Хроха, Б. Андерсона и др.) оставляет принципиально открытыми многие вопросы дефиниции нации, национализма и интерпретации их конкретных проявлений.

Обращением к конкретике авторы данной работы как бы снимают дилемму определения объекта исследования: «русский национализм» или «национализм в России»? Очевидно, что национальные идентичности в обществе (будь то конструируемые усилиями государственной идеологии или возникающие в ходе научно-философских, общественных и культурных поисков) всегда контекстуальны. Поэтому старт работы справедливо взят в широко понимаемой эпохе русского Просвещения, в ходе которого были сформулированы и развиты основополагающие идеи и практики национально-патриотического дискурса. Тогда же устами самой Екатерины II, русской немки на российском престоле, была высказана стилистически точная и содержательно ёмкая мысль, фиксирующая государственную традицию *предписательности* патриотических

чувств как гарантии политической лояльности: «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений»².

XIX столетие, получившее в европейской истории название «века национализма», восприняло от эпохи Просвещения идейное наследие, позволявшее отследить ситуацию, когда не фактор державной силы, а иные социо- и политико-культурные ценности начинают влиять на имперский характер государственного поведения, меняя типологию патриотических реакций. Национальная культура, язык, права национальностей отныне представляются чем-то более важным и ценным, чем относительная безопасность под крылом сильной, унифицирующей имперской власти. Привычным ответом имперской власти на эти явления становились модернизированные – в духе времени – экспансионистские технологии освоения новых пространств в сочетании с победной риторикой «цивилизаторской миссии» и патерналистской опеки, подменявшие иные формы самоорганизации на многонациональном имперском пространстве.

В этой ситуации национализм и демократизм, имевшие общий просвещенческий исток в идее народного суверенитета (только XX в. сумел «раздружить» их до состояния «или – или») становились полноценной этической и культурной антитезой имперскому властолюбию. То, насколько разнообразными оказывались интеллектуальные, эмоциональные, эстетические и идейные коллизии в размышлениях на тему национализма и патриотизма в треугольнике «власть – элиты – общество», демонстрирует глава, написанная Н.П. Ильным («Формирование основных типов национальной идеологии от М.В. Ломоносова до Н.Я. Данилевского»). Исследователь сумел убедительно вписать зарождение и развитие типов национальной идеологии в России в соответствующий общеевропейский политико-культурный контекст, а также выявить российскую специфику этих процессов, зафиксированную, в том числе, и в предложенной им типологизации «русской национальной идеологии». При этом автор указывает на необходимость отличать типы подобной идеологии – европеизм, мессианизм, панславизм и ориентализм от *русского национализма* как идеологии *sui generis*» (с. 111).

В.В. Зверев («Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве») мастерски препарировывает теоретическую и конкретно-историческую проблематику национально-патриотической темы в парадигме народнической идеологии – в её эволюционном движении. Отмечу при этом сложность задач, стоявших перед автором на уровне терминологической специфики многих народнических позиций. Особенно если учесть полисемантическую в русском языке и интеллектуальной традиции слова «народ», что в определённой степени затормозило вызревание историософских представлений о нации в её гражданском измерении, свойственном европейской политической мысли. Исторический дрейф народничества в сторону политизации требований автор аргументированно связывает с процессами переоценки роли национально-патриотических идей в общем корпусе народнической идеологии: «Патриотизм, свойственный взглядам родоначальников народничества, сменился великодержавием и национализмом, социалистическое содержание доктрины – идеей приспособления к капитализму» (с. 206).

Особую миссию в общем проекте «берут на себя» главы, автором которых является А.Ю. Кожевников («Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции», «Большевизм и русский вопрос в начале XX в.», «От идеи “мировой революции” к государственному патриотизму», «Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953)», «Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980-х гг.»). Он отслеживает на протяжении почти двух веков – от патриотических идей революционной интеллигенции XIX столетия до позднесоветского консерватизма и «русского национального патриотизма» конца XX в. – процесс жёсткой кристаллизации форм в соответствующих идеологических установках и политических практиках двух империй – российской и советской. Как на уровне официальной политики, так и в горизонте общественного творчества – в культурной, научной, художественной сферах – в текстах автора возникает и принимает очередную вызов истории «русский национальный патриотизм как самостоятельное явление» (с. 666). В финальных строках

символическим жестом историка данное явление обозначается уже с заглавной буквы – «Русский национальный патриотизм».

В главе «Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии», подготовленной П.Ю. Савельевым, анализируются сложные взаимоотношения идей обозначенного спектра в общественной мысли российской социал-демократии – во всей их политической контекстуальности. Здесь освещена проблема ситуационного, прагматического реагирования на вопросы войны и мира, осложнённого внутренними противоречиями в русле социал-демократического движения и меняющейся расстановкой сил на международной арене.

А.А. Иванов («Лозунг “Россия для русских”: зарождение, трактовки, апология, критика») даёт подробный анализ приключений (и злключений) лозунга «Россия для русских», предлагая свои объяснения столь долгого его существования в отечественном националистическом дискурсе. На материале разных эпох автор доказывает неоднозначность смыслов самого лозунга и его «значительно более широкое звучание» в зависимости от обстоятельств времени и среды. Однако тут вспоминается один афоризм литературного критика Л.А. Анненского, высказанный им на «круглом столе» в редакции журнала «Родина» в 1999 г. по поводу термина «просвещённый консерватизм»: «Если сущностное требует такого прилагательного, то с сущностным не всё в порядке». Вот так и в отношении «России для русских» – при всей широте трактовок упомянутого лозунга его адепты (что бы они ни имели в виду) в полной мере разделяют ответственность за его интерпретацию и утилизацию в сугубо политических целях.

А.В. Репников, продолжая свою исследовательскую линию изучения российского консерватизма, углубляется в хитросплетения идей национализма и патриотизма на разных уровнях их прикладного использования – в государственном курсе двух последних царствований, окрашенных в русофильские тона, в формирующейся партийной жизни предреволюционной России, в философско-публицистических работах. В своей главе («Имперский и национальный принцип в конце XIX – начале XX в.») Репников чётко отделяет респектабельные проявления

консервативных установок в национальном вопросе от крайностей черносотенной, «охотнорядской» стихии. Разнообразие и многозначность идейного поля националистических проявлений в тогдашнем обществе, доказывает далее автор, оказались для государства и общества источником слабости, а не ресурсом силы. Здесь — один из пунктов срыва возможной альтернативы в отечественной истории на заре «века войн и революций». Другой пункт видится в ревнивем властолюбии самодержавия, всегда бдительно отстаивавшего свою монополию на трактовку патриотизма и народности, не давая себе труда разделить пространство этих идей и настроений даже с лояльными консервативными силами в обществе. И что же в итоге? «Если бы русским националистам удалось выработать своё единое и цельное мировоззрение, — обоснованно подчёркивает автор, — пока в России были относительно благоприятные для этого условия, они могли бы стать самостоятельной силой, способной эффективно противостоять одновременно и революционным радикалам, и либералам, но этого не произошло» (с. 322).

Историческому поражению ещё одной альтернативы, чётче оформленной идейно и более перспективной в политико-культурном отношении, посвящена глава Н. И. Канищевой и В. В. Шелухаева («Российские либералы: между правыми националистами и леворадикальными пораженцами»). Правовые, культурно-языковые, этно-культурные, цивилизационные аспекты национальной идеи в интерпретации либеральной политической мысли и в партийной практике российских либералов на различных этапах общероссийского кризиса начала XX столетия детально анализируются авторами, с подключением значительного количества документов. Исследование доказывает, что «сохранение прочного единства и целостности исторически сложившегося полиэтнического российского государства» было одной из важнейших политико-культурных ценностей для тогдашнего поколения отечественных либералов, а их программы «представляли вполне реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса и, следовательно, распада многовековой Российской империи» (с. 354). А значит, патриотический ориентир либеральной альтернативы в предреволюционной России со всей полнотой

обозначал себя и на доктринальном, и на тактическом уровнях. Более того, авторы вполне обоснованно выносят оправдательный вердикт российскому либерализму. Вопреки его ситуационному поражению в обстоятельствах революции 1917 г., «исторический опыт начала XX в. убедительно показал, что российские либералы в своей основной массе являлись подлинными патриотами, видели дальнейшую перспективу динамичного развития России на пути свободы и демократии, на пути единения всех национальностей, населяющих страну» (с. 354).

Н. В. Антоненко («Идеи патриотизма и национализма в общественной мысли Русского Зарубежья»), подробно изучив направленность трансформации идей национализма и патриотизма в условиях Русского зарубежья, представляет концепции эмигрантского национализма, движение образов будущей государственности и конкретные планы «возрождения Великой России», а также отмечает тяготение к созданию «целостной национальной политики» и надежды на востребованность эмигрантских разработок в будущей «России без большевиков». Всё это автор определяет как главные маркёры модернизированной версии традиционного имперского национализма. Более того, Антоненко полагает, что «в условиях изоляции от России русский национализм... доказал свою гибкость, пластичность, подвижность, способность к идейно-теоретической трансформации», тем самым заслужив занять своё место в сообществе «великих идеологий», — социализма, либерализма, консерватизма (с. 614).

В финальной, наиболее драматической главе книги («Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах “советского патриотизма” (1985–1991)») Л. Н. Доброхотов обращается к материалу «истории» и «географии» межнациональных конфликтов, ознаменовавших эпоху «перестройки» и распада союзного пространства. Автор выявляет сложное переплетение старо-новых культурных, межнациональных, управленческих, экономических и прочих проблем, вылившихся в «парад суверенитетов» и обернувшихся в итоге «парадом сепаратизмов».

Особую роль в монографии играют «Введение» и «Заключение», написанные ответственным редактором издания В. В. Журав-

лёвым. Эти небольшие по объёму, но ёмкие тексты не сводятся к формально-академическому ритуалу, а предлагают читателю своего рода «камертон» настройки на волну коллективного исследования, а также тематическую «лоцию», помогающую точнее увидеть место и роль каждого текста в общем научном замысле. Нельзя не согласиться с автором, когда он определяет главный исток неизбежных противоречий в пространстве исторического и актуального бытования идей патриотизма и национализма: «Несовпадение мировоззренческих и политических идеалов неизбежно ведёт к разному пониманию того, что есть благо и слава Отечества» (с. 780). Само же определение патриотизма формулируется Журавлёвым сугубо функционально, без риторических прикрас – через постановку интеллектуальных, культурных и гражданских задач, лежащих в этой плоскости: «Уроки, *вознаграждающие* (выделено мной. – Т.Ф.) нас сегодня социальной и политической мудростью, предостерегают от повторения бед прошлого, которые сплавляют общество, “работают” на его политическую консолидацию, не тянут из прошлого в настоящее баррикады революций и фронты гражданской войны. В этом, может быть, и заключается истинное призвание патриотизма» (с. 782).

Знакомство с материалом коллективного исследования позволяет сделать ряд заключений по ключевым вопросам политического воздействия идей национализма и патриотизма на разных исторических этапах развития России. Так, одним из факторов углубления общего кризиса на закате империи стало отсутствие у власти планомерной политики по налаживанию культурной коммуникации с различными национальными группами населения. Ситуация усугублялась тем, что в России вообще был плохо налажен социокультурный диалог между различными слоями, этносами, классами. Национальные, социальные, культурные, цивилизационные различия в условиях ослабления имперских универсалистских скреп неизбежно провоцировали углубление противоречий в режиме поиска врага в «другом», «ином», «чужом». В титульном же этносе основное, базовое разделение заключалось в существовании двух типов, принципиально различавшихся в социокультурном и даже цивилизационном отношении – «мужика» и «барина», имевших, строго говоря, не всегда совпа-

давшие представления о «родине», «патриотизме», «национальном интересе». Стремление же властей конструировать «сверху» официозные формы патриотической лояльности, как правило, оборачивалось поощрением казённого верноподданничества. Это ещё более углубляло пропасть непонимания и осложняло налаживание социокультурной коммуникации внутри многонационального и поликонфессионального российского социума.

Примечательно, что и отечественная общественная мысль, при всём разнообразии идейных подходов и трактовок, на протяжении XIX – начала XX в. демонстрировала отсутствие даже базовых договорённостей по поводу терминологии и объектности в отношении определения таких взаимосвязанных категорий, как государственность – патриотизм – народность – национализм – от Петра Вяземского с его «люблю народность как чувство, но не признаю её как систему», через пушкинское «я презираю своё Отечество с головы до ног, но если с этим соглашаются иностранцы, мне становится очень обидно» до бердяевского «нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков».

Провоцирующее кризис переплетение общественно-политических и национальных проблем в революции 1917 г. и Гражданской войне не требует дополнительных доказательств. Колоссальная человеческая «себестоимость» революционных экспериментов, осуществлённых в России в XX в., складывалась из многих факторов. В их числе и тот, что прежние элиты (государственная, культурная, национальная) оказались не в состоянии решить историческую миссию актуализации ценностей государства на переломном моменте вхождения страны в цивилизацию модерна. А исчезновение самого объекта патриотических чувств – прежней России – разбудило архаику этнизации, заместившей на время процессы модернизации социума. Психологическая и интеллектуальная неизжитость этносоциальных комплексов, латентно сохранявшихся под монолитом новой советской государственности, вполне прогнозируемо дала себя знать в эпоху очередного кризиса, связанного с развалом СССР.

Имперский универсализм и – как инвариант – советский интернационализм

затормозили процессы того, что можно было бы назвать «национальным созревани-ем» в смысле обретения гражданской зрелости. Для последней явно не на пользу были патернализм и опека «сверху», будь то в самодержавном или социалистическом формате. Возможности свободного отрефлексирования этого процесса ограничивались теми же особенностями исторической традиции. Не удивительно, что расползание ткани советского пространства приводило к тому, что под риторикой роста «национального самосознания» часто скрывалась лишь архаичная «кровь и почва» обострённой этничности. Новая ротация смыслов и объектов национально-патриотических чувств обернулась негативизмом взаимных претензий и этнофобий.

Если остановиться на том, чего не хватает данной коллективной монографии, то это, на мой взгляд, более пристального внимания к тому, как на каждом этапе развития России внешнеполитическая ситуация влияла на окрас национально-патриотической тематики; какие метаморфозы происходили в идеологическом манипулировании этой тематикой в периоды милитаризации государства и мобилизации масс; как менявшееся восприятие россиянами самих себя «между Востоком и Западом» изменяло идентификационные характеристики социума («многонациональный народ», «суперэтнос», «новая

историческая общность», «евразийское единство», «российская нация» и т.д.).

К тому же, заметим, издание столь серьёзного уровня хотелось бы видеть сопроводённым справочным материалом — именным указателем и библиографией.

Между тем главное, что остаётся от знакомства с книгой, это не только признание заслуг авторского коллектива, в том числе и в деле введения в научный оборот новых источников, но и желание увидеть продолжение проекта. Последнее 25-летие в истории России и всего постсоветского пространства даёт массу поводов обратиться к научной трактовке обновлённого репертуара актуальных интерпретаций идей национализма и патриотизма. В этом смысле разработанные авторами стратегии анализа могут оказаться полезными в формировании современного дискурса темы, способного работать (говоря словами В. В. Журавлёва), «пробуждая, оживляя и одушевляя гражданские принципы и чувства всех неравнодушных современников и соотечественников» (с. 8).

Примечания

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 7.

² Екатерина Великая о величии России. М., 2010. С. 22.

Наталья Сухова

Рец. на: А.Е. Иванов. Учёное достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

Natalia Sukhova

(St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

Rec. ad op: A.E. Ivanov. Uchenoye dostoinstvo v Rossiyskoy imperii. XVIII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly. Moscow, 2016

В своей новой монографии А.Е. Иванов исследует историю научно-педагогической аттестации в Российской империи. На первый взгляд может показаться, что аттестация кадров (присуждение учёных степеней) — неизбежная,

но формальная сторона науки и образования, определяющаяся исключительно постановлениями, указами, требованиями. Однако данная книга убедительно показывает, что это далеко не так. Напротив, через эту призму можно

рассмотреть весь более чем непростой процесс формирования национальной научной элиты с её проблемами и достижениями, кризисами, исканиями, жертвенными усилиями. Именно система аттестации отражает динамику развития той или иной области знания, хотя, разумеется, этот показатель не является абсолютным. Кроме того, способы подготовки учёных и преподавателей, критерии, предъявляемые к их диссертациям, раскрывают существенные черты научно-образовательной системы, включая общие принципы и требования «научности», внутреннюю структуру науки в целом и отдельных её областей, круг исследовательских задач и методов.

Анатолий Евгеньевич Иванов хорошо известен в учёном мире своими трудами по истории высшей школы России¹. Ему принадлежит и честь открытия в 1994 г. нового научного направления в истории российской культуры и науковедения – истории научно-педагогической аттестации. Разумеется, у А.Е. Иванова был предшественник – Г.Г. Кричевский (1910–1989), о котором автор с благодарностью вспоминает во введении (с. 10–12). Но если Кричевский составил уникальный свод «Диссертации университетов России 1805–1919 гг.: библиографический указатель», включающий работы, защищённые на всех факультетах, кроме медицинского², то именно Иванов первым в России проанализировал все составляющие системы научно-педагогической аттестации – подбор кадров, состав учёных степеней, процесс подготовки и защиты диссертаций и т.д.³ Последователи Анатолия Евгеньевича, осветившие специфику аттестации в различных областях науки и конкретных учебных заведениях, доказали плодотворность проложенного им пути, а он не только дал начальный импульс и подвёл итог этой двадцатилетней работе, но и намечил перспективы для дальнейших размышлений.

Рецензируемое исследование несомненно обладает научной новизной и оригинальностью. Оно основано на колоссальной источниковой базе и обширной историографии, касающейся как собственно истории учёных степеней и институтов аттестации в России, так и иных аспектов развития образования, правительственной политики, практики разных университетов и специальных высших учебных заведений, судьбы знаменитых диссертантов и т.д.

Монография имеет чёткую структуру. В первой главе изложена предыстория

создания системы научно-педагогической аттестации в XVIII в. Автор выявляет первое появление в России самой идеи «произведения в градусы» и указывает наиболее важные элементы подготовки учёных в Московском университете, включая заграничные командировки. Во второй главе характеризуются организационные и законодательные нормы, регулировавшие проведение аттестации: порядок степеней в университетах и православных духовных академиях, табельно-сословно-должностной и чинно-иерархический статус их обладателей и т.п. В третьей, четвёртой и пятой главах рассматривается процесс подготовки научно-педагогических кадров, а в шестой говорится о «технологии» магистерских и докторских экзаменов, написания, представления и защиты диссертаций, утверждения в учёных степенях, о приват-доцентуре и пробных лекциях будущих профессоров.

Некоторые части книги имеют самостоятельное значение, не нарушая при этом её общую гармонию. Так, в третью главу вошли очерки, посвящённые истории «всеуниверситетских аспирантур»: Профессорского института при Дерптском университете (1827–1838) (с. 147–192), «Курса кандидатов правоведения» при Петербургском университете (1828–1835), созданного по инициативе М.М. Сперанского преимущественно для выпускников духовных академий (с. 192–205), Главного педагогического института (1828–1859) по подготовке «учителей и профессоров в учебные заведения Министерства народного просвещения» (с. 206–227).

Приводя убедительные примеры, Иванов доказывает, что формирование молодых отечественных учёных и преподавателей не было изолировано от европейского научно-образовательного пространства. Напротив, как показано в четвёртой главе, широко практиковались стажировки и командировки будущих и действующих профессоров, особенно в 1830–1860-х гг. Об их эффективности свидетельствовали прежде всего диссертации, представлявшиеся вскоре после поездок. Кропотливо собранные Ивановым темы этих работ наглядно подтверждают сделанные им выводы. При этом автор отмечает «критическое, а не апологетическое восприятие российскими “профессорскими кандидатами” методологии и практики учебного процесса в европейских университетах» (с. 269). Во

всяком случае, в своих отчётах они продемонстрировали достаточную зрелость и самостоятельность взглядов и оценок (с. 267–268).

Большим достоинством исследования Иванова является его фундаментальность, обилие подробных статистических данных и детальный анализ эпизодов, выявляющих «тонкие места» аттестационной системы, во взаимосвязи с историей российского университетского и специального высшего образования (в том числе и духовного). Историк не раз поражает мастерством при сопоставлении, сравнении, обобщении сложных фактов, явлений и противоречий. Когда рецензия готовилась к печати, стало известно, что автор данной монографии удостоен Макарьевской премии. Труд А.Е. Иванова, вне всякого сомнения, является ценным вкладом в историю России, отечественной науки и высшего образования. Он принадлежит к числу тех «классических» книг, к которым будет обращаться не одно поколение специалистов и просвещённых читателей. Вместе с тем работа А.Е. Иванова имеет и практическое значение. При изменении системы научно-педагогической аттестации в современной России следует учесть отечественные научные традиции и опыт Российской империи.

Анатолий Иванов

Рец. на: Е.А. Ростовцев. Столичный университет Российской империи. Учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с., ил.

Anatoly Ivanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: E.A. Rostovtsev. Stolichniy universitet Rossiyskoy imperii. Uchenoye sosloviie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Moscow, 2017

Монография Е.А. Ростовцева посвящена исследованию истории Санкт-Петербургской (Петроградской) университетской корпорации поздней имперской эпохи. Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Она важна для понимания истории высшего образования и науки в России, политики самодержавия в сфере народного просвещения, развития университетских институтов и академической

Примечания

¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991; *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007; *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010; и др.

² Опубликован после смерти автора А.Н. Якушевым в трёх книгах: *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998; *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Ставрополь, 1998; *Кричевский Г.Г.* Магистерские и докторские диссертации, защищённые на физико-математических факультетах университетов Российской империи. Ставрополь, 2004.

³ *Иванов А.Е.* Учёные степени в Российской империи. XVIII в.– 1917 г. М., 1994.

элиты. Содержательная новизна книги также очевидна. Несмотря на обширный комплекс трудов, посвящённых различным общим и частным проблемам истории Петербургского университета второй половины XIX – начала XX в., подобного фундаментального обобщающего труда в отечественной историографии не существовало, а научно-популярная «История Ленинградского университета

1819–1969 гг. Очерки» (Л., 1969) лишь отчасти могла восполнить данный пробел.

В основе исследования – законодательно-нормативные акты, разнообразная делопроизводственная документация, источники личного происхождения, многочисленные публицистические памятники. Автором проведён контент-анализ сотен газетных статей о Петербургском (Петроградском) университете. Он изучил материалы фондов РГИА, ЦГИА СПб, ЦГА СПб, ГА РФ, отражающие деятельность структур Министерства народного просвещения и других органов власти, а также административно-педагогическую документацию, Особые журналы заседаний Совета министров, стенографические отчёты Государственной думы и т.д., документы самого Петербургского университета. Ростовцев впервые комплексно проанализировал журналы (протоколы) заседаний профессорского совета Петербургского университета, которые прежде использовались историками, в лучшем случае, выборочно и иллюстративно. При этом Ростовцев отмечает, что, поскольку журналы являлись публичным документом, в ряде случаев неудобные сюжеты из них изымались. Между тем основные решения, касавшиеся внутренней корпоративной жизни, первично обсуждались и решались факультетскими советами и лишь затем выносились на рассмотрение и голосование в совет университета. Но в отличие от его протоколов, журналы факультетских заседаний не публиковались (в большинстве своём они сохранились в ЦГИА СПб (ф. 14)). Вероятно, в дальнейшем их фронтальное изучение позволит прояснить механизм и детали принятия многих важных корпоративных решений.

Характеризуя историографию, Ростовцев проследживает формирование различных идей и оценок, связанных с прошлым Петербургского университета, подробно рассматривает работы современников описываемых им событий (Д.И. Менделеева, Л.И. Петражицкого, С.В. Роджественского, В.М. Пуришкевича, Н.С. Державина и др.), а также советских и постсоветских историков (В.Р. Лейкиной-Свирской, Т.П. Бондаревской, П.С. Гусятникова, Г.И. Щетининой, А.Е. Иванова и др.). Особое внимание он уделяет ленинградско-петербургской традиции изучения университетской истории – трудам С.Н. Валка, В.В. Мавродина, Н.Г. Сладкевича,

Р.Ш. Ганелина, Ю.Д. Марголиса, Г.А. Тишкина, В.П. Яковлева, М.В. Борисенко и др. (с. 37–104). Всё это позволило автору успешно интегрировать в своё исследование огромный фактический материал, введённый в оборот его предшественниками.

Первая часть монографии «Корпорация столичного университета: основные черты социального портрета» состоит из шести глав, в которых обстоятельно освещаются институциональное устройство университетской корпорации, взаимодействие между «старшими» и «младшими» членами профессорско-преподавательского корпуса, пределы юридической и фактической автономии университета, личностные отношения студентов со своими учителями, неофициальные корпоративные традиции, положение «университетских людей» в городском обществе и их гражданская активность. Впервые в историографии специфика учебного процесса в Петербургском университете представлена столь основательно.

В монографии ярко показано нарастание напряжённости между «старшими» (профессорами) и «младшими» (приват-доцентами) преподавателями и её благополучное разрешение в революционном 1905 г., что в последующем способствовало консолидации профессорско-преподавательского сообщества перед попытками власти ограничить prerogatives университетской автономии.

Особую ценность имеет глава «Университетская корпорация: опыт коллективной биографии», в которой впервые раскрывается эволюция социального и научного облика преподавательского корпуса столичного университета в 1819–1917 гг. Наблюдения и выводы автора, основанные на обширных статистических выкладках, наглядны и вполне убедительны. Ростовцев выявляет процесс, по его меткому выражению, «аристократизации» учёного сословия, усиления конкуренции за каждую вакансию, что, в свою очередь, увеличивало в обществе «символический капитал» профессорской должности. Как отмечает автор, рост престижа университетской кафедры в известной степени даже компенсировал замораживание на последующие десятилетия окладов после введения штатов по уставу 1863 г.

Интересны наблюдения Ростовцева, касающиеся различий в факультетских традициях Петербургского университета, связанных с требованиями к кандидатам на замещение

кафедр и чтение курсов, характером академической мобильности, вовлечённостью учащихся и учащихся в общественную жизнь. Если, например, на физико-математическом факультете сотрудники без учёной степени к рубежу XIX–XX вв. были редкостью, то на юридическом начало преподавательской деятельности ещё до защиты магистерской диссертации фактически считалось нормой. На факультете же восточных языков магистрами и докторами за 25 лет университетской службы и вовсе становились не более 50% педагогов. Эти и другие особенности Ростовцев связывает с уровнем конкуренции за открывавшиеся вакансии. При этом он опирается на сведения о 859 лицах, т.е. практически обо всех преподавателях пореформенного времени. Более того, ориентируясь на предложенную автором методiku, со временем можно было бы создать коллективный портрет научного сообщества всей Российской империи.

В третьей главе монографии раскрывается сложившаяся в Петербургском университете система внутрикорпоративных связей, которую автор описывает как «патерналистскую модель» отношений между студентами и профессорами. Действительно, в то время постоянно говорилось об «университетской семье», а профессура практически во всех конфликтных случаях старалась защитить своих академических «детей» перед властями. Как убедительно показывает Ростовцев, «нормы поведения профессоров, их самооценка и даже положение в корпорации в наименьшей степени зависели от студенческого мнения, нежели студенческая масса от высказываний своих наставников», и «профессора оказывались заложниками своей патерналистской позиции по отношению к студенчеству». Но в то же время для обуздания студенческого самоуправления, захватившего «слишком много власти», университетскому совету приходилось обращаться за помощью к министрам народного просвещения гр. И.И. Толстому и гр. П.Н. Игнатьеву (с. 770).

В четвёртой, пятой и шестой главах ярко освещена роль университета и его представителей в процессе формирования гражданского общества. Оберегая свою автономию от посягательств власти и общества, «аристократы духа» тем не менее считали своим гражданским долгом участвовать в различных просветительских и гуманистических проектах. Так, например, профессура юридического

факультета много сделала для институционализации благотворительности в России.

Вторая часть монографии – «Столичный университет в социально-политическом пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX в.» включает три главы. В них системно анализируются основные события университетской истории с эпохи Великих реформ до становления в 1920-х гг. нового советского университета, возникшего на обломках старого. Однако основное внимание автор уделяет времени действия устава 1884 г. Его введение Ростовцев обоснованно считает отправной точкой противостояния Министерства народного просвещения и университетской корпорации, продолжавшегося до 1917 г. с непродолжительными перерывами, связанными с либерализацией академического режима при П.С. Ванновском, гр. И.И. Толстом и гр. П.Н. Игнатьеве.

По мнению автора, Петербургский университет в середине 1880-х гг. сумел отбить «бюрократическую атаку» и сорвать попытки министерства установить контроль над преподаванием и академической жизнью. В результате, на практике замещение кафедр, чтение курсов, содержание учебных планов и программ, вопреки нормам нового устава, по-прежнему во многом зависели от университетского совета. Петербургским профессорам, в отличие от московских, удавалось даже «переигрывать» на бюрократическом поле Л.А. Кассо, сохранив, хотя и не без потерь, свой преподавательский состав и добившись восстановления абсолютного большинства студентов, уволенных в ходе беспорядков. Иначе говоря, огорчавшие современников «разгромы высшей школы» 1884 и 1911 гг. в Петербурге ограничивались скорее психологическими травмами.

Обычно студенческое движение рассматривается историками обособлено от общественно-политических настроений и действий профессуры. Особенность труда Ростовцева в том, что эти явления представлены в тесной событийной взаимосвязи, что позволило во многом по-новому изложить обстоятельства борьбы университета с И.Д. Деляновым, дела А.И. Ульянова (1887), деятельности комиссии П.С. Ванновского в 1899 г., кризиса 1910–1914 гг., патриотических акций 1914–1916 гг. и т.д. Ростовцев решительно возражает тем исследователям, которые указывают на признаки «скатывания петербургской профессуры

к шовинизму» в годы Первой мировой войны (с. 667). Он отмечает, что совет первоначально весьма сдержанно отреагировал на требование правительства исключить из числа «почётных членов» подданных воюющих с Россией стран. На деле вскоре исключён был лишь один профессор Ф. фон Лист, подписавший одиозный антироссийский меморандум 93 немецких профессоров «К культурному миру». Между тем сам Ростовцев указывает, что именно Петербургский университет выступил инициатором всероссийского профессорского «Ответа германским учёным», а его ректор Э.Д. Grimm рассылал текст обращения и подписные листы по российским высшим учебным заведениям. «Ответ» подписало абсолютное большинство профессоров-петербуржцев, хотя Grimm, предвидя «неоднозначную» реакцию коллег, не стал выносить его на обсуждение совета (всё же 17 из 59 членов от подписания воздержались) (с. 668–675). Профессора и приват-доценты Петроградского университета В.А. Бутенко, Э.Д. Grimm, Ф.Ф. Зелинский, Н.И. Кареев, Н.В. Ястребов, Е.В. Тарле и другие активно выступали в печати со статьями, разоблачавшими германский милитаризм и призывавшими к борьбе с «немецким засильем» в высшей школе и отечественной науке (с. 678–681). В 1915–1916 гг. Петербургский университет предложил создать новые научные издания по зоологии, ботанике, гистологии, бактериологии и физике, дабы «освободить наших молодых учёных от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах» (с. 668, 691). Таким образом, патриотического пафоса в публичных акциях петроградских профессоров было немало. Вместе с тем тогда же, руководствуясь своими корпоративными интересами, они воспротивились срочной организации в университете изначально отсутствовавшего в нём медицинского факультета, хотя нехватка врачей в условиях военного времени ощущалась чрезвычайно остро.

Как отмечает Е.А. Ростовцев, крах «старого порядка» в феврале 1917 г. приветствовался и преподавателями, и студентами. Однако последовавший хаос и приход к власти большевиков убедительно показали, насколько Императорский Петербургский университет зависел от прежнего социального уклада и своего правового статуса. Новая «народная власть», перестраивая под свои нужды «старую» высшую школу, не видела необходимости договариваться с бывшей прокатетской профес-

сурой (с. 752). Поэтому автор вполне оправданно завершает монографию параграфом «Изгнанники Петроградского университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда». Поскольку «основные причины исхода лежали в политической и идеологической сфере», тяжелее всего его последствия отразились на развитии гуманитарных наук. При этом уровень профессиональной востребованности бывших преподавателей Петроградского университета оказалась довольно высока. По подсчётам Ростовцева, более 80% российских профессоров-эмигрантов продолжили свою научную работу на чужбине (с. 756).

В «Заключении» Ростовцев обобщил свои наблюдения, изложив законченную концепцию университета как территории «академической свободы» в условиях самодержавного строя поздней империи. Это пространство позволяло создать эффективный механизм подготовки научных кадров, обеспечивало высокий уровень академической конкуренции, выстраивание вокруг университета множества активно развивающихся формальных и неформальных социокультурных институций и т.д., но для него были также характерны вынужденное перманентное противостояние с властными структурами, отторжение прикладной научно-педагогической деятельности, игнорирование «социального заказа», патернализм, наносивший порою ущерб учебному процессу (с. 766–773). Разумеется, в концепции Ростовцева немало дискуссионного. Так, он несколько расплывчато использует выражение «университетская автономия», противопоставляя его «самоуправлению» (восьмая глава монографии названа даже «Между самоуправлением и автономией»), хотя всё это синонимы единого понятия «академическая автономия». Не раз автор говорит о студенческих беспорядках как некоей «фронде», тогда как борьба учащейся молодёжи за академические и гражданские права в конце XIX – начале XX в. носила всё же принципиальный характер. Но это нисколько не снижает высокие достоинств фундаментального труда Е.А. Ростовцева, насыщенного богатым фактическим материалом и незаменимого для последующих исследований и интерпретаций истории как высших учебных заведений империи в целом, так и, особенно, одного из старейших светочей российской науки, просвещения и культуры – Санкт-Петербургского университета.

Алиса Амосова, Александр Котов

Петербургский университет в период реформ и революций

Alisa Amosova, Aleksandr Kotov

(both – Saint Petersburg State University, Russia)

Saint Petersburg University in the period of reforms and revolutions

История Санкт-Петербургского университета не раз привлекала к себе внимание исследователей. Но при этом, как правило, освещались лишь частные аспекты: деятельность факультетов¹, биографии учёных², студенческое движение³. Реже выходили обзорные работы, имевшие характер хроники⁴. Монография Е.А. Ростовцева – обобщающий труд, в котором системно, с учётом европейского контекста, раскрываются механизмы функционирования и развития столичного университета Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Вместе с тем автор затрагивает малоизученные сюжеты, связанные с историей идей, элит, повседневности. Выходя за хронологические рамки своего исследования, он очерчивает типологию и периодизацию становления европейских университетов начиная с XI в. (с. 8–22), а реконструируя коллективный портрет преподавателей-эмигрантов, доходит до середины XX в. (с. 754–756).

Опираясь на солидную источниковую базу, Ростовцев вводит в научный оборот обширный корпус неопубликованных архивных документов из фондов Объединённого архива СПбГУ, Отдела рукописей РНБ, РГИА, ЦГИА СПб, ЦГА СПб, ГА РФ. Но основное внимание он уделяет внутренней университетской документации и прежде всего журналам (протоколам) заседаний университетского совета. По словам Ростовцева, именно обращение к этому источнику, «из месяца в месяц фиксирующему почти все значимые события университетской жизни, в значительной степени развеивает дым многих идеологических спекуляций» (с. 28). В частности, протоколы разрушают и представления об университете как о «беззащитной жертве политических преследований со стороны “режима”», и традиционный для правой публицистики образ до-

революционного студенчества как «пушечного мяса», руководимого «подлецом профессором за казённый счёт». Таким образом, оказывается, что «университетский мир рубежа XIX–XX вв. был намного ярче и богаче, чем часто было принято его представлять в историографии» (с. 27–28).

В первой части автор рассматривает различные аспекты «внутренней жизни» Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: анализирует его структуру (институциональное устройство), отношения внутри коллектива и между учащими и учащимися, выделяет черты «коллективного портрета как корпорации в целом, так и её частей – представителей разных факультетов и областей науки» (с. 107). Ростовцев подробно и всесторонне описывает «многослойную структуру корпорации, отдельными сегментами которой являлись факультеты, сообщества “старших” и “младших”, учебно-вспомогательный персонал». «Эта губчатая структура, – отмечает он, – находилась в процессе постоянного роста, впитывая в себя новые поколения российской учёной элиты» (с. 142). Университет предстаёт в книге не только как научный и образовательный центр, но и как особый социально-политический организм, «государство в государстве», достаточно устойчивое перед вызовами времени и оказывавшее значительное воздействие на ситуацию в стране. Исследователь убедительно доказывает, что основу университетской жизни составляли не официальные уставы, регламенты, правила, а корпоративные традиции формальных и неформальных взаимоотношений, распространённые в академической среде, и, в частности, патернализм, требовавший от профессоров попечения и заботы о студентах.

В центре созданного в монографии масштабного «семейно»-корпоративного «портрета» – университетские «мандарины». Так вслед за немецкими социологами середины XX в., полуиронически использовавшими этот термин, Ростовцев называет «социально-культурную элиту, которая обладает властью и высоким статусом в обществе благодаря образованию и знаниям, а не по праву происхождения или богатства». Возникновение и рост влияния этой группы обыкновенно связывают с ослаблением позиций аристократии и духовенства при недостаточной ещё силе политических партий, предпринимателей и разного рода «технократов» индустриальной эпохи (с. 20–21).

Источником авторитета университетских (да и иных, в России – прежде всего литературно-журнальных) «мандаринов» было общественное почитание, и в самом деле придававшее интеллектуалам функции «жрецов» формировавшейся «гражданской религии». Не случайно противники университетской автономии писали о порождённом ею «канцелярском либерализме особого рода», тесно связанном с «нашей коренной приверженностью обрядной стороне дела»⁵. Отмечаемая Ростовцевым «театральность» тогдашнего учебного процесса также во многом носила ритуальный характер. Например, лекции «были в большой степени публичным, а не сугубо образовательным актом и в связи с этим общественной и научной трибуной, а также показателем популярности преподавателя» (с. 250–251).

Имитационный характер нередко носила и процедура приёма экзаменов. Приводимые автором примеры тогдашних студенческих ответов могут составить достойную конкуренцию современному преподавательскому фольклору *сквозь слёзы*. Впрочем, «либеральное» профессорское «попустительство» отчасти вступало в противоречие с другим «прогрессивным» феноменом тех лет – приобщением женщин к высшему образованию. Так, Н.Н. Платонова записала в дневнике в 1915 г.: «Студенты негодуют на женщин, экзаменуемых в Ун[иверситет]ской комиссии, за то, что они “повышают требования” на экзаменах, т.е., другими словами, добросовестнее к ним готовятся, чем студенты (кстати: в Ун[иверситет]ской комиссии этого года экзаменовалось больше женщин, чем мужчин)» (с. 268).

В целом же профессорский «либерализм» был тесно связан с «патернализмом» – покровительственным, часто выходящим за служебные рамки, отношением к обучающимся. Разумеется, оно распространялось не только на учебный процесс, но и на участие студентов в разного рода беспорядках, постепенно ставших привычным фоном университетской жизни. Впрочем, Ростовцев не склонен осуждать этот педагогический «либерализм», связывая его «не столько с “культом студента” и “заигрыванием” с массой, но и с чётким пониманием столичной профессурой того обстоятельства, что лишь абсолютное меньшинство студентов после университета выбирало научную стезю, причём степень подготовленности к ней этого меньшинства мало зависит от характера экзамена» (с. 269). По мнению автора, «патерналистская модель имела двоякое воздействие на характер научной подготовки студенчества – снисходительное отношение к общей массе соседствовало со строгими требованиями и индивидуальными занятиями с избранными учениками, подготавливаемыми к “оставлению в университете”, к роли “научной элиты”» (с. 314).

Другой «оборотной стороной студенческой принципиальности и профессорской толерантности к фрондёрам была студенческая нетерпимость к инакомыслящим и уверенность в праве регламентировать поведение самих профессоров... В период революционных обострений бывали и обструкции, устраиваемые профессорам» (с. 278). Разъедала университетскую корпорацию и традиционная русская кружковщина, о которой ещё в 1871 г. А.В. Никитенко написал: «разнообразие в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разнологосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытны»⁶.

Весьма характерно было описанное Ростовцевым противостояние «кружков» А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова. Как объяснял его А.Е. Преснякову сам Платонов, «те – дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определённым складом политических взглядов, в которые догматически верят, и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е. платоновцы, разночинцы,

люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личной дружбой, а не каким-нибудь общим *credo* связанные между собой. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности равнодушно, делая своё учёное и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же» (с. 339–340).

Однако вся эта «отрицательная комплиментарность» отходила на второй план, когда корпорация сталкивалась с внешними силами – как правило, бюрократическими. Недоверие к «решившимся на административную карьеру» сказывалось даже на родственных связях. Так, профессор П.К. Кокóвцов, двоюродный брат главы финансового ведомства (а затем и правительства), «специально обходился стороной ту улицу, на которой жил чиновный родственник, чтобы никто не подумал, что он может посетить министра. На занятиях он не уставал внушать студентам, что его фамилия звучит не “Кокóвцов”, как называли сановника, а “Коковцóв”» (с. 343–344). В целом, как отмечает Ростовцев, «академическое сообщество столичного университета рубежа XIX–XX вв. составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и неформальной иерархией, общей системой ценностей и понятий, объединённой внутренней идентичностью, традиционными коммеморациями и коллективной памятью» (с. 348).

Во второй части книги деятельность столичного университета изображена в широком социально-политическом контексте, анализируются ключевые факторы, оказывавшие влияние на специфические взаимоотношения профессорской корпорации и представителей государственной власти, а также прослеживается процесс ликвидации «университетской автономии» в первые годы советской власти.

Ростовцев констатирует, что даже после 1884 г. «фактическая автономия университетов была несравненно больше формальной» (с. 111). Попытки правительства ограничить

академические свободы вызывали «кризисы», укреплявшие корпоративную идентичность и становившиеся важнейшими вехами истории университета. Их детальный анализ является одним из структурообразующих принципов книги.

При этом следует учесть двойственный характер университетской автономии: с одной стороны, она рассматривалась как гарантия от вмешательства бюрократии в научное творчество, с другой – со второй половины XIX в. «борьба за автономию» являлась одной из форм участия профессорских корпораций в общественной жизни (с. 10–11). Публицисты пореформенного времени не раз отмечали, что в России обсуждение проблем высшей школы выходит за собственно образовательные и академические рамки. Действительно, при отсутствии парламентаризма и свободы слова в стране политизировались все сферы общественной и культурной жизни.

Ростовцев в целом высоко оценивает устав 1863 г., который даже его защитники в 1870–1880-х гг. считали всего лишь наименьшим злом⁷. По мнению исследователя, он «обеспечил условия для развития не только университетской науки, но и университетской корпоративности, а также для становления в рамках университетской системы целого ряда организационных структур, возникающих прежде всего благодаря инициативе российской профессуры» (с. 415). «Реакционный» же устав 1884 г., напротив, под предлогом внедрения передового немецкого опыта и обеспечения «академической свободы» ставил «корпоративные» советы под контроль «государства», т.е. Министерства народного просвещения. Неудивительно, что впоследствии, «ссылаясь на нормы устава, ответственность на министерство за постоянные университетские кризисы возлагала и либеральная оппозиция» (с. 429).

В то же время, «увлечённые планированием прекрасного будущего русских университетов, “либеральные бюрократы” и либеральные профессора не замечали, как стремительно менялась атмосфера жизни тех, для кого университеты и были непосредственно предназначены, – для студентов. Провозглашавшие с кафедры прогрессивные научные идеи профессора вряд ли вполне осознавали силу своего слова. Например, знаменитый университетский зоолог С.С. Куторга, активно поддерживавший теорию Ч. Дарвина в своих

лекциях, вряд ли представлял, что сеял “семена” революции. На авансцену выходит новое поколение интеллигенции – люди “идей” уступают дорогу “людям убеждений”, готовым посвятить жизнь их воплощению» (с. 408–409). Министерство всё это сознавало, но пыталось решить проблему с помощью мелочного контроля.

Особенно «преуспел» в этом И.Д. Делянов, пытавшийся лично проследить за ходом учебного процесса (с. 436–438). Разумеется, подобное «ручное управление» и следовавшие за ним репрессии «вызывали обратный эффект, ведя к углублению пропасти между властью и обществом». Кроме того, не было секретом, что массовые исключения революционно-настроенной молодёжи и высылка её представителей из столицы только способствовали – «за казённый счет» – распространению революционных идей в провинции (с. 418).

Подчинить себе университетскую корпорацию дореволюционной власти в конечном итоге не удалось. Ростовцев пришёл к выводу, что «хотя действия внешних сил... были важными факторами университетской жизни, к масштабным кризисам (1884, 1887, 1890, 1899, 1902) они приводили только тогда, когда угрожала неформальной автономии университета, являлись вызовом “патерналистской модели” и грозили разрушить единство университетской семьи. Коллективные действия профессорской коллегии и преподавательской корпорации в целом не только помогали преодолевать кризисы, но и способствовали росту её внутренней идентичности и солидарности, позволяя профессорам оставаться реальными хозяевами в университете и заставляя власть всё более считаться с позицией университетских “мандаринов”» (с. 524). По мере приближения империи к гибели профессора всё чаще «осознанно использовали студенческий радикализм ради достижения собственных политических и неразрывно связанных с ними корпоративных целей (получение автономии)» (с. 553). Двусмысленность подобных действий привела к тому, что уже в 1905 г. В.И. Ульянов (Ленин) провозгласил университет «трибуной» пролетариата, «предоставленной ему революционным студенчеством» (с. 551).

С проблемой, не решённой бюрократией «старого порядка», успешно справились большевики. В годы революции и Гражданской войны произошёл поэтапный демонтаж некогда устойчивой университетской корпорации. Правда, и «новая власть вынуждена была действовать осторожно, ведя с университетскими корпорациями определённую игру и включив профессию в обсуждение планов преобразований высшей школы» (с. 734). Кстати, с советской администрацией гораздо проще находили общий язык люди консервативного склада – «типа профессора князя А.А. Ухтомского, сознательно противопоставлявшие себя “истеричной петроградской интеллигенции” с её “европейско-театрально-космополитичным мирозерцанием”» (с. 740). Но, к сожалению, в новых условиях даже лояльность не стала панацеей⁸.

Примечания

¹ См., в частности: *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106; *Вербицкая Л.А.* Юбилей экономического факультета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2000. № 2. С. 3–4; Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004.

² *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. Учёный. Педагог. Человек. СПб., 1997; *Приймак Н.И.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1998. № 1. С. 8–16; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Универсанты в мире искусства: Биографические очерки.* СПб., 2008; Александр Алексеевич Вознесенский. Учёный. Педагог. Просветитель: Книга-альбом. Ярославль; Рыбинск, 2015.

³ *Жуйкова Р.Г.* Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л., 1968. С. 41–51; *Ганелин Р.Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 112–135.

⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка, составленная по поручению Совета университета. СПб., 1870.

⁵ Любимов Н.А. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава (мнение, заявленное автором в Совете Московского университета) // Русский вестник. Т. 103. 1873. № 2. С. 889.

⁶ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 3. М., 1956. С. 214.

⁷ Подробнее см.: Котов А.Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 65.

⁸ Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.

Дмитрий Андреев

Рец. на: Б.В. Никольский. Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1: 1896–1903. 704 с. Т. 2: 1904–1918. 656 с.

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: B.V. Nikolsky. Dnevnik. 1896–1918 / Ed. by D.N. Shilov, Yu.A. Kuzmin. Saint Petersburg, 2015. Vol. 1: 1896–1903. Vol. 2: 1904–1918

Русский дореволюционный политический консерватизм представлял собой очень пёстрый, разнообразный и во многом противоречивый конгломерат идей, представлений, позиций. Этим он разительно отличается от исторически противостоявшего ему либерализма, который – при всём обилии своих оттенков – тем не менее был несопоставимо более однообразным и соответствовавшим своему западному прообразу. Первые изданный целиком дневник видного представителя консервативного лагеря Б.В. Никольского (1870–1919) является ценным источником для исследователей общественной мысли и политической истории России конца XIX – начала XX в. Борис Владимирович на протяжении нескольких десятилетий находился в эпицентре важнейших событий, происходивших в стране. Юрист по образованию, он преподавал в Петербургском университете, в Училище правоведения, в Военно-юридической академии, на Высших женских курсах, был известным журналистом и литературным критиком с обширными связями и знакомствами, участвовал в деятельности «Русского собрания», а затем Союза русского народа, с 1905 г. и до падения самодержавия в 1917 г. активно вращался в высших сферах, регу-

лярно общаясь с влиятельными сановниками.

Дневник отразил специфические особенности мировоззрения Никольского. Как и всякий дореволюционный консерватор, он был убеждённым монархистом, хотя и не вполне типичным. Он не доверял дворянству и называл его «неслужащим служилым сословием» (т. 1, с. 67), подрывающим основы самодержавной государственности своими конституционалистскими устремлениями. Ему казалось, что это сословие «конечно», а его «уничтожение» должно привести к «страшному усилению самодержавия» (т. 1, с. 59, 119). Свои надежды автор дневника связывал с духовенством, обладающим, в отличие от дворянства, «сильным словесным чувством и словесным достоинством», а потому являющимся «более цельным и ценным» для государства. По мысли Никольского, следовало улучшить быт духовенства, снять с него архаичные и неоправданные ограничения, после чего ему можно было бы смело верить народ (т. 1, с. 59–60). В духовенстве он видел «культурную силу», способную активизировать приходскую жизнь и не только совершать богослужения, но и заниматься решением многочисленных

социальных и повседневных проблем паст-
вы (т. 1, с. 63–64).

Своим политическим идеалом Никольский признавал «самодержавную, православленную, простонародную Россию» (т. 1, с. 66) и утверждал, что «империя должна быть самодержавна и демократична» (т. 1, с. 119). При этом идея революции не вызвала у него отторжения. Он был убеждён в том, что революционное начало не противоречит самодержавной государственности, а варианты революционной политики «бесконечно разнообразны» и могут проявляться в диапазоне «от террора до освобождения крестьян». По его мнению, именно революцией, причём «всего лучше – сверху», в России должен разрешиться аграрный вопрос (т. 1, с. 66). В 1897 г. Никольский думал, что конституционалистские мечтания уже в прошлом, «мода столетия миновала», «издохшей конституции» требуется «смена», а радикальный социализм мог бы «идти на компромиссы с монархией» как столь же «радикальным образом правления» (т. 1, с. 106). Борис Владимирович писал, что «Россия природой и Богом предназначена быть социалистической державой без рабочих», в которой «мелкий землевладелец сидит на земле, исключительно ею владея» (т. 1, с. 111), а сословный строй поддерживает «порядок, леонтьевски изящную, пёструю, красивую организацию». Ею обеспечивались бы «и строгость, и стройность, и твёрдость, и сила» без «подлой эгалитарности» (т. 1, с. 499).

Никольский много размышлял о том, каким должен быть монархический строй. Воспринимая как благо «централизацию власти и децентрализацию ответственности» (т. 1, с. 119) и исходя из того, что «все наши неустройства в области публичных отношений зависят от цивилизных теорий», он в 1899 г. изложил на страницах дневника принципы собственной «новой теории власти» (оценивая это как свой «крупный успех»). «Власть едина и единолична, – рассуждал Борис Владимирович. – Теория народовластия верна в основе. Источник власти – народ. Ему нужен представитель, т.е. неограниченный и самодержавный монарх. Но теперешняя теория говорит: ему нужны представители (конституционализм), или же: монарху нужны представители (монархический бюрократизм). Я же отрицаю и то

и другое. Монарх – только представитель народа; но и только монарх представитель народа. Передоверие представительства невозможно. *Возможны только мандаты* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в тексте Никольским. – Д.А.). Власть *поручается*, но не *доверяется*. Если бы власть доверялась, то за доверенного отвечал бы доверитель: т.е. за чиновника – монарх (а он безответствен), за депутата – народ (а он неотвествен). Напротив, при поручении власти отвечает мандатарий». Соответственно – при «идеальном государственном устройстве» – «власть основывается на представительстве народа монархом и на мандатах монарха». При этом «мандатарий может всё, что должен (о, Кант!); но отвечает сам за всё, что сделал». Более того, «и у монарха есть мандат: царь – мандатарий Божий. Монарх – помазанник. Таким образом, власть мгновенно ограничивается в неограниченной монархии». А уже «от монарха идёт лествица мандатов»: «У царя мандатарии только министры да губернаторы. У них уже мандатарии – директора и т.п. ... Начальник сам назначает себе подчинённых и предоставляет им за их собственной ответственностью назначать себе своих. Каждый отвечает только за того, кого сам назначил». Однако «ответственность подымается в прямом восходящем порядке». Похоже, Никольский искренне надеялся, что этим «в управление вносится механическая ясность и отчётливость; суд охватывает все отношения гражданского общества; законность торжествует и всякий порок наказан» (т. 1, с. 255).

Фактически эта «новая теория власти», в чём-то созвучная идеям А.С. Хомякова, кардинально расходилась с представлениями о *Dei gratia* (Божией милостью, *лат.*), в соответствии с которыми источником легитимности монарха считался не какой-либо договор с народом, а исключительно и непосредственно Божий Промысел. Из этой «теории» логически вытекали и позднейшие умозаключения Никольского о «принципах монархизма» и границах лояльности. «Что же должен монарху гражданин? – спрашивал он себя в дневнике летом 1913 г. – Всё, что должен верховной власти в своём отечестве, и всё, что должен как христианин в отношении человека, лишь бы не в ущерб интересам отечества. Но никогда

гражданин монарху не должен того, что должен отечеству; иначе он будет не подданный, а холоп; а требующий иного монарх будет не монарх, а деспот или злодей» (т. 2, с. 128).

Приоритеты государственности и взаимной служебной ответственности всех сословий определяли отношение Никольского к происходившему в Российской империи. Например, как и другие консерваторы, он критически отзывался о земстве, но несколько иначе, нежели большинство его единомышленников, усматривавших в местном самоуправлении опасный для самодержавия зародыш конституционализма. Никольский же сетовал на то, что земство придумало правительство, «не знавшее, как ему организовать миллионы новорождённых граждан». В результате всё пошло не так, как ожидалось, образовался хаос, а уже в него влилась «зловонная струя нигилизма» (т. 1, с. 67). «Земство просится в чиновники», — отмечал Никольский, допускаявший сохранение земских учреждений в качестве «черновой организации». Однако всё «созданное прочно», по его мнению, следовало у них изымать и огосударствлять, и тогда земство «умрёт своей смертью, как теперь умирает дворянская организация» (т. 1, с. 68).

Но если в своих теориях Никольский был довольно оригинален для консервативного круга той эпохи, то в отзывах о самом монархе — Николае II — он выделялся скорее некоторой иступлённостью и несдержанностью выражений. Убийственные характеристики последнего российского императора появляются буквально с первых страниц дневника. «Государь, конечно, очень мил, и мне в нём это нравится, — писал Никольский в мае 1897 г., — но он, прости ему, Господи, непроходимо глуп и потому не различает, когда он мил на свой счёт, а когда на счёт государства... Александр I тоже своим благородством блистал, да России непоправимого зла натворил. Николай II вообще повторяет отчасти царствование Александра I без либерального начала» (т. 1, с. 74). По его словам, «иноземная династия много зла принесла России и до сих пор ещё с Россией не породнилась», поскольку «это прививной род и ещё не скоро он сольётся с кровной русской знатью», у него нет «ни капли русской крови и никаких русских традиций, кроме самых немногих, созданных Александром III». «Да и эти

традиции, — полагал Никольский, — в сущности являются лишь системой политического упрямства. Спасибо, конечно, и за это; но нужно *дело*, нужно *творчество*» (т. 1, с. 60).

«Новое царствование», длившееся к тому времени уже два с половиной года, Борис Владимирович характеризовал как «слепое охранение», которое легко может перейти в «слепое брожение». «И будущего, будущего нет и не видно, — сокрушался молодой юрист, не находивший тогда себе места ни на службе, ни на кафедре, ни в публицистике. — Какая-то беспредельная историческая расщорчка, начинающая превращаться в текущее положение дел. Печально это. И всего мне печальнее — моё одиночество. Дух века дует не туда, куда я гляжу... Одно скажу как последний мой вывод: будущее для России неизмеримо опасней и страшнее настоящего» (т. 1, с. 60).

Никольский не раз резко противопоставлял время Александра III, который «был достаточно благороден, чтобы сознательно служить идее монархизма», и «подготовил почву для гениального инициатора, для укрепителя и строителя сильной России», правлению его преемника: «Теперь инерция благонравия. Эта инерция уже государственное бедствие» (т. 1, с. 174, 104). В данной обстановке он опасался, что «тупоумие дойдёт до серьёзных пошлостей, до искания “популярности” ценою “уступок”... до шкурно-династического заигрывания с либеральничающей сворой». «Где крепкие плечи, где честная душа Александра III? — вопрошал автор дневника, надеявшийся на “вечную победу монархической реакции”. — Нам нужен грозный самодержавный преобразователь, нам нужен новый Пётр: могучая воля, смелый ум, какой-нибудь железный сам-самыч, который поворотил бы ход истории» (т. 1, с. 174). А результатом этого поворота стало бы «изгнание конституционалистической двойственности нашего государственного строя, идущей от Петра и Екатерины» (т. 1, с. 490).

С годами раздражение императором у Никольского неуклонно нарастало. «Тяжело приносить жертвы за неразумие монарха», — скорбно комментировал он 2 марта 1901 г. кончину министра народного просвещения Н.П. Боголепова, смертельно раненого террористом (т. 1, с. 474). В начале

1902 г. в дневнике вновь констатируется «бездарность царствования»: «Боже, царя храни, но спаси Россию» (т. 1, с. 543). В апреле 1902 г., после убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина, которого Никольский считал «единственным твёрдым, честным и смелым человеком» из всех министров (т. 1, с. 503), автор дневника восклицал: «Великое народное бедствие и тяжкое бремя для верных подданных бездарность монарха» (т. 1, с. 572). Ходынская катастрофа кажется ему уже «вещим знамением» (т. 1, с. 572). В августе 1902 г. вновь говорится о том, что «когда ничтожество царствует, то царствует ничтожество» (т. 1, с. 595). Год спустя, узнав об отставке С.Ю. Витте с поста главы финансового ведомства, Борис Владимирович не преминул заметить, что «зависть ко всякому энергичному министру — худший из пороков монарха и худшее из бедствий в государстве». Ему трудно было смириться с тем, что «теперь спрос на бездарность» (т. 1, с. 627).

В начале 1905 г. в жизни Никольского произошла важная перемена — он попал в секретари к члену Совета министра внутренних дел и старосте Исаакиевского собора генералу Е.В. Богдановичу, в доме которого располагался известный салон, где регулярно бывали представители бюрократической элиты. Благодаря новому кругу общения яркие публицистические выступления Никольского были замечены в правительственных сферах, а министр народного просвещения В.Г. Глазов даже устроил ему 2 апреля 1905 г. аудиенцию у императора. Встреча с царём подробно описана в дневнике. «Нервность его ужасна, — отметил Борис Владимирович. — Он, при всём самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойно-го жеста». Монарх показался Никольскому «хилым работником», вынужденным «неуверенно, шатко, тревожно» нести «какую-то непосильную ношу». При этом «в нём всё время светится Александр III, но не может воплотиться». Судя по дневниковой записи, аудиенция фактически вылилась в монолог консервативного публициста о необходимости самодержавия для России. Ответные реплики Николая II были вполне предсказуемыми, краткими и малоинформативными, только на весьма прозрачный выпад против Витте царь понимающе

отреагировал смехом — «немного хитрым» и «чрезвычайно довольным». В своей речи Никольский прямо заявил, что император — «выборный всей земли Русской». Едва ли подобное мнение соответствовало взглядам Николая II, однако «хозяин земли Русской» не только не проявил недовольства словами своего гостя, но даже сказал: «Совершенно верно. Как это глубоко и верно!» (т. 2, с. 47–50).

Аудиенция, видимо, всё же переживалась автором дневника очень эмоционально, и когда она завершилась без каких-либо последствий, не оправдав возлагавшихся на неё смутных надежд, Никольский не мог скрыть разочарования. Через две недели он записал, что «царя *органически* нельзя вразумить», поскольку «он хуже чем бездарен» и представляет собой «полное ничтожество». «Одного покушения теперь мало, чтобы очистить воздух, — заключал Борис Владимирович. — Нужно что-нибудь сербское». В данном случае подразумевалось убийство заговорщиками в 1903 г. сербского короля Александра I Обреновича, его жены и двух министров (т. 2, с. 55). При этом Никольский не таил своих мыслей. В мае 1905 г. он открыто говорил в салоне Богдановичей, что после поражения в войне с Японией и в условиях нарастающей внутренней смуты единственный выход — «переменить династию» (т. 2, с. 58). Эта мысль, в тех или иных вариациях, высказывалась им на протяжении всех последующих лет — вплоть до Февральской революции.

В дневнике Никольского приведено великое множество политических слухов, многие из которых оказывались правдоподобными, что свидетельствует об информированности и чутье автора. Так, он пронизательно связал резонанс, вызванный студенческими беспорядками зимы 1899 г., с конфликтом между Витте и Боголеповым (т. 1, с. 286, 288)¹. Со слов своего коллеги по университету барона А.Ф. Мейендорфа, жена которого была близка к семье П.С. Ванновского, Борис Владимирович приводит «достоверные известия» о причине отставки министра народного просвещения: «Государь прямо написал ему, не лучше ли, де, им расстаться?» (т. 1, с. 573). По сути так оно и было — с тем лишь отличием, что император сделал это предложение устно. 6 апреля 1902 г. Николай II записал

в дневнике: «Во время доклада Ванновского объяснил ему, что ему лучше уйти ввиду трудности для него дела переустройства сред[ней] школы»².

Чрезвычайно интересны рассказы Никольского о беседах с влиятельными современниками и те оценки, которые он им давал. Например, вел. кн. Константин Константинович, с которым автор дневника познакомился летом 1898 г. во время подготовки к изданию сочинений А.А. Фета, представлен как «очень добрый, хороший и наивный сердцем человек», «взрослый ребёнок», «глупый и мелочный» (т. 1, с. 225, 550). 27 февраля 1905 г. Никольский, обедая с А.Г. Булыгиным, недавно возглавившим МВД, предложил ему «обезвредить» подписанный императором 18 февраля рескрипт: не создавать новое представительное учреждение, а собирать выборных от случая к случаю в комиссии при Государственном совете. Булыгин отнёсся к этому настороженно, сославшись на общественные ожидания, и произвёл на собеседника двойственное впечатление. «Мне он *лично* понравился, — признавался Борис Владимирович, — спокойный, весёлый, сытый — *прочный* человек; но не министр внутренних дел в России сейчас. Его энергия — энергия прочной и благодушной посредственности. Не то нужно» (т. 2, с. 33). В феврале 1913 г., встретившись с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, Никольский охарактеризовал его как «несомненно случайного человека», который «болтлив, самонадеян, поверхностен, беспокоен, старается хитрить и хитрит убийственно слабо». Николай Алексеевич намеревался сплотить правых, но тот же Никольский не желал объединяться с А.И. Дубровиным, испытывая к нему резкую антипатию (т. 2, с. 121–122).

А вот о беседе с В.Н. Кокцовым летом 1913 г. Никольский писал гораздо более проникновенно. Председатель Совета министров «говорил умно и верно» (хотя и «кокетничал», поскольку «сочувствие правых ему теперь нужнее, чем когда-либо»), сожалел о собственном политическом одиночестве и высказывался «удивительно верно и здраво о глупости Столыпина, о его подлых политических подкупах, о наивности, с которой тот принимал всерьёз всех этих правых, левых и средних шарлатанов, о безнадёжности династии, о том, что за

Россию он не боится, но на спасение династии не рассчитывает» и «давать денег всем этим шантажистам справа не будет» (т. 2, с. 123–124).

С 1912 г. на страницах дневника всё чаще встречаются упоминания о Г.Е. Распутине. Никольский, используя возможности Богдановича, активно боролся со «старцем» и даже организовал за ним «наблюдение» в Тобольске, получив ценную информацию (т. 2, с. 71). 23 ноября он лично встретился с Распутиным. «Ясно видно, — излагал Борис Владимирович свои впечатления в дневнике, — что это полный психопат, хищный зверь в образе 40–50-летнего степенного, слегка дурашливого, но бесконечно хитрого, гладко-гладко причёсанного мужичка». Вместе с тем «он актёр, но не балагур, как убийцы, а вешун; вместо зверской, лисьей гримасы душителя или разбойника, режущего свои жертвы, он делает гримасы про никновенного, загадочного экстаза». Со своей стороны, Никольский сначала настаивал Распутина против министра внутренних дел А.А. Макарова, а затем стал дозвонено сообщать ему сведения, из которых следовало, что к удалению «старца» из столицы был причастен лично Николай II (т. 2, с. 109–112). Но менее чем через три месяца Никольский с раздражением отметил, что «Григорий Ефимович в такой силе, как никогда», и «с наследником неразлучен» (т. 2, с. 121). А в конце октября 1913 г., когда Богданович получил от царя недвусмысленное распоряжение «больше о Распутине не писать», Борис Владимирович констатировал: «Распутин бесповоротно забрал полную власть и силу» (т. 2, с. 167–168).

Борьбу со «старцем» Никольский не прекратил и после кончины Богдановича. В феврале 1916 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов рассказал ему о своих безуспешных попытках донести до Николая II факты распутинского «бессознательного шпионства в пользу немцев». По словам Хвостова, «болтая спьяну всё, что видит у царя и слышит от него», Распутин представлял несомненную угрозу. Министр передал императору «документы, не оставляющие сомнений», но тот только «плакал». Никольский же считал, что «не в Гришке дело»: «Старая жидовско-масонская интрига забрала в свои щупальцы всю гниль, в которой живёт несчастный неврастеник

с глухонемой душой, и сеет рознь и смуту». В то же время автор дневника утверждал, что единственное посещение Николаем II Государственной думы, состоявшееся 9 февраля 1916 г., «Гришка проектировал уже более двух месяцев» (т. 2, с. 245). В данном случае Никольского явно подвели его информаторы.

Не менее ценные сведения содержатся в дневнике о бурной жизни российской прессы конца XIX – начала XX в. Дневник Б.В. Никольского является своего рода путеводителем по всем наиболее резонансным

публикациям тех лет, что превращает его в надёжное подспорье для изучающих эпоху заката Российской империи.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой–весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1. С. 59–68.

² *Дневники императора Николая II (1894–1918).* Т. 1. М., 2011. С. 655.

Жанна Артамонова

Рец. на: О.Л. Лейбович. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017. 317 с.*

Janna Artamonova

(Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

Rec. ad op.: O.L. Leibovich. Okhota na krasnogo direktora. Perm, 2017

Новое исследование известного пермского историка О.Л. Лейбовича посвящено событиям, хорошо известным в научной литературе¹. Первый Московский открытый процесс (август 1936 г.) стал началом массовой кампании по искоренению «троцкистско-зиновьевского подполья», которая коснулась директоров многих крупных предприятий. Несмотря на резкое обострение политической обстановки, наркому тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе удалось защитить их и приостановить репрессии в своём ведомстве. Однако его заступничество лишь на время, до января 1937 г., отсрочило готовящиеся аресты.

В связи с рассекречиванием в последние десятилетия крупных комплексов архивных документов возможность и необходимость изучения этой темы стали очевидны, тем более что до сих пор она не становилась предметом специального исследования, а представления о событиях тех лет остаются довольно поверхностными. Поэтому выход рассматриваемой монографии можно только приветствовать. Стоит отметить и то, что сё автор хорошо известен в научном

сообществе своими глубокими, оригинальными и даже новаторскими исследованиями. В сферу его научных интересов входят повседневная жизнь российской провинции в 1930–1950-х гг., ментальные структуры и межличностные отношения. Много сделано Лейбовичем и в теоретическом осмыслении этих проблем, разработке методов работы с источниками и подходящего концептуального аппарата.

Замысел новой книги складывался постепенно, в ходе многолетней работы автора и его коллег с фондами Пермского государственного архива новейшей истории. Комплекс использованных материалов включает переписку участников событий, правленные и неправленные стенограммы партийных собраний, доносы, воспоминания, архивно-следственные дела и протоколы допросов. Но исследования Лейбовича выгодно отличает не только глубокая фундированность, но и обстоятельный источниковедческий анализ. Дотошно, с мельчайшими подробностями автор изучает историю создания документов, оценивает достоверность

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00243.

содержащейся в них информации, анализирует методы составления протоколов допросов и доносов. Большое внимание уделяется и их «языку», называемому некоторыми исследователями «языком террора». Лейбович анализирует особенности этого языка — формулировки, речевые обороты, фразеологические штампы.

Обращает на себя внимание способ изложения материала — обильное цитирование источников. Автор объясняет его так: «Перевод аутентичных высказываний участников событий и даже официальных документов на академический язык... привел бы к существенным потерям смысла» (с. 15). Как результат, в монографии именно через комплекс свидетельств современников, подчас противоречащих друг другу, воссоздается нарратив эпохи. В целом же обширный документальный базис, колоссальная источниковедческая работа и оригинальная манера повествования не просто облегчают чтение книги, а способствуют более глубокому пониманию описываемых в ней событий.

Главный герой исследования — директор Пермского мотостроительного завода № 19 И.И. Побережский. Инженер по образованию и незаурядная личность с амбициозным и независимым характером, он сделал стремительную карьеру: был первым директором Центрального института авиамоторостроения, а в 1934 г., 37 лет от роду, занял престижное место начальника крупного оборонного предприятия. Побережский пользовался заслуженной репутацией сильного хозяйственника: «Был человеком надменным, коммунистом беспощадным, единоначальником жёстким и волевым, не терпевшим прекословия» (с. 27). А будучи близок к руководству страны благодаря дружбе с руководителями Наркомата тяжёлой промышленности (НКТП) СССР Г.К. Орджоникидзе и М.М. Кагановичем, мог напрямую докладывать им о нуждах производства, благодаря чему обладал обширной автономией по отношению к региональным властям.

Во введении к книге автор указывает, что это не биографическое исследование. Основная задача — через призму судеб отдельных людей, вовлечённых в эти драматические события, анализируя выбранные ими стратегии поведения, показать этапы зарождения и эскалации конфликта между

директором завода, местным партийным руководством и управлением НКВД. Причём этот конфликт рассматривается не как цепь случайных событий, а как единый процесс, изучение которого позволяет «увидеть изнутри технологию Большого террора, бросить свет на её ментальные составляющие» (с. 6).

Подобный подход, безусловно, расширяет исследовательское поле. Именно поэтому Побережский — лишь «один из персонажей книги среди множества других: партийных работников, сотрудников НКВД, инженеров» (с. 6). Каждой из этих групп уделяется отдельное внимание как в первой главе монографии, «Действующие лица», так и в последующих. При этом информация об участниках конфликта не сводится к простым биографическим справкам. Автор анализирует стратегию их поведения и мотивы действий, ищет объяснение их поступкам. Убедительно доказывается, что, несмотря на разницу биографий и характеров, всеми ими, в конечном счёте, двигали амбиции, обиды, жажда мщения и страх, прикрываемые государственными заданиями или партийными директивами: «Все участники этой истории делают, что должны делать. Директор завода организует производство авиамоторов для боевых самолётов... отодвигая плечом тех, кто стоит на его пути. Секретарь горкома проводит партийную линию в соответствии с директивами ЦК... Чекист... разоблачает скрытых врагов народа. И все они привносят в свою работу самые сильные чувства — страх за себя, ненависть к соперникам, великое честолюбие» (с. 312).

Особое внимание автор уделяет заводу № 19, который усилиями Побережского презентовался как одно из самых современных предприятий страны и «культурный оазис» в Перми. Руководство СССР публично отмечало его достижения — своевременное выполнение и перевыполнение планов, соблюдение технологической дисциплины, образцовую организацию труда. На деле за фасадом этого благополучия скрывались административная неразбериха, нехватка производственных площадей, технологическая отсталость, дефицит подготовленных кадров, отсутствие транспортной сети, водоснабжения, канализации, медицинского обслуживания... Руководство завода не

имело «никакого представления о связи между условиями быта и трудовыми достижениями» (с. 99). Проведённый Лейбовичем анализ кадрового состава работников указывает на существование в общей массе двух «условных полюсов» – пролетарского (неквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие) и элитарного (рабочие с «опытом, знаниями, высоким статусом», в основном из Москвы, живущие в «особой колонии» и пользующиеся различными благами) (с. 90–91). Социальная поляризация и «барачный быт» (с. 99), по справедливому утверждению автора, формировали у них соответствующие образ жизни и отношение к труду, приводили к неизбежному недовольству и скрытому протесту (прогулы, нарушение дисциплины, отсутствие инициативы и т.д.) (с. 99).

История «преследования и травли» Побережского рассматривается на протяжении следующих пяти глав книги. Она началась в декабре 1934 г. с неудачного выступления главного металлурга и некоторых молодых инженеров на одном из партийных собраний, посвященных убийству С.М. Кирова, что повлекло за собой «чистку» на заводе. Лейбович умело показывает, какими путями и методами группа специалистов была превращена в «троцкистскую группировку», якобы прикрываемую и возглавляемую директором. Для этого он использует термин «криминализация повседневности» (с. 279), когда случайные встречи, беседы и собрания получают негативную политическую окраску.

Ситуация усугубилась в августе 1936 г. По мнению автора, именно тогда, на фоне накаляющейся в стране обстановки, служебный конфликт перерос в политический. Секретарь горкома партии, заручившись поддержкой обкома при участии управления НКВД, перешёл к решительным действиям против Побережского. Кульминация конфликта пришлась на 25 декабря того же года, когда Сталин отправил секретарю горкома телеграмму с требованием прекратить «преследование и травлю» директора. Анализ этого документа уделяется большое внимание: «Отправлена она шифрограммой, что по установленному порядку означало высшую степень секретности... её нужно было вернуть обратно в ЦК, а с содержанием знакомить по очень короткому списку

лиц», но «директор завода, а с ним и парторг ЦК, распорядились этим документом... как передовой статьёй газеты “Правда”» (с. 227). Её зачитывали на собраниях и неоднократно демонстрировали недоброжелателям, используя как своеобразную «охранную грамоту». Ободрённый поддержкой центра, Побережский повёл контрнаступление: «В первые месяцы 1937 г. мужчины, сгрудившиеся за спиной красного директора, одержали верх над такими же мужчинами, сделавшими ставку на партийного секретаря. Только победители вышли из боя двойниками поверженных» (с. 250).

Пытаясь выяснить смысл этого «несвоевременного» документа, Лейбович пришёл к выводу, что его «можно рассматривать как политический жест, рассчитанный и на сегодня, и на завтра. В нём проявляется апробированный уже не раз политический стиль: при проведении жёсткой политической линии держать дистанцию, сохранять для себя свободу маневра, возможность занять критическую позицию» (с. 232). В этой связи, видимо, неудивительно, что телеграмма Сталина лишь отсрочила готовящиеся аресты. «Дело завода № 19» продолжало разрабатываться в недрах НКВД и, в конце концов, 4 марта 1938 г. Побережский был арестован, а 29 июля того же года – расстрелян. Жертвами террора стали также заместитель директора, главные инженеры, начальники цехов, конструкторы... Впрочем, в его жернова угодило и местное партийное руководство.

Последствия репрессий против Побережского и в целом против руководителей крупных предприятий – отдельная тема размышлений автора. Лейбович справедливо утверждает, что «советский директорский корпус был выстроен по артельному, или клановому, принципу» (с. 259). Поэтому огромное значение для нормальной работы заводов играли сложившиеся к середине 1930-х гг. неформальные связи – как между директорами заводов и партработниками (горизонтальный уровень), так и с аппаратом НКТП во главе с Орджоникидзе (вертикальный уровень). Во время Большого террора все эти коммуникации были разрушены.

Исследуя природу конфликта между производственниками и партаппаратом, историк пришёл к обоснованному выводу,

что в его основе лежало противостояние двух способов интерпретации действительности. Директор видел свой долг в выполнении производственных планов. Делом его жизни был завод, специалистов он оценивал и призывал других оценивать их исключительно по деловым критериям, а защищался ссылками на выполнение правительственных заданий и положительным образом предприятия («белые халаты рабочих... цветы в цеховых помещениях» (с. 71). Его противники видели свою главную задачу в ином — разоблачении сомнительных и неблагонадежных людей. Главным для них было «слово», которое значило «больше, чем дело» (с. 312). По мнению автора, в 1934—1937 гг., в ситуации «сползания к “большому террору”», шёл «процесс политической переоценки людей по иным — отнюдь не деловым критериям». Именно тогда «прежние социальные предохранители, ограждавшие номенклатурных работников высшего звена и ценных специалистов от уголовных репрессий», исчезли². Поэтому конфликты — как в высших эшелонах власти (самым известным из которых стал конфликт между Орджоникидзе и Сталиным), так и на нижних её этажах (как, например, в Перми) — оказались неизбежны.

Пытаясь придать новый смысл привычным понятиям, Лейбович не боится делать и подчас неожиданные заявления. Во введении к книге читаем: «Вряд ли охоту на Побережского можно считать типичной. Сам он из сообщества “красных директоров” выделялся высшим инженерным образованием, большим кругозором и незаурядными организаторскими способностями... Исключительным явлением для 1936—1938 гг. стала телеграмма И.В. Сталина» (с. 6). Слова «нетипичная» и «исключительная» здесь ключевые. Для автора уникальность ситуации в том, что «охота» на Побережского была инициирована не центром, а местной властью. Поэтому и общеполитический контекст, неоднократно упоминаемый в книге, остаётся, на мой взгляд, размытым. Подчеркнём, автор не исключает его из своего внимания, но и не концентрируется на нём.

Что же происходило в августе 1936 г.? За две недели до начала процесса в «Правде» появились заметки о разоблачениях местными парторганизациями «затаившихся

врагов». Появление в печати подобного материала, равно как и выбор объекта критики, никогда не были случайными и всегда определялись ЦК. На этот раз таким объектом стал директор Криворожского металлургического комбината Я.И. Весник. Кампания, инициированная газетой, вызвала переполох в Днепропетровской области. ЦК КП(б)У, обком и Криворожский горком приняли постановления об исключении Весника из партии и направили их в ЦК. Далее дело развивалось по хорошо знакомому сценарию. Обсуждение вопроса в Москве проходило непросто. На этот раз Сталин столкнулся с противодействием со стороны Орджоникидзе и, уступая последнему, приостановил репрессии. Наркому удалось отстоять Весника (и других директоров). 31 августа компромисс, пусть и условный, был достигнут, приняты соответствующие постановления ЦК. Одно из них, в частности, запрещало местным парторганизациям самостоятельно, «без ведома и согласия ЦК», снимать с работы и исключать из партии номенклатурных работников, «и в особенности директоров предприятий»³. Таким образом, гонения не запрещались, а лишь централизовались, вектор политики же не изменился. В январе 1937 г. состоялся второй Московский процесс, который фактически стал судом над НКТП. За процессом последовала кадровая чистка наркоматов, учреждений, заводов и предприятий и в первую очередь под удар попал практически весь директорский корпус⁴. Вся эта информация в монографии Лейбовича отсутствует. Представлена она только упоминаниями об общеполитическом контексте и одной сноской с краткой информацией о Московском процессе (с. 169).

Стоит сказать и вот ещё о чём. Составители сборника статей «“Включён в операцию”. Массовый террор в Прикамье в 1937—1938 гг.», ответственным редактором которого является Лейбович, упомянули известную специалистам дискуссию о роли и взаимоотношениях центра и периферии во время Большого террора. По их мнению, историки, работающие с документами федеральных архивов, смотрят на террор сверху вниз, как бы с «капитанского мостика». При таком взгляде можно «учитывать оттенки мнений в высшем руководстве, вскрывать процедуры бюрократических согласований,

обнаружить инициаторов тех или иных оперативных акций», но не увидеть того, что «происходило в районных и городских отделах НКВД»⁵. С этим, конечно же, трудно не согласиться. Но, отметим применительно к рассматриваемой монографии, в случае с Побережским взглядом только с «подводной лодки» (т.е. из местных архивов) автору оказалось явно недостаточно. В результате картина событий исказилась — местные репрессивные практики и указания, исходящие от руководства страны, существуют в книге отдельно друг от друга.

Между тем документы федеральных архивов наглядно показывают, что кампания по дискредитации и уничтожению директорского корпуса была инициирована и определена центром. «Охота» на Весника ничем не отличалась от кампании против пермского директора (и биографии их, между прочим, также похожи). Подобное происходило и на других заводах. Начало, неожиданная развязка и вполне ожидаемый финал этих историй повторяли друг друга. Их участники вели себя одинаково — писали письма и доносы в высшие инстанции. В атмосфере страха и подозрительности обострились обиды, служебные конфликты и ведомственные амбиции. Но не они, подчеркнём, были причиной травли и гибели директоров. Публикации в «Правде» в августе 1936 г. дали зелёный свет гонениям на директорский корпус, через них транслировалось на места, что так можно и нужно поступать. Хотя о Побережском в «Правде» не писали и указания ЦК о нём не обнаружены, но именно последние, а не ведомственные амбиции пермских секретарей, «разрешили» на него «охоту». Таким образом, случай в Перми не был уникальным. Кампания против Побережского проводилась по единому алгоритму с сотнями других ей подобных.

В заключении работы автор пишет об изучаемом конфликте как о столкновении двух культур — американской и большевистской: «Американцы времён Гувера на вопрос, что стоит этот человек, называли величину его банковского счёта либо... годовой доход. Побережский... оценил бы человека, по всей вероятности, в количестве моторов для советских истребителей. Дело... было важнее всего» (с. 313–314). Директор

завода, подытоживает Лейбович, стал «чужаком» для общества, в котором «большевистская культура» «была более органичной для людей, переживших социальную катастрофу и не способных в виду закреплённости мысли её в какой-то мере осмыслить» (с. 314). Эти умозаключения появляются в самом конце книги, никак не вытекая из ранее представленного материала, поэтому производят впечатление категоричных и недостаточно обоснованных и оставляют после себя многочисленные вопросы. На мой взгляд, подобные обобщения требуют более серьёзной аргументации на основании специальных исследований.

Тем не менее отмеченные спорные моменты несколько не умаляют значения проделанной работы. Они, скорее, указывают на необходимость дальнейших исследований и продолжения дискуссий по теме. Сама же монография заслуживает внимания как специалистов, так и любителей истории. Репрезентативный документальный корпус, взвешенность оценок, глубина обобщающих идей, чувство стиля и прекрасный литературный язык — всё это вызывает большое уважение. Реконструируя хронику «преследования и травли» Побережского, Лейбович выходит за рамки простой систематизации фактов и пересказа документов. Его исследование выявляет важные черты времени, даёт богатую информацию о месте репрессий против директорского корпуса в общей карательной политике Сталина, о технологической составляющей и итогах Большого террора.

Примечания

¹ См., например: *Хлевнюк О.В.* Сталин и Орджоникидзе: Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 61–65; *Хлевнюк О.В.* Хозлин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 272–275; и др.

² *Лейбович О.Л.* «Парторганизацию завода им. Сталина охватил психоз...» // Новое литературное обозрение. 2012. № 4.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, л. 980, л. 75.

⁴ Более подробно об этом см.: *Артамонова Ж.В.* «ЦК ВКП(б) может иногда ошибаться...» // Родина. 2017. № 6. С. 122–126.

⁵ «Включён в операцию»: Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009. С. 12–13.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» В 2017 г.

Диалог о книге

«Воспоминания» и «Земские соборы» Л. В. Черепнина. № 3.

- Тихонов В.В. — Л.В. Черепнин в зеркале своих мемуаров.
Уваров П.Ю. — «Берём на себя ответственность!»: Русский медиевист и институты представительства.
Мироненко С.В. — Воспоминания уникальны и неповторимы.
Синицына Н.В. — Я вспоминаю...
Никитин Н.И. — Оставаться — вопреки всем жизненным невзгодам — настоящим учёным и Человеком.

М. Дэвид-Фокс. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1924 годы. № 3.

- Нагорная О.С. (Челябинск) — Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома».
Мухаматулин Т.А. — Две стороны советской витрины.
Голубев А.В. — Между пропагандой и реальностью.
Невежин В.А. — Утомлённый ВОКСом.
Чернопёров В.Л., Усманов С.М. (оба — Иваново) — Бумеранг «культпоказов»?

В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. Война, породившая революцию. № 5.

- Колоницкий Б.И. (Санкт-Петербург) — Многоликий патернализм.
Розенберг У (США) — Трагедия конкурирующих невозможностей.
Гайда Ф.А. — Обратная сторона русского мессианства.
Войтиков С.С. — Империя в системном кризисе.
Аксёнов В.Б. — Эмоции как фактор революции.

К столетию революции 1917 года

- Петров Ю.А. — Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. № 2.

- Аксёнов В.Б. — Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. № 2.

- Шелухаев В.В. — Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи). № 2.

- Иванов А.А. (Санкт-Петербург) — «Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. № 2.

- Гордеев П.Н. (Санкт-Петербург) — Комисариат Временного правительства над бывшим Министерством двора. № 2.

- Филиппова Т.А. — Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции. № 2.

- Тихонов В.В. — Революции 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи. № 2.

Революция на местах

- Сапон В.П. (Нижний Новгород) — Нижегородская либеральная оппозиция накануне Февральской революции 1917 г. № 5.

- Фельдман М.А. (Екатеринбург) — Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции. № 5.

- Кружинов В.М., Сокова З.Н. (оба — Тюмень) — Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г. № 5.

Статьи

- Абрамова Н.Г., Черникова Н.В. — В.И. Бovyкин и его место в историографии. К 90-летию со дня рождения учёного. № 6.

- Агапов В.Л. (Владивосток) — Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г. № 2.

- Аманжолова Д.А. — Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 г. в Средней Азии. № 1.

- Артёмов Е.Т.** (Екатеринбург) – Советский атомный проект: слагаемые успеха. № 6.
- Базаров Б.В.** (Улан-Удэ) – Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. № 1.
- Барсенков А.С.** – Внешняя политика России в 1990-е годы: адаптация к новым условиям. № 4.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург) – «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. № 5.
- Башнин Н.В., Корзинин А.Л.** (Санкт-Петербург) – Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова. № 2.
- Беккин Р.И.** – Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда–Ленинграда. № 1.
- Белокуров Е.В.** (Санкт-Петербург) – К истории столыпинской модернизации: реформа продовольственного дела (1909–1917 гг.). № 4.
- Будницкий О.В.** – Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015). № 3.
- Вандалковская М.Г.** – Хранитель русской культуры Никита Алексеевич Струве. № 6.
- Гвозденко К.С., Горский А.А.** – О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси. № 6.
- Гребенщикова Г.А.** (Санкт-Петербург) – Афонское сражение в свете новых архивных документов. № 6.
- Гузакова М.В.** (Вологда) – «Торговые обязательства» в переписке купцов Булдаковых. № 4.
- Ерусалимский К.Ю.** – Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики. № 1.
- Зорин А.В.** (Киров) – США и советско-чехословацкий договор 1943 г. № 4.
- Иванова Г.М.** – «Антикультурные» кампании 1956 г. в школьном образовании. № 5.
- Избасарова Г.Б.** – Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. № 1.
- Карпенкина Я.В.** – Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг. № 5.
- Кирсанов Р.Г.** – Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР. № 1.
- Козляков В.Н.** (Рязань) – «За царскую честь война весть»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. № 1.
- Колчинский Э.И., Шалимов С.В.** (оба – Санкт-Петербург) – «Оттепель» и генетика: из истории публикации первого отечественного учебника по генетике. № 4.
- Крестьянников Е.А.** (Тюмень) – В. А. Арцимович в Сибири. № 1.
- Кучкин В.А.** – Переяславль и Переяславское княжество в X – первой трети XIII в. № 4.
- Ларина Я.И.** – «Кто тогда не рассуждал?» Розыскное дело Генриха Фика и междоуарствие 1730 г. № 3.
- Лизунов П.В.** (Архангельск) – Крах петербургского Российского торгового и комиссионного банка: причины и последствия. № 6.
- Лисейцев Д.В.** – Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти). № 4.
- Литвинов В.П.** (Елец) – Государство и папомничества мусульман в Туркестане. № 1.
- Магарамов Ш.А.** (Махачкала) – Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I. № 1.
- Маджун Д.С.** (Республика Кыргызстан) – Социально-экономическое положение киргизов и дунган Семиречья накануне восстания 1916 г. № 1.
- Майоров А.В.** (Санкт-Петербург) – Из истории открытия Ипатьевской летописи. № 6.
- Мамонов А.В.** – Правящая бюрократия и высшее образование в России в середине 1870-х гг. № 6.
- Мелентьев Ф.И.** – Россия в лекциях для наследников престола (1860-е гг.). № 5.

- Мельникова Н.В.** (Екатеринбург) — Женская занятость в советском атомном проекте. № 6.
- Морохин А.В.** (Нижний Новгород) — Обстоятельства смерти патриарха Филарета Никитича. № 3.
- Мустафин А.Р.** — «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII в. № 2.
- Назаренко К.Б.** (Санкт-Петербург) — Русские морские офицеры в 1917—1921 гг. № 6.
- Невежин В.А.** — Дипломатические приёмы И. В. Сталина 1941—1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня. № 2.
- Никитин Н.И.** — Международные отношения в XVI — начале XX в. и Россия. № 3.
- Никонов С.А.** (Мурманск) — Социальная организация монастырского новоземельского промысла в XVII — начале XVIII в. № 5.
- Новиков М.В.** (Ярославль) — Советская военная помощь Испанской республике в 1936—1939 гг. в интерпретации англо-американских исследователей. № 4.
- Новохатко О.В.** — Очерки историографии частной корреспонденции XVII в. № 2.
- Омельяничук И.В.** (Владимир) — Провинциальная контрреволюция: Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905—1917 гг. № 2.
- Павлов А.П.** (Санкт-Петербург) — Сыские приказы времени царствования Михаила Романова. № 3.
- Панасюк В.В.** — Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии). № 1.
- Перхавко В.Б.** — Общественное мнение и законодательство об историко-культурном наследии России (XX — начало XXI в.). № 3.
- Прокопьев А.Ю.** (Санкт-Петербург) — 1725 год и опыт мемориальных изданий в Российской империи. № 3.
- Пушкарёва И.М., Пушкарёва Н.Л.** — Женское движение в общественно-политической жизни России 1914—1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии). № 5.
- Пянкевич В.Л.** (Санкт-Петербург) — Власть и рынок в блокадном Ленинграде. № 6.
- Рибер А. Дж.** (Венгрия; США) — Военные цели Сталина. № 4.
- Роднов М.И.** (Уфа) — Дворовые люди Уфимского уезда в реформе 1861 г. № 3.
- Селезнев Ф.А.** (Нижний Новгород) — Поездка П.Н. Милюкова по Западной Европе в июле—сентябре 1916 г. и её политические последствия. № 3.
- Селиванов И.Н.** (Курск) — Анастас Микоян и «сентябрьские события» 1956 г. в Северной Корее. № 2.
- Сидорова Л.А.** — «Эффект Матфея» в советской исторической науке 1920—1930-х гг. № 4.
- Соловьёв К.А.** — В. В. Шелохаеву 75 лет: историографические заметки. № 1.
- Стефанович П.С.** — История полюдья в средневековой Руси (X—XVI вв.). № 6.
- Суряев В.Н.** (Республика Беларусь) — Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны. № 6.
- Твердюкова Е.Д.** (Санкт-Петербург) — Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х — 1980-е гг.). № 1.
- Тот Ю.В.** (Санкт-Петербург) — Сенатор Ф. П. Ключарёв и его записка «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления». № 1.
- Усачев А.С.** — Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? № 5.
- Филитов А.М.** — История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна». № 4.
- Хормач И.А.** — «Международный терроризм», Лига Наций и позиция СССР в 1934—1938 гг. № 1.
- Христофоров В.С.** — «В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву» (по материалам ЦА ФСБ России). № 4.
- Шевченко П.В.** — Г.В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг. № 6.
- Щелкунов А.А.** (Украина) — От жалобы к освобождению: органы прокуратуры

и НКВД в реабилитации 1939–1941 гг. № 3.

Юдин С.С. – Драгомировская дивизия перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. № 6.

Обзоры и рецензии

Агеева О.Г. – Романовы в дороге: Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сборник статей. № 4.

Амосова А.А., Котов А.Э. (оба – Санкт-Петербург) – Петербургский университет в период реформ и революций. № 6.

Андреев Д.А. – Б.В. Никольский. Дневник. 1896–1918. Т. 1–2. № 6.

Андреев Д.А. – В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1865–1904); В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1915–1917). Т. 3. № 5.

Артамонова Ж.В. – О.Л. Лейбович. Охота на красного директора. № 6.

Белуосова О.В. – Д.М. Софьин. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. № 5.

Беляева В.Н., Морохин А.В. (оба – Нижний Новгород) – А.В. Беляков. Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5; Приправочный список с дзорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. № 1.

Беляков А.В. – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572. № 5.

Войтиков С.С. – Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1. № 1.

Волобуев О.В. – Аксаковы: семейная энциклопедия. № 5.

Воробьев А.В. – Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра русистики. № 4.

Ганин А.В. – Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918–3 января 1920 г.). Сборник документов. Т. 1–2. № 4.

Гордеев П.Н. (Санкт-Петербург) – Особенности юбилейного издания: Сборник протоколов и постановлений Кронштадтского совета 1917 г. № 5.

Дитяткин Д.Г., Тихонов В.В. – С.В. Соколов. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей Раннего Нового времени. № 2.

Иванов А.Е. – Е.А. Ростовцев. Столичный университет Российской империи. Учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). № 6.

Кондратьев С.В. (Тюмень) – P. Dukes. A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. № 1.

Куприянов П.С., Мухаматулин Т.А. – «Два полюса Европы» в Институте российской истории. № 2.

Мамонов А.В. – Мемуары профессора по реформенного времени. № 5.

Марней Л.П., Носов Б.В. – С.Л. Чернов. Casus Владимира Печерина. № 4.

Махалова И.А. – Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе. № 5.

Минаков А.С. (Орёл); **Андреев Д.А.; Мамонов А.В.** – Н.Н. Покровский. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. № 4.

Нагорная О.С. (Челябинск) – А.В. Голубев, В.А. Невежин. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии (1920-е – первая половина 1940-х гг.). № 3.

Невежин В.А. – Е.М. Примаков: наследие учёного и политика. № 3.

Новохатко О.В. – Забава как серьёзная вещь, или Зачем царю Алексею Михайловичу понадобился театр. № 4.

Раздорский А.И. (Санкт-Петербург) – Л.Ф. Писарькова. Губернские учёные архивные комиссии. 1884–1923 гг.: Аннотированный указатель содержания изданий. № 2.

Ратушняк О.В. (Краснодар) – Е.Н. Наземцева. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае

в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). № 4.

Соловьёв К.А. – И.С. Розенталь, Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. № 2.

Стефанович П.С. – Д. Домбровский. Генезис Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). № 3.

Сухова Н.Ю. – А.Е. Иванов. Учёное достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. № 6.

Ульянова Г.Н. – Т.В. Юденкова. Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX в. № 1.

Филиппова Т.А. – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). № 6.

Фокин А.А. (Челябинск) – В.А. Бердинских, В.И. Меньковский. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. № 5.

Ченцова В.Г. (Франция) – Nicolae Milescu Spătarul. Dicționarul greco-slavo-româno-latin (secolul al XVII-lea) / Греческо-славянско-румынско-латинский словарь (XVII век) / Greek-Slavonic-Romanian-Latin dictionary (17th century). № 1.

Чернов К.С. – Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: в 3 т. Т. 1. № 3.

Pro memoria

Л. Г. Захарова (1933–2017). № 3.

Ю. Г. Алексеев (1926–2017). № 5.

Наши авторы

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Артамонова Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Артёмов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гвозденко Кира Сергеевна, сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гребенщикова Галина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Котов Александр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Лизунов Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

Майоров Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Санкт-Петербургского государственного университета

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Мельникова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Назаренко Кирилл Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пянкевич Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Стефанович Пётр Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Суряев Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Вооружённых сил Республики Беларусь, докторант Института российской истории РАН

Сухова Наталия Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН

Черникова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Шевченко Полина Васильевна, аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Юдин Станислав Сергеевич, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ассистент кафедры истории России и права Московского технологического университета

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

<i>П. С. Стефанович</i> История полоудья в средневековой Руси (X–XVI вв.)	3
<i>К. С. Гвозденко, А. А. Горский</i> О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси	14
<i>А. В. Мамонов</i> Правящая бюрократия и высшее образование в России в середине 1870-х гг.	24
<i>В. Л. Пянкевич</i> Власть и рынок в блокадном Ленинграде	52

Институты и общности

<i>П. В. Лизунов</i> Крах петербургского Российского торгового и комиссионного банка: причины и последствия	67
---	----

Военная история России

<i>Г. А. Гребенщикова</i> Афонское сражение в свете новых архивных документов	83
<i>П. В. Шевченко</i> Г. В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг.	94
<i>С. С. Юдин</i> Драгомировская дивизия перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.	106
<i>В. Н. Суряев</i> Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны	114
<i>К. Б. Назаренко</i> Русские морские офицеры в 1917–1921 гг.	129

75 лет атомному проекту СССР

<i>Е. Т. Артёмов</i> Советский атомный проект: слагаемые успеха	138
<i>Н. В. Мельникова</i> Женская занятость в советском атомном проекте	155

Профессия и сообщество

<i>А. В. Майоров</i> Из истории открытия Ипатьевской летописи	166
<i>М. Г. Вандалковская</i> Хранитель русской культуры Никита Алексеевич Струве	184

Обзоры и рецензии

<i>Т. А. Филиппова</i> – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.).....	204
<i>Н. Ю. Сухова</i> – А. Е. Иванов. Учёное достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы.....	209
<i>А. Е. Иванов</i> – Е. А. Ростовцев. Столичный университет Российской империи. Учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.).....	211
<i>А. А. Амосова, А. Э. Котов</i> – Петербургский университет в период реформ и революций.....	215
<i>Д. А. Андреев</i> – Б. В. Никольский. Дневник. 1896–1918. Т. 1–2.....	219
<i>Ж. В. Артамонова</i> – О. Л. Лейбович. Охота на красного директора.....	224
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2017 г.	229
Наши авторы.....	234

CONTENTS

History of power

P. S. Stefanovich (National Research University Higher School of Economics, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The history of *poliud'e* in medieval Rus' from the 10th through the 16th centuries..... 3

K. S. Gvozdenko (Moscow Kremlin Museums, Russia), A. A. Gorskiy (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; Lomonosov Moscow State University, Russia)

On the order of inheritance of princely power in Ancient Rus. 14

A. V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The ruling bureaucracy and higher education in Russia in the mid-1870s..... 24

V. L. Piankevich (Saint Petersburg State University, Russia)

Power and market in besieged Leningrad 52

Institutes and communities

P. V. Lizunov (Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia)

Crash of Saint Petersburg Russian trade and commission bank: reasons and consequences..... 67

Military History of Russia

G. A. Grebenschikova (Saint Petersburg State Naval Technical University, Russia)

The battle of Afon according to new archival documents..... 83

P. V. Shevchenko (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Henri Jomini and reorganization of military education in Russia in the late 1820s..... 94

S. S. Yudin (Lomonosov Moscow State University; Moscow Technological University, Russia)

Dragomirov's division before the Russo-Turkish war of 1877–1878..... 106

V. N. Suryaev (The Research Institute of the Belarusian Armed Forces, Minsk; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War..... 114

K. B. Nazarenko (Saint Petersburg State University, Russia)

Russian naval officers in 1917–1921 129

75th anniversary of the Soviet nuclear project

E. T. Artemov (Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)

Soviet nuclear project: factors of success..... 138

N. V. Melnikova (Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)

Female employment in the Soviet nuclear project 155

Professional community

A. V. Maiorov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

From the history of the discovery of the Ipatiev Chronicle 166

M. G. Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Nikita Alekseevich Struve, a custodian of Russian culture..... 184

N. G. Abramova (Lomonosov Moscow State University, Russia), N. V. Chernikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

V. I. Bovykin and his place in historiography: to his 90th anniversary..... 192

Reviews

T.A. Filippova (Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Patriotism i natsionalizm kak factory rossiiskoy istorii (konets XVIII v.– 1991 g.)..... 204

Nataliia Sukhova (St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: A. E. Ivanov. Uchenoye dostoinstvo v Rossiyskoy imperii. XVIII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly 209

A. E. Ivanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: E. A. Rostovtsev. Stolichniy universitet Rossiyskoy imperii. Uchenoye sosloviye, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). 211

A.A. Amosova, A.E. Kotov (both – Saint Petersburg State University, Russia)

Saint Petersburg University in the period of reforms and revolutions 215

D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: B. V. Nikolsky. Dnevnik. 1896–1918. Vol. 1–2..... 219

J. V. Artamonova (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

Rec. ad op.: O. L. Leibovich. Okhota na krasnogo direktora 224

Index of materials published in the journal in 2017..... 229

Contributors to this issue..... 234

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.	–	Отдел Новейшей истории
Круглов В.Н., к.и.н.	–	Отдел Новой истории
Мамонов А.В., к.и.н.	–	Отдел Древней и Средневековой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	–	Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Христофоров И.А., д.и.н.	–	Заведующая редакцией
Мамонова Е.В.	–	Литературный редактор
Шамина И.Н., к.и.н.	–	Младший редактор
Мац А.Г.	–	

Сдано в набор 04.08.2017 Подписано в печать 10.10.2017 Дата выхода в свет 23.11.2017 Формат 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная Усл.печ.л. 19.5 Усл.кр.-отт. 12.7 тыс. Уч.-изд.л. 27.0 Бум.л. 7,5
Тираж 644 экз. Зак. 1677 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 8-499-723-69-10
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099 Москва, Шубинский пер., 6